

Материалы
Всероссийской научной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения
первого якутского ученого-лингвиста С.А. Новгородова

ИГИ и ПМНС СО РАН

С.А. НОВГОРДОВ

и проблемы письменности народов России

Якутск · 2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

**С.А. НОВГОРДОВ
И ПРОБЛЕМЫ ПИСЬМЕННОСТИ
НАРОДОВ РОССИИ**

Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения
первого якутского ученого-лингвиста С.А. Новгородова

Якутск 2017

УДК 81'1(=1.[470+571])(063)
ББК 81(2Рос)я43

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук *Н.И. Данилова*
кандидат филологических наук *Н.И. Попова*
кандидат филологических наук *А.С. Акимова*
кандидат филологических наук *Е.М. Самсонова*

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Л.М. Готовцева*
кандидат филологических наук *Е.М. Ефремова*
кандидат филологических наук *И.Н. Сорова*

Утверждено Ученым советом Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

С. А. Новгородов и проблемы письменности народов России:
Н72 [Электронный ресурс] : материалы Всероссийской научной конферен-
ции, посвященной 125-летию со дня рождения первого якутского учено-
го-лингвиста С.А. Новгородова / Рос. акад. наук, Сиб. отд., Ин-т гумани-
тар. исслед. и проблем малочислен. народов Севера ; [редкол.: Н. И. Да-
нилова, Н. И. Попова, А. С. Акимова, Е. М. Самсонова]. – Электрон.
текстов. дан. – Якутск : ИГИиПМНС СО РАН, 2017. – 215 с.

Режим доступа: <http://igi.yasn.ru/files/publicasii/Novgorodov.pdf>

Агентство СІР НБР Саха

УДК 81'1(=1.[470+571])(063)
ББК 81(2Рос)я43

Сборник составлен из материалов Всероссийской научной конференции «Письменность в контексте цивилизационной парадигмы», посвященной 125-летию со дня рождения первого якутского ученого-лингвиста, научно-педагогического и общественно-политического деятеля Якутии Семена Андреевича Новгородова. Материал сборника охватывает важнейшие аспекты проблем письменных языков, литератур, вопросы письменной фиксации фольклорного наследия в контексте социального и культурного развития народов России.

Издание адресовано широкому кругу специалистов по филологическим и историческим дисциплинам.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
С.А. НОВГОРОДОВ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ НАРОДА САХА	
<i>Слепцов П.А.</i> Историко-культурные и теоретические основы письменности С.А. Новгородова	8
<i>Филиппов Г.Г.</i> С.А. Новгородов омук оскуолатын тэрийии туһунан	13
<i>Оконешников Е.И.</i> Лексикографическая деятельность С.А. Новгородова	20
<i>Алексеев И.Е., Сорова И.Н.</i> С.А. Новгородов уонна сахалыы сурук-бичик туруга	26
<i>Илларионов В.В., Илларионова Т.В.</i> Лингвист С.А. Новгородов как фольклорист	30
<i>Борисова Ю.М.</i> Фонетическая теория С.А. Новгородова – основа для оригинальной фиксации слов-терминов языка саха	34
ЯЗЫКИ И ПИСЬМЕННОСТЬ НАРОДОВ РОССИИ: НОРМА И ИННОВАЦИИ	
<i>Бурыкин А.А.</i> Письменность и письменные языки как социальные и гуманитарные феномены: практика и теория	38
<i>Окладникова Е.А., Бурыкин А.А.</i> Пиктографическое письмо в ряду изобразительных практик: к проблеме качественных и функциональных границ между разными формами деятельности	46
<i>Петров А.А.</i> Великий Октябрь и создание письменностей на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России	50
<i>Дырхеева Г.А.</i> Проблема нормализации в малых языках: социолингвистический аспект (на примере бурятского языка)	52
<i>Селютин И.Я.</i> Орфографические системы тюркских языков сибирского региона: традиции и инновации	55
<i>Хусаинова Л.М.</i> Азбуки для башкир и алфавиты башкирского языка XIX – начала XX веков	59
<i>Тазранова А.Р.</i> Проблемы нормы в современном алтайском литературном языке	62
<i>Васильева Н.М.</i> Сахалыы таба суруйуу билинни туруга (хаһыат матырыйаалларынан)	68
<i>Николаев Е.Р.</i> К вопросу о правописании якутских имен собственных	71
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РОССИИ	
<i>Гоголев А.И.</i> Тюркское наследие ираноязычного этнонима «Saka»	74
<i>Данилова Н.И.</i> Возвратная глагольная форма в якутском языке и его говорах	79
<i>Чиркочева Д.И.</i> Саха тыла – үрдүк үөрэх таһымыгар	82
<i>Винокурова Н.И.</i> Якутский материал в книге Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария»	84
<i>Ушницкий В.В.</i> Неизвестная рукопись о былой принадлежности якутского языка к монгольским	90
<i>Васильев В.Е.</i> К этимологии терминов <i>тангара</i> и <i>тэгийл</i>	92
<i>Иванова Н.И.</i> Функционирование якутского языка в г. Якутске в цифрах и фактах: итоги социолингвистического исследования (2008-2014 гг.)	95
<i>Васильева Р.И.</i> Некоторые проблемы национально-языковой ситуации в Республике Саха (Якутия)	99
<i>Ишильдина Л.К.</i> Гидронимы в башкирских народных песнях	103

<i>Васильева Н.Н.</i> Утарыта суолталаах тыллар дьүөрэлэһиилэрэ	107
<i>Николаева А.М.</i> Об употреблении метафор в якутской разговорной речи	109
<i>Сивцева Н.А.</i> Глаголы бытия в текстах, переведенных С.А. Новгородовым	113
<i>Иванова И.Б.</i> Лексические средства выражения линейных мер	116
<i>Самсонова Е.М.</i> К вопросу об изучении категории предельности/непредельности глагола в якутском языке	119

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ XIX-го И XX-го ВЕКОВ В ОКРАИННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯКУТИИ)

<i>Ефремов Н.Н.</i> Создание первого якутского букваря: В.М. Ионов, Н.Е. Афанасьев, С.А. Новгородов (единение интеллектуалов)	123
<i>Винокурова Л.Е.</i> Деятельность С.А. Новгородова в государственных органах власти Якутии в 1920-е гг.	127
<i>Никитина С.Е.</i> Вклад С.А. Новгородова в образование и просвещение якутского народа ...	131
<i>Степанова Л.Б.</i> Интеллектуальное творчество и художественные практики: 1920-1930 гг. XX в.	134
<i>Ермолаев Т.С. М.К.</i> Аммосов и национальная региональная политика: история и современность	138
<i>Павлов А.А.</i> Якутское реальное училище: попечители и меценаты	143
<i>Попова Л.С.</i> Вклад сельского священника отца Димитриана и художника Ивана Васильевича Поповых в дело школьного образования и культуры народа саха	146

ФОЛЬКЛОРНЫЕ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФИКСАЦИИ

<i>Шарина С.И.</i> Устная форма языка: к созданию аудиовизуального фонда эвенского языка ...	149
<i>Мухомлева С.Д.</i> Рукописи песен круговых танцев в записях А.А. Саввина: структурные и графические особенности	152
<i>Данилова А.Н.</i> «Төбөт Мэник» олонхону А.А. Саввин суруйуута	155
<i>Павлова Н.В.</i> Особенности фиксации якутских народных сказок в записях А.А. Саввина ...	158
<i>Оросина Н.А.</i> Рукопись олонхо М.Г. Сорова «Үөлэн Нүрүйэ»: особенности фиксации	161
<i>Романова Л.Н.</i> Письменность и зарождение якутской литературной традиции	164
<i>Мыреева А.Н.</i> Письменность и развитие жанров прозы в якутской литературе XX в.	168
<i>Кириллина М.А.</i> Языковые особенности первых драматургических текстов якутской литературы	171
<i>Самсонова Т.П.</i> Фольклорные сюжеты и мотивы в современной якутской малой прозе	173

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>Степанова Л.</i> Один из аспектов обрядовой терминологии чувашской свадьбы (на материале Бижбулякского района Республики Башкортостан)	180
<i>Трофимова А.</i> Веник в традиционных представлениях чувашей	182
<i>Васильев И.Ю., Кириллина К.Т.</i> Фоно-семантическая характеристика якутско-турецких лексических параллелей	183
<i>Скрябина А.А.</i> Эвфемизмы в речи современной молодежи (на материале якутского языка)	186

<i>Харайданова С.А.</i> Переводческие соответствия послелогов с пространственным значением якутского языка в русском языке	188
<i>Аргунова М.В.</i> Саха уонна аангылыһа тылыгар сыһыат сорох уратылары	191
<i>Захарова А.М.</i> Сравнительные конструкции в описании богатыря в героическом эпосе П.А. Ойунского «Дьулуруйар Ньургун Боотур» (в сравнении с алтайским эпосом «Маадай Кара»)	194
<i>Матвеева Н.А.</i> «Дьулуруйар Ньургун Боотур» олонхоҕо анал аат үөскээһинэ	198
<i>Портнягина Л.В.</i> Сложноподчиненные предложения причины в функциональных стилях ..	200
<i>Сидорова Т.А.</i> Образные глаголы движения якутского языка: в сопоставлении с монгольским языком	202
<i>Турантаева Н.В.</i> Саха уонна монгуол тылыгар эбиискэ	204
<i>Федорова Н.</i> Николай Якутскай «Аран уонна таптал» романыгар ханыыласпыт тыллары туттуу (Саха тылын улахан быһаарыылаах тылдытын VII туомун ыстатыйаларынан)	209

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник научных статей сформирован на основе материалов Всероссийской научной конференции «Письменность в контексте цивилизационной парадигмы», посвященной 125-летию со дня рождения первого якутского ученого-лингвиста, научно-педагогического и общественно-политического деятеля Якутии Семена Андреевича Новгородова. Конференция была организована и проведена Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН при финансовой поддержке Министерства образования и науки РС(Я) 23–24 марта 2017 г. в г. Якутске.

С.А. Новгородов – выпускник Петроградского Института живых восточных языков. По его инициативе и на основе разработанной им транскрипции в 1917 г. в г. Якутске был издан первый якутский букварь «Сахалыы сурук-бичик», в 1923 году – букварь с хрестоматией «Сурук-бичик оҕо ааҕар кинигэтининн» (Москва-Петроград), открывший путь к распространению грамотности среди народа саха и положивший начало формированию якутского литературного языка.

Материал сборника охватывает важнейшие аспекты исследования проблем письменности в контексте развития языков, литератур, социальной истории народов России. Обширный раздел сборника составили статьи, отражающие современное осмысление роли С.А. Новгородова в становлении и развитии языка и культуры народа саха. Раздел предваряет статья академика АН РС(Я), д.филол.н. П.А. Слепцова, в которой автор обосновал историко-культурные предпосылки и теоретические основы письменности С.А. Новгородова. Большой научный интерес представляют статьи о его роли в становлении якутской национальной школы, в зарождении основ терминологии, лексикографии и фольклористики.

Раздел «Языки и письменность народов России: норма и инновации» включает статьи по теории и практике функционирования письменности и нормализации в языках народов России. В докладах и сообщениях были освещены вопросы теории письменного языка и графики, истории письменности на материале башкирского, бурятского, алтайского, якутского языков и языков малочисленных народов Севера.

Раздел «Национальные языки как основа сохранения и развития культурного многообразия России» объединяет статьи по вопросам лексики, грамматики и истории языков народов РС(Я), а также по их функционированию в современных условиях.

В рамках конференции был проведен Круглый стол «Национальная интеллигенция на переломе эпох: интеллектуалы, государство, власть», материалы которого составили отдельный раздел сборника, где освещается историческая роль первых якутских интеллигентов, в том числе С.А. Новгородова, а также видных политических деятелей Якутии, местных меценатов как выразителей национального сознания и исконных интересов народа.

Вопросы устной и письменной фиксации фольклорного и литературного материала на языках народов России объединены в самостоятельный раздел. Статьи, вошедшие в него, посвящены разработке проблем устной формы языка, письменной записи произведений устного народного творчества, взаимосвязи зарождения письменности и становления литературных традиций.

Отдельно представлены статьи молодых исследователей, посвященные вопросам грамматики, лексики, стилистики и сопоставительного изучения разноструктурных языков.

В заключение редколлегия считает важным отметить, что из поступивших 68 заявок для включения в сборник, исходя из актуальности, научного уровня, соответствия тематике и техническим требованиям, было отобрано 57 научных статей. Статьи публикуются в авторской редакции.

Редколлегия

С.А. НОВГОРОДОВ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ НАРОДА САХА

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПИСЬМЕННОСТИ С.А. НОВГОРОВОДА

П.А. Слепцов,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

В благодарной памяти якутского народа С.А. Новгородов остается и всегда останется, прежде всего, как просветитель в подлинном и высоком смысле этого слова. Он дал народу первую общедоступную, массовую гражданскую письменность. О значении этого исторического деяния следует сказать словами В. Гумбольдта, великого мыслителя и филолога XIX века: «Всё, что касается внешней цели письма, его практической пользы для жизни и распространения знаний, я полностью оставляю в стороне. Ее важность в этом отношении слишком ясна сама по себе» [4, с. 3].

Поэтому в настоящем сообщении мне хотелось бы показать те культурно-исторические и теоретические условия, которые способствовали появлению С.А. Новгородова и его письменности, ибо, как пишут историки культуры и, прежде всего, письменности, она в своем массовом виде появляется тогда, когда созревают для этого исторические и социально-культурные условия, когда это становится не только необходимым, но и, если можно выразиться так, неизбежным. В конце XIX и начале XX в. в якутской действительности эти условия появились.

Доктор исторических наук В.И. Федоров в своей фундаментальной книге, характеризуя состояние школьного дела и просвещения в интересующее нас время сообщает, что к 1917 г. в Якутской области было 173 школы, в том числе пять двух-трехклассных (повышенного типа), четыре средних (реальное училище, женская гимназия, учительская семинария и епархиальное женское училище). Кроме этого, функционировали фельдшерская и средняя сельскохозяйственные школы и три детских приюта. Далее автор пишет: «Но как бы ничтожна не была сеть школ и количество обучающихся, прогрессивные последствия просвещения были огромны. Молодежь в школе приобщалась к зачаткам, а затем и к основам знаний, передовой русской культуре. Наличие хотя бы нескольких средних школ давало возможность ограниченному числу молодежи получать среднее образование, а единицам высшее. Они и составляли основу якутской национальной интеллигенции, возникшей в последней четверти XIX в. и представлявшей основную силу в борьбе за выживание и просвещение родного народа в начале XIX в.» [13, с. 258-259]. По

данным А.Е. Мординова, И.А. Аргунова начало XX в. якутская интеллигенция была значительной силой, насчитывавшей свыше 300 человек [1, с. 42; 8, с. 59]. Как известно, к этой интеллигенции, признавая ее как силу, преобразующую якутскую действительность, обращался А.Е. Кулаковский со своим знаменитым письмом «Якутской интеллигенции». Своё «Письмо» А.Е. Кулаковский заканчивал оптимистически: «Что же нам делать? К чему приступить и с чего начать?.. Первее всего нужны только съезды интеллигенции и переписка между отдельными членами ее <...>. Трудно только начало, а раз будет брошено семя, то оно даст скорые всходы; нужно только всем взяться за дело дружно – всем улусам Якутского округа» [6, с. 115].

Среди этой интеллигенции были лидеры, которые в огромной мере реально и постоянно поддерживали начинания С.А. Новгородова. Это прежде всего, несмотря на разницу в возрасте, его большой друг В.В. Никифоров–Кулүмнүүр, духовный лидер первого поколения якутской интеллигенции, который был, по его же словам, «преисполнен желанием работать не покладая рук над изысканием путей и средств к поднятию культурного и экономического состояния родного края» [10, с. 80]. Это не были только слова. Н.З. Копырин – исследователь жизни и деятельности В.В. Никифорова – в своей монографии о нем делает вывод: «Несмотря на суровые запретительные меры, Василий Васильевич первым организовал в своем доме якутский клуб, где собирались любители родного языка и литературы. Там проводились лекции, беседы, литературные чтения, ставили спектакли» [10, с. 170]. А какие прекрасные одобряющие слова писал В.В. Никифоров С.А. Новгородову, чтобы он смело шел, невзирая ни на что, по пути создания своей письменности и тем самым обессмертил себя, дав своему народу письменность, адекватную языку, а потому очень простую и легкую для усвоения.

В одном из своих содержательных и теплых писем В.В. Никифоров писал «Если ты, отрешившись от всех других забот, будешь заниматься плотно своей письменностью и тем самым укрепишь и завершишь ее, то у якутского народа заслужишь бессмертие, о тебе будут говорить все из поколения в поколение. Я слышал, что некоторые якуты не одобряют твое письмо. На это ты не обращай внимания – люди, которые сами ничего не делают и не умеют, обычно бывают крикливыми критиками. Не забывающий тебя, твой друг Василий Никифоров» [9, с. 194]. Василий Васильевич Никифоров по смерти Семена Андреевича Новгородова написал прекрасное, теплое и горестное воспоминание, которое кончается словами: «То, что успел сделать Новгородов для своего народа так велико, что его имя никогда не забудут, слава о нем пойдет из поколения в поколение» [10, с. 218-219].

Другой мощной опорой и поддержкой исторической деятельности С.А. Новгородова был его друг с детства, разносторонне талантливый интеллектуал, писатель, личность, которая с дореволюционных времен сознательно стояла у истоков якутского литературного языка, – это Кузьма Осипович Гаврилов. Он оказывал всестороннюю помощь С.А. Новгородову. По их многочисленным перепискам видно, что Кузьма Осипович был как бы полпредом в Якутске по внедрению в жизнь письменности С.А. Новгородова. Несмотря на свою огромную занятость как создатель и председатель союза «Холбос», он был всегда в курсе всей деятельности С.А. Новгородова, следил за развитием, распространением его письменности [Об этом см.: 9, с. 143, 144, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154-156, 158, 159 и др.]. Кроме того, в

исключительно тяжелых жизненных условиях тогдашнего Петрограда Кузьма Осипович всегда поддерживал материально своего друга и его семью.

Следует отметить еще один благоприятный фактор: благодаря культурной революции после 1917 года и сильной поддержке лидеров культуры и просвещения Якутии, таких как Кюндэ, Ойунский и другие их единомышленники, новгородовская письменность внедрялась в жизнь достаточно успешно, несмотря на ожесточенные споры инакомыслящих (заметим, в 20-х гг. было внесено до 10 различных алфавитов, среди авторов которых были такие авторитеты как А.Е. Кулаковский, Э.К. Пекарский, В.Н. Леонтьев).

Самым стойким и активным защитником системы письма С.А. Новгородова был А.А. Иванов (Кюндэ). Он написал несколько острополюемических статей в периодической печати [7, с. 236-238; 267-272; 272-277]. Его доводы в научном и рационально-практическом отношении очень интересны. Одну из пространственных статей автор заключает следующими словами: «Достоинство транскрипции – легкость и доступность для неграмотных взрослых и для детей, графическая простота, ускоряющая письмо. Теперь уже заложен крупный фундамент для дальнейших работ по созданию якутской литературы, якутских школ. Этот фундамент не должен быть расшатан. Интересы культуры трудящихся должны быть на первом плане» [7, с. 277].

Другая, очень важная сторона деятельности С.А. Новгородова, обеспечившая высокий научный уровень его транскрипции и системы письма заключается в том, что он, как сам говорил, «вращался среди тогдашних корифеев лингвистики». Это были И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, А.Н. Самойлович.

Как известно, О.Н. Бетлингк в своем классическом труде «О языке якутов» с исключительной точностью и скрупулезностью описал звуковую строй якутского языка. При этом он выявил якутские дифтонги и трифтонги. Среди дифтонгов, кроме известных нам четырех восходящих, названных им тяжелоконачными (yo, iэ, ыа, үө), он выявил еще восемь дифтонгов, образующихся из соединения восьми гласных с **И** («и-дифтонги»), а также четыре трифтонга, образующиеся из соединения четырех тяжелоконачных дифтонгов с **И**. Таким образом, у О.Н. Бетлингка получается 16 дифтонгов и трифтонгов. Так называемые «и-дифтонги» и «трифтонги» в якутском языке не наделены фонематической нагрузкой, они являются лишь дифтонгическими и трифтонгическими сочетаниями самостоятельных фонем [2, с. 90]. Как известно, во времена О. Бетлингка науки фонологии еще не существовало. А во времена С.А. Новгородова фонология только зарождалась. Фонологию как особую отрасль фонетики как раз разрабатывали И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба – учителя С.А. Новгородова и он, очевидно, сразу усвоил их учение. Поэтому, критически осмыслив учение О.Н. Бетлингка о дифтонгах с фонологической точки зрения, С.А. Новгородов в своей письменности оставил известные нам дифтонги (yo, iэ, ыа, үө) как фонологически значимые. Таким образом, с фонологической точки зрения алфавит С.А. Новгородова является почти безупречным [15].

После устранения некоторых мелких недостатков и изменений в начертаниях ряда букв, которые были указаны на совещании по вопросам приспособления латинского алфавита к тюркским языкам, проведенном в Радловском кружке под председательством акад. В.В. Бартольда с участием Л.В. Щербы, С.Е. Малова, Э.К. Пекарского, А.Н. Самойловича, в новгородовскую письменность было предложено

внести ряд изменений: внести знаки препинания и заглавные буквы, давать долготу согласных удвоением, гласных – чертой над буквой и некоторые другие [14, л. 161]. И эти изменения были впоследствии одобрены проф. А.Н. Самойловичем, который подчеркнул: «из всех проектов именно Новгородский явился бы, после внесения в него изменений, предложенных упомянутым сводным протоколом, наиболее совершенным» [12, с. 251; 16].

В заключение следует привести слова выдающегося русского лингвиста первой половины XX в. Е.Д. Поливанова, который дал глубокое объяснение феномена С.А. Новгородова. Он писал: «У многих нацменьшинств Союза созданное революционной эпохой письмо означает гораздо большее – не улучшение, а прямо создание национальной графической культуры (вместе с ней литературного языка и литературы); в частности, так обстоит дело у якутов (являющихся, бесспорно, передовым и наиболее радикальным из наших сибирских народов в деле графической культуры), у которых до появления новой латинизированной, так называемой новгородовской транскрипции не существовало ни более или менее распространенного в массы алфавита (если не считать русской миссионерской транскрипции), ни национальной литературы. Иначе говоря, у якутов создание национальной графики, принятой в обязательном изучении в школе, открывает собою новую страницу культуры истории народа, с которой, собственно, только и начинается его национальная культура (с письменностью, литературой, краеведением и школой на родном языке); все это было бы невозможно при отсутствии такого необходимого орудия духовной культуры как письмо <...>».

Я несколько не боюсь упрека в преувеличении, если сравню коллективную работу, сделанную и выполняющуюся в разных уголках СССР с прославленной деятельностью Кирилла и Мефодия <...>».

<...> Почему якуты уже в 1917 г. сделали смелый шаг в будущее, к латинскому, т.е. наиболее интернациональному письму: якутам просто не было чего выправлять, за исключением миссионерской русской транскрипции, но от этой попытки их должны были удержать те политические ассоциации, которые связывались с этим орудием обрусения царской политики и которые никак не могли связать миссионерский алфавит с революционным делом создания письменности и школы на родном языке, – и вот почему у них и была открыта дорога к латинице. Конечно, известную роль в выборе латинского алфавита сыграла и личность Новгородова, но лишь только потому, что выбор Новгородова отвечал тем возможностям, которые представлялись коллективным политическим мышлением среды: массовые чаяния национального возрождения еще в последние десять лет царизма выдвинули Новгородова, который со специальной задачей создать якутское письмо, поехал в Петербург, кончил там восточный факультет и после этого вполне сознательно выбрал основу для будущего якутского письма – международный фонетический алфавит (т.е. алфавит на латинской основе) с некоторыми условными дополнениями. Однако, если бы Новгородов не отражал взглядов якутской интеллигенции вообще, то его «транскрипция» или просто была бы забракована, или заглохла бы в скором времени, но не превратилась бы в подлинное общеякутское письмо» [11, с. 195, 196].

Литература

1. *Аргунов И.А.* У истоков социалистической культуры народов Якутии. – Якутск, 1971.
  2. *Дьячковский Н.Д.* Звуковой строй якутского языка. – Якутск, 1971.
  3. *Дьячковский Н.Д.* Саха билинни тыла. Фонетика. – Дьокуускай, 2000.
  4. *Зиндер Л.Р.* Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1987.
  5. *Копырин Н.З.* В.В. Никифоров–Күлүмнүүр. – Якутск, 1996.
  6. *Кулаковский Алексей.* Якутской интеллигенции. – Новосибирск: Наука, 2012.
  7. *Күндэ.* Кыһар тунат сырдыга. – Дьокуускай, Бичик, 2000.
  8. *Мординов А.Е.* О социалистическом содержании и национальной форме советской культуры. – М., 1959.
  9. *Новгородов С.А.* Первые шаги якутской письменности. Статьи и письма. – М.: Изд-во: Наука, 1977.
  10. *Новгородов С.А.* Во имя просвещения родного народа. Сочинения, переписка, материалы. – Якутск, 1991.
  11. *Поливанов Е.Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. – М., 1991.
  12. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки. Становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986.
  13. *Федоров В.И.* Якутия в эпоху войн и революций (1900-1919): в двух книгах. – 2-е изд. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013.
  14. ЦГА АЯССР, ф. 50, оп. 21, д. 4, л.161.
  15. В последней своей работе, учебном пособии по фонетике, проф. Н.Д. Дьячковский более четко выразил фонетическую обусловленность учения акад. О.Н. Бетлингга, в частности, появление его «и-дифтонгов» и «трифтонгов», углубил и внес новый штрих в фонетический взгляд на звуки якутского языка С.А. Новгородова. По мнению О.Н. Бетлингга, в И-дифтонгах и трифтонгах звук И, несомненно, является гласным звуком. Однако в этих дифтонгах при присоединении аффикса, начинающегося с гласного И превращается Й: ай+а>айа, ой+о>ойо, кыай+а>кыайа, уой+а>уойа и т.д.
- Как было упомянуто, во времена О.Н. Бетлингга не было учения о фонологии, если рассмотреть сочетания этих звуков с фонетической стороны, то утверждение О.Н. Бетлингга имеет полное основание. Кроме того, звук Й более близок к гласным, нежели согласным. Тем не менее, бетлинговские и-дифтонги и трифтонги с точки зрения фонологии не могут быть самостоятельными фонемами, ибо они не являются неразложимыми монолитными звуками. При аффиксации и разложении по слогам они разделяются на две части: ай+(ы)лын > а-йы+лын, туой+ар > туо+йар.
- Дифтонги – это не механическое соединение двух гласных. Дифтонг – это сложный гласный, начало и конец которого артикулируется совершенно по-разному, а средняя часть представляет собой однонаправленный переход (скольжение) от начальной артикуляции к конечной.
- Сложный фонетический состав якутских дифтонгов был впервые замечен С.А. Новгородовым. Поэтому он даже считал более правильным их называть полифтонгами.
16. А.Н. Самойлович был учителем и научным руководителем С.А. Новгородова и постоянно поддерживал все его начинания. По смерти С. Новгородова А. Самойлович написал большой некролог, где имеются такие строки: «В связи с вопросом о новом алфавите, Новгородов находился в устных и письменных сношениях с представителями ряда восточных народов, и его работой по алфавиту интересовались не одни только якуты, но и другие турецкие племена, прежде всего в Сибири, а также в других странах; в частности, С.А. был связан с Азербайджанским комитетом нового турецкого алфавита... Смерть Новгородова – тяжелая утрата для якутского народа, и для нас, востоковедов-тюркологов. Нам близки интересы якутского народа, и мы постараемся помочь ему, по мере сил, в том деле, от которого навеки оторван Новгородов, первый и пока единственный ученый-лингвист из якутов» (Журнал «Жизнь национальностей». Кн.1 (VI). – М., 1924. – С.190).

С.А. НОВГОРОВОД ОМУК ОСКУОЛАТЫН ТЭРИЙИИ ТУҢУНАН

Г.Г. Филиппов,
ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

*Саха ураанхай
Дьоло тосхойуор, Өрөгөйө үрдүөр,
Баайа барҕарыар, Быйанга дэлэйиэр,
Өйө-санаата уһуор, Үөрэбэ диригиэр диэритин...
Онгорбут онгоһуум ордук үчүгэй буолан иһиэ,
Тэрийбит тэрээһиним тэлгэнэн иһиэ...*

С. Новгородов

С.А. Новгородов оморбут кылгас олоҕор төрөөбүт сахатын омука сайдыытыгар бэрт элбэх суолталаабы онорбут киһи буолар. Онуоха улахан орулу оччотооһу кэм кыһалҕата, мөккүөрэ уонна кини тус хаачыстыбалара (дьүккүөрэ, дьулуура, сүрэбин олоруута), бииргэ алтыспыт дьоно В.В. Никифоров, А.Е. Кулаковскай, М.К. Аммосов, П.А. Ойуунускай, үөрэппит учууталлара, чугас доҕотторо ылбыттара саарбахтаммат. Кини кэминээби үөрэххэ, сайдыыга тардыстыылаах ыччат дьон үксэ харанаҕа олорор айыыларын дьонун өрө тардар күн санааҕа иитиллибит эбиттэр. Ону нуучча оччотооһу киһилии (дэмэкирээтти) тыыннаах, өйдөөх-санаалаах дьонун сабыдыаллара этэ дииллэр. Биһиги бу боппуруос дириг номоһун ырыта барбакка, С.А. Новгородов оччотооһу Арассыыйа үтүө санаалаах үөрэхтээх, сайдам санаалаах киһитин быһыытынан, ыраахтаабы былааһа баттаан-үктээн оморбут дьонун киһилии, омукутуу бырааптарын туруулаһар, көмүскэхэр дуулаҕа дьулуурдаах, таһымнаах эбит диэх тустаахпыт.

С.А. Новгородов Санкт-Петербурга үөрэнэ киирээт 1913-1914 сс. ыпсыыларыгар буолбут Норуот учууталларын Бүтүн Арассыыйатаабы сийиэстэригэр кыттар дьолго тиксиптэ. Манна мээне киһи сылдыбат, онон кини эрдэттэн бэлэмнээх дэлгээт буолуон сөп. Онно сийиэс омукутарга аналлаах сизксийэтигэр «Сахалар, кинилэр оскуолаларын уонна үөрэххэ бырааптарын туһунан кылгас иһитиннэри» диэн ааттаах дакылааты аахпыта. Дакылаат кылгас матырыйаала 1916 с. алтынны 9 күнүгэр «Якутские вопросы» хаһыакка тахсыбыт. Дакылаат сүннүөнэн сийиэс туһааннаах сизксийэтин уурааһар маннык пууннар киирбиттэр:

«10. Об якутской школе по докладу Новгородова (Заседание 29.12.13).

1) Как и во всякой инородческой школе, необходимо в якутской школе преподавать на родном языке учащихся.

2) Необходимо стремиться к выработке в будущем типа якутской национальной школы с особыми научными методами и приемами обучения, наиболее пригодными для учащихся тюрко-монгольского племени монгольской расы» [3, с. 173].

Көстөрүн курдук, С.А. Новгородов үс кэскиллээх суолу ситиспит: бастакыта – төрөөбүт тылынан үөрэтии; иккиһэ – омуку оскуолатыгар уратытык үөрэтии наада-

тын билинии; үсүһэ – анал учууталлаах, үөрэх босуобуйалаах буолууларын туруорсар суолу арыйыы.

Бу сизексийэбэ Саха сириттэн өссө В.В. Никифоров «О положении школьного дела у якутов» диэн дакылаат онорбута. Кини үс суолу туруорсубута: 1) Саха уобалаһыгар учуутал аҕыйаҕынан, Дьокуускай куоракка учуутал сэминээрийэтин арыйарга; 2) Сахалыы оскуолаҕа аналлаах үөрэх босуобуйаларын хааһына суотугар бэчээттииргэ бырабыыталыстыбаҕа көрдөһүү суруйарга; 3) Үөрэтии уопсай боппуруоһун дьүүллэһэргэ кэммиттэн-кэмигэр Сибиир учууталларын сийиэһин тэрийэргэ.

Онон ыраахтааҕылаах Арасыйа усулуобуйатыгар оҕону төрөөбүт тылынан үөрэтэр быраабы уонна омук бэйэтин төрүт өйдөбүллэригэр олобуран иитэр оскуоланы туруулаһан өйөбүл ылбыт дьонунан С.А. Новгородов уонна В.В. Никифоров буолаллар.

Сийиэс уопсай уурааҕар бу сизексийэттэн икки пуун киирбит: “Выслушав и обсудив доклад по начальному образованию среди инородческого населения, комиссия признает необходимым: 1) Безотлагательное введение на всем пространстве Сибири земского самоуправления и предоставление его органам широкой возможности учитывать религиозные, этнографические и бытовые особенности местного населения в целях развития просвещения; 2) Созыв областного сибирского съезда по вопросу о народном образовании Сибири” [3, с. 173-174].

Арааһа, С.А. Новгородов бу ситиһиитинэн кынаттанан, «Төрөөбүт аналым» хоһоону айбыт уонна үөрэҕи тарҕатар саха сана суругун айарга сорукаммыт буолуон сөп эбит. Түүр, монгуол, мондьюур тылларын үөрэҕэ ити кэмнэ латыын кыраапыкатын туһанар үгэһэ саха суругун онно көһөрөр ордук көдүүстээх буолуохтааҕын итэҕэспитэ сэрэйиллэр. Ол иһин кини айбыт «Суругун-бичигин» наукаҕа уһуйбут учууталлара А.Н. Самойлович, Е.Д. Поливанов бэрэпиэссэрдэр улаханник өйөөбүттэрэ өйдөнөр.

С.А. Новгородов уонна В.В. Никифоров дакылааттарын ис номоһуттан көрдөххө, кинилэр сүбэлэспит буолуохтарын сөп эбит. Биир дакылаат – сытыы, ол эрэн манник түмсүүгэ хаһан эрэ туруохтаах. Иккис дакылаат – ньуолбар эрэри түгэхтээх да, быһаччы ситиһиитэ суох буолар дьылҕалаах. Сийиэс уопсай уурааҕа омук оскуолатын өйөөбөтөх. Ол эрэри бу икки киһи кэлин санааларын холбоон саха оскуолатын уонна саха сана суругун акылаатын ууралларыгар улахан үөрэх, буһуу-хатыы оскуолата буолбута сэрэйиллэр.

С.А. Новгородов, уопсайынан, табыллымтыа киһи эбит. Бастагы холобур – бу Санкт-Петербурга сылдьан, омук оскуолатын туруорсуута; иккиһэ – үөрэҕиттэн тохтуу сылдьан, Дьокуускайга олунньутааҕы долгунна кыттыыта; үсүһэ – сахануучча үлэһиттэрин сийиэһигэр сахалыы оскуоланы арыйыы уонна саха сана суругун-бичигин төрүттүүр көнүлү ситиһиитэ.

С.А. Новгородов 1916 с. балаһан ыйын 10 күнүгэр «Саха боппуруоһа» хаһыакка «Саха интэлигиэнсийэтин сүрүн соруктара» диэн ыстатыйаны бэчээттэспитэ. Онно омук бу атааннаах-мөнгүөннээх орто дойдуга тыыннаах буолуутун биэс сүрүн усулуобуйатын ыйар: 1) олорор сирэ, 2) омук буола сиппитэ, 3) литературнай таһымнаах сайдыбыт тыла, 4) ураты итэҕэлэ (дьинэ, култуурата буолуо – Г.Ф), 5) судаарыстыбата эбэтэр бэйэтин дьаһанан олорор тэрээһинэ.

Балартан С.А. Новгородов итэҕэлгэ арахсыы баарын бэлиэтиир эрэри, сүрүн болҕомтотун чочуллубут, бүттүүн тылы сайыннарыыга уураар. Онтон таһааран, интэлигиэнсийэбэ түөрт суол соругу туруорар:

- 1) Омук өйүн-санаатын түмүү, сайыннары;
- 2) Омук өнгүн-тотун үрдэти, чуолаан, тыа олобун сайыннары;
- 3) Омук тэринэн-дьаһанан олоруутун тупсары, чэбдигирдии;
- 4) Ситиспит быраабы бөбөргөтүү, санга кирбиилэргэ тардыһы.

Балары ситиһэргэ ким туох кыахтаабынан бэчээт нөнгүө сырдатар, өйдөтөр, түмэр үлэбэ кыттыһахтаах диэн ыңыраар [4, с. 18-23]. Бу ыстатыйа сүрүн номоҕо саха дьоно баай-дьаданы диэн арахсыбакка, омук быһыытынан сайдытынын, сомоҕолоһуутун төрүттэрин ыйыы, уонна ону салгыы бөбөргөтүүгэ интэлигиэнсийэ өйүн-санаатын туһаайыы этэ. Уопсайынан, С.А. Новгородов үлэтигэр-хамнаһыгар кылаастар үтүө да, мөкү да оруоллара ахтыллыбат.

С.А. Новгородов 1916-1917 сс. үөрэҕиттэн тохтоон, Дьокуускайга Үрдүкү начальнай училищеҕа учууталлыыр. 1917 с. Санкт-Петербурга буолбут олунньутаағы өрөбөлүүссүйэни айхаллыы көрсөр. Кулун тутар 4 күнүгэр Дьокуускай куоракка В.В. Никифоров салалтатынан тэриллит үлэһит сахалар мунньахтарыгар С.А. Новгородов куоракка Уопсастыбаҕа куттал суоһабатын Кэмितिэтэ тэриллэрин туһунан иһитиннэри оңорор. Салайааччынан Г.И. Петровскай талылларын быһаарар.

Манньык ааттаах Кэмितिэт Саха уобалаһыгар эмиэ тэриллэр. Онно С.А. Новгородов Боотурускай улуустан талыллыбыт үс дэлэгээт иһигэр киирэр. Кулун тутар 10 күнэ Саха сиригэр «Нуучча улуу өрөбөлүүссүйэтин күнүнэн» биллэриллэр. Онно анаан С.А. Новгородов «Кулун тутар 10 күнэ саха өйүгэр-санаатыгар» диэн ыстатыйа суруйан, саха – омук быһыытынан – бу босхолонуулаах хамсааһынна кыттар оруолун сырдаптыта: «Арассыыйа судаарыстыбата бу күн биһиэхэ, сахаларга, бары баттанан-үктэнэн олобунт омуктардыын бииргэ, бырааттыы илиитин уунар. Бу үөрүүлээх, дьоллоох күн саха Арассыыйа көңүл уонна тэн бырааптаах норуота буоларын биллэ, өйдөөтө. Саха киһитэ Саха Арассыыйага омуктар көңүл сайдыылары мэкитиэлиир социализм үөрэбэ олоххо киирэрин тэһийбэккэ күүтэр» диэн өрө күүрэн эппитэ [4, с. 28].

С.А. Новгородов баҕарбыт баҕата туолар суолга киирэн эрэрбиттэн сүргэтэ көтөҕүллүбүтэ. Саха бэйэтин дьаһанар ол соргулаах күннэрин тэрээһинигэр күүскэ үлэлээбитэ. Кулун тутар 26 – муус устар 16 күннэригэр Саха уобалаһын бааһынай нууччаларын уонна сахаларын бастакы сийиһэ буолбута (ВИПРН, 30 с.). Онно биир сүрүн боппуруоһунан били 1913-1914 сс. ыпсыларыгар Санкт-Петербурга буолбут Арассыыйа учууталларын сийиэстэригэр туруоруллубут «норуоту бүттүүн үөрэхтээһин уонна омуктуу үөрэхтээһин» туһунан этэ. Бу боппуруоһу сүрүн туруорааччыларынан сийиэс салайааччыта В.В. Никифоров уонна бу боппуруоһунан анаан дьарыктанааччы С.А. Новгородов уонна өйөөччүлэр истэригэр эдэр марксистар М. Аммосов, П. Ойуунускай бөлөхтөрө этилэр [5, с. 26]. Онон саха оскуолатын тэрийии уонна сахалыы үөрэтии өйөммүтүн таһынан, саха санга букубаарын үбүлээһин тутта быһаарыллыбыта. Саха санга суругун-бичигин төрдүн В.М. Ионов букубаарын хат бэрийэн олохтуур буолбуттара. Сүдү дьыала бэрт судургутук уонна суһаллык саҕаланар буолбута. Букубаары туһанарга көңүлү сийиэс Санкт-Петербуртан тэлэгириэбинэн ылбыта.

Бу кэм туһунан суруйарыгар С.А. Новгородов «дьолго сийиэс уобалас таһымнаах буолбута» диэн бэлиэтээбитэ [3, с. 30]. Саас-сайын С.А. Новгородов букубаары кыттыгас ааптардары уонна хамыһыһыны кытта санга алпаабыкка түһэрбиттэрэ, холобурдарын тупсарбыттара, бэчээккэ бэлэмнээбиттэрэ. Бу санга букубалала-

рынан айыллыбыт аан бастакы сурук-бичик этэ эбээт! Күүстээх үлэ түмүгэр 1917 с. балаҕан ыйын 4-с күнүгэр «Сурук-бичик» 4000 ахсаанынан Дьокуускайдаагы типографияҕа бэчээттэнэн күн сириҥ көрбүтэ.

Сахалыы сана буукубаларынан үөрэтиини Бүлүү энэр оскуолалар, Өлүөхүмэ сорох оскуолалара, Дьокуускайга начальнай училище, Учуутал сэминээрийэтэ, «Саха аймах» киһээнни оскуолалара ылыммыттара. Көстөрүн курдук, сана дьыала С.А. Новгородовы өйөөччүлэр туруулаһыыларынан уонна кини тус билсиитинэн-көрсүүтүнэн, дуулаҕа дьулуруунан саҕаланан баран, кини Санкт-Петербурга барбытын кэннэ, ону сэргэ былаас уларыһыытын дьалхаанынан уостан, ханнан хаалбыта. Бэчээттэммит «Сурук-бичик» уобалас оскуолаларыгар түнэтиллибэккэ турбута. Сана суругу утарыы араас өттүттэн баара: нууччалыы оскуола аахайбата, сахалыы оскуола урукку кыраапыкаҕа талаһара, интэлигиэнсийэ ортотугар сана суругу буортулаабынан ааҕан аһаҕастык утарааччылар, бырачыастааччылар А.Е. Кулаковскайга тийэ элбэх этилэр. Онон *омук оскуолатын тэрийиһи сана суругу киллэрэн эбии ыарахаттары көрсүбүтэ. Ол эрэри сана сурук бу түгэни туһанан эрэ киирэр кыахтааҕа.*

1919 с. С.А. Новгородов Саха сиригэр, оччотооҕу гражданскай сэрии уотун ортотунан балтараа сыл эрэй бөҕөнү энэринэн тэлэн айаннаан (Санкт-Петербуртан 1918 с. от ыйын 4 күнүгэр араҕан баран, Дьокуускайга 1919 с. балаҕан ыйын 30 күнүгэр) тийэн кэлбитэ [4, с. 93]. Саха сириҥ оччолорго Калчаак былааһа баһылаан олороро. Онон сахалыы үөрэтэр оскуола кыайан атаҕар турбатабын, сана «Сурук-бичик» оскуолаларга тарҕатыллыбатабын көрөн, төрүөтүн хасыһан билбитэ уонна ону көннөрөр туһугар күүскэ үлэлээбитинэн барбыта.

«Саха аймах» уопастыба үлэтин сөргүтэн, маннай бэрэссэдээтэлинэн, онтон тылбаас сиэктэрин, кэлин сурукка үөрэтии сэбиэдиссэийинэн ананан, эбии лиэксийэлэри, дакылааттары ааҕан, сурукка-бичиккэ баҕалаах дьону үөрэтэн үлэ үөһүгэр түспүтэ. Омук оскуолатын боппуруоһа хайа да былааска туруоруллар тыын суолталаах дьыала буоларынан, С.А. Новгородов 1919 с. сэтинньигэ Калчаак былааһын салалтатынан үлэлиир Саха уокуругун Земствотын мунньаҕар «Якутские грамота и язык в качестве необязательных предметов в программе высших начальных училищ якутской области» диэн дакылаат онорбута. Онон маннык суоллары бэлиэтэбитэ:

- Наука төрүттэрин олохсутарга тыл ис кыаҕа улахан оруоллаах, оттон саха тыла билиини тарҕатарыгар тиэрминтэн ураты мэйһидиирэ суох. Билим, философия, педагогика, уус-уран, о.д.а. литературатын калмыыктар, монгуоллар, бүрээттэр бэркэ ситиспиттэр. Сахаларга да ол толору кыаллар кыахтаах.

- Маннай утаа, омук оскуолатын сайыннарар туһуттан педагогика тылын (истиин), литературатын оноруох, айыах тустаахпыт.

- Омук оскуолата, бастатан туран, сахаларга наада. Төрөөбүт тыл «тананы кэппит» билии, изиийи үөрэбэ суохха да дөбөннүк өйдөнөр, оҕо өйүн, уйулҕатын дэбигис таарыйар. Онон төрөөбүт тылынан үөрэтии кыаллар эрэ буолбатах, булгуччу наадалаах.

- 1897 с. биэрэпис түмүгүнэн нуучча нэһилиэнньэтин 28,2 %, саха – 0,7 % үөрэхтээх. Оҕо үксэ 5-6 сыл үөрэнэн баран оскуоланы кыайан бүтэрбэт. Ол нууччалыы үөрэтии содула буолар.

- Саханы бүттүүн үөрэхтээх гыныы сахалыы үөрэтии эрэ түмүгэр ситиһиллэр кыахтаах.

С.А. Новгородов сахалыы тыллаах оскуолалары тэрийиигэ туох ыарахаттар баалларын туһунан кэпсииригэр манныктары ыйар:

- сахалыы үөрэх кинигэтэ суоҕа уонна үөрэтээччи тийбэтэ буолаллар. Бу мэхэй күүскэ соруннахха кыаллар кыахтаах. Үөрэтэр дьону бэлэмнээһини учуутал сэминээрийэтигэр үһүс сылын үөрэнэр идэлээхтэринэн уонна «Саха аймах» куурустарын иһинэн, ону сэргэ үрдүкү училище үөрэнээччилэригэр саха тылын булгуччута суох үөрэтиини киллэриинэн ситиһиллиэн сөп [3, с. 46-48].

- сэрии, ыһыллыы-тобуллуу түмүгэр үп-ас, тэрил тийбэттигэр кинигэ бэчээттир сириби, типографияны атыыласпакка бириэмэни куоттарбыты этэр. Бэйэ типографията суох үөрэх кинигэтин хааччыйар кыаллыбат.

С.А. Новгородов ааспыт өттүгэр сахалыы үөрэтиини олохтоохунна тахсыбыт мэхэйдэри уонна ыарахаттары ырытарыгар маннык суоллары ыйар:

- өйдөтөр үлэ ситэтэ суоҕуттан уонна үөрэтии суоҕуттан сахалыы үөрэтии идиэйэтигэр уонна сахалыы букубаарга мөлтөх сыһыан үөскээбит.

- саха суругун-бичигин үөрэтиигэ букубаар кэнниттэн туһаныллыахтаах «Ааҕар кинигэ» тахсыбатаҕа мэхэй буолбут. Сахалыы үөрэтии киирбит оскуолаларыгар түмүк үчүгэй. Онон букубаар кэскилэ үчүгэй.

Салгыы С.А. Новгородов бастакы букубаар суолтатын уонна итэҕэс өрүттэрин ыйары наадалааҕынан ааҕан манныктары эппит:

- Олохтоох типографияҕа сирип итэҕэс уонна ойуу түһэрэр кыах суох буолан, ойуута суох, сурук букубата суох, улахан уонна хараардыылаах букубата суох, ылыныллыбыт букубалартан туорааһыннаах, мөлтөх кумааҕылаах о.д.а. быстах итэҕэс тэрдээх. Ол гынан баран оччолорго букубаары бэчээттир хайаан да наада этэ.

Түөлбэ тылы быһаарыы киирбэтэҕэ алҕас.

Букубаар оҕо кыаҕыгар уонна уйулҕатыгар сөп түбэхэр, ол өттүнэн табыллыбыт.

Сурук Аан дойду бастын суругар олоҕурбут буолан, олус судургу, өйдөнүмтүө буолбут.

Бу мунньах уурааҕар С.А. Новгородов «начальной училищеларга учуутал суоһунан уонна омук тыла үөрэтиллэр кыаҕа суох буолбутунан сибээстээн, ол оннугар саха тылын булгуччута суох предмет быһыытынан киллэрэргэ» туруорсан ситиһэр.

С.А. Новгородов бу дакылаата дьиннээх дьаһал быһыытынан төһө да ылыныллыбатаҕын иһин (ахсынныы ый ортотугар санга сэбиэт былааһа туругурбута), кини салгыы үлэтигэр көдүүстээх буолбута саарбаҕа суох. Манна кини омук оскуолатын аналын уонна хайдах тэрийиллиэхтээгин туһунан көрүүлэрэ балачча сиһилии сырдатыллыбыттара.

С.А. Новгородов омук оскуолатын сүрүн аналын омугу үөрэхтээх, сайдыылаах, култууралаах гыныы, билии-көрүү төрүттэрин инэри суолун быһыытынан сыаналыыр. Ол иһин «билиини төрөөбүт тылынан таньынар тиэртэххэ, оҕо ону умнубат, ийэ кутугар диринник инэринэр. Оттон ону билбэт нууччалыы тылынан үөрэтии түмүгэр үксүн сотору умнар, диринник ылыммат» диир. Кини суруйар: «Грамота распространяется среди населения и будет фактором поднятия культурного уровня только тогда, когда создастся национальная якутская школа... Лучше быть хорошо грамотным на родном языке, чем на чужом плохо» [3, с. 54-55].

Манна кини «грамотный» диэни ааҕар уонна суруйар диэнтэн киэнник өйдөөн, «үөрэхтэммит, сайдыбыт, иннин тоһумурдуур, быһаарсар киһи буолбут» диэн суолтаҕа этэр.

С.А. Новгородов нууччалыгы тыллаах оскуолаҕа сыһыана чуолкай: «Школы должны быть поставлены рационально. В настоящее время в Якутской области существуют исключительно русские школы. До сих пор немало якутских детей кончило 1 и 2-х классные русские школы. Но всем им русский язык дается с большим трудом. Проучившись лет 5-6, якутские дети очень плохо владеют русским языком, что ведет к тому, что грамота очень скоро забывается, и несколько лет учения пропадает даром» [3, с. 54].

Көстөрүн курдук, С.А. Новгородов оҕону кыра сааһыгар билбэт тылынан үөрэтии көдьүүһэ кыратын сэргэ, оҕону ситэ сайыннарбатын, үгүс оҕону тобуллаҕаһа суох киһи онгорорун этэр. Кини салгыы суруйар: «Конечно, школы смешанные, русско-якутского типа необходимы, т.е. для поступления в средние и высшие учебные заведения русский язык необходим. Но школ такого типа должно быть немного, на улус 5 или 6, а остальные школы должны быть чисто якутского типа. Якутские дети, проучившись в такой школе года 4, будут довольно хорошо грамотны и грамоты уже не забудут, как не забудут родного языка» [Там же].

Билигин *биһиэхэ төрөөбүт тылынан үөрэтиини тэрийии, хааччыйыы мөлтөөн уонна бүттүүн орто сүһүөх оскуола икки тылынан үөрэтиигэ киирбитинэн сибээстээн*, төрөөбүт тылы билии уонна уопсай тылы таба суруйуу боппуруоһа сытыытык турда. Омук тыла мөлтүүр-ахсыыр куттала үөскээтэ... *Омук оскуолата оҕону сайыннарар, толкуйун тобулар оруолун сэргэ, аны омук норуот быһыытынан чөлүн туругурдар анала улахан суолталанна*.

С.А. Новгородов омук оскуолатын туруулаһыытын саҕалыыр кэмигэр да нуучча уонна аҕыйах ахсааннаах омуктар тыллара бу боппуруоска харсыахтарын үчүгэйдик өйдүүр этэ. Кини ол иһин ити санааны быһааран маннык суруйар:

“Стремясь к развитию культурных сил родины, необходимо поставить на твердую почву печатное дело и провести в жизнь всеобщее национальное образование, главным условием которого является преподавание на материнском языке учащихся.

До полного осуществления национального образования орудием преподавания может остаться русский язык; однако, дух преподавания должен стать национальным.

До и после осуществления национального образования русский язык, как язык государственный, должен остаться одним из предметов преподавания” [3, с. 32].

Омук оскуолатын сайыннарыы боппуруоһун оҕоҕо нуучча тылын биллэриини кытта харсыһыннарар да, ол туһуттан кини оруолун, аналын уларытыы да табыллыбата, дьинэр, дьонно үксүгэр үчүгэйдик өйдөнөр. Ол гынан баран биһиги бэйэбит дьоммут, кыра омук дьонун сорох өттө, *нууччалыы биллэрии нууччалыы үөрэтиинэн эрэ ситиһиллэр* диэн итэҕэйэллэриттэн уонна Арассыыа салайар эргимтэтигэр улуу омугумсуйууну тутуһааччылар *кыра омуктары суурайа сатыыр өрүттэри өйүүллэриттэн омук оскуолатын ис номоһун омук бэйэтэ дьаһаммат буоларын олохсутуу бара турар*. Ол түмүгэр омук оскуолатыгар *нуучча тылын көдьүүстээхтик үөрэтии* да, *төрөөбүт тыл оҕо билиитэ чинг, олохтоох буолар, айар кыабын сайыннарар табыгастаах суоллара* ситэри туһаныллыбат. Маныха биһиги сокуонньуттарбыт да, салалтабыт да «сөп түбэхэ» олоролоро эбэтэр аахайбаттара хомолтолоох.

С.А. Новгородов саха омугун сайдыытыгар, бэйэтин билиинитэ үрдүүрүгэр «родиноведение» диэн хамсааһын баар буолуохтаабын хас да ыстатыйатыгар су-

руйан турар. Кини оскуола улахан саастаах оҕолорун бу хайысханан үлэлэтэргэ туһаайаахха, үөрэтэргэ болҕойуохха диэбитэ. Бу хамсааһын оҕону норуот былыргы устуоруйатын, үгэстэрин билэргэ, норуот култууратын үтүө өйдөбүллэрин инэрэргэ, дойду, омук патриота гына иитэргэ көдүүстээбин этэр уонна бу үлэбэ финн омук уопутун туһаныахха сөбүн туһунан суруйар [3, с. 32]. Биһиэхэ бу үлэ «Омук оскуолатын өрүтүннэрии уонна сайыннарыы көрүгэр» төрүт култуураны үөрэтии быһыытынан кирибитэ.

С.А. Новгородов омук оскуолатын тэрийии боппуруоһун систиэмэлээхтик көрөр эбит. Ол курдук саха сана суругун олохтооһун, сана истиилин үөскэтии, фольклору үөрэтии, уус-уран литератураны сайыннарыы, уопсастыба уонна интэлигиэнсийэ үлэтэ, үөрэх кинигэтин оноруу, кыраайы үөрэтии, бэчээт дьыалатын тэрийии, о.д.а. хамсааһын биир сүрүн сорукка туһаайыллаллар. Омук оскуолатын олохсутуу биир сүрүн боппуруоһа үөрэтээччини бэлэмнээһин. Ону С.А. Новгородов эмиэ бары суолунан ситиһэргэ дьулуспута кэрэхсэбиллээх: суһал куурустары тэрийэн; үрдүкү училище үөрэнээччилэрин уонна оскуола үрдүкү кылаастарын үөрэнээччилэрин сана сурукка үөрэтэн; саха үөрэхтээхтэрин көбүлээн. Бэл диэтэр, Дьокуускайга учуутал сэминээрийэтин уонна Иркутскай университетыгар саха салаатын арыыйы наадатын туруорсан. Үөрэтии тылын-өһүн сайыннарар туһунан эмиэ ураты көрүүлээх: сорох тиэрмини омуктан туһаныы; өйдөбүл быһаарыытын сахалыы оноруу; тыл тутуутун холобуругар бырааттыы омуктартан үөрэнии.

Бу боппуруостар билигин, биһиги усулуобуйабытыгар да, ситэри быһаарары, дьүккүйэн туруорсууну эрэйэллэр. Ону хайдах ситиһэри С.А. Новгородов холобуруттан көрүүххэ сөп курдук...

С.А. Новгородов омук оскуолатын тэрийии наадатын туһунан боппуруоһу 1913 с. Арасыйыа үөрэбин үлэһиттэрин сийиэһигэр туруорсарыгар омук үөрэххэ быраабыгар олоҕурбута уонна ону тэрийэргэ көнгүл эрэ көрдөөбүтэ. Кини мань олохтоох омук бэйэтэ тэрийэр суолун быһаарбыта уонна ону олоххо киллэрэргэ туох наадатын ыйбыта, биһиэхэ онорон кулун диэбэтэбэ. С.А. Новгородов бу мань норуот бэйэтэ «Бэйэни дьаһаныы (Земство)» нөнгүө олохсутуохтаах диэн санаалааба. (Кэлин 1917, 1919 сс. кини ити суолунан утумнаахтык уонна сатабыллаахтык боппуруоһу туруорсубута). Кэлин бу дьыаланы Саха өрөспүүбүлүкэтэ (кини үөлээннээхтэрэ М.К. Аммосов, П.А. Ойуунускай, И.Н. Барахов уо.д.а.) бэйэтин дьаһалыгар ылбыта. 1921 с. сэттинньи ый 7 күнүгэр буолбут Саха күбүөрүнэтин Өрөпкүөмүн Бастакы сийиэһигэр: «...1-кы сүһүөх омук оскуолаларыгар үөрэх тыла төрөөбүт ийэ тылларынан буолуохтаах уонна нуучча тыла булгуччулаах предмет быһыытынан киририэхтээх...» диэн уураах таһаарыабыттан омук оскуолатын тэрийии олоххо кириэр суолга букатыннаахтык үктэммитэ [1, с. 101].

Онон С.А. Новгородов Санкт-Петербурга тийэн, устудьуон уол 1913 с. учууталлар сийиэстэригэр омук оскуолатын туруорсан тыл этиэбиттэн, 1923 с. «Сурукбичик» уонна «Ааҕар кинигэ» тиһэх барыйааннарын бэчээттэтэн, сахалыы үөрэтэр кинигэ бастакы акылаатын олохсутуор дылы 10 сыл сыраласпыта уонна үлэтин түмүгүн көрбүтэ. Үлэтэ салгыы сайдар суолга үктэммитин итэбэйбитэ. Бу дьыл кини 10 сыл үөрэнэн Санкт-Петербурдаагы судаарыстыбаннай университеты ситиһиилээхтик бүтэрбитэ уонна үөрэппит учууталларын кытта бииргэ үлэлиир суолга үктэммитэ.

С.А. Новгородов омук оскуолатын Арассыыйа таһымыгар туруорсубут эрэ буолбакка, бу боппуруоһу олоххо киллэри суолун сокуон, таактыка, бэлиитикэ өт-түнэн солообут, төрүтүн уурбут уонна түөрүйэтин олохсуппут, быһаччы үлэлээбит өлбөт-сүппэт өнөлөөх киһи буолар.

Онон «кини үлэлээбит үлэтэ, хаалларбыт нэһилиэстибэтэ, тус бэйэтин холобура биһиги кэммитигэр» омук оскуолатын санга кэмнэ туруулаһарга «тирэх буолар» [2, с. 43]. Ону диринник үөрэтиэххэ, тарҕатыахха, айымньылаахтык туһаныхха наада.

Литература

1. Культурная революция в Якутии (1917-1928): сб. документов и материалов. – Якутск: Книжное изд-во, 1968. – 606 с.
2. Кэриэс тылбын кэбиспэт буолун, кэрэмэс доҕотторум: С.А. Новгородов төрөөбүтэ 100 сылын туолуутугар ананнаах научнай кэмпириэнсийэ матырыйааллара. – Дьокуускай: Саха сириинээҕи наука киинэ, 1992. – 170 с.
3. *Новгородов С.А.* Во имя просвещения народа. Сочинения, переписка, материалы. – Якутск: книжное изд-во, 1991. – 231 с.
4. *Новгородов С.А.* Первые шаги якутской письменности. Статьи, материалы. – М.: Наука, 1977. – 272 с.
5. *Филиппов Г.Г.* Саха тылын дьылҕата бэҕэһээ, бүгүн, сарсын. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 110 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.А. НОВГОРОВОДА

Е.И. Оконешников,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Работа Э.К. Пекарского над составлением «Словаря» находилась в поле зрения якутской общественности. Автор, как хороший требовательный организатор, привлек к словарной работе грамотных и полуграмотных людей, олонхосутов и певцов (знатоков традиционной культуры), которые по его заданию и под его руководством в разной степени оказывали ему посильную помощь. Этот факт таит в себе много любопытного и интересного, и нет сомнения в том, что будущие исследователи легко справятся с задачей выявления вклада каждого из них.

Якутская дореволюционная интеллигенция глубоко понимала научное и практическое значение трудов Э.К. Пекарского по фольклору, этнографии и языку саха. Ярким свидетельством является «Адрес», составленный ее лидером В.В. Никифоровым и преподнесенный Э.К. Пекарскому 2 августа 1905 г. в связи с его отъездом в г. Санкт-Петербург. В нем впервые дана высокая оценка его трудов и выражена глубокая благодарность от имени якутского народа. В частности говорится следующее: «...Мы глубоко верим, что она (имеется в виду работа Пекарского по фолькло-

ру, этнографии, составлению «Словаря» – Е.О.)» займет подобающее место в истории нашего народа, если ему не суждено играть какую-либо роль в мировом шествии народов, то, по крайней мере, Ваша работа будет служить памятником его былого существования, а мы будем утешаться мыслью, что наш бедный, но милый нашему наболевшему сердцу язык, которым мы выражаем наши редкие радости и наши многообразные страдания, останется сохраненным навсегда. Мы говорим о Вашей удивительной по своей кропотливости, замечательной по продолжительности работе по собиранию нашего фольклора и по составлению словаря нашего языка... Этот капитальный труд один, не говоря уже о других отраслях Вашей деятельности среди нас, побуждает выразить Вам, при разлуке с Вами, нашу искреннюю и глубокую признательность за Ваши труды и высказать наше душевное пожелание, чтобы дальнейшая Ваша деятельность на новом месте... была такой же плодотворной как и раньше...

...Просим Вас, многоуважаемый Эдуард Карлович, и вдали от нас не забывать наш бедный несчастный народ, мы же сохраним о Вас в наших сердцах самые лучшие воспоминания!».

Под текстом он подписался первым: «Почетный якут, бывший глава Дюпсинского улуса, член-соревнователь Императорского Русского географического общества В.В. Никифоров, за ним следуют собственноручные подписи 43 видных деятелей дореволюционной интеллигенции Якутской области» [1].

В конце августа 1920 г. Эдуард Карлович перенес тяжелую болезнь (инфаркт миокарда) с осложнениями. Для того, чтобы обеспечить непрерывное печатание «Словаря», президиум АН СССР специальным решением учредил штат сотрудника в помощь Э.К. Пекарскому. Стали искать кандидатуру в Москве и Якутске. Сам Пекарский пригласил на это место своего старого друга В.В. Никифорова. Их знакомство и деловая переписка начались в конце 90-х годов XIX века и продолжались вплоть до 1928 года. Еще в дореволюционное время Э.К. Пекарский добился согласия В.В. Никифорова перевести на русский язык шедевры якутского фольклора, помещенные в его серии «Образцы народной литературы якутов». В одном из писем Никифоров признается: «Над одним выражением или предложением приходится сидеть подолгу и обдумывать не только то, как правильно передать его смысл, но и форму, которая и является особенно характерной в якутской речи». Это замечание В.В. Никифорова является своего рода открытием. Современные переводы олонхо страдают как раз эквивалентной передачей так называемых «формульных параллелей», из-за этого снижается эстетическое восприятие шедевров.

Выдающийся просветитель-демократ, основоположник массовой национальной письменности Семен Андреевич Новгородов был командирован Якутским правительством в г. Петроград по вопросам отливки шрифтов для своего алфавита, приобретения типографического оборудования и издания первых учебников, учебных пособий. Воспользовавшись приездом в Петроград С.А. Новгородова, Академия наук по ходатайству Э.К. Пекарского предложила ему эту должность. Об этом писал сам С.А. Новгородов: «...Еще до моего приезда в Питер, ввиду паралича Э.К. Пекарского, Академия наук возымела желание ему найти помощника... Как только я приехал сюда, акад. С.Ф. Ольденбург (старший), этнограф Л.Я. Штернберг и сам Эдуард Карлович стали бомбардировать меня с трех сторон» [2].

Так первый якутский ученый-лингвист С.А. Новгородов стал научным сотрудником РАН по составлению и редактированию «Словаря якутского языка». Он работал с 1 мая 1921 г. по 1 мая 1923 г. (т.е. полных два года). Поскольку он работал по совместительству, то рабочее время по «Словарю» ограничивалась двумя-тремя часами в день. Днем бегал по инстанциям, выполняя свои прямые обязанности, в числе которых были доставка шрифтов и типографских оборудований, издание учебников, учебных пособий, одновременно он выполнял множество других поручений от правительства Якутской республики и его Постоянного представительства в Москве. Светлое время дня уходило на деловые переговоры в различных учреждениях, а вечерами после 20-ти и 21 часа работал (по 2-3 часа) в кабинете Э.К. Пекарского над редакцией словарных статей. Так продолжалось постоянно изо дня в день, что представляется достаточно изнурительным. Одновременно он сдавал экзамены на восточном факультете Петроградского университета по тюркским, монгольским, французскому, немецкому языкам и тунгусо-маньчжурским наречиям. Условия жизни в Петрограде в то время были исключительно тяжелые. С.А. Новгородов жил в холодной, сырой комнате, нередко питался одним черным хлебом. В одно время по ходатайству Э.К. Пекарского состоял в списке сотрудников АН, которым было предоставлено так называемое «усиленное питание». Об условиях жизни он обмолвился в письме к Роману Ивановичу Оросину от 19 января 1922 г. «...Совмещая несколько обязанностей или, как говорят здесь, халтурничая, и не имею свободного времени: днем обхожу советские учреждения, а вечером 3 часа работаю в кабинете Эдуарда Карловича, куда (1 версту) и оттуда хожу пешком. Так изо дня в день. Тяжело и скучно» [3]. К тому же его жизненные неурядицы не прошли бесследно, здоровье его было ослаблено, часто болел. В «Записке» к Э.К. Пекарскому от 29 апреля 1923 г. пишет: «Инфлюэнца моя проходит, хотя кашель еще остался. Надеюсь на то, что если и сегодня я не выйду из дому, то завтра смогу пойти к Вам на занятия. Мой привет Вам и моей мамаше!» [4].

Замечу, что из якутских сотрудников Э.К. Пекарского никто, кроме Семена Андреевича, не называл его жену Елену Андреевну Кугаевскую «мамашей». Дело в том, что она по какой-то причине ко многим из них относилась недоброжелательно. Особенно доставалось от нее А.Н. Никифорову, проработавшему с 1909 года по 1913 год. Кстати заметим, что ссылка Э.К. Пекарского *Ник.* (Никифоров) разнесены с 3-го выпуска «Словаря» по 13-й (последний). В этом маленьком штрихе усматриваем отзывчивый, откровенный, привлекательный, располагающий к себе черты характера С.А. Новгородова.

Одно время председатель СНК Якутской республики М.К. Аммосов хотел перевести его в Москву для работы в Якутпредставительстве. Не тут-то было. Узнав об этом, Э.К. Пекарский немедленно обратился с письмом к неперемемному секретарю РАН академику С.Ф. Ольденбургу. Тот в свою очередь от имени РАН написал письмо М.К. Аммосову, где, в частности, говорится: «С.А. Новгородов ведет в Академии чрезвычайно ответственную работу по составлению якутского словаря. Эта работа помимо крупного значения ее для науки имеет громадную практическую важность и для якутского народа. Российская Академия наук настоятельно просит освободить от необходимости покинуть Петроград и тем представить ему возможность докончить начатое им дело» [5].

С.А. Новгородов принимал участие в окончательной редакции словарных статей на корректурных листах. Специально для Пекарского издательство РАН выпускало четыре-пять корректур, что позволяло вносить многочисленные исправления. Обычно это бывали листы с нагромождениями различного рода исправлений, вопросительных, восклицательных и других условных знаков, расставленных Пекарским и его помощниками. По этому поводу однажды В.М. Ионов заметил: «Замечания на замечания, крестики на крестики – до бесконечности. Они страшно путают и приходится долго разбираться в них» [6]. Держать корректуру означало не столько исправление типографских ошибок, сколько внесение дополнений и уточнений по поводу тех или иных словарных статей. По существу это была редакторская, а местами и составительская работа. Поскольку одни и те же словарные статьи просматривались раза четыре или пять, то они, как правило, «доводились» до кондиции. Свою лепту в качественное улучшение «Словаря» внес С.А. Новгородов, просмотревший корректурные листы VI, VII, VIII выпусков. Он обработал словарные статьи по буквам: м – 1069 слов, н – 1374, о – 1124, ө – 792, п – 166, р – 44, с – 4836, т (частично) – 77, итого 9482 словарные статьи объемом около 60 п. л.

Основная его помощь заключалась в кропотливой работе по выяснению и уточнению значения отдельных слов и выражений. Конкретную работу в этом плане можно проследить по пометам *Новг.* (Новгородов). Их всего 378. Здесь мы должны припомнить высказывание самого Э.К. Пекарского о том, что слова и значения их, приведенные им, не сопровождаются указанием источника, а те слова, которые по той или иной причине остались непроверенными или за которые не ручается сам составитель, отмечаются знаками, указывающими источник.

Примеры по букве м: МОЧЧОЙ ‘быть упитанным в такой степени, что лоснится лицо: налиться как клюковка’. *Новг.*; МӨДӨӨРСҮЙ ‘стать тише, медлительнее, немного успокоиться’. *Новг.*; МЫНДЫР ‘мелочный, педантичный (ср. бириинчик), точный, ловкий, подходящий до мелочей’. *Новг.*; МҮҺЭЙ ‘надокучать; очень принуждать, допекать, донимать’. *Новг.*; МОДЬУЙ ‘настоять на своем’. *Новг.*; МОРДЬОБОР ‘у кого лицо выпуклое и чуть-чуть видны зубы’. *Новг.*; МЫРААН-МУРААН ‘холм, гора, скалистый хребет вдоль берега реки по одну или обе ее стороны’. *Новг.*; МҮЛЧҮРКЭЙ ‘непрочно стоящий на месте, легко сбивающийся с места; скользкий (ср. түөрэккэй)’. *Новг.*; МУОМУР ‘зачичереветь, хиреть в молодости, останавливаться в росте’. *Новг.*; МУНУТАХ ‘нерешительный, робкий, тупой, вялый’. *Новг.*; МӨНҮӨ ‘выпуклость (на которой невозможно усидеть, удержаться)’. *Новг.*

Что здесь можно отметить? Во-первых, слова, толкование которых принадлежало Новгородову, относятся к наиболее трудной для определения части якутской лексики, к так называемой образной и подражательной. Во-вторых, действительно, приведенные слова отличаются весьма неопределенной широкой семантикой. Несмотря на это, автор дает достаточно точное и полное их определение.

В «Словарь» занесено 318 примеров со ссылкой *Новг.* (Новгородов). Примеры даются как наглядный материал, подтверждающий то или иное значение заглавного слова. Поэтому они также требуют безукоризненного знания языка и самое главное – в переводных двуязычных словарях, каким является «Словарь» Э.К. Пекарского, адекватной передачи на русский язык. С этой задачей С.А. Новгородов справился успешно. Несколько примеров: МОНОО... дьылы монуур аһым суох (у меня нет

съестных припасов, чтоб прожить до конца года). *Новг.*; МОРУУ... моруу гын (причинить мучение (беспокойство), мучить (напр., голодом). *Новг.*; МӨХТӨР... киһи-ни сиһигэр мөхтөрөн... быраҕан охтордо (поддав человеку спиною, он сбросил – свалил его). *Новг.*; МУННЬАРАХ... мунньарах гына түс (сморщивать свое лицо). *Новг.*; МУНУР... мунур уһук (тупой конец; критическое положение). *Новг.*; МУНУ-ТАА... мунутаатаҕына биэс сүүһү биэриэ (самое большее он даст пять рублей). *Новг.*; МУНУТААН... ыраатааччы Мунг күөлгэ, бултуу тийэр эбит (наиболее удаляющийся (из них) в погоне, за промыслом, оказывается, доходит до озера МУН). *Новг.*; МҮЛҮКТЭС... атыырдар охсуһан мүлүктэстилэр (жеребцы ожесточенно подрались между собою (букв.: подрались и грызлись). *Новг.*; МЫНГАА... ыппыт монотойу тииккэ ытыаран баран өрө мынгаан турар (собака наша, загнавши бурундука на лиственницу, стоит и смотрит вверх). *Новг.*

Здесь подобраны, конечно, наиболее удачные переводы, но, тем не менее, придраться к качеству переводов можно было бы. Отличительная черта переводов – это не подбор эквивалентов в русском языке, а передача смыслового значения якутских слов средствами русского языка. При заглавном слове МОЧЧОЧЧУ, например, есть сочетание моччоччу уйдун, которое С.А. Новгородов переводит (ты разжирел до того, что жир у тебя лоснится). Более адекватную передачу трудно найти.

В «Словаре» дан довольно солидный сопоставительный материал. Якутские корнесловы сравниваются со словами тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. С.А. Новгородов приводил аналогии по тюрко-монгольским языкам, в особенности, как знаток по монгольским. Примеры по букве м: МИЧИЛ /ср. монгольскую транскрипцию «мичийэр» / ‘улыбка, радостная улыбка, радость’. Мичил билистин ‘да будет (Вам) ведома радость!’. *Новг.*; МУНУТАХ /ср. монг. ...моготак/ ‘тупой, вялый, робкий, нерешительный’. Мунутаҕым бэрт буолан сангарбакка хааллым ‘вследствие своей излишней робости я промолчал’. *Новг.*; МУН /ср. монг. ...мун ‘богатый, изобильный’ / ‘предел, граница, крайняя степень меры’. *Новг.*; МУ-РААН /ср. ‘монг. ...мурен (река) /... ‘скалистый хребет, тянущийся вдоль берега по одну или обе стороны реки’. *Новг.* и т.д. Сравнительный материал приведен, по утверждению Э.К. Пекарского «главным образом для уяснения точного значения того или другого якутского слова». С.А. Новгородов способствовал расширению монгольских сравнений. Узнав, что Э.К. Пекарский делает сопоставления по словарю Смида, он рекомендовал более полные словари – трехтомный «Монголо-французско-русский словарь» О. Ковалевского (1835 г.), трехтомный «Монголо-русский словарь» К.Ф. Голстунского (1893-1895 гг.).

В основу «Словаря якутского языка» составителем была положена идея создания словаря-копилки, словаря-сокровищницы якутского языка. Поэтому в словник попали почти все слова, услышанные однажды или зарегистрированные в печатных и рукописных источниках. По третьему тому «Словаря» встречаются заглавные слова, зафиксированные с пометкой *Новг.* (Новгородов). Примеры по букве м: МОНОС ‘утка мородушка (в Олекминском округе)’. *Новг.*; МОЛУКУС ‘прозвище’. *Новг.*; МОЛУЙУК ‘мужское прозвище’. *Новг.*; МОЙУОР ‘майор’. *Новг.*; МӨДӨӨН ‘медлительный, сонливый, вялый, слабый’. *Новг.*; МӨҺӨӨЧЧҮК ‘мешочек’. *Новг.*; МУУЧУН КИРИЭС ‘урочище Мутинский крест (окрестность г. Якутска)’. *Новг.*; ҮТҮЛҮК МӨХЧӨЙ ‘кличка жеребца (в предании)’. *Новг.*

Продолжительная работа знатока родного языка, дипломированного и высококвалифицированного филолога С.А. Новгородова, несомненно, способствовала качественному улучшению «Словаря» в смысле полноты и точности определения значений того или иного слова и экземплификаций словарных статей, а также обогащению словника. Словарная работа, поскольку она основана на семантике слова, считается исключительно сложной, требующей физической и умственной энергии, кроме тонкого знания языка. Об этом писал в свое время академик Л.В. Щерба: «Словарная работа... требует особо тонкого восприятия языка, требует, я сказал бы, совершенно особого дарования, которое по какой-то линии, вероятно, родственно писательскому дарованию (только последнее является активным, а дарование словарника, – пассивным и обязательно сознательным)» [7, с. 289]. Такими исключительными качествами в определенной степени обладал С.А. Новгородов.

В «Предисловии» к 7-у выпуску «Словаря» Э.К. Пекарский писал: «К числу моих сотрудников необходимо присоединить также покойных проф. Н.Ф. Катанова и молодого якута-лингвиста С.А. Новгородова». По его же просьбе участие С.А. Новгородова в составлении «Словаря» отмечено также в «Послесловии» к 13-у выпуску, написанном академиком С.Ф. Ольденбургом.

В конце ноября 1928 г. Э.К. Пекарский обратился к М.К. Аммосову с очередным письмом, где, в частности, говорится: «...Ввиду роли, которую сыграл покойный Семен Андреевич в деле поднятия культурного роста своей страны, было бы, может быть, уместным в ознаменование его заслуг принять сироту его, Елену Новгородову, дочь Якутской республики и не жалеть средств для ее материального и духовного обеспечения».

Ответ последовал от 2 декабря того же года на почтовой карточке следующего содержания: «Многоуважаемый Эдуард Карлович! Заявление гр. Новгородовой с приложением Вашего письма получил. Но это в данный момент бесполезно. Я теперь никакого (подчеркнуто М.К. Аммосовым. – Е.О.) отношения к якутским делам не имею.

Советую Вам обращаться в Якутское представительство и СНК Якутской республики. Прошу все это передать гр. Новгородовой».

Подчеркнутое Аммосовым слово никакого, возможно, является каким-то непроизвольным проявлением его внутреннего протеста против несправедливостей, учиненных по отношению к нему и другим руководителям Якутской областной партийной организации в связи с известным постановлением Секретариата ЦК ВКП (б) в 1928 г.

Литература

1. Архив Санкт-Петербургского филиала Российской Академии Наук [ПФА РАН. Ф. 202, Оп. 1. Д. 114. Лл. 133-135].
2. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 9. Д. 58. Лл. 1-9].
3. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 9. Д. 75. л. 1.
4. ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 2. Д. 204. Л. 3.
5. ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 83. Л. 87.
6. ПФА РАН. Ф. 202. Оп. 2. Д. 184. Л. 69.
7. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С.265-304.

С.А. НОВГОРОДОВ **УОННА САХАЛЫЫ СУРУК-БИЧИК ТУРУГА***

И.Е. Алексеев, И.Н. Сорова,
ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

Саха омук суруктаах буолар кэмин уһулуччулаах тыл үөрэхтээбэ С.А. Новгородов түстээбитэ сүүс сыла буолла. Саха тыла толору чөл эрдэбинэ, дорҕоон туругун туһунан академик Л.В. Щерба үөрэбин ылынан, «Бастаанны сурук-бичик» диэн букубаарын айбыта, билигин санаатахха, кини дуулаба хорсун быһыыта эбит [4, с. 302].

П.А. Ойуунускай эппитини, С.А. Новгородов латынны дорҕоон бэлиэлэрин букуба чэрчитигэр туһанар уопуту олохтоон, саха ыччата да, дьоно да устуоруйа кылгас быһык кэмигэр үөрэбэ суох түн хааһах кэмтэн билии-көрүү сырдык суолугар үктэммитэ [9, с. 113]. Үөрэх-билии таһымыгар, бэчээккэ, дьон суруйсуутугар С.А. Новгородов алпаабыта ХХ үйэ 40-с сылларыгар тийэ туһаныллыбыта – төһө да бүттүүн түүрдүү алпаабыт (1926 с.) ылыныллыбытын үрдүнэн, олоххо буолан ааспыт устуоруйа чахчыта.

С.А. Новгородов букубаарын тупсаран онороругар, «Ааҕар кинигэ» бэчээттэниитигэр да, билинни тыл үөрэбин таһымынан көрдөххө, сурук уонна санарыы үөрүйэхтэрэ алтыһа сылдьаллар. Ол «хайдах санарарын курдук суруй» диэн бириинсипкэ тирэбирэн, латынны бэлиэ (транскрипция) санарыы үгэстэрин сурукка табыгастаахтык туһанар кыабы үөскэппиттэн көстөр. Холобур, *ылан биэр* < *ылам биэр, этэн кулу* < *этэн кулу, кутуйах ыраахтаабыта* < *кутуйаҕ ыраахтаабыта* у.д.а. Таба суруйуу быраабылалара олоҕуруохтарын иннинэ сурукка бичиккэ санарыы үйэлээх үгэһэ тутуһуллан испитэ. Тыл үөрэбэр ити көстүүнү М.В. Гордина «Только когда человек начинает представлять себе звуки речи как некие особые сущности, становится возможным обсуждать их свойства и способы их фиксации» диэн быһаарыыта Семен Андреевич маассабай сурук-бичик олохсуйар тосхолун сөпкө өйдөөбүтүн туһулуур [6, с. 5].

«Букубаарын» сыһыарыытыттан көрдөххө, сурук-кыраапыка сэргэ, дорҕоон дьүөрэлэһэн уларыыр төрүөттэрин тыл үөрэбин түөрүйэтигэр тирэбирэн, сахалыы сурук-бичик аанын бастаан тэлэйбит эбит. Кини өйдөбүлүнэн, оччолорго үгүс омуктарга сурук олохсуйарыгар латын транскрипцията улам-улам киэнник тарбанан эрэрэ саха тылыгар дорҕоону чопчутук бэлиэтиргэ ордук табыгастааба.

Латын транскрипциятынан сахалыы сурук-бичик сыһыа итэбүһэ-быһаһа көннөрүллэн, үөрэх-билии, бэчээт, наука сайдан испитэ. Оттон 1926 сыллаабы бүттүүн түүр тылларыгар аналлаах латынны хабааттыылаах алпаабыт ылыныллыыта эриэ-дэхси буолбатаба. Атын түүрдэргэ баар дорҕооннор бэлиэлэрэ сахалыыга суохтара эбии бутууру үөскэппитэ. Инньэ гынан, новгородовты алпаабыт бэйэтин суолун өссө олохтоохтук солломмута, үөрэх систиэмэтигэр хайыы-үйэ үөрүйэх буолан, туттуллуута кэнээн испитэ.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-34-00027 (Ыстатыйа РГНФ өйөөбүт 16-34-00027 №-дээх научнай бырайыагын чэрчитинэн бэлэмнэннэ)

1938 сылтан аны нуучча алпаабытыгар көһөр туһунан кэпсэтиилэри, онтон уураахтары Киин былаас сонноон барбыта. Тиһэбэр, баартыйа Саха сиринээҕи кэмитиэтин бүрүөтэ 1938 сыл сэтинньи 10 күнүгэр «Нууччалыы алпаабытка көһөр туһунан» уурааҕа тахсыбыта [11]. Онно этиллэринэн, олох бары таһымыгар латынныы алпаабыттааҕар нуучча алпаабыта таһыччы ордугунан (превосходство русского алфавита) саха суругун-бичигин нууччалыыга көһөрөр булгуччулааҕын көрдөрөр ыстатыйалары киэн маассаҕа анаан бэчээттэтэ охсорго уонна сана туттуллан эрэр нууччалыы тыл олоҕун уларыппакка суруйар наадалааҕын ыйан, Тыл, култуура институтун дириэктэрэ В.Н. Чемезов, биллиилээх тюрколог С.Е. Малов алпаабыт бырайыагын 20 күн иһинэн онорон, өрөспүүбүлүкэ Үрдүк Сэбиэтин бүрүсүдьүүмүгэр киллэрэллэригэр соруудахтаабыта.

Сорудаҕы уталыппакка толорбуттара уонна 1939 сыл олунньутугар сана алпаабыты, институтка дьүүллэһэн ылыммыттарын кэннэ, кулун тутар 23 күнүгэр РСФСР үөрэҕин норкуомугар бигэргэтэн кэбиспиттэрэ [13, с. 15]. Тиһэбэр, ити сыл атырдьах ыйын 29 күнүгэр Саха Өрөспүүбүлүкэтин Үрдүк Сэбиэтэ сана алпаабыты таба суруйуу быраабылаларын кытта холбуу бигэргэспитэ [3].

Сана алпаабытка көһүү, биллэрин курдук, 1939-40 сс. ССРС норуоттарын бары тылларыгар (Армения, Грузия уонна Прибалтика Өрөспүүбүлүкэлэриттэн уратыга) нуучча (кириллица) буукубаларын ылынан, аҕыйах «ураты» дэнэр дорҕооннору, холобур сахаҕа *h, ь, ө, ү, н, ды, нь* курдуктары эбэн алпаабыты ылыныы, дыин иһигэр, алпаабыт оноһуулар бириинсиптэригэр дьүөрэтэ суох дьаһал буолбута.

Алпаабыт хайа да тыл бэйэтин дорҕооннорун тиһигиттэн таньылларыгар, туох да мунааҕа суох, өр үйэлэртэн үгэс буолан чочуллубут дорҕоонноро систиэмэ быһыытынан киирэллэр [5]. Оттон 1939 сыллаахха бигэргэтиллибит сахалыы-нууччалыы алпаабыт ити ирдэбилгэ сөбө суох бириинсибинэн оноһуулан, күн бүгүнгүгэр диэри таба суруйуу быраабылаларыгар нууччалыы тыл хайдах суруллуохтааҕа мөккүөргэ сылдьар. Түөрүйэбэ дьүөрэлээх алпаабытка, таба суруйуу, кыраапыка өттүнэн табыгастааҕа эрэ буолбакка, тыл этигэнин, чөлүн харыстыыр анал баһыйыахтаах. Ол иһин эрдэттэн суруктаах омуктарга табыгастаах алпаабыт тыл туругун хараанньыта буолан, үйэлээхтик туттуулар. Холобур, нуучча тылын алпаабыта Петр I саҕаттан (1710 с.) бигэ туруктаахтык туттулуута кириллицаҕа олобуран, XX-с үйэ саҕатыгар (1917 с.) өссө тупсарыллан, халбаннаабакка туһанылла сылдьар. Көстөрүн курдук, нуучча тылын алпаабыта, хайа да атын омук тылыттан булкааһыга суох, бэйэтин тутула нууччалыы дорҕооннор тиһиктэриттэн таньыллан оноһуллубут буолан, бигэ-таҕа. Итиннэ сүрүн ирдэбил – дорҕооннор сөптөөх бэлиэлэрин олобурдан, сурук-бичик табыгастаах буоларын хааччыйыы. Хайа баҕарар омук тылын суруга-бичигэ эмиэ онно дьүөрэлээхтик оноһуулан, туттуулар кыаҕа сайдан, кэнээн иһиэхтээх этэ.

Алпаабыты олохсутуу ирдэбиллэрэ уонна бириинсиптэрэ, ордук сана сурук-бичик олобуура кэмигэр, тыл ис кыаҕын ситэри-хотору арылар суоллары чопчулуурга туһайыллаллар [10, с. 63-64]. Ол иһин төрөөбүт тыл дорҕооннорун тиһигинэн алпаабыты олохсутарга билим түмүктэрэ, быһаарыылара туһаныллаллар. Саха тылыгар алпаабыты онорор саҕана (1939 с.), нууччалыы алпаабыт буукубалара, дорҕоон бэлиэтэ буолалларын таһынан өссө, саха дорҕооннорунуун үкчү дьүөрэлээхтэр диэн быһаарыы баара [14, с. 47-50]. Ол саҕана, дорҕоон тиһигин чинчийии ситэхото илик кэмигэр, итинник өйдөбүл чуолаан түүр тылларыгар киэнник тарҕаммы-

та. Бэл, тылдыттарга алпаабыт буукубатын нууччалыы дорѳоон аатынан *бэ, вэ, гэ...* диэн киллэрбиттэрэ [7, с. 16]. Дорѳоон аатын бутуйуу түмүгэр, күн бүгүнүгэр диэри «саха тылыгар *h, ø, ɣ, ɥ, h, dь, нь* эрэ сахалыы, атыттарга нууччалыы» диэн өйдөбүл үгүс дьонно олохсуйан сылдыар. Ол үөрэх кинигэлэригэр, тылдыттарга баарын эмиэ көрүүххэ сөп [12, с. 18].

Алпаабыт оноһулар бириинсибин сүннэ, төрөөбүт тыл дорѳоонно хайдах этиллэллэрин сэргэ, дьин иһигэр, тылга туттулууларыгар өйдөбүлү төһө сөпкө көрдөрөллөрүн, тиздэллэрин ирдиир [10, с. 64]. Итинтэн төрүүттэн, тыл-тыл ахсын дорѳоон ураты ааттаныыта, нууччалыы *бэ, вэ, гэ, дэ* курдук, олохсуйбут. Холобур, армянныы – *бен, гин, кен, дан, то*, гректии – *вита, гамма, дельта*, грузинныы – *бан, ган, дан, тан*, кириллицалыы – *буки, веди, глагол, добро, покон* диэн [8, с. 29-30]. Оччотугар түүр тылларыгар эмиэ ордук бүтэй дорѳоонно тус ааттаах буолуохтаахтара 1939-1940 сс. саѳана болѳойуллубатах.

Аны туран, дорѳоон тус ааттаах буолуута төрөөбүт тылынан санарар үөрүүхтэн тутулуктаах. Сахалыы аһаѳас да, бүтэй да дорѳоонно, К.Д. Ушинской «тыл дорѳооно – өй тыктарыыта» диэбитини, өйү-санааны сайа этэр аналлар хайдах этиллэллэриттэн тутулуктаах. Онон саха тылын алпаабыта, эмиэ атын суруктаах тылларга курдук, бэйэтин ис кыаѳын көрдөрөр ааттаах-суоллаах дорѳоонноруттан таныллан оноһулуннаѳына, сурук-бичик бигэ буолуоѳа. Аһаѳас дорѳоонно хаачыстыбалара тус уратылаах буоллаѳына, бүтэй дорѳоонно, нууччалыы *бэ, гэ, дэ* буолбакка, сахалыы сана уорганнарын (АБ) оноһугун быһыытынан чочуллубут айылгылаахтар: *бы, гы, ɣы, ды, дьы, ый, ый, кы, ыл, ым, ын, ыһ, ньы, ны, ыр, ыс, ты, хы, чы, һы* диэн. Тыл чөлүн дорѳоон хайдах этиллэр туруга харыстыыр, сайдыы далаһатын, өй-санаа күүрээнин, бүтүүн омок айар эйгэтин ситэрэтик арыйар. Тыл чөлүн көстүүтэ диэн – тыл ис күүһэ, иһиллэр кэрэтэ, дорѳооннорун тутулун бигэтэ, этии киэбин санарыы чочуллубут халыыба, тиһэѳэр, тыл эстиэтикэтэ [2, с. 13].

Нууччалыыта-сахалыыта биллибэт булкаас алпаабыт, сурук эрэ буолбакка, санарыы (АБ) киэбин уларытар дьайыыта улам-улам биллэн-көстөн иһэр. Эрдэтээѳи кириии *оскуола, уруучука, баара, баарта* у.д.а. тыллар сыыйа нууччалыы халыыптарыгар көһөн иһэллэрэ. Тиһэѳэр, сахалыы тыл этиллиитэ, суруллуута кытта, АБ «нууччатытытыттан» төрүүттээх. Холобур, *эѳэрдэ – аѳэрдэ, буолар – болар, биэрэр – берэр, түөрт уон – тердон* у.д.а. Көстөрүн курдук, сахалыы санарыы кыаѳын ылларан бардаѳына, тыл уопсай тутулун сүннэ сингармонизм улам үрэллэн киирэн барыах чинчилээх. Сыыйа дорѳоонно симэлийэн, туттуллубат буолан иһиилэрэ *h, ɥ* (мурун *й*), уһатыылаах аһаѳастар, дорѳоонно этиллэр хаачыстыбалара күлүгүрэн бардаѳына, тыл сүрүн тутула айгырыыр туруктаах. Ол иһин саха алпаабытын бэрийэн, тупсаран биэри энцирээбэт сорук буолар.

Билинни кэмнэ Арасыыаѳа олохтоох омуктар тылларын алпаабыта кириллицаѳа олоѳуруохтааѳын тыл сокуона ирдиир уонна алпаабыт тупсарыгар тускутун бопсубат. Ол иһин сахалыы сурук-бичик тупсаѳай, тыл-өс чэгиэн, чөл буоларын туһугар, алпаабыт сана барыаанын ылынар кэм кэллэ дии саныыбыт.

Сана бырайыак сахалыы дорѳоон үөскүүр бэлиэтин ситэрэтик арыйар аналлаах уонна билинни сайдыылаах кэмнэ бэйэтин туһун ыһыктыбакка, салгыы сайдар кыаѳын хааччыар. Ол аан дойдутааѳы тыллары харыстыыр, өрүһүйэр дьаһаллардыын дьүөрэлээх.

САХА АЛПААБЫТА

**А а, аа, Б б, г, ҕ, Д д, Дь дь, И и, ии, иэ, Й й, Й й,
К к, Л л, М м, Н н, н, Нь нь, О о, оо, Ө ө, өө, П п, Р р, С с, Һ,
Т т, У у, уу, уо, Ү ү, үү, үө, Х х, Ч ч, Ы ы, ыы, ыа, Э э, ээ.**

Алпаабыт 40 буукубалаах. Урут кирибэтэх уһатыылаах, дьуптуон аһаҕастар уонна *й* (мурун дорҕооно) саха тылын бары дорҕооннорун түмэр. 13 нууччалыы буукуба нуучча алпаабытыгар баарын уонна нууччалыы тылы нуучча алпаабытынан сурулларын быһыытынан сахалыыга кирибэттэрэ сирдээх. Онон икки аһы тутуллаах тыллар дорҕооннорун тиһигэ уратылааһын тылы сангалыы үөрэтээччи, ордук оскуола үөрэнээччитэ, өйдүүрүгэр көмөлөөх. Итини таһынан, хайа да таһымна тыыннаах тыл бэйэтин сокуоннарынан сайдара күөмчүлэниэ суохтааһын К.С. Аксаков «Народ говорит одним языком, в этом единстве выражается внутренняя симпатия родства душ, по которому люди одного народа сливают звуки в известные стройные созвучия, выражая ими внутренние и внешние понятия», – диэн уот харахха эппиттээх [1, с. 171].

Литература

1. Аксаков К.С. О грамматике вообще (по поводу грамматики В.Г. Белинского) // Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.В. Филина. – М.: Высшая школа. 1973. – С. 170-174.
2. Алексеев И.Е. Саха алпаабыта: үөрэх кинигэтигэр туһаныллар босуобуйа. – Дьокуускай, 2014. – 258 с.
3. Архив ЯФ СО АН СССР. ф.5. оп. 4. д. 29. л. 47-48.
4. Афанасьев В.Ф. Азы якутской грамоты // Труды историко-филологического факультета. Вып. 1. – Якутск, 1966. – 302 с.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – 605 с.
6. Гордина М.В. История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). – СПб, 2006. – 533 с.
7. Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1965. – 973 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Совр. энцикл., 1990. – 683с.
9. Литературная энциклопедия. – М., 1934. – т. VIII. – 113 с.
10. Мусаев К.М. Алфавиты языков народов СССР. – М., 1965. – 83 с.
11. Постановление бюро ОК ВКП (Б) “О переходе якутской письменности на русский алфавит” 10.08.1938 г. // НА РС (Я) ф. 1 п. 3.оп. 182. с. 161. л. 111.
12. Сахалыы таба суруйуу тылдьыта. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с.
13. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 274 с.
14. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. – Якутск: Якиз, 1947. – 307 с.

ЛИНГВИСТ С.А. НОВГОРДОВ КАК ФОЛЬКЛОРИСТ

В.В. Илларионов, Т.В. Илларионова,
ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

Нельзя оспорить участие первых образованных людей, писателей, ученых в рождении и развитии якутской фольклористики. В.В. Никифоров–Кюлюмнюр, Е.Д. Николаев, А.Е. Кулаковский–Өксөкүлээх, А.И. Софронов–Алампа, С.А. Новгородов, Г.В. Ксенофонтов перед революцией, затем в первые годы Советской власти развернули огромную общественно-научную и просветительскую работу. У них было особое отношение к национальной культуре, устному народному творчеству. В этом аспекте жизнь и общественная деятельность первого ученого-лингвиста достаточно хорошо исследована первым библиографом С.А. Новгородова [1].

Мы в настоящей статье попытаемся осветить отношение к якутскому фольклору первого якутского лингвиста С.А. Новгородова и значение его трудов для современной фольклористики.

С.А. Новгородов много раз слышал исполнение мастеров якутского слова, впитал их, в совершенстве владел всеми красками богатого якутского языка. Это видно из его стихотворений, коих, к сожалению, мало, и из искренних писем к близким друзьям – Кузьме Гаврилову, Мусе Потаповой и др. [4, 5].

Из книг, выпущенных Е.И. Коркиной («Первые шаги якутской письменности», 1977; «Во имя просвещения родного народа», 1991), мы узнаем, что С.А. Новгородов начал собирать народные произведения, еще обучаясь в реальном училище. Об этом он сам пишет так: «Я занимался записыванием якутского фольклора еще с ученической скамьи. Будучи сотрудником-репортером первого (пока и последнего) печатного журнала на якутском языке “Саха саната” (“Якутский голос”), издававшегося с 1 сентября 1912 г. по март 1913 г., я поместил в беллетристическом отделе журнала четыре песни, записанные со слов трех певцов» [4, с. 95]. Упомянутые здесь первые его фольклорные записи «Сайын» (Лето), «Таатта ырыата» (Песня Татты), «Сут ырыата» (Песня засухи) и «Хонон турарбыт ырыата» (Песня после ночлега) друг за другом выходили в журнале «Саха саната» («Голос якута»). В народном песнопении «Сут ырыата» (Песня засухи) приписал как примечание «Песня о позапрошлой засухе». Судя по примечанию, С.А. Новгородов записал эту песню где-то в 1912 году, когда ему было всего 20 лет. Год записи этих песен им не указывается. Но при этом пусть не полно, в сокращении, но отмечает, из чьих уст он записал произведение, например: сын Лухи Иэп Н. (Иов Лукич Новгородов), сын Елисея Иван (Иван Елисеевич Кулаковский). Как видно, С.А. Новгородов тесно работал с олонхосутами, певцами, сказителями Чурапчинского, Таттинского улусов.

Так, молодой собиратель фольклора из уст своего земляка Иова Новгородова в разные годы написал «Үнкүү ырыата» (Песня кругового танца), вступление олонхо «Эр киһи Эллэй Боотур» (Богатырь Эллэй Боотур), «Ырыа» (Песня), «Чабырбах»

(Скороговорка), из уст Ивана Оонньуулах (И.Е. Кулаковский) «Таатта ырыата» (Песня Тагты), «Иэйиэхсит ырыата» (Песня Иэйэхсит), «Халлаан сырдыра» (Рассвет), «Сут ырыата» (Песня засухи), из уст Марии Ан드로совой «Дьыл кэлиитин ырыата» (Времена года), «Кулун тутар» (Март). Из уст Дьүлэй Бүөкээн первым записал несколько скороговорок. Все это – образцы лучших произведений народного творчества, которые сейчас вошли в фольклорные сборники.

Первый лингвист Якутии, студент Санкт-Петербургского университета, на время летних каникул командированный Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии в Якутию, целенаправленно собирал фольклор в заречных улусах. М. Шадрин так написал в некрологе ученого об его увлечении фольклором: «Серьезный интерес к изучению своего родного языка покойный обнаружил еще с 5-го класса реального училища. С течением времени этот интерес окреп. Будучи еще студентом 1-го курса, он получает командировку от русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии для сбора материала по якутскому фольклору. Это поручение было выполнено им с успехом; и его записи, переводы и комментарии обнаруживали прекрасную осведомленность в языке и недюжинные способности будущего лингвиста» [4, с. 85].

С.А. Новгородов в своих фольклорных заметках написал, что считает И.Н. Винокурова–Табахырова известным талантливym олонхосутом и отметил, что Т.П. Борисов–Ырыа Тиэхээн, диктовавший Семену Андреевичу «Байанай алгыһа», научился песнопению у И.Н. Табахырова. В своей автобиографии написал также, что записал стихами одно полное олонхо со слов И.Н. Табахырова и отметил, что это был первый образец записи олонхо в стихах. По воспоминаниям жены С.А. Новгородова, когда текст этого олонхо, который был передан Э.К. Пекарскому для печати, не был найден, он глубоко возмущался. До сих пор не известно, в каком архиве хранится текст большого олонхосута.

О том, что Семен Андреевич был высокопрофессиональным собирателем своего времени, свидетельствует выполненная им запись «Байанай алгыһа» (Заклинанье Байаная). Во-первых, бросается в глаза то, что он текст со слов информатора зафиксировал точь-в-точь, без каких-либо изменений. Образцы якутского фольклора сам Семен Андреевич и его помощники записывали, как в свое время И.А. Худяков и Э.К. Пекарский, строго следуя этому главному принципу.

Во-вторых, С.А. Новгородов как ученый-лингвист дал подробное объяснение непонятным словам и словосочетаниям типа «таала холумтан», «эстэрии чокуур», «тоһоҕос от», «эргэнэ хара» – всего 14 словам.

В-третьих, записав «Байанай алгыһа», Семен Андреевич расспросил у знающих охотничьи традиции стариков, информаторов имена байанаев и, сравнив вошедшие в словарь Э.К. Пекарского имена байанаев со своими записями, сделал очень ценные замечания.

В-четвертых, в своих приписках ученый, поработав с информаторами, подробно записал имена байанаев и отметил, что каждый лес, каждая гора, звери, орудия охоты имеют свои духи-байанаи.

В-пятых, С.А. Новгородов как человек, знающий два языка, используя дополнительные объяснения информаторов, сразу перевел благопожелание на русский язык. При этом он оговорился, что изобразительные слова, как ни старайся, не переводятся. Но тем не менее, выполнил первый перевод этого народного произведе-

ния, сохранив все богатство описательных слов и добавив объяснения информаторов. Подготовленный перевод он вручил В.М. Ионову для издания. Всеволод Михайлович сразу согласился и включил текст как приложение к статье, которая вошла в 1 издание 4 тома сборника музея Антропологии и этнографии при Академии наук. А толкования информаторов в 1914 г. сдал для печати в приложении журнала «Живая старина». В.М. Ионов – человек, хорошо знающий этнографию и фольклор якутов – высоко оценил материалы С.А. Новгородова и издал их без всяких поправок.

Позже записанный Семеном Андреевичем текст «Байанай алгыһа», вошедший в научные издания и сборники ученого-лингвиста, стал широко известен в научных кругах. Этот текст включен в том «Обрядовая поэзия народа саха» в академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [6, с. 163-167]. Таким образом, фольклорный текст ученого-лингвиста для нынешних фольклористов стал свидетельством и образцом научно достоверной записи.

Обязательно хочется отметить, с каким благоговением написаны статьи С.А. Новгородова о народных произведениях. В 1916 году в газете «Якутские вопросы» в номерах от 10, 14, 17 сентября он написал статью «Основные задачи якутской интеллигенции». Автор высоко оценил жанры народных художественных произведений и отметил, что они являются основой для развития письменной литературы: «Сколь неизмеримы глубина и остроумие наших пословиц, сколь неуволима для слуха и вместе с тем сколь уморительно смешны наши скороговорки (чабыргахи), сколь невероятно долги наши былины, сколь значительны и оригинальны по форме и содержанию наши ораторские речи...» [4, с. 20].

В 1921 году по просьбе Э.К. Пекарского (а по догадкам Е.И. Коркиной, в 1923-м) написал статью «Якутская народная словесность», которая знакомит с основными жанрами якутского фольклора. Видно, что автор ставит на первое место олонхо, которое причисляет к героической поэме. Он отметил, что во вступительной части олонхо превалируют предложения с парными словами, а слова богатырей сопровождаются различными песнями. Автор восхищается памятью исполнителей и отмечает, что исполнителей олонхо поклонники слушают, следуя за ними по пятам.

Семен Андреевич в первые годы Советской власти, с 15 августа до 1 октября 1920 года, выехал в командировку в Ботулинский и Таттинский улусы с целью сбора народных произведений. Отчет об этой командировке хранится в литературном музее им. П.А. Ойунского в г. Якутске. Судя по нему, ученый каждый день отмечал, где был, с кем встречался, что записал. Основной целью командировки был сбор материалов для хрестоматии к якутскому букварю «Ааҕар кинигэ», а также уточнение записанных ранее фольклорных текстов.

С.А. Новгородов уделял большое внимание записи из уст стариков и искусных сказителей преданий о родословной по отцовской линии великих родов, начиная от Омогоя и Элляя. Так, родословную по отцовской линии Болтогинского и Хатылинского наслегов уточнил у старожилов И.И. Соловьева, Е.Е. Протопопова, И.П. Попова–Ингнэри, Н.И. Кривошапкина, П.Л. Кривошапкина. Был восхищен тем, что житель 2-го Сыланского наслега Петр Дьячковский рассказывал о своей родословной до 17 века. По всей вероятности, ученый-лингвист сделал первый шаг к созданию родословной таблицы. По примеру С.А. Новгородова его земляк, известный фольклорист Сэһэн Боло начал составлять родословные по отцовской линии видных родов центральных улусов, начиная с Омогоя и Элляя.

С.А. Новгородов в своем отчете написал о встрече с пожилыми людьми Жулейского наслега Таттинского улуса Е.М. Егоровым, Н.И. Малгиновым. Ученый, еще в 1914 г. записавший из уст Е.М. Егорова предания об Омоллооне, Улуу Хоро, запечатлел все это на бумаге второй раз. Наряду с этим, записал архаические слова как «маамык», «тэгин», внес в научный отчет сведения об орудиях труда, полученные у информантов. Как видно из отчета, у Н.И. Малгинова – сына Көтүөх, записывал олонхо с 6 часов вечера до ночи. В этой записи он отметил: «Я сидел рядом с ним и записывал оригинальные и непонятные обороты. По своему стилю Малгинов оказался учеником сказителя того же Жулейского наслега И.Н. Винокурова, у которого я записал полный текст олонхо в 1914 г. по поручению Российской Академии наук». Его восхитило то, что у того предок восьмого поколения был шаманом и поэтому он имел глубокие знания о шаманизме. Он отметил также, что тот правильно объяснил такие понятия как «кэй кыыл» и «ийэ кыыл».

Как видно из отчета, С.А. Новгородов в очень короткий срок успел поработать с большим количеством информаторов, уточнил данные о родословных, записал старинные предания об Омогое, Элляе, Тыгыне, Великом Хоро, работал над объяснением смысла архаических слов.

Подытоживая сказанное, нужно отметить, что С.А. Новгородов одним из первых образованных якутов начал собирать произведения устного народного фольклора и вносить их в научный оборот. Так как ученый-лингвист обучался в Санкт-Петербурге у крупных ученых, он знал методику сбора фольклорных произведений: делал записи вариантов у разных людей, вел паспортизацию записанных текстов, делал научные комментарии. Таким образом, его труды по фольклору не теряют своего значения до сих пор. Нам предстоит изыскать в архивах г. Санкт-Петербурга записанный С.А. Новгородовым в стихах текст олонхо и серьезно изучить научный отчет С.А. Новгородова, хранящийся в фондах Литературного музея им. П.А. Ойунского и представить его материалы для широкого использования.

Литература

1. *Дмитриев С.К.* Жизнь и деятельность С.А. Новгородова. – Якутск: Кн. изд-во, 1960. – 86 с.
2. Дух-хозяин леса у якутов // Живая старина. 1914. – Прил.1. – 1915. – С. 16-22.
3. *Ионов В.М.* Дух-хозяин леса у якутов // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Петроград, 1916. – Т.4. – Вып. 1. – 31 с.
4. *Новгородов С.А.* Первые шаги якутской письменности / Сост. Е.И. Коркина. – М.: Наука, 1977. – 272 с.
5. *Новгородов С.А.* Во имя просвещения родного народа / Сост. Е.И. Коркина. – Якутск: Кн. изд-во, 1991. – 232 с.
6. Обрядовая поэзия народа саха (якутов) / Сост. Н.А. Алексеев, П.Е. Ефремов, В.В. Илларионов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 512 с.
7. Отчет о поездке с научной целью в Ботурусский и Таттинский улусы Якутского округа с 15 августа по 1 октября 1920 г. – Ксерокопия рукописи находится у автора.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ С.А. НОВГОРОВОДА – ОСНОВА ДЛЯ ОРИГИНАЛЬНОЙ ФИКСАЦИИ СЛОВ-ТЕРМИНОВ ЯЗЫКА САХА

Ю.М. Борисова,

ИГиЛПМНС СО РАН, г. Якутск

В период с начала 20-х и до второй половины 30-х гг. XX века была проведена огромная работа по разработке теоретических основ, принципов создания терминов языка саха и, главное, было создано большое количество терминов в сфере различных знаний, прежде всего, общественно-политических и по всем предметам в объеме средней школы. Как отмечают языковеды, это было сравнительно быстро достигнуто потому, что из среды якутской интеллигенции выдвинулись лидеры терминостроительства, которые правильно поняли огромное значение этой работы и сами с энтузиазмом взялись и повели за собой других. Такими лидерами оказались уже в то время широко известные деятели культурного, языкового строительства А.Е. Кулаковский, С.А. Новгородов, А.А. Иванов–Күндэ, Г.В. Баишев–Алтан Сарын и П.А. Ойунский. При этом следует отметить, что каждый из этих лидеров-терминологов шел своей дорогой, имел свои пристрастия и приоритеты.

Первый якутский ученый-лингвист, создатель массовой письменности С.А. Новгородов еще в 1919 г. в своем докладе выдвинул положение, по которому «возможность развития научных знаний на языке данного племени всецело зависит от внутренних достоинств этого языка и лишь отчасти от внешних обстоятельств». Однако С.А. Новгородов, как и А.Е. Кулаковский, считал совершенно неизбежной заимствованную терминологию: «Само собой разумеется, что терминологию придется позаимствовать. В остальном же язык якутов достаточно гибок, ясен, точен и выразителен» [1, с. 42].

В 1924 г. новгородовская транскрипция была признана официальным алфавитом языка саха. Как писал П.А. Ойунский, «транскрипция Новгородова была величайшим орудием культурной революции среди трудящихся масс неграмотной, отсталой Якутии» [3, с. 112]. К концу 20-х гг. все местные органы вели делопроизводство на языке саха, а многие республиканские органы государственной власти – на двух языках. Для успешного выполнения своих широких общественных функций язык саха должен был определенным образом освоить многочисленные понятия, совершенно не известные дореволюционному саха и потому, естественно, не имевших отражения в языке.

В своей практической деятельности С.А. Новгородов показал себя как искатель и вдумчивый филолог, что, прежде всего, проявилось в его стремлении творчески использовать внутренние ресурсы самого языка, выявлять нюансы и оттенки живого слова. В своей богатой по тематике и содержанию хрестоматии он вполне сознательно и целеустремленно работал над активизацией пассивного словарного запаса. В небольших рассказах о происхождении якутского народа, расселении якутов, военном снаряжении древнего якута и других автор сумел истолковать значение

многих архаизмов и пассивной терминологической лексики типа *үнгүү*, *батас*, *батыйа*, *болот*, *кураахтаах саа*, *дуулаба*, *барымта*, *лаппыһа*, *хотохоон*, *кылыс*, *кустук ох*, *быыра*, *кэхэх*, *саадах* и т.д.

С.А. Новгородов в своих работах старался придавать словам более или менее терминологические значения, например: *элэ-была тыл* 'устная словесность', *дьүөрэ тыл* 'аллитерированная поэзия, народная поэзия', *баттаа* 'печатать, издавать' и т.д.

В этой статье мы рассмотрим фонетическую теорию С.А. Новгородова как основу оригинальной фиксации терминологической лексики. Как известно, он принципиально отрицал орфографию как таковую. Констатируя императивный характер синтаксической нормы и фонетических изменений в языке, он писал: «Как видите, теперь нет оснований придерживаться рутинной орфографии вообще. Всякое стремление к «правописанию» как к наследию отжившего схоластического течения в науке должны исчезнуть. Современные нам языковеды следуют принципу фиксировать на бумаге все живые фонемы в виде соответствующих графем; другими словами, они стараются писать так, как говорят. И мы должны следовать этому просто и верному принципу, нисколько не мудрствуя лукаво о всевозможных правилах «правописания» и «исключения из них» [1, с. 44].

В своих учебниках С.А. Новгородов старался аккуратно следовать провозглашенному им принципу «пиши, как говоришь». Поэтому, например, в букваре «СУ-РУК БИЧИК оҕо ааҕар кинигэтининин» наиболее распространенные фонетические варианты, обнаруженные им самим, он представил как равноправные: *тоҕоһо* – *тоһоҕо* 'гвоздь' [6, с. 31], *сылгы* – *һылгы* 'лошадь, конь' [6, с. 28], *умдаан* – *ымдаан* 'ымдан' [6, с. 29], *суккун* – *суппуун* 'зипун' [6, с. 33], *бочугурас* – *бөчүгүрэс* 'рябчик' [6, с. 40], *лэптиэскэ* – *лэппээски* 'лепешка' [6, с. 43] и др. Кроме того, он приводит довольно большую подборку примеров на ассимилятивные явления типа *суолдьут* – *суолльут* – *суоддьут* 'следопыт' [6, с. 54], *булчут* – *буччут* 'охотник' [6, с. 53], *былдьырыыт-быдьырыыт-быллырыыт* 'кулик' [6, с. 54], *бурбалдьы* – *бурбаччы* – *бурбаллы* 'ярмо' [6, с. 54].

Здесь также как равноправные приводятся акающие и окающие варианты слов типа *солуур* – *салыыр* 'котел' [6, с. 21] (но в тексте используется *солуур*: 'солуур уута толору' [6, с. 21]), *хомус* – *хамыс* 'камыш' [6, с. 23], *тордуох* – *тардыах* 'багор' [6, с. 45] и др. Видимо, автор приводил оба варианта, чтобы максимально облегчить усвоение грамоты представителями разных говоров, считая, что принцип единообразия может затруднить этот процесс из-за необычности одного варианта для носителя другого говора.

Вопросы создания и усовершенствования терминологии языка саха непосредственно связаны с интернациональными и русскими заимствованиями. Проблема сама по себе имеет длительную, временами драматичную историю. Ведь ни один язык, в том числе и высокоразвитый, не может обходиться без заимствований, созданных на базе конкретных языков или греко-латинских морфем. Вопрос заимствования особенно касается терминологии. В учебных пособиях С.А. Новгородова есть заимствования типа *ампаар* [6, с. 24], *лаампа* [6, с. 24], *табаах* [6, с. 24], *ырбаахы* [6, с. 30], *мээчик* [6, с. 40], *курупааскы* [6, с. 45], *кумаабы* [6, с. 47], *харандаас* [6, с. 47] и др.

При изучении переведенных С.А. Новгородовым документов можно обнаружить очень удачные переводы некоторых слов-терминов. Например, документ

«Арассыйа омуртарын көнгүллэрин дьаралыгын ыйаабын олох тыллара» (Основные принципы декларации прав народов России) изложен доходчивым языком с использованием богатого колорита языка саха. Как видно из текста, С.А. Новгородов сумел найти достойные адекватные понятия в родном языке для выражения общественно-политической терминологии, например: *омук* ‘народ’ [2, с. 109], *көнгүл* ‘право’ [2, с. 109], *дьаралык* ‘декларация’ [2, с. 109], *олох тыллар* ‘принцип’ [2, с. 109], *чараас, куйа омуртар* ‘малочисленные этнические группы’ [2, с. 111], *омук-өһүк* ‘нация’ [2, с. 111], *бар дьон Комиссардарын сүбэтэ* ‘Народный Комиссар по делам национальностей’ [2, с. 111], *Омук-өһүк олобун дьаһайар Бар дьон Комиссара* ‘Народный комиссар по делам национальностей’ [2, с. 111] и др. К нашему сожалению, в современной лексике языка саха эти же слова-термины переданы в транскрибированном виде, как *норуот* ‘народ’, *быраап* ‘право’, *бириинсип* ‘принцип’, *наассыйа* ‘нация’. Но также в этом тексте встречаются и русские слова-термины типа, *помещик, матрос, генерал, фабрика, государство, депутат* и др. Употребление этих слов можно объяснить следующим: «специфика якутской терминологической лексики состоит в том, что, будучи национальной по форме, она выражает специальные понятия общечеловеческого содержания. Современный научно-технический прогресс, общечеловеческий по содержанию, оказывает сильное влияние на развитие языков. Подобные интернациональные процессы способствуют интернационализации национальных языков» [4, с. 18].

Фонетическая теория С.А. Новгородова заключается в фонологическом подходе к якутским звукам. Как пишет проф. П.А. Слепцов, «Новгородовская транскрипция была разработана с помощью тогдашних корифеев тюркского языкознания, которые являлись его учителями, близко принимавшими его желание дать своему народу массовую письменность, в частности под непосредственным влиянием проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ, у которого он учился» [5, с. 69]. И.А. Бодуэн де Куртенэ считал международную фонетическую транскрипцию на латинской основе наилучшей в смысле точной передачи всех звуков, диалектов и наречий изучаемых языков.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предложенная Семен Андреевичем Новгородовым фонетическая теория, основанная на внутренних фонологических и лексических ресурсах языка, дала начало фиксации оригинальной терминологической лексики языка саха. Это стало основой формирования и развития якутской терминологии, зарождения важнейших основ, функциональных и структурных элементов литературного языка.

Литература

1. *Новгородов С.А.* Якутские грамота и язык в качестве необязательных предметов в программе высших начальных училищ якутской области // Лингвист Семен Андреевич Новгородов: хаартыскалар, докумуоннар, ыстатыйалар – Дьокуускай: Бичик, 2007. – С. 40-45.
2. *Новгородов С.А.* Во имя просвещения родного народа. – Якутск: Кн. изд-во, 1991. – 232 с.
3. *Ойунский П.А.* Новгородов Семен Андреевич // Литературная энциклопедия. – М., 1934, Т. 8. – С. 111-112.
4. *Оконешников Е.И.* Лингвистические аспекты терминологии языка саха. (На материале общей и отраслевой лексикографии). – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2004. – 196 с.

5. Слепцов П.А. С.А. Новгородов – создатель массовой якутской письменности, первый ученый-лингвист // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 1 (18). – С. 65-70.

6. СУРУК БИЧИК оҕо ааҕар кинигэтинин / Сост. Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский, Н.Н. Ефремов, В.Д. Монастырев, Н.И. Попова. – Дьокуускай: РНА СС ГЧуоХААОПИ, 2017. – 104 с.

ЯЗЫКИ И ПИСЬМЕННОСТЬ НАРОДОВ РОССИИ: НОРМА И ИННОВАЦИИ

ПИСЬМЕННОСТЬ И ПИСЬМЕННЫЕ ЯЗЫКИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ПРАКТИКА И ТЕОРИЯ

А.А. Бурыкин,

*Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург*

Круг проблем, который будет освещаться в настоящей работе, довольно обширен и, как это ни покажется странным, невероятно сложен. Противопоставление «устный язык» – «письменный язык» является относительно поздним приобретением цивилизации: если проблема происхождения устного языка и географический ареал его появления, очевидно, никогда не будут решены за отсутствием достоверных данных, то происхождение письменности и письменных языков ныне не является загадкой. Мы можем говорить о двух центрах распространения письменности: во-первых, это Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, показывающие эволюцию письменности от идеографии до алфавита, и, во-вторых, это Дальний Восток, где словесное или морфологическое письмо сохраняется в этом качестве от иньских надписей до современных китайских иероглифов, нашедших применение в Корее, Японии, и до первой половины XX века во Вьетнаме. Письменность индейцев майя, похоже, появилась благодаря каким-то случайным контактам с народами Европы (иначе не объяснить, откуда у майя книги имели форму европейского кодекса и письмо оказалось привилегией жрецов), письменность кохау ронго-ронго (остров Пасхи) – это не собственно письменность, а мнемотехническая система для воспроизведения фольклорных текстов, она не имеет ни хозяйственных, ни культурных функций.

Различные техногенные формы языка (азбука Морзе, имеющая звуковую форму (радиотелеграф) и письменную форму (телеграф с бумажной лентой), морские азбуки, шифры, алфавит для сигналов-стуков у заключенных как вторичная звуковая форма языка и т.п.) надстраиваются в своем генезисе над письменной формой языка, т.е., в процессе развития цивилизации антиномия «устный язык» – «письменный язык».

В оппозиции «устный язык» – «письменный язык» имеется одна универсалия социокультурного типа: количество письменных языков меньше, чем количество

живых устных языков. Эта универсалия не теряет актуальности и ныне, поскольку доминирующие языки в известных культурных кругах и экстерриториальных сферах влияния даже при наличии письменности на языках титульных и коренных народов обретают статус литературных языков, имеющих статус первого или второго государственного языка в полиэтническом или федеративном государстве; как правило, «не своим» оказывается язык религии, то же справедливо по отношению к языку образования и науки. Билингвизм, который ныне считается более широко распространенным в мире, чем монолингвизм, зарождается и существует до наших дней как коммуникативная система, распространяющаяся от более образованного сообщества до сообщества с немаркированной образованностью: последнее усиливается за счет сложения этнически специфизированных систем образования и образовательных структур, что стало чрезвычайно характерным для светского политкорректного образования.

Теория письменного языка и теория письма – специальные лингвистические дисциплины, появившиеся только в XX веке в Чехии (Пражский лингвистический кружок) и России (И.А. Бодуэн де Куртенэ и его последователи). Формальный аппарат теории письма, продукт которой в виде младописьменных языков был в отдельные периоды времени чрезвычайно востребован в СССР в 1920-е-1950-е годы и в России в начале 1990-х годов, до сих пор остается доступным лишь для большинства узких специалистов по теории письма: увязывание теории письма с результатами экспериментально-фонетических исследований звукового строя языков – главная и наиболее грубая ошибка самодеятельных изобретателей этнических письменных систем. Письмо по своей природе предназначено для автономной коммуникации без использования звуковой формы языка: запись слов и текстов в транскрипции и чтение вслух – то, на чем часто полуграмотные в лингвистическом плане методисты – это не минимум познаний для школьников, изучающих грамоту, а удел профессионалов – лингвистов, изучающих фонетику, дикторов радио и ТВ, артистов-чтецов, записывающихся для радио и т.п. Учить этому школьников, тем более в 1-4 классах, в той среде, которой ограничивается обучение большинству родных языков народов России, не имеет смысла, поскольку вместо обучения родному языку подобные представления о языке сводят обучение языку к поверхностному обучению специальным языковым практикам, которые именно по причине их неорганического характера для пользователей языка и не могут получить сколько-нибудь внятного распространения в среде пользователей языка – чем и объясняется большинство современных проблем языковой ситуации у коренных малочисленных народов России. Другая причина, о которой следует сказать – если начальная школа дает знания родного языка в объеме максимум 2500-3500 слов, то родной язык оказывается «недоученным», вызывает у учащихся психологический дискомфорт и комплекс ущербности родного языка и традиционной этнической культуры.

Основные понятия теории письма: 1) Тип письма – а) по характеру изображаемых двуплановых единиц языка: словесное, морфемное, слоговое, фонематическое или фонемное, (существуют смешанные варианты, типы письма обычно эволюционировали от словесного до фонемного); б) по характеру единиц звуковой стороны языка фразографическое (рисуночное), логографическое, морфемографическое, слоговое, фонемное, как курьез – фонетическое, изображающее оттенки фонем наряду с их основными аллофонами (чистые типы представлены редко, чаще всего

типы письма имеют смешанный характер); 2) Система письма – набор определенных знаков, используемых для ряда языков с разным статусом отдельных знаков и их комбинаций для отдельных языков (русские сочетания *дь* и *нь* не являются буквами, но в якутском имеют статус букв, ср. знаки *ö ä*, не имеющие статуса букв, хотя и обязательные к употреблению в немецком языке, но имеющие буквенный статус в финском (помещены в конец алфавита), знаки *ä, á, è, é, ê, ë* во французском письме, обязательные к использованию, но не считающиеся буквами алфавита; в новых письменностях такие осложненные знаки обычно имеют статус букв. Система письма обычно служит основой алфавитов для ряда языков, входящих в один культурный круг (латинский алфавит в средневековой Европе и современной Европе, кириллица в славянском мире и в России, арабское письмо у народов, исповедующих ислам); 3) Графический знак, графическая фигура или литера – начертание, являющееся элементом системы письма, которое может включаться в алфавит или не включаться в алфавит, т.е. не считаться отдельной буквой; 4) Буква – графический знак, являющийся элементом алфавита (но отнюдь не любое начертание, используемое в письме даже с обязательностью); 5) Графема – знак или комбинация знаков письма или знаков алфавита, использующийся для изображения той или иной фонемы (ср. написания *a, aa, э, ээ* и др. в якутском, обозначающие разные фонемы и являющиеся разными графемами, написания *h* и *ch* в немецком письме для обозначения [h], написания *s* и *sch* – там же, для обозначения [š]). Одинаковые звуки и одни и те же фонемы могут изображаться по-разному в разных алфавитах даже при единой системе письма, ср. *š* в чешском письме, *sz* в польском, но *ş* – в турецком, *с* как изображение фонем <ц> и <ч> в большинстве языков Европы, но как изображение <дж> в турецком; 6) Алфавит – набор знаков письма (графических знаков или графических фигур), признаваемых буквами для графики того или иного языка (не являются буквами французские *ä, á, è, é, ê, ë*, немецкие *ö, ù, ä*, не является буквой русское *ё*, для которого не зафиксирована позиция в алфавите и которое не используется в литерных сигналах документов, банкнот, номерах автомобилей и т.п. А в Правилах русской орфографии и пунктуации 1956 г, действующих и ныне, сказано, что использование этой «буквы» факультативно); 7) Графика – совокупность норм и правил обозначения фонем конкретного языка на письме и совокупность правил чтения букв и их комбинация для конкретного языка; 8) Орфография – совокупность норм и правил написания морфем и слов в применении к конкретному языку, определяющая выбор тех или иных написаний, возможных в системе графики конкретного языка (например, то что определяет написание *корова*, а не *карова* и не *кароова*). Собственно говоря, если понятие графики универсально для письменных языков, то понятие орфографии вообще неприложимо ни к одному из языков народов Севера России.

Нам приходится представлять подобные разъяснения, потому что в практике преподавания языков и тем более в практике оценки письменных систем для отдельных языков сплошь и рядом (трудно найти исключения) смешиваются звуки и фонемы, буквы и графические знаки, графика и орфография, что являет собой примеры вопиющей лингвистической безграмотности. Иногда смешение понятий теории письма приводит к курьезам: долганский и якутский алфавиты разработаны на одной системе письма (кириллица с дополнительными знаками), но за счет смешения букв и графических знаков долганский и якутский алфавиты имеют разный

состав букв и разные принципы обозначения на письме одних и тех же фонем. Подобная ситуация – разумеется, курьез, однако она характеризует ограниченность знаний в области теории письма, типичную для подавляющего большинства тех, кто занят проблемами преподавания языков коренных народов Севера РФ на уровне школ и его методическим обеспечением, и трудности для лингвистического описания письменных языков этих народов. Из-за разного понимания буквы корейский язык в Южной Корее и КНДР имеет два алфавита разного состава при единстве графической системы: в Северной Корее удвоенные знаки считаются отдельными буквами, есть различия и в порядке элементов алфавита.

Степень соответствия звучания слов и их облика на письме в многообразии языков широко варьирует. Более того, для адекватного соответствия произношения и написания вовсе не обязательно закладывать в устройство алфавита принцип «одна фонема» – «одна буква»: так, немецкое письмо в высокой степени фонологично, но в нем есть и небуквенные знаки (гласные со знаком умлаута), и диграмы (ch), и триграммы (sch), и тетраграммы (tsch), и пентаграммы (tزش), а долгота и краткость гласных обозначается не специальными знаками, а правилами распределения и чтения гласных и согласных букв в слове (с помощью таких правил графики Г. Майдель в 1860-е годы отмечал долготу-краткость гласных в эвенском языке, и это сейчас заметно только тому специалисту, кто читает по-немецки). Между автором данной работы и известным фонетистом М.В. Гординой существует теоретическое разногласие, какой тип письма является более фонологичным: древняя кириллица с ее одно-однозначными фонетико-графическими соответствиями (каждой фонеме соответствует своя буква) или письменности языков Центральной и Восточной Европы, где одной фонеме соответствует определенная группа начертаний, не имеющая буквенного статуса или признаваемая буквой-диграмом (немецкий, польский, венгерский языки). Разногласия эти имеют чисто теоретический характер и связаны с пониманием единиц письма.

Появление в письме на том или ином языке особых знаков, которым чаще всего присваивается буквенный статус, наблюдается часто и рассматривается как проявление символической функции алфавита, который (вопреки предназначению) наделяется таким образом некоей этнокультурной спецификой. Такая символическая культуромаркирующая функция алфавита, в особенности при немногочисленности пользователей языка и отсутствии иноэтнических пользователей языка-полиглотов обычно существенно осложняет техническое воспроизведение текста на языке (требуются особые редкие и уникальные начертания в рукописном тексте, отдельные типографские, а ныне компьютерные шрифты и т.п.). Особенно конфликтными для алфавитов с этнической символикой оказываются ситуации двуязычия, когда функционально более ценный язык с более простой графикой (русский или английский) доминирует над младописьменным языком с экзотическими литерами или редко применяемыми принципами графики. Мировой опыт новых миссионерских письменностей и письменностей, самостоятельно созданных представителями бесписьменных народов показывает – чем меньше сходств у новой письменности с письмом на государственном языке (английском или русском), тем меньше у нее шансов на сохранение и обслуживание языка аборигенного народа. Чукотская «письменность», созданная Теневилем в конце 1920-х годов, была разработана в подражание русской и английской письменности и в конце концов не имела шансов выжить в

конкуренции с русской и английской письменностью на Чукотке. Юкагирские письмены-тосы (сам термин – из якутского слова «береста») – явное подражание даже не письму, а способам коммуникации, применяемым русскими; древность юкагирских тосов ничем не подтверждается, а предметом коммуникации в тосах являются межэтнические связи.

Часто повторяемое утверждение, что идеальной письменной системой для любого языка является такая система, которая полностью и однозначно отражает состав фонем, неверно по содержанию и является, с одной стороны, вопиющим невежеством, с другой – благоглупостью тех, кто судит о письме, не зная, что такое письмо вообще и теория письма в частности. Указать на язык, который имел бы такую желанную для невежд и бездельников письменность и при этом возраст такой письменности насчитывал бы несколько сот лет, трудно даже подготовленному лингвисту. Корейский язык с его «идеальным» фонетическим алфавитом сюда не подойдет ввиду того, что основным принципом корейской орфографии (написания морфем) является морфологический принцип (как и в русском языке), и на письме таким образом не отражаются разнообразные чередования согласных. Подобная письменность, если она где-то существует, непригодна для языков с глубокими диалектными различиями. Автору известен только один язык с преимущественно фонетическим письмом и солидным возрастом письменности – это грузинский язык: такие языки, как чешский или финский, характеризуются наличием диграмм-двойных знаков (не являющихся буквами) и множественных по набору графем (разных средств для обозначения одной и той же фонемы) в письменной системе и таким образом не удовлетворяют этим условиям.

Реформа графики и орфографии – это всегда не лингвистическое, а культурно-политическое мероприятие. Реформа русской графики и орфографии 1918 года готовилась вне зависимости от политических событий 1917 года в течение почти двух десятилетий: главным смыслом ее было отдаление гражданского письма от церковнославянской кириллицы и разрыв со старой культурной традицией. Одним из противников реформы русской графики и орфографии был Д.С. Лихачев. Дореформенная графика использовалась до недавнего времени в зарубежных изданиях на русском языке, где ее приверженцами были И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, историк С.П. Мельгунов. Споры о корректности постреформенных написаний ведутся до сих пор – в 2000-е годы стали обсуждаться написания префикса без-/бес без «ятя» и возникающей омографии (одинаковости написаний разных слов) со словом *бѣсь* – ‘бес’, ранее отсутствующей. Отмена письменности на арабской графической основе для тюркских народов и народов Кавказа, в ходе которой народы получили латинский, а позднее кириллический алфавит, была связана не с совершенствованием письма, а с установлением разрыва между реальностью и исламской культурой и исламским религиозным образованием.

Первым периодом создания письменности для коренных малочисленных народов Севера России была последняя четверть XVIII века и XIX век, время активной работы миссионеров Русской православной церкви. Нынче очень важно помнить, что деятельность просветителей народов Сибири была ориентирована не на детей и подростков, а на представителей разных возрастных групп, приобщающихся к православной вере, русской грамоте и грамоте на родном языке. Надо помнить, что именно религиозное просвещение народов Якутии заложило основы современной

письменной культуры якутского народа и ряда других народов России, исповедовавших православие.

Второй период строительства письменности и письменной культуры народов Севера России – это рубеж 1920-х – 1930-х годов, когда советская власть взялась за просвещение «ранее отсталых» народов по тем наработкам, которые остались ей в наследство от императорской России 1900-х – 1910-х годов и не были реализованы по причине начала Первой мировой войны. Выбор латинской графической основы для алфавитов языков народов Севера, во-первых, диктовался необходимостью порвать с традицией церковно-приходских школ, во-вторых, поддерживался положительным опытом реформы графики в Турции, где арабское письмо было заменено латиницей, распространенной тогда же на все тюркские языки СССР и языки народов, исповедующих ислам. В 1936-1937 годах алфавиты на латинской основе были заменены алфавитами на кириллице, что важно и что забывается или замалчивается – по инициативе самих народов, которые испытывали реальные сложности с изучением письма на родном языке на латинице и письма на русском языке на кириллице. Изучение документов показало, что кириллица для народов Севера России входила в оборот еще в 1934-43 (?) гг., а латиница держалась в употреблении (прежде всего в газетах и в рукописных документах) до 1939 г., а в некоторых регионах – до 1940-х годов. Никакой форсированной смены письма, никакого насилия, никакой внешней инициативы в этом процессе не было, отсутствовали предпосылки и для действия культурных факторов при переходе с латиницы на кириллицу.

В 1940-е – 1950-е годы в графику отдельных языков народов Севера России были внесены незначительные изменения, несколько увеличивающие состав алфавита, но не меняющие принципов графики, соответствующих принципам графики русского языка, которые к тому же не создавали конфликта между изучением письма на родном языке и освоением русского письма.

Конец 1960-х – начало 1970-х годов стал временем проявления конфликтов между первым поколением учителей, ставших исследователями языков народов Севера России, и нарождающимся интеллигентом из числа самих этих народов, занятым в нетрадиционных для этносов сферах деятельности, причем в высших сферах гуманитарной деятельности (литература и гуманитарные науки). В это время начали уходить из жизни первые учителя-просветители народов Севера, авторы нескольких комплексов учебников родных языков, и соответственно стало сходить на нет русско-национальное двуязычие, а знание родного и русского языков только представителями коренных народов создало во всех случаях конфликтную ситуацию невзаимного двуязычия, чему во многом способствовал этнический протекционизм власти и КПСС 1970-х – 1980-х годов, приснопамятного застойного времени. Объективные провалы языковой политики, базой которой и стал этнический протекционизм, усугубивший межэтническое напряжение в профессиональных сферах, создали в сознании отдельных представителей народов иллюзию того, что будто бы «эти русские» создали или «навязали» коренным народам «плохую» письменность, и они, эти представители народов, сейчас предложат «хорошую» письменность. Однако ни инициатива С.Н. Оненко по реформе нанайской графики, ни усилия В.Д. Лебедева по переводу эвенского языка на якутскую графическую основу (других вариантов совершенствования эвенской графики не предлагается до сих

пор) не были поддержаны ни учеными, ни педагогами-практиками, ни представителями интеллигенции нанайцев и эвенков. Достойное уважения бережное отношение к своему письму и своему языку проявляется у ненцев и у чукчей, графика которых в равной мере далека от фонематической.

Огульная хула на существующие письменности языков коренных народов Севера России и требование замены их самочинными прожектами, не имеющими ни научной апробации, ни минимального объема практики использования (словари, учебные пособия, репрезентативные образцы литературы, переводы на родной язык, использование новых вариантов письма в местных СМИ, экспериментальные учебные пособия и т.д.) имеют ряд общих типических признаков, деструктивно влияющих на языковую ситуацию и реально ухудшающих языковую ситуацию по сравнению с объективной временной динамикой, снижающей процент владения родным языком и процент языковой идентичности – процент людей, считающих первым родным языком язык своего этноса.

Первый фактор, о котором нужно знать – все потенциальные реформаторы письменностей языков народов Севера РФ представляют только одно поколение, поколение людей, родившихся в 1930-е годы, то есть то поколение, которое ныне активно сходит со сцены и не имеет последователей в профессиональной сфере, не имеет единомышленников в судьбе письменности на родных языках, однако же имеет большой опыт воздействия на административный ресурс с целью реализации своих замыслов – при выраженном противостоянии с наукой о языках и культуре коренных народов Севера РФ. Второй фактор – отсутствие научной и практической экспертизы и апробации реформированной письменности. Третий фактор – упорное настояние на графическом единомыслии для носителей всех диалектов и жителей всех регионов, где проживают носители и пользователи языка. Четвертый фактор – нежелание признать ту реальность последних десятилетий, в которой языки коренных народов Севера РФ являются обязательными предметами для всех учащихся тех классов, в которых по программам преподается родной язык коренных жителей, и мнение этого контингента пользователей языка также достойно права на признание: они имеют право выбирать, будут ли их дети знакомиться с языком коренных жителей на письме, близком к русскому, или на неведомой и невиданной «крокозябре». Пятый фактор – это элиминирование из дискуссий всех «русскоязычных» участников процесса: педагогов, ученых-лингвистов, издательских работников, вузовских преподавателей, методистов – специалистов по проблемам преподавания родного и русского языков, представителей администрации всех уровней и отраслевых управленцев, а равно и представителей органов законодательной власти, где ими ищется опора на некое этнически консолидированное ядро с этническими и земляческими связями. Неужели надо быть узким специалистом по межэтническим отношениям, чтобы признать – такая позиция есть не что иное, как профессиональный и региональный шовинизм, противопоставляющий себя не только всем «русскоязычным», но и соотечественникам из других регионов. Шестой фактор – дискуссии о реформе письменности как залого успешного обучения родным языкам надолго откладывают издание новых учебников по языкам народов Севера: горе-реформаторы мешают другим издавать такие пособия, охаявая их и их авторов, в то же время сами ничего не могут предложить взамен. Седьмой фактор – инициаторы реформ ограничивают сферу дискуссии обучением родному языку уча-

щихся младших классов (опять-таки «своих», «коренных» а не учеников смешанных классов), в то время как потребности в пользовании литературой, переводными изданиями, периодическими изданиями на родных языках, местными национальными СМИ – это запросы разных возрастных групп коренного населения, которое имеет свои культурные потребности в сегменте этнической культуры и свои представления о том, на что должна быть похожа и как должна выглядеть письменность на родном языке. Один или два голоса даже с самой высокой трибуны – это не основания для изменения письменности, которой пользовались несколько поколений народа за последние 60 с лишним лет. Восьмой фактор – письменная система родных языков народов Севера должна быть адаптирована для массовых инструментов работы над текстом на родных языках, таких, как персональные компьютеры, где де-факто дает знать о себе принцип – чем меньше дополнительных и «странных» букв – тем проще, тем больше шансов для расширения языковых функций и увеличения числа пользователей. Девятый фактор – разговоры о реформе графики (называть их «реформами орфографии» – безграмотность, за которую отчисляют с первого курса русского отделения), оказывают деморализующее воздействие на тех представителей приезжего населения, кто хотел бы выучить язык аборигенного народа, являющийся одним из официальных языков РС(Я), и на тех, кто желал бы сделать языки народов Севера РФ своей научной специальностью, но едва ли пожелает связываться с представителями столь некомфортного социума.

Показательно и следующее: ни один из горе-реформаторов, включая и создателя восточносахалинской нивхской письменности В.М. Санги, оказывается не в состоянии писать на родном языке с использованием собственной письменности. Кстати, как только письменность для восточносахалинского диалекта нивхского языка была создана в 1980-е годы, выяснилось, что реально на ней никто не пишет, тем более – не пишет грамотно, и положение не изменилось до настоящего времени. Введение этой «усовершенствованной» письменности и издание учебников для сахалинских нивхов никак не повлияло в положительную сторону на сохранность нивхского языка на Сахалине. Примеров безграмотности на разных самодельных вариантах письменности эвенов, разработанной в РС(Я) с 1980-х годов доныне, когда написания не соответствуют декларируемым нормам, очень много, и они хорошо известны.

Новые черты в проблемы письменности на родных языках народов Севера и ее реформ вносит опыт функционирования письменности на хантыйском языке. Уже более 60 лет существует письменная форма для 5 хантыйских диалектов – казымского, шурышкарского, среднеобского, сургутского и ваховского. Эти пять письменностей не находятся в конфликте друг с другом, как не конфликтуют друг с другом и носители разных диалектов. Для казымского диалекта хантыйского языка в последние годы накопился опыт использования разных вариантов графики и алфавита, где каждый из вариантов имеет своих сторонников и своих противников. Такая ситуация близка к гармонии – каждый пишет для себя и своих единомышленников как ему удобно, и круги пользователей разных графических систем не пересекаются. В настоящее время фигуранты языковой политики в России, во-первых, независимы от требования единомыслия, во-вторых, достаточно состоятельны в материальном и идейно-научном отношении, чтобы предложить для любого языка не один, а три, пять, восемь вариантов письменности, разработанных одними и

теми же авторами или разными авторами на условиях свободной конкуренции – пусть народ или разные группы пользователей языка выбирают себе то, что будет для них более удобным. Никто не порицает камчатских эвенков за то, что они выбрали для своего диалекта графику эвенского языка 1939-1953 годов, которая используется вне школы – для обслуживания культурных потребностей эвенков Камчатки, и они никому не навязывают этот вариант графики.

В заключение напомним, графика и орфография языка – это закон, который требует, во-первых, уважения, во-вторых, неукоснительного соблюдения. Для эвенков таким законом является свод правил 1958 года, подготовленный К.А. Новиковой. Уход от этого закона – с самой мягкой оценкой нарушение правил языкового общежития для коллектива эвенков и возмутительная выходка – для представителей власти и людей науки. Никакие благие цели не могут этого оправдать. Я могу себе представить, что было бы в регионе, если бы какая-нибудь учительница в дальнем северном селе взялась бы «усовершенствовать» русскую или английскую графику, оправдывая свои действия необходимостью «усовершенствовать» преподавание этих языков для своих учащихся и приблизить написание к произношению (не все знают, что так иногда делают нерадивые студенты, находящиеся на грани отчисления из-за «неуда» по иностранному языку, записывая английские или французские тексты самодеятельной кириллицей) или находя в алфавитах «неприличные» буквы. Досадно, что частью нашей языковой политики в ущерб времени и делам становится реакция на очевидный абсурд и чьи-то неоправданные амбиции.

ПИКТОГРАФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО В РЯДУ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК: К ПРОБЛЕМЕ КАЧЕСТВЕННЫХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦ МЕЖДУ РАЗНЫМИ ФОРМАМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.А. Окладникова,
РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

А.А. Бурыкин,
Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург

В способах коммуникации, прослеженных этнографами и анализируемых по доступным материалам археологами, наблюдается два типа передачи сообщений вне контакта участников общения (адресанта и адресата) – символический и изобразительный. Для передачи сообщения с помощью символического знака достаточно одного объекта, причем он чаще всего не плоскостной, изображенный на какой-либо поверхности, а трехмерный, реальный объект, непригодный к использованию (например, стрелы) или модель объекта (С.В. Обручев в 1920-е годы в Якутии видел на лабазе модель ружья, обозначающую исходящий от хозяина запрет брать имущество с лабазы).

Символические сигналы, несмотря на то, что такая коммуникативная практика как этнографический факт ушла в прошлое, составляют самостоятельный объект описания [11, с. 6 и сл.], отличный от собственно пиктографического письма [Там же, с. 17-22 и сл.]. Усматривается довольно много отличий символов-предметов как носителей передаваемой информации и изображений: 1) предметы-символы используются в непрямом прагматическом предназначении, в то время как рисунки в пиктограмме весьма конкретны и опознаваемы; 2) для использования в символической функции достаточно одного объекта, в то время как пиктограмма состоит не менее чем из трех изображений, а чаще – более чем из десятка изображений; 3) изображения пиктограмм реалистичны и легко опознаваемы, в отличие от различных форм объектов мнемотехники (бирки, жезлы и т.д.) [Там же, с. 14-16]; особым средством мнемотехники являются связки семейных охранителей-тайнгыквыт у чукчей, передающие семейную историю, но доступные для «прочтения» – именованья тех или иных событий только тем, кто сам добавлял в связки предметов-охранителей новые объекты; 4) символические сигналы передают не более одной, хотя бы и сложной предикативной единицы, в то время как образцы пиктографического письма передают любое число предикативных единиц, обозначаемых смежными парами предметов.

Различие между собственно образцами пиктографического письма и другими формами изобразительных практик, в которых используются множества объектов, например, сложные изображения модели Вселенной в разных формах у древних народов Сибири и Северной Америки [10], во-первых, принципиально в теоретическом плане: отнюдь не любое изображение имеет преимущественно коммуникативную прагматику. Во-вторых, пиктографические изображения лишены вторичных функций, коннотаций и специальных практик – например, магической или культовой: так, огромное количество одиночных изображений козлов и других животных в горных массивах Северной Индии, Центральной Азии и Сибири объясняется практикой изображения животного, ставшего добычей охотника, с целью содействовать его возрождению [12], но не с целью сообщения об удачной охоте или чем-либо еще. Сибирские петроглифы также с определенностью не имеют коммуникативной функции, если понимать под ней базисные параметры письменной (визуальной) коммуникации в виде передачи информации от конкретного адресанта до конкретного адресата. Рисунки на шаманских бубнах народов Сибири отражают модель мира, но не передают какого-либо текста.

Главная проблема в обсуждаемых сюжетах – это трактовка комбинаций из нескольких изображений или символов, имеющих устойчивый или относительно устойчивый характер, которые хорошо известны по археологическим находкам или этнографическим описаниям. Один из объектов, составляющих предмет дискуссии – это рисунки на артефактах и природных объектах у айнов или обнаруживаемые в местах бывшего проживания айнов [6; 7; 15; 18]. Исследователи усматривают в комбинациях рисунков даже содержание айнских мифов [15, с. 193-195], однако и корреляция изображения и устного текста – недостаточное условие для признания комплекса изображений записью мифа, как не является записью мифологического эпизода известное греческое скульптурное изображение Лаокоона, приписываемое Агесандру. Не случайно в отношении изобразительной практики айнов существует и скептический взгляд на предмет, не выводящий ее из мира знаков собственности

и т.п. [8]. Даже если сравнивать зооморфные (зоообъектные) изображения, найденные на о. Итуруп и опубликованные О.В. Яншиной [18, с. 109 и сл.], и изображения козлов, практика появления которых описана М. Песселем, из самого сравнения при предположении об одинаковой прагматике практики, станет ясно, что это не пиктография (то есть не словесный текст) и, соответственно, не письменность. О том, что за изобразительными практиками стоят разные явления, и не все из них можно приравнять к архаичной форме письменности, уже давно сказал В.А. Истрин [4, с. 63 и сл.].

Отдельная и не менее важная проблема – дощечки кохау ронго-ронго с острова Пасхи [16; 17]. Считается, что они являются записями мифов или исторических хроник жителей острова, однако спорным является и тип письма (словесное или слоговое), и практика использования дощечек для «чтения». Прежде всего знаки ронго-ронго в подавляющем большинстве случаев встречаются на соответствующих дощечках: то, что встречается вне их – обычная дисперсия не столько навыков письма, сколько навыков изобразительных практик. Следовательно, в данном случае мы не видим признака свободной передачи любой информации, характерного для собственно пиктографической письменности, связи ронго-ронго с культовыми практиками жителей Острова Пасхи утрачены или изначально отсутствовали. Изящное наблюдение И. и К. Поздняковых о корреляции числа слогов в рапануйском языке и числа знаков ронго-ронго [14, с. 176 и сл.] парадоксально: если это слоговая письменность с неясными истоками, почему она не имела массового распространения? Впрочем, внутритихоокеанские этнокультурные связи требуют особого внимания: определенные аналогии скульптурам острова Пасхи можно усмотреть в скульптурах острова Чеджудо в Корее. Тогда возможно, что кохау ронго-ронго и какие-то связанные с ними элементы культуры имеют не местные и не океанийские, а азиатские истоки. С другой стороны, форма дощечек и наличие на них изображений сближают ронго-ронго с чурингами австралийцев, которые также были носителем изображений. Комбинации рисунков встречаются на разных ритуальных предметах полинезийцев (в том числе на тех, что выставлялись в экспозициях в Кунсткамере), но их никто не пробовал ни «читать», ни сопоставлять с ронго-ронго. Возможно, письменность индейцев Майя, дешифрованная Ю.В. Кнорозовым (после чего от него, как и от Б. Грозного, дешифровавшего хеттскую письменность, в продолжении работ удача отвернулась) имеет европейские истоки: она является как бы в готовом виде и главное – откуда еще у майя в Центральной Америке (месте, хорошо достижимом при плавании из Европы на маломерных судах и имитациях древних судов) появилась форма европейского кодекса, которая представляет собой далеко не универсальную форму объемного письменного документа. Судя по всему, прав Тур Хейердал и его единомышленники, видевшие в ронго-ронго не запись фольклорных (мифологических или исторических) текстов, а мнемоническое средство для их воспроизведения.

Известные поздние формы «изобразительного письма» разнородны. Так называемое пиктографическое письмо юкагиров явно появилось под русским влиянием и информация о нем принадлежит фигурантам, не чуждым этнографии, кроме того, оно не рассчитано на дистантную коммуникацию (основной признак письма), и не имеет прямой связи с хорошо изученной изобразительной практикой аборигенов Западной Чукотки [5]. Письменность чукчи Теневиля, появившаяся в конце 1920-х

годов и явно возникшая в подражание русскому и английскому письму (она обслуживала сферу торговли), весьма похожа на пиктографическое письмо, сообщения которого имели своеобразный «бытийный» синтаксис, имеет только одно отличие от письма – это было мнемотехническое средство для самого изобретателя, и лишь потенциально оно могло использоваться для коммуникации тех, кто был знаком со знаками Теневиля.

И символические знаки, и комплексы знаков, и мнемотехнические средства не могут считаться письменностью, хотя бы они и были внешне сходны с пиктографическим письмом. Письмо с самого начала его существования – это визуальная форма речи, доступная для каждого и открытая для передачи любого содержания.¹ Мультипликация, тиражирование трехмерных или плоскостных символических знаков или изображений – обычное явление для создания артефактов именно как единичных объектов, но не комбинаций знаков и смыслов. Еще один критерий отличия письменности от разнообразных, часто вполне реалистических изображений (см. сводку: [13]) – это, кроме произвольности содержания письменного текста, абсолютная независимость характера знаков от конкретного предмета и материала, из которого изготовлен предмет, что исключает из пиктографии разнообразные рисунки на амулетах, татуировки и т.д., хотя в фундаментальных исследованиях по теории письма [2, с. 37 и сл.] отмечается связь этих разных типов изображений как визуальных артефактов. Ю. Гордон, вплотную подошедший к демонстрации разницы между пиктографическими сообщениями и рисунками с иной прагматикой [1, с. 13 и сл.], в конечном счете теряет эту качественную разницу. Ж. Жан вполне корректно связывает появление письменности со счетом, непередаваемым устно в больших объемах [3, с. 12-13].

К сожалению, пиктографическое письмо как тип письма – письмо с абсолютно открытым содержанием и общедоступными для воспроизведения знаками-единицами плана выражения, к тому же передающими то, о чем еще не знает и чего не видит адресат, остается не описанным и не до конца осмысленным именно как лингвистический феномен. Несколько странно то, что в современной гуманитарной научной парадигме генезис письма и пиктографическое письмо с открытым содержанием (несводимое к системе пиктограмм-символов) растворяются в многообразии древнейших, древних, инокультурных изобразительных практик.

Литература

1. Гордон Ю. Книга про буквы от Аа до Яя. – М., 2006.
2. Дирингер Д. Алфавит. 2-е изд. – М., 2004.
3. Жан Ж. История письменности и книгопечатания. – М., 2005.

---

¹ Встречающееся в Интернет-публикациях и на форумах мнение, что письмо – это средство передачи звучащей речи, изображение единиц звучащей речи – на самом деле невежество и бред: любое письмо, в том числе пиктографическое, обслуживает только зрительный (визуальный) канал передачи информации, не предполагающий ее озвучивания или перевода в звучащую речь. Не случайно И. Гельб писал о «способах передачи мыслей», а задолго до него А. Шницер – о «передаче мысли»; Г. Люльфинг, связывая письмо и звучащую речь, имел в виду только алфавит, а не все типы письма. Ни упорядоченность, ни неритмическая последовательность не являются критериями письменности: точное число китайских иероглифов неизвестно, следовательно, они не упорядочены; ритмические последовательности-повторы языковых единиц, характерные для записанных поэтических текстов, дезавуируют и второй заявленный псевдопризнак письменности.

4. *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. – М., 1965.
5. *Кирьяк М.А.* Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой. – М., 1993.
6. *Кнорозов Ю.В., Сневаковский А.Б., Таксами Ч.М.* Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования института этнографии 1980-1981. – М., 1984. – С. 226-233.
7. *Кнорозов Ю.В., Соболева Е.С., Таксами Ч.М.* Пиктографические надписи айнов // Древние системы письма. Этническая семиотика. – М., 1986. – С. 268-269.
8. *Косарев В.Д.* Айнские руны: письмо или квазиписьмена? / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kosarev.press.md/Ainu-runes.htm> (дата обращения: 1 марта 2017 г.).
9. *Косарев В.Д.* Символ-язык-знак-письмо (в связи с проблемой гипотетической письменности айнов) // Известия института наследия Бронислава Пилсудского. – 2007. – № 11. – С. 311-351.
10. *Окладникова Е.А.* Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. – СПб., 1995.
11. *Павленко Н.И.* Краткий очерк истории письма. – Минск, 1963.
12. *Пессель М.* Золото муравьев. – М., 1989.
13. *Подмаскин В.В.* Идеографический характер письма у айнов, палеоазиатов и тунгусо-маньчжуров // Россия и АТР. – 2015. – № 1 (87). – С. 127-145.
14. *Поздняков И., Поздняков К.* Рапануйская письменность и рапануйский язык: предварительные результаты статистического анализа // Антропологический форум. – 2005. – № 3. – С. 167-205.
15. *Сем Т.Ю.* Семантика ритуальных предметов в картине мира айнов по коллекциям РЭМ // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. – 2002. – № 6. – С. 193-214.
16. *Федорова И. К.* Дощечки кохау ронгоронго из Кунсткамеры. – СПб., 1995.
17. *Федорова И. К.* «Говорящие дощечки» с острова Пасхи. – СПб., 2001
18. *Янишина О.В.* Наскальные рисунки о. Итуруп (по материалам археологических экспедиций Ю.В. Кнорозова) // Свод археологических источников Кунсткамеры. – СПб., 2009. – Вып. 2. – С. 103-132.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТЕЙ НА ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

А.А. Петров,

РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

К началу XIX века в России большинство народов империи не имели своей письменности. Старописьменная традиция была у русских, украинцев и белорусов (на кириллице), народов Прибалтики (на латинице), грузин и армян (национальные алфавиты). Мусульманские народы Поволжья, Кавказа и Средней Азии ограниченно пользовались арабским письмом. С конца XVIII века с целью христианизации язычников и мусульман начинается перевод религиозных книг на языки народов России. Началось издание букварей, но четких правил их написания не было, так же как и орфографических норм для национальных языков. Так, в 1890-х годах якутские и коми-пермяцкие буквари выходили на 4 разных алфавитах.

К началу XX века относятся первые попытки стандартизации орфографий и алфавитов. Как правило, они принимались на учительских съездах, но зачастую эти решения не выполнялись, так как, например, крупнейшая типография национальных книг в Казани продолжала свою работу по своим шрифтам и правилам.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года, сменившая общественно-экономическую формацию российского общества, повлекла огромные преобразования в жизни масс трудящихся. Началась ликвидация безграмотности, а затем и активное развитие национальных письменностей. Проходит множество учительских съездов, разрабатываются орфографии, утверждаются алфавиты.

С 1920-х годов начинается движение за латинизацию алфавитов народов СССР. Однако уже с середины 1930-х годов разработка новых алфавитов была остановлена. С 1936 г. начинается процесс перевода всех латинизированных алфавитов на кириллицу, который в 1941 г. был практически завершен.

В Ленинграде, в Институте народов Севера была создана Научно-исследовательская ассоциация (НИА ИНС), которая уже к концу 1930 г. выработала проект алфавита народов Крайнего Севера, утвержденный в начале 1931 г. Всесоюзным комитетом Нового (латинизированного) Алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР и Коллегией Народного комиссариата просвещения РСФСР. В январе 1932 г. состоялась I Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Крайнего Севера, утвердившая предложение НИА ИНСа «о практической возможности и целесообразности создания письменности на следующих языках Крайнего Севера: 1) саамском (лопарском); 2) ненецком (самоедском); 3) мансийском (вогульском); 4) хантэйском (остяцком); 5) селькупском (остяко-самоедском); 6) кетском (енисейском); 7) эвенкийском (тунгусском); 8) эвенском (ламутском); 9) нанайском (гольдском); 10) удэйском; 11) луораветланском (чукотском); 12) нымыланском (корякском); нивхском (гиляцком); юитском (эскимосском)», а также утвердившая основные принципы терминологии и орфографии северных языков [1, с. 4].

Однако со многими языками связаны особые случаи и обстоятельства. Так, например, по некоторым языкам, таким как, к примеру, эвенкий, эвенкийский, еще до Советской власти издавалась церковная переводная литература.

По многим языкам состоялось своеобразное второе рождение письменности. Например, по нивхскому языку: первый букварь был создан на основе Единого Северного алфавита в 1932-1933 годах (Е.А. Крейнович), в 1950-е годы он был переиздан на основе кириллицы (В.М. Савельева, Е. Дехаль, Ч.М. Таксами). Однако второе рождение письменности нивхов состоялось в 1980-х годах, когда вышли в свет два букваря: на основе восточно-сахалинского диалекта (Г.А. Отаина, В.М. Санги) и на основе амурского диалекта (Ч.М. Таксами, М.Н. Пухта, А.М. Вингун).

Опыт издания учебно-методической литературы на говорах и диалектах языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока хорошо демонстрирует хантыйский язык. Так, например, изданы учебники на казымском, сургутском, ваховском, шурышкарском, среднеобском диалектах этого языка. Опыт показал, что наиболее жизнестойкими оказались учебники казымских и шурышкарских хантов (для школ, педучилищ, детская литература).

Создание письменности на языках народов Севера продолжалось и в 1960–1970-е годы. Так письменность юкагиров появилась в 1969 году (С.Н. Курилов, Г.Н.

Курилов). Чуть позже, в конце 1970-х, появилась долганская письменность (Е.Е. Аксенова, А.А. Барболина, В.Н. Парфирьев).

Письменность на ульчском языке была создана в начале 1990-х годов с выходом в свет «Букваря» К.Ф. Дечули, Л.И. Сем (2-е изд-е. – 1997 г.).

Выход в свет сборника «Палеоазиатские языки» (1986), констатировал появление алфавитов алеутского, ительменского, кетского, нганасанского и энецкого языков [2, с. 3]. Таким образом, число бесписьменных языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока сократилось до минимума.

Вместе с тем, вопросы графики и орфографии большинства языков народов Севера остаются малоисследованными и требуют специального изучения.

Вследствие победы Великой Октябрьской социалистической революции для коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, как и для других народов СССР, стало доступным всеобщее бесплатное образование. В связи с появлением письменности, стало возможным издание учебной литературы, газет, журналов и книг на родных языках, зародились новые национальные литературы. Появились свои национальные поэты, прозаики, ученые, педагоги. В детских дошкольных образовательных учреждениях, школах, педучилищах и вузах стало возможным преподавание на родных языках.

В годы так называемого «развитого социализма» в Советском Союзе народы Севера, Сибири и Дальнего Востока пережили своеобразный ренессанс своего развития в области образования, гуманитарной науки и культуры.

Литература

1. *Алькор (Кошкин) Я.П.* Предисловие // Указатель литературы, изданной на языках народов Севера в 1931-1933 гг. – М.: ИНС ЦИК СССР, 1934.
2. *Бурыкин А.А.* Изучение фонетики языков малочисленных народов Севера России и проблемы развития их письменности (обзор) // *Язык и речевая деятельность.* – Т.3. Ч.1. – СПб., 2000. – С. 150-180.

ПРОБЛЕМА НОРМАЛИЗАЦИИ В МАЛЫХ ЯЗЫКАХ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ *(на примере бурятского языка)*

Г.А. Дырхеева,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ*

Одной из причин сложности решения проблем многих малых языков помимо многодиалектности является относительно слабая нормированность, узость социальной базы литературной формы языка. Как и для многих малых языков России, проблема бурятского литературного языка также является, во-первых, этносоциальной, связанной с длительным отсутствием соответствующей языковой политики по под-

держке литературного языка, его норм в различных сферах, во-вторых, этнопсихологической, связанной с престижем, авторитетом принятой нормы. В последнее время проблема единства к тому же усложняется, во-первых, сокращением сфер использования литературного языка (в частности, все меньше, как указывалось выше, издается литературы на бурятском языке), а, во-вторых, все более развивающимся билингвизмом носителей языка.

Общеизвестно, что сегодня наблюдается существенное изменение подходов и решений в языковой проблематике. Причем это касается не только современного положения языков в обществе, но и их прошлого, а также общетеоретических аспектов изучения состояния языков. В частности, в бурятоведении к ним относится достаточно острая проблема литературной формы языка (помимо проблемы бурятско-русского двуязычия), которая время от времени дискутируется и, соответственно, требует фундаментального рассмотрения и решения.

Об актуализации интереса к литературному бурятскому языку, проблеме его единства в последнее время, в частности, говорит появление газеты «Нютагай хэлэн/диалекты», которая, как отмечают распространители газет, расходуется «как горячие пирожки». В ней публикуются разнообразные (поздравления, песни, стихи, жизненные истории, кухонные рецепты, объявления, воспоминания и др.) материалы, представленные носителями разных диалектов и говоров бурятского языка. Во-вторых, эта тема неоднократно официально поднималась на заседаниях комиссии при Правительстве РБ по реализации закона «О языках народов Республики Бурятия», на которых выдвигались даже пожелания о создании отдельных грамматик для некоторых диалектов и говоров. Рядом общественных и религиозных деятелей обостряются дискуссии относительно диалектной основы бурятского языка.

В настоящее время на состояние бурятского языка, в том числе на его многодиалектность, влияют такие внешние факторы как обширность территории расселения бурят, удаленность от политического и культурного центра, недостаточное развитие транспортных коммуникаций, суровые климатические условия, малая плотность населения, уровень жизни, миграции и так далее. В частности, территориальная разбросанность не способствует становлению единого бурятского литературного языка, но помогает сохранению его диалектов. Замедленный темп стандартизации бурятского языка приводит к тому, что в каждом диалекте происходят стихийные видоизменения, причем наиболее подверженными к созданию новых форм слов и заимствований являются западные и южные говоры.

Особенность языковой ситуации в Бурятии также состоит в том, что в отличие от многих малых языков России бурятский имеет сильную поддержку в лице родственного монгольского языка. И здесь ситуация несколько схожа с ситуацией в Карелии, где карельский язык поддерживается близкородственным финским. Существенное отличие заключается в том, что в 20-х годах именно финский язык был признан в Карелии литературным. В настоящее время он сохраняет статус официального языка с символическими функциями, популярен как язык международного общения в отличие от монгольского языка в Бурятии.

С другой стороны, в плане влияния монгольского языка на развитие бурятского имеется существенная внутрилингвистическая проблема: заимствования и калькирования терминов в родственных монгольских языках проходят чаще стихийно и по-разному. Наблюдающиеся в последнее время попытки использования монголь-

ских слов в бурятском литературном языке, к сожалению, пока успеха не имеют, что связано со значительными языковыми расхождениями, отсутствием достаточных речевых контактов, а также современной практики заимствования монголизмов.

Считается, что бурятский литературный язык относительно высокорегламентированный язык. Несмотря на наличие достаточно большого числа вопросов и проблем бурятского языкознания, можно утверждать, что уровень нормированности литературного бурятского языка относительно высок: последний свод правил орфографии утвержден в 2009 году, имеются академическая грамматика бурятского языка, переводные и орфографический словари, а также разнообразные учебные пособия и грамматики. Все эти меры, а также развитие науки о языке способствовали стандартизации бурятского языка. Для литературного бурятского языка характерно стилистическое многообразие, обычно в нем выделяются художественно-литературный, общественно-публицистический, учебно-педагогический, литературно-разговорный стили, для него характерно наличие лексико-орфоэпических норм.

Проблема литературного языка, как и во многих малых языках России, в бурятском, видимо, еще долго будет актуальной. Официально в республике об этом не говорится и в основном признается целесообразным сохранение хоринской диалектной основы, хотя в последнее время допускается, во-первых, для западных диалектов составление учебников, учебных пособий и т.д., ведение занятий на своем диалекте, во-вторых, все больше говорится о необходимости использования в официальных документах, литературе, прессе элементов разных диалектов, возможно, в виде парных слов.

Выбор хоринского диалекта в качестве основы бурятского литературного языка считается удачным, во-первых, потому что численность носителей этого диалекта превалировала над численностью носителей других диалектов, во-вторых, у них уже имела определенная литературная письменная традиция на основе старомонгольской графики, на которой создана значительная литературная (включая делопроизводство и частную переписку) продукция. Поэтому резкие переходы сначала на латиницу, а затем на кириллицу, несмотря на общий их отрицательный эффект, бурятским языком были перенесены относительно спокойно и между, например, дореволюционными и послереволюционными текстами сохранилась преемственность.

Другое дело, что в дальнейшем по ряду причин не произошло нивелирования диалектных различий, отсутствует софункционирование литературного и общеразговорного языка и пока бурятский литературный язык в обществе воспринимается не как наддиалектная форма, а более как язык носителей хоринского диалекта, функционирование которого вызвано потребностями бурятского общества. То есть процесс обособления от диалектной основы проходит медленно и не регулируется.

Практическая сторона проблемы бурятского литературного языка нашла отражение в ряде предложений относительно расширения социальной базы бурятского литературного языка. Очевидно, что необходимо поддерживать не только интеграционные языковые процессы, но и любую тенденцию к сохранению языка, в любом виде. Бурятский язык все более теряет возможность отразить происходящие в обществе изменения, процесс диалектной интеграции проходит медленнее, чем процесс языковой интеграции и носителям разных диалектов легче разговаривать на русском языке, чем на бурятском.

Как показывает история, процесс стандартизации в языке есть процесс постоянного движения к определенной норме и чаще это развитие не является прямолинейным. Поскольку становление литературного языка – процесс длительный, то на данном этапе помимо проблемы становления литературных норм нужно ставить задачу сохранения диалектов. Сохранятся диалекты, сохранится язык, поскольку носители диалектов пользуются родным языком в семье чаще, чем носители литературного варианта. Вероятно, это отчасти связано с тем, что литературные нормы, особенно лексические, пока недостаточно распространены и соответственно неустойчивы. Единство языка (или его единообразие) зависит от полноты и достаточности корпуса описания, его структуры и характера нормы. Очевидно, что нормы литературного языка нестабильны, динамичны, поэтому должны быть выработаны некоторые стандарты, относительно которых существуют варианты литературного языка, региональные и социальные диалекты. Поскольку характер нормализаторской деятельности зависит от конкретной языковой ситуации, конкретного языка, то для языков типа бурятского, который находится в постоянном контакте с крупным языком, такая деятельность должна быть постоянной. Необходимо постоянно контролировать развитие бурятского языка под влиянием общественных изменений и соблюдать баланс, оптимальное сочетание норм литературного языка и диалектной речи, литературного языка и разговорной речи, бурятского, русского, монгольского литературных языков.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СИБИРСКОГО РЕГИОНА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

И.Я. Селютина,

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

Многообразие фонетического ландшафта Сибири, нашедшее отражение в национальных алфавитах и орфографических системах, определяется сложностью и неоднородностью этнолингвистической истории народов сибирского региона. Языки, формировавшиеся на различной субстратной базе, вступавшие в многочисленные контакты с языками родственными и неродственными, пережившие последовательно несколько волн тюркизации различных типов – уйгуро-орхонского, кыргызского, уйгуро-кыргызского, кыпчакского, – представляют собой «многослойную конструкцию» [7, с. 248].

Алтайский, хакасский, тувинский и якутский языки относятся к числу литературных, получивших письменность в XIX – начале XX вв. Они имеют хорошо проработанные графические и орфографические системы, богатую многожанровую литературу, преподаются в школах. Телеутский, кумандинский, чалканский, тубинский, шорский, тофаларский, долганский языки обрели письменность в XX в. Эти языки не имеют богатого опыта создания литературных произведений, но разрабо-

таны алфавиты, написаны буквари, для некоторых из языков изданы словари и разговорники [6].

Идеальным принято считать алфавит, построенный по фонематическому принципу: количество букв соответствует количеству фонем языка, причём каждая фонема выражается одной и той же буквой, независимо от позиции, в которую она попадает. Практика же показывает, что «идеальных алфавитов в мире нет, а существуют лишь более или менее рациональные» [2], большинство графических и орфографических систем южносибирских тюркских языков являются фонико-фонематическими.

Так Д.Ф. Патачакова, глубокий и тонкий знаток хакасского языка, его диалектов и говоров, обосновывая целесообразность применения фонетико-морфологического принципа в хакасской орфографии, отмечает: «Звуки хакасского языка в разных позициях не подвергаются качественным изменениям. У них нет качественно отличающихся вариантов или оттенков, как ... в русском языке. Звук *a* в любой позиции произносится как *a*» [4, с. 263]. Однако анализ современной живой разговорной речи хакасов свидетельствует о том, что хакасское спонтанное произношение очень вариативно, допускает многочисленные случаи стяжения форм, редукции гласных – особенно узких – вплоть до полного их выпадения с последующей закономерной перестройкой фонетического облика словоформы: *ол кижи* ‘тот человек’ → [*ол киши*], *хозын* → [*хосп*]. Далее Д.Ф. Патачакова совершенно справедливо отмечает: «... легко разграничиваются морфологические элементы слова хакасского языка как языка агглютинативного». К этому следует добавить, что хакасский язык, как и большинство сибирских тюркских языков, относится к числу сингармонических и, следовательно, закономерности построения звуковой цепочки словоформы более четко определены, чем в языках несингармонических. Носители языка воспринимают словоформу как единый звуковой комплекс, в котором соблюдаются принципы палатального, лабиального и – в тувинском языке – фарингального сингармонизма. Всё это является обоснованием необходимости проведения в качестве доминантного фонематического, а не фонетического принципа письма в тюркских языках.

Спецификой хакасской орфографии при обозначении согласных на письме является передача озвончения звуков в составе медиальных биконсонантных сочетаний в постпозиции к сонорному согласному: *алтынзарых*, а не *алтынсарых* ‘север’. В данном случае выдерживается фонетический принцип, а не фонологический и не традиционный. Звуки *з* и *с* – оттенки одной фонемы, следовательно, при фонологическом письме обозначаться должны одной графемой *с*. Но написание *с* в слове *алтынзарых* провоцировало бы произношение глухого *с*, то есть орфография оказывала бы влияние на орфоэпию. В условиях двуязычия, неустойчивости орфоэпических норм и диалектной многовариантности произношения представляется целесообразным отход в некоторых случаях от принципов идеального фонологического письма к письму фонетическому, отражающему реальное произношение говорящих на языке. Проявлением фонетического подхода является и последовательное отражение в письме ассимилятивных процессов: *сан* ‘черенок’ – *сабы* ‘черенок=его’, *хыс* ‘девушка’ – *хызы* ‘девушка=его’.

Интуитивно авторы-разработчики тюркских орфографий и проводят в своих трудах этот принцип, происходит лишь терминологическая подмена, обусловлен-

ная, в частности, нечеткостью разведения в специальной фонетической литературе терминов *фонетика* и *фонология*. Термин *фонетика* обозначает как родовое понятие – наука о звуках как единицах речи, так и видовое: *фонетика* = *фонетика* + *фонология*, где *фонология* – наука о фонемах как единицах языка. Такой подход представляется неудачным – научные термины должны быть однозначными, полисемия здесь недопустима. Для устранения противоречия В.М. Наделяевым был предложен термин *фоника* для обозначения науки, изучающей звуки речи (фоны). В этом случае *фонетика* как видовое понятие включает в себя родовые понятия *фоника* и *фонология*: *фонетика* = *фоника* + *фонология*.

Определённые трудности возникают и при постановке вопроса о совершенствовании тувинского письма, о необходимости отражения специфики тувинских артикуляций во избежание влияния русской графики на тувинское произношение [1, с. 6]. В тувинском языке в абсолютном начале слова функционируют два типа смычных согласных фонем: сильные придыхательные *n* и *m*, а также слабые непридыхательные согласные *b* и *d*. Наличие квазиомонимов *нар* ‘тигр’ – *бар* ‘есть, имеется’, *тал* ‘ива’ – *дал* ‘середина’ свидетельствует о том, что в языке действует двойное противопоставление шумных согласных по степени мускульной напряженности – сильные / слабые фонемы; признак звонкости / глухости для тувинской фонологической системы нерелевантен. На письме сильные придыхательные передаются графемами *n* и *m*, а слабые – буквами *b* и *d* (соответственно). Такой способ графической передачи звуков тувинской речи вызывает определенные затруднения при чтении тувинских текстов – на носителей языка и, прежде всего, на детей школьного возраста, оказывают влияние традиции русского письма, в котором буквами *n* и *m* передаются глухие согласные звуки, а буквами *b* и *d* – звонкие. По аналогии с этим ученики и тувинские согласные [p] и [t] зачастую произносят на русский манер – с обязательной звонкостью, что противоречит артикуляторным нормам тувинского языка.

Во избежание нарушения орфоэпических норм тувинского литературного языка под влиянием графики, созданной на основе русского алфавита, в тувинский алфавит предлагается внести определенные коррективы [1, с. 6]: ввести специальные графемы для передачи сильных согласных. Согласные буквы *Бб*, *Вв* и *Дд* также необходимо сохранить в алфавите для обозначения позиционных оттенков слабых фонем [p] и [t] соответственно. Тем самым нарушается фонематический принцип письма: слабая фонема [p] будет иметь три буквенных обозначения в зависимости от позиции и комбинаторики употребления – *n*, *b*, *v*, оттенки фонемы [t] будут передаваться двумя буквами – *m* и *d*. Такое сознательное отступление от принципов создания идеального алфавита на фонематической основе представляется оправданным и практически целесообразным в современных условиях тувинско-русского билингвизма и высокой грамотности населения.

Требуют своего решения и актуальные для тувинского письма проблемы орфографирования, к числу которых относятся вопросы обозначения на письме фарингализованных гласных. В действующей орфографии фарингализация обозначается лишь в девяти словах: *аът* ‘конь’, *оът* ‘травя’, *каът* ‘ряд’, *эът* ‘мясо’, *чаъс* ‘дождь’, *чуък* ‘груз’, *чөъп* ‘гуша’, *дүъш* ‘полдень’, *аъш-чем* ‘пища’. Такой подход нельзя считать последовательным и практически целесообразным, он вызывает большие сложности при обучении письму и чтению на тувинском языке, детерминируя мно-

гочисленные орфографические и орфоэпические ошибки, разрушая произносительные нормы тувинского литературного языка. Следует ввести правило обязательной передачи фарингализованного произношения гласных как в основах, так и в производных от них формах, образующихся при словообразовании и словоизменении.

В якутской орфографии морфологический принцип частично применяется в написании некоторых непроизводных и омертвелых образований, допускающих варианты произношения. Здесь за основу написания принимается тот вариант, который совпадает с этимологически восстанавливаемым морфологическим строением данного слова. Например, пишется *сарсын* вм. *сассын* ‘завтра’, *халты* вм. *хатты* ‘вскользь’. Однако применение морфологического принципа в области омертвелых образований требует дальнейшей разработки на основе тщательных этимологических изысканий. В якутской орфографии большой удельный вес занимает условный принцип написания. По этому принципу орфографируется значительная часть разнопроизносимых непроизводных исконно якутских слов (более 5 тыс. единиц). Кроме того, к условному написанию относятся все заимствованные слова, допускающие варианты произношения в разговорном языке независимо от фонетически освоенной или русской формы написания основы. Наличие большого количества условных написаний – основная трудность современной якутской орфографии. Необходимо искать пути их сокращения. Путем этимологических изысканий можно выявить группы слов, объединяемых отдельными правилами по морфологическому принципу [5, с. 284–301].

В.М. Наделяев отмечал, что «... без учета качественных и количественных характеристик фонем может оказаться неудачным подбор буквенных знаков для выявленных фонем...» [3, с. 13]. Дальнейшая работа по совершенствованию тюркской графики и орфографии предполагает использование результатов, полученных в ходе инструментальных исследований отечественных и зарубежных тюркологов с использованием современных методологий и высокоточной аппаратуры.

Литература

1. Бичелдей К. А. Латинизированный и русифицированный алфавиты тувинского языка – к проблеме совершенствования тувинской графики и орфографии // Становление и развитие науки в Туве: Мат-лы Международной конференции, посвящённой 70-летию тувинской письменности (12–14 сентября 2000 г.). I часть. – Кызыл, 2000. – С. 6-7.
2. Мусаев К. М. Алфавиты языков народов СССР. – М., 1965.
3. Наделяев В. М. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. – Новосибирск, 1981. – С. 11-37.
4. Патчакова Д. Ф. Орфография хакасского языка // Орфография тюркских литературных языков СССР. – М., 1973. – С. 257-270.
5. Петров Н. Е. Орфография якутского языка // Орфография тюркских литературных языков СССР. – М., 1973. – С. 284-301.
6. Черемисина М. И., Тазранова А. Р. Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2006.
7. Широбокова Н. Н. О смене классификационного типа (на материале тюркских языков Сибири) // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 242-250.

АЗБУКИ ДЛЯ БАШКИР И АЛФАВИТЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Л.М. Хусаинова,

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного
университета, г. Стерлитамак*

Тюркские народы, в том числе и башкиры, в историческом плане имели следующие разновидности письменности: они знакомы с руникой; читали произведения, написанные уйгурскими буквами; долгое время пользовались алфавитами, основанными на арабской графике; в 30 – 40-х годах XX столетия, когда все малые народы бывшего СССР перешли на латиницу, писали латинскими буквами [6].

С 1941 года по настоящее время башкиры пользуются алфавитом на кириллице. В этой связи интерес представляет изучение азбук, алфавитов, словарей башкирского языка, основанных на русской графике.

Следует отметить, что первые азбуки, словари и многие национальные алфавиты, предложенные для башкирского языка, основывались на буквах кириллицы. Возможно, это связано с тем, что башкирами, их языком, фольклором, бытом, культурой интересовались первоначально русские просветители, краеведы такие, как Р.Г. Игнатъев, В.В. Катаринский, А.Г. Бессонов, М.В. Лоссиевский, С.Г. Рыбаков, которые образцы башкирского народного творчества фиксировали, пользуясь русской графикой (кириллицей) [3, с. 101].

Первый букварь для башкир вышел в свет в 1892 г. в Оренбурге и был переиздан в 1898 г. Следует отметить, что лишь в последнем букваре указан автор – русский просветитель, первый директор русско-башкирского училища В.В. Катаринский. Профессора Н.К. Дмитриев, Дж.Г. Киекбаев высказали возможную принадлежность первых изданий букваря также В.В. Катаринскому, что соответствует действительности [3, с. 101-102].

Букварь, состоящий из 58 страниц, включает два раздела: башкирский и русский. В первом, башкирском разделе, дается алфавит в следующем порядке – **а, л, м, т, ш, у, р, с, н, к, о, ө, ц, ы, й, б, г, ғ, д, з, н, я, ә, и, п, э, е, ү, ю, х, ф**. Такое расположение букв не случайно. По мнению автора, учащиеся таким образом с самого начала изучения алфавита легко могут составлять слоги и слова: *ал (возьми), мал (скотина), талама (не кради)*. Хотя в алфавите представлена 31 графема, в самом букваре сказано, что для записи слов башкирского языка достаточно 29 букв [2, с. 18].

Второй, русский, раздел написан с целью обучения башкирских детей русскому языку, что считалось необходимым условием для всестороннего развития человека, знающего грамоту. В конце букваря представлены тексты для чтения поучительного характера, а также пословицы, поговорки и загадки.

Таким образом, «Букварь» В.В. Катаринского является первым опытом создания современной национальной башкирской письменности, и сегодня этот первый башкирский букварь предстает как памятник просветительским идеям, несущим свет и явившимся одним из источников образованности наших современников [3, с. 104].

«Букварь для башкир» А.Г. Бессонова, вышедший в свет в 1907 г. (*внутри книги указана другая дата – 1906 г. – Л.Х.*) в г. Казани считается вторым после букваря В.В. Катаринского. Он состоит из 46 страниц. Для записи образцов разговорной речи северо-восточных и юго-восточных башкир предложен алфавит из 35 букв. За его основу взят русский: представлены все буквы тогдашнего русского алфавита (кроме *ѣ, ѵ*), а также предложены дополнительные знаки *ä (ə), ö (ø), ü (y), Һ (h), җ (j), с (ç)* (*в последних трех буквах снизу ставится одна точка – Л. Х.*).

Предложенный материал разделен на два раздела. Сначала представлена информация о башкирских звуках и буквах, а также тексты для чтения на башкирском и русском языках, здесь же даны образцы каллиграфического письма. Второй раздел состоит из упражнений, оформленных иллюстрациями животных, по которым даны задания. Здесь же представлена составленная автором сравнительная таблица башкирских и арабских букв, что имело огромное значение для изучающих новый алфавит.

А.Г. Бессонов большое значение придает воспитательной стороне обучения, о чем говорят такие тексты для чтения, как: «Добро и зло», «Приглашение в школу», «Утром», «Каһым түрә» («Кахым-тура»), «Ихсан старшина» («Старшина Ихсан») и др. Будучи знатоком башкирского фольклора, он в качестве примера приводит пословицы и поговорки, многие из которых употребляются и поныне: «Керер ишегенде нык ялма» (Не закрывай сильно дверь, куда войдешь обратно), «Дәртем бар, дарманым юк» (Есть желание, но нет возможности), «Белер-белмәс һүззе һөйләмә» (Не говори то, о чем плохо знаешь), «Оятһызың бите һанһыз» (У бесстыжего лиц много) и др.

На страницах 43-46 автор дает подробную характеристику башкирским звукам. Заканчивается букварь призывом изучать на основе русской графики такой удивительно благозвучный, мелодичный и красивый башкирский язык.

Букварь А.Г. Бессонова имел огромное значение в развитии и изучении башкирского языка. Более того, им пользовались в русско-башкирских школах вплоть до 1917 г. При составлении современного башкирского алфавита на кириллице были использованы принципы, которыми руководствовался в свое время А.Г. Бессонов.

Большой вклад в изучение башкирского языка внес профессор Казанского университета Н.Ф. Катанов. Под его руководством с 1896 г. по 1898 г. дважды были организованы диалектологические поездки в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии с целью изучения диалектов башкирского языка и крещеных татар. На рубеже XIX–XX вв. Н.Ф. Катановым была составлена «Азбука для башкирского языка», где он предлагает на основе кириллицы алфавит, состоящий из 33 букв. 19 из этих букв, по мнению автора, обозначают в русском и башкирском языках одни и те же звуки: *а – a, б – b, г – g, д – d, ж – ž, з – z, и – i, й – j, к – k, л – l, м – m, н – n, п – p, с – s, т – t, у – u, ф – f, ш – š*. 10 букв характеризуют наиболее специфические звуки башкирского языка: *ä – ä, ö – ö, ӓ – ӓ, к (две точки наверху) – q, с (две точки наверху) – v, ӥ – ӥ* и т. д.

Н.Ф. Катанов подробно описывает особенности произношения башкирских звуков *о, х, ы, э*. Автор азбуки точно характеризует башкирский звук *х*, который, как он отмечает, является несколько гортанным и по характеру образования более задним, чем тот же звук в русском языке.

Вместо букв современного башкирского алфавита *в, е, я* им были использованы сочетания графем: *ya (ua), ye (je), ya (ja)*. Ср.: *уакыт (uaqyt)* в современном башкирском языке – *вакыт (время)*, *йебәрһәнә (jebärhänä)* – *ебәрһәнә (отпусти же)*, *йетә (jetä)* – *етә (хватит)*, *йалан (jalan)* – *ялан (степь)*, *йафраҡ (jafraq)* – в современном башкирском языке *япрак*, на северо-западном диалекте – *яфраҡ (листок)* [5, с. 36-38].

В азбуке нашли отражение орфоэпические нормы башкирского языка. В качестве учебного материала приведена крыловская басня «Стрекоза и муравей» в переводе на башкирский язык.

Таким образом, Н.Ф. Катанов предпринял попытку решения одного из наиболее сложных вопросов письменности большинства современных тюркских языков народов нашей страны [1, с. 14].

«Азбука для башкирского языка» Н.Ф. Катанова существует только в рукописном варианте, в настоящее время она хранится в Национальном музее Республики Татарстан (Азбука для башкирского языка. ЦГА Татарстана. Ф. 969, оп. I, д. 26).

Завершая краткий обзор азбук и алфавитов, использованных башкирами в XIX – нач. XX вв., авторами которых являются исследователи, не являющиеся носителями башкирского языка, следует отметить, что любой алфавит можно обсуждать с двух сторон. Одна сторона – техническая: число и начертания букв, их сочетания, диакритика. Другая сторона – функциональная, т.е. употребление алфавитов в зависимости от их историко-культурной ориентации. При несомненной значимости первого направления в конечном счете оно подчинено второму – социально-ценному направлению [4, с. 7]. Проблема тюркских, в том числе башкирского, алфавитов в настоящее время совсем не простая. Кириллица не всегда может передать на письме особенности тюркской фонетики, в связи с этим Э.Р. Тенишев в начале 90-х гг. и предложил создать Международный комитет тюркских алфавитов (МКТА) для усовершенствования алфавитов [4, с. 9]. Тем не менее, в условиях двуязычия и многоязычия создание алфавита на кириллической графической основе считается объективной необходимостью, ибо знающий один алфавит получает возможность читать как минимум на двух языках: на своем родном и на русском [7, с. 100]. На наш взгляд, на данном этапе развития башкирского языка, башкирской письменности нет необходимости внесения каких-либо изменений, поправок в действующий алфавит, при этом для более точной передачи специфических звуков, возможно, есть необходимость внесения дополнений в орфографические и орфоэпические нормы современного башкирского литературного языка.

Литература

1. Баскаков Н.А. Проблемы совершенствования и унификации алфавитов тюркских народов СССР // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: тезисы докладов и сообщений. – Алма-Ата, 1976. – С. 14-16.
2. Букварь для башкир. – Оренбург, 1892 (то же изд. 1898).
3. Галяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. – Уфа: Гилем, 2000. – 448 с.
4. Тенишев Э.Р. Размышления об алфавитах тюркских языков // Труды Международной конференции: В 3-х т. Т. I: Язык, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. – Казань: ИЯЛИ, 1992. – С. 7-9.

5. Халикова Р.Х., Шакуров Р.З. Еще одна страница из научного наследия Н.Ф. Катанова // Советская тюркология. – 1981. – № 3. – С. 36-38
6. Хусаинова Л.М. Башкирское письмо. – Стерлитамак, 2016. – 120 с.
7. Хусаинова Л.М. Современное башкирское письмо на кириллице // Научное мнение. – 2014. – №10-1. – С.100-103.

ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ АЛТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

А.Р. Тазранова,

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

Алтайский язык является языком коренных жителей Республики Алтай – алтайцев и представлен разными группами диалектов и говоров, имеющих свои особенности, которые большей частью прослеживаются на лексическом уровне.

Разговорный алтайский язык не является монолитным языком, а состоит из нескольких диалектов, традиционно объединяющихся в две группы – северную (кумандинский, туба-диалект и челканский) и южную (алтай-кижи, теленгитский и телеутский). Впервые деление наречий алтайских племен на группы и подгруппы было введено миссионерами. Этой же классификации деления впоследствии придерживаются все исследователи алтайского языка, начиная с Н.П. Дыренковой, Н.А. Баскакова и заканчивая современными лингвистами. По мнению Л. Н. Тыбыковой, в середине XIX в. до 50–60-х годов XX в. это деление соответствовало реальной действительности, но в данный момент быстротечное время вносит свои коррективы, языковая ситуация у носителей разных наречий, диалектов и говоров оказалась совершенно в иной сфере, поэтому нужен новый подход к этой проблеме [7].

В результате нивелировки диалектов под влиянием алтайского литературного языка за 80 лет произошли большие сдвиги в его развитии. И действительно, в современном алтайском языке в результате становления и развития литературных норм произошли огромные изменения в функциональном распределении языковых средств на всех уровнях.

Литературный язык, как правило, это язык, сформировавшийся в городской среде, в рамках которой возникает общение людей говорящих на разных вариантах этого языка. Поскольку люди ориентируются друг на друга, формируется особая форма языка, которая выходит за рамки любого диалекта.

Считается, что опорным диалектом при формировании алтайского литературного языка является диалект алтай-кижи. Но язык литературный, образовавшийся на базе диалекта алтай-кижи и язык алтай-кижи – это разные вещи. Потому что алтай-кижи диалект, являющийся основой алтайского литературного языка, не является однородным. Он представлен различными говорами (шебалинский, онгудайский, усть-канский, усть-коксинский, чемальский), подразделяющиеся на разные подговоры, которые обнаруживают отличия на разных уровнях языка: фонетики, грамматики, лексики.

По определению П.А. Слепцова, литературный язык – это разновидность языкового употребления, предназначенная, прежде всего, для выполнения общественных функций. С одной стороны, чтобы достичь наилучших результатов в выполнении общественных функций общения, необходимо придерживаться общих (обобщенных), типических общепринятых, общепонятных элементов языка. С другой стороны, цель общения требует того, чтобы в норме литературного языка осваивались («воплощались») всевозможные инновации [4, с. 9-10].

Становление литературного языка было связано с решением ряда практических проблем: разработка алфавита, орфографии и терминологии. Исследователи алтайского языка много внимания уделяли вопросам диалектологии, лексикологии, фонетики и морфологии, а также орфографии. Однако такие аспекты языкознания, как терминология, фразеология, взаимодействие русского и алтайского языков, синтаксис сложного предложения, ономастика, орфоэпия, культура речи и другие еще не разработаны.

В истории алтайской письменности выделяются три шага нормирования орфографии алтайского языка. **1 шаг** – 40-е гг. XIX в. – начинается с введением единого орфографического закона Т.М. Тошковой «Орфография ойротского литературного языка» (1947), (1958). Хотя в работах Т.М. Тошковой учтены правила правописания слов с точки зрения закона сингармонизма, но основой является не диалект алтай-кижи, а телеутский. Поэтому данная орфография не нашла широкого распространения. **2 шаг** – 80-е гг. XIX в. – нормы современного алтайского письменного литературного языка описаны в книге А.Т. Тыбыковой и В.Н. Тадыкина «Орфография и пунктуация алтайского языка» [5], где авторы в основу закона правописания применили закон палатальной гармонии гласных, а не последовательность губной гармонии гласных (ср. в.м. *толук* – *толык* ‘угол’, в.м. *отургуш* – *отургыш* ‘стульчик’, в.м. *борсык* – *борсук* ‘барсук’). Несмотря на действующие нормативные законы правописания в письменной речи алтайцев, независимо от образованности, дипломированный специалист или нет, наблюдаются отклонения от литературной нормы. В связи с этой проблемой вопросы унификации орфографии и алфавита алтайского литературного языка обсуждались на уровне Правительства Республики Алтай, государственного собрания Эл-Курултай РА. По поручению правительства РА сотрудниками научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова была написана двуязычная (на русском и алтайском языках) монография Н.Д. Алмадаковой, Р.С. Минаковой, Т.К. Шутиной, «Алтай тилдин орфографиязы. Орфография алтайского языка» (2013), где авторы уделяют внимание закону сингармонизма (например, в.м. *одыс* – *одус* ‘тридцать’, в.м. *орыс* – *орус* ‘русский’, в.м. *солын* – *солун* ‘новость’, в.м. *токым* – *токум* ‘потник’, в.м. *чокым* – *чокум* ‘четко’) и ставят вопрос о соблюдении последовательности губной гармонии гласных в правописании именных и глагольных словоформ: в.м. *мүргү=п* – *мүргү=п* ‘молясь’, в.м. *уткын* – *уткуп* ‘поздравляя’, в.м. *унды=п* – *унду=п* ‘забывая’, в.м. *буды=п* – *буду=п* ‘крася’ и др. [1, с. 144, 155], а также уточняют правила правописания сложных нарицательных и собственных имен существительных и системно описывают морфологические особенности алтайского литературного языка. Последняя работа в целом получила положительную оценку специалистов. Нормы литературного языка с большей или меньшей точностью отражены в вышеуказанных письменных источниках, а также в школьных учебниках, словарях и т.д. Хотя эти нормы алтай-

ского языка в повседневной практике прессы и продукции книжного издательства в основном соблюдаются, проблема остается до сих пор, возникают разночтения с преподавателями в школе при написании слов; идут дискуссии на региональных конференциях, касающиеся вопросов написания алтайских слов, допускающих различное произношение; написания заимствованных слов; принятия морфологического принципа написания. Поэтому точка по усовершенствованию правил алтайской орфографии не поставлена.

Немаловажную роль в нормализации лексики алтайского языка и продолжении лексикографической работы в области сыграли двуязычные словари, изданные в 30 – 40 гг. В 50 – 60-е годы изданы двуязычные орфографический и терминологический словари. В настоящее время ведется работа по изданию нового «Алтайско-русского словаря», при составлении которого в словарной группе составителей возникают дискуссии о том, включать ли то или иное слово в словарь, является ли оно литературным. Решения бывают авторскими, а критерия определения нет. Ни один человек не является носителем 80-ти тыс. лексем какого-то языка. В развитии и обогащении словарного состава алтайского литературного языка, кроме внутренних словообразовательных ресурсов, значительную роль играют диалекты и говоры алтайского языка. По наблюдениям А.Т. Тыбыковой и Л.Н. Тыбыковой, в отдельных случаях при редактировании статей, очерков, литературных произведений вместо того, чтобы использовать богатые лексические возможности литературного языка, а в необходимых случаях его диалектов и говоров, некоторые редакторы стараются избавить авторский текст от незнакомых и сомнительных слов. В связи с этим редко встречающиеся, но семантически емкие слова выпадают из активного оборота. Вместо них появляются стандартные, однотипные слова и штампованные выражения. В качестве наглядного примера они приводят лексему с компонентом *баш* 'голова', от которой образуется много новых слов: *башчы* 'вождь', *баштаачы* 'подлежащее', *башкару* 'правительство', *башалык* 'оглавление', прочно вошедшие в язык. Но некоторые слова, такие, как *баш болушчы* 'первый заместитель', *баш сотрудник* 'старший сотрудник', *баш партнер* 'главный партнер', *башлык* 'председатель' [7] и подобные им образования пока еще никоим образом не отражаются как неологизмы в языке. При написании грамматики современного алтайского языка, при составлении новых, более совершенных, словарей необходимо привлекать материалы всех имеющихся диалектов и говоров.

В настоящее время возникают спорные моменты при кодификации грамматических форм современного алтайского языка. В отличие от лексики, которая наиболее восприимчива к явлениям действительности, морфологическая структура языка меняется не так интенсивно, и инновации в ней можно заметить не сразу. Грамматическое развитие современного алтайского языка выражается в процессе нормализации грамматической структуры, ее формирования на основе ведущего диалекта и использования продуктивных грамматических средств других диалектов и говоров. Нормализация грамматики литературного языка охватывает все разделы морфологии и синтаксиса и выражается в активизации аффиксов, в повышении роли и продуктивности словосложения в образовании новых слов, в превращении послелогов в падежные аффиксы, в изменении значения послелогов и аффиксов, в унификации вариантов отдельных грамматических форм. Например, в последнее время доминирующим аффиксом исходного падежа после основ на гласный стано-

вится аффикс на =нАн со всеми алломорфами, вместо аффикса на =дАн, представленный авторами «Грамматики алтайского языка» и «Грамматики ойротского языка» Н.П. Дыренковой. Традиционный аффикс =дАн исходного падежа после основ на гласный, наоборот, уходит в периферию и наблюдается в теленгитском диалекте алтайского языка, вместо этого аффикса используется форма на =нАн (что отражается как в художественных текстах, так и в воспроизведении разговорной речи): *Айлында да жүрзе, санаазы өскө јерде кижинен кандый јаан туза* (ЖК, ЕЕС, 7) 'Какая большая польза от человека, у которого, хотя [он] и дома, мысли в другом месте'. Пример взят из художественной литературы, автор которой является одним из выдающихся писателей алтайского языка. Ср. теленг. пример: *Сендий лә кижинен дән немә ал көрбәйм мен* 'У такого человека как ты, я ничего не брала'.

Аффиксы употребления исходного падежа после гласных и согласных показаны в Таблице 1.

Таблица 1.

Формы исходного падежа

Ауслат основы	Алтайский литературный язык	Пример	Перевод
после гласных	=нан / =нен / =нон / =нөн =дАн	тура=нан и тура=дан	из дома
после й, л, р	=дан / =ден / =дон / =дөн	кол=дон	из руки
после н, нг, м	=нан / =нен / =нон / =нөн	энем=нен	от мамы
после глухих согласных	=тан / =тен / =тон / =төн	таш=тан	из камня

При описании современной грамматики алтайского языка, можно было бы включить в парадигму падежей аффикс на -дөн (направительный падеж). Хотя он включен в систему послелогов, в последнее время в художественных текстах все чаще употребляется слитный вариант, лексическая сочетаемость этого аффикса высока.

Распределение временных форм в системе темпоральности распределяются по-разному и имеют разные функциональные характеристики (см. Таблицу 2).

На данном этапе развития алтайского языка происходит перестройка временных форм в поле настоящего времени. Во всех имеющихся грамматиках и учебниках в качестве центральной формы настоящего времени дается синтетическая форма на =ат (=а + тур и восходящие к ней формы). Базовой формой настоящего данного и общего времени становится аналитическая форма, образованная по модели деепричастия на =п основного глагола и вспомогательного глагола јат=Ж

Время	Форма	ГАЯ (1869)	ГОЯ Н.П. Дырэнковой	Н.А. Баскаков	Современное состояние АЯ
Прошедшее	1) =ды 2) =ган 3) =ып жаг=ты 4) =ып тур=ды 5) =ып тур=(птыр) 6) =ган эди	1) пр. повеств. 2) наст.-прош. —	1) прош. достоверное первое, наст.-пр. 2) давнопрош. —	1) прош. определенное 2) неопределен. 3) прош. ДМ 4) прош. длительное 5) прош. заглазное 6) давнопр.	1) пр. категорич. время 2) пр. результ. перфект. 3) пр. время на =аган — 5)+ 6) давнопр.вр. 7) =ган бол=гон перифр. форма давнопр. перфекта 8) =аган эди плюсквамимперфект 9) =ган болтыр (по Л. Теновой) давнопр. заглазное время
	1) =ар 2) аг 3) =аган	1) буд.-наст. I 2) повеств. наст.-буд. 3) наст.-буд. II	1) наст.-буд. первое 2) наст.-буд. второе 3) буд.-пр. второе	1) неопределен. наст.-буд. 2) определен. буд. 3) долженств. буд.	1) =ар неопр. буд. вр. 2) — 3) буд. долженств. вр.
Настоящее	1) =аг 2) =ып + жаг=, тур=, отур=, жүр= 3) =адыр/-едир~	1) — 2) наст. опис. (ып жаг=) 3) —	2)+ (все 4 глагола) 3) наст. незаконч. дейст.	1) — 2) наст. данного момента на =ып жаг / ып жадыр 3) наст. длительное	1) =ып + жаг=, тур=, отур=, жүр= 2) наст. опис. вр. на =аг 3) наст. длит. незаконч. 4) =тран настоящее обычное, многократное действие

На наш взгляд, при кодификации грамматических норм современного алтайского языка должны быть учтены все инновационные формы, которые возникли за последние 80 лет.

Вопрос литературной нормы для любого младописьменного языка, стоящего на достаточно высоком уровне развития, обладающего серией учебников, изданий литературных, научных, публицистических текстов, решаемый. Для решения вопросов нормализации литературного языка, как отмечает П.А. Слепцов: «...необходим высокий уровень самой филологии. Актуализация и широкая разработка вопросов нормы и нормализации предполагают достаточно высокий уровень культуры и образованности самих носителей языка» [4, с. 7].

В связи с тем, что государственный язык может выполнять свои функции только в литературной форме, вопрос о едином алтайском литературном языке требует более фундаментального и относительно быстрого рассмотрения. Единство языка (или его единообразие) зависит от полноты и достаточности корпуса описания, его структуры и характера нормы. Но многие теоретические проблемы грамматического строя алтайского языка до сих пор не получили достаточного изучения.

Для разработки вопросов алтайского литературного языка, обработки, стабилизации, укрепление его норм и повсеместное их внедрение в широкие массы населения следует с возможной полнотой и объективностью выявлять и описывать существующую норму в ее динамике, диалектических противоречиях и тенденциях развития, и на этой основе проводить последовательную, целенаправленную работу по нормализации и кодификации литературного языка и тем самым способствовать повышению культуры языка и речи. Изучение вопросов формирования, современного состояния и дальнейшего развития алтайского литературного языка остается важной задачей исследователей-лингвистов.

Литература

1. Алмадакова Н.Д., Минакова Р.С., Шутина Т.К. Алтай тилдин орфографиясы. Орфография алтайского языка. – Горно-Алтайск, 2013.
2. Грамматика алтайского языка. – Казань, 1869.
3. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. – М., 1940.
4. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск, 1990.
5. Тадыкин В.Н., Тыбыкова А.Т. Орфография и пунктуация алтайского языка. – Горно-Алтайск, 1981. – 164 с.
6. Тазранова А.Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. – Новосибирск, 2005.
7. Тыбыкова А.Т., Тыбыкова Л.Н. Теория и практика алтайского языка как государственного языка: учеб.пособие. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014.

САХАЛЫЫ ТАБА СУРУЙУУ БИЛИННИ ТУРУГА

(*хаһыат матырыйаалларынан*)

Н.М. Васильева,

ИГИИПМНС СО РАН, г. Якутск

Сахаттан маннайгы тыл үөрэхтээбэ, саха норуотун сырдатааччыта Семен Андреевич Новгородов, биллэрин курдук, аан бастагы сахалыы маассабай суругу-бичиги олохтообута. Кини алпаабыта «хайдах сангарарын курдук суруй» диэн бириинсипкэ олобурута. Бу «бириинсиби тутуһуу дьон атын-атын сиргэ биир өйдөбүлү араастык ааттылларын, атын-атыннык суруйалларын, саха тылыгар түөлбэнэн араастаһыы баарын арийан таһаарбыта. Манан сибээстээн тылга бэрээдэк олохтоонуута, тылы-өһү биир халыыпка киллэри, суругу-бичиги сааһылааһын, таба суруйуу быраабылатын оноруу уталыйбат инники сорук буолан турбута» [5, с. 7]. Бу сорук саха тылын сайдыытын бары кэрдиис кэмнэригэр тыл үөрэхтээхтэрин уонна уопсастыбаннас болжомтолорун киинигэр сылдыбыта [6]. Онон, сахалыы таба суруйуу быраабылаларын кэммиттэн кэмигэр хат көрөн эрдээксийэлиир анал хамыһыйалар араас сылларга тэриллэн үлэлээбиттэрэ. 2012 сыллаабы хамыһыйа үлэтин түмүгүнэн 2015 сыл ахсынны 22 күнүгэр Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бырабытталыстыбата 501 №-дээх уураабынан «Сахалыы таба суруйуу уонна сурук бэлиэтин быраабылаларын» бигэргэспитэ, онно олобуран 32 тыһ. кэрингэ тыллаах «Сахалыы таба суруйуу тылдыта» (салгыы – СТСТ) бэчээттэнэн тахсыбыта [4].

Биллэрин курдук, литературнай нуорма, ол иһигэр таба суруйуу быраабылата, олобуруутугар уонна киэн аранаҕа тарҕанытыгар хаһыат улахан оруоллаах. Онон сибээстээн уонна өрөспүүбүлүкэбэ сахалыы таба суруйуу билинни туругун билэр сыалтан «Саха сирэ», «Кыым», «Ил Түмэн», «Кэскил» хаһыаттары, ону сэргэ Нам улууһун «Энсиэли», Мэнгэ Хангалас улууһун «Эркээйи», Кэбээйи улууһун «Дабаан», Чурапчы улууһун «Саҥа олох», Бүлүү улууһун «Олох суола», Сунтаар улууһун «Сунтаар сонуннара», Муома улууһун «Индибир уоттара» 2016 сылга тахсыбыт нүөмэрдэрин ырыттыбыт. Чинчийи түмүгүнэн кылгастык манныгы бэлиэтиэххэ сөп:

1. Таба суруйуу быраабылаларын тутуһуу туһунан.

Хаһыаттарга таба суруйуу быраабылаларын кэһиигэ маннык сүрүн албаастары холобурдуубут:

- 15 № быраабыланан тыл олобор *анар – аҥаар, энэр – энээр* диэн икки аҥыы этиллэр тыл олобор уһун аһаҕас суруллар. Бу быраабыла «Кыым», «Эркээйи» хаһыаттартан уратыларга кэһиллэр: *анар, энэр*;

- 37 № быраабылаҕа этиллэринэн, *-һы (-һи)* сыһыарыынан үөскүүр даһааһын аат хоһуласпыт *һн* дорҕоонноох суруллар. Ол эрэри бу быраабыла хаһыаттарга тутуһуллубат: *сарсыардаанһы, киэһээһни* оннугар *сарсыардаангы, киэһээһни* диэн суруйаллар;

- 23 № быраабыла кэһиллэр: *ойууттар, сиэттэр, хаһаайыттар* диэн суруйаллар, быраабыланан *ойууннар, сиэннэр, хаһаайыннар* буолуохтаах;

- 5 № быраабыланан мурун [j] дорџоону сурукка й буукубанан бэлиэтииргэ туорааһын быһыытынан *аньыы* (буруй) диэн тыл нь дорџоонноох суруллар, хаһыаттарга *айыы* диэн суруйуу баһыйар;

- 46-55 №№ быраабылалары кэһии көстөр, холобур, *тренера* (*тренерэ* буолуохтаах), *президена* (*президентэ* буолуохтаах), *стартка* (*старка* буолуохтаах), *прокатка* (*прокакка* буолуохтаах) о.д.а.;

- тылы сыһа суруйуу бэлиэтэнэр, холобур, *саппараапка* (СТСТ: *сапыраапка*), *аакта* (СТСТ: *аак*), *эпэрээсийэ* (СТСТ: *эпэрээссийэ*), *хайы-үйэ* (СТСТ: *хайыы үйэ*), *өртүгэр* (СТСТ: *өттүгэр*), *күн-бүгүн* (СТСТ: *күн бүгүн*), *син-биир* (СТСТ: *син биир*), *кэмниэ-кэнэбэс* (СТСТ: *кэмниэ кэнэбэс*) уо.д.а.

2. Кирии тыллары таба суруйуу туһунан.

Кирии тыллары таба суруйууга өрүү да мөккүөр уџараабат. Сахалыы таба суруйуу тылдыта сана эрдээксийэтигэр кирии тыллары барыйаана суох суруйууну нуорма быһыытынан киллэрдэ. Ол курдук, быраабыла 43 пууна этэринэн [4, с. 460], үөрүйэх буолбут, киэнник туттуллар кирии тыллар сахалыы көрүнгэринэн сурулуохтаахтар диэн хамыһыһа быһаарбыта. Өскөтүн нууччалыы тыл сахалыы солбуга суох, сатаан тылбаастаммат буоллаџына, сахатытан суруйар тосхолу тутуһабыт. Оттон наука, тиэхиньикэ, бэлиитикэ эйгэтигэр киэнник туттуллар тыллар уонна саха тылын сокуонугар дэбигис бас бэриммэт тыллар олохторо нууччалыы көрүнгүнэн суруллаллар. Маннык тыллар кэлин киэнник тарџанан сахалыы туттуллар буоллахтарына, сахалыы сурулуохтарын сөп.

Кирии тыллары таба суруйууга манныгы бэлиэтиибит:

- хаһыат эрдээксийэлэрэ 43 №-дээх быраабыла «Олохсуйбута өр буолбут, киэнник туттуллан сахалыы көрүнгүнэммит *остуол, куорат, дьыала, бирикээс, оскуола, сокуон, дьааһыла, ачыкы курдук*, ону сэргэ саха тылын сокуонугар дэбигис сөп түбэхэр, үөрүйэх буолбут киэн туттуллуулаах *автобус – оптобус, журналист – суруналыыс, конкурс – куонкурс, рынок – ырыынак, студент – устудьуон, тема – тиэмэ* курдук тыллар сахалыы көрүнгүнэн суруллаллар» диэн маннайгы пуунун соччо тутуспаттар. Ол ордук улуус хаһыаттарыгар көстөр, таба суруйуу тылдытыгар сахалыы сурулуохтаах кирии тыллар олохторун нууччалыы суруйуу баһыйар, холобур, *делегат, инспектор, мелодист, наркотик, оператор, паспорт, съезд, теория, фонд* о.д.а.;

- «Саха сирэ» хаһыакка урукку сыллары кытта тэннээтэххэ, кирии тыллары сахатытан суруйуу элбээбит, холобур, 2003 сыллаахха кирии тылы 25 % сахатытар буоллаџына, билигин – 58 % [2, с. 39];

- «Кыым» хаһыат урут кирии тылы икки барыйааннаан туттар буоллаџына, билигин биир барыйаанын ылар. Н.М. Борисова саха билигини бэчээтин тылын үөрэтэригэр 2005-2006 сс. 55 таһаарыларга «Кыым» хаһыакка барыта 6091 кирии тыл туһанылыбытыттан 64,2 %, сахатыбыт, 35,8 % нууччалыы олоџунан сурулларын ыйар [1, с. 100-101]. 2012 сыллаахха, биһиги ааџыбытынан, ортотунан биир нүөмэргэ 60 тыһ. тахса тыл туттуллубут, олортон кирии тыл 4320: 3440 тыл сахатыбыт, 880 тыл нууччалыы суруллар, бырыһыанга таһаардахха: 79,6 % – 20,4 % [2, с. 40]. Оттон 2016-с сылга хаһыакка ортотунан биир нүөмэргэ 72000 тыл туттуллар, олортон кирии тыла – 5600 кэринэ, нууччалыы суруллар тыла – 700-кэ. Мантан көстөрүнэн, кэнники сылга бу хаһыакка кирии тыллары сахалыы көрүнгүнэн суруйуу тосхоло күүһүрбүт. Маныаха эрдээксийэ бэйэтин көбүлээһи-

нинэн тылдьыкка киирбэтэх кирири тыллары сахатытан туттарын бэлиэтиэххэ сөп;

- «Ил Түмэн» уонна улуус хаһыаттарыгар кэнники кэмнэ кирири тыллары сахатытан тутталлар;

- «Кэскил» хаһыат оҕо хаһыата буоларын быһыытынан таба суруйуу быраабылаларын сүннүгүнэн тутуһар;

- «Эркээйи» хаһыат таба суруйуу быраабылаларын уонна тылдьыты тутуһан суруйарга ааҕааччыларга, кэрэспэдьиэннэргэ ынгырыы таһаарбыта биһирэнэр;

- «Олох суола» хаһыаты 2007 сыллаахха чинчийи түмүгүнэн кирири тылы суруйууга 71 % нууччалыы, 28,8 % тыл сахалыы суруллар диэн быһаарбыттара [3, с. 65]. Оттон билигин хаһыакка кирири тыл 68 % сахатытан туттуллар;

- үгүс хаһыаттарга урут нууччалыы суруллар *бэрэстэбиитэл* ‘представитель’, *бэрэссэдээтэл* ‘председатель’, *бырабыыталыстыба* ‘правительство’, *дириэктэр* ‘директор’, *куурус* ‘курс’, *куонкурус* ‘конкурс’, *настарыанньа* ‘настроение’, *судаарыстыба* ‘государство’, *суруналыыс* ‘журналист’, *уорган* ‘орган’, *устудьуон* ‘студент’, *уопут* ‘опыт’ о.д.а. кирири тыллары сахатытан суруйуу үгэс буолбут;

- сорох хаһыаттарга кирири тыллары барыйааннаан суруйуу көстөр, холобур, *ветеран/бэтэрээн, кадр/каадыр, политика/бэлиитикэ, стандарт/ыстандаарт, спорт/успуорт, специалист/истисэлиис* о.д.а.;

- хаһыаттарга кирири тыллары нууччалыы олохторугар хабаатыннарар суруйуу түбэлтэлэрин буллубут, холобур, *бааза, буудка, каадр, кандидаат, медицинэ, литературатура, энергетикэ* о.д.а., маннык суруйуу сыһанан аабыллар;

- эрдээксийэ үлэһиттэрэ, суруналыыстар СТСТ киирбэтэх нуучча тыллары сахатытан тутталлар, холобур, *аангылыа (тыла), аппатыыт, бассаап (батсаап), бикипиэдьийэ, болкуобунньук, бүддьүөтүнэй, бэлэсипэдьиис, гормуон, гостуруол, истириэс, килиип, көнкүрүөнсүйэ, кэллиэктэр, кэмпилимиэн, литэрэтиирэ, луогука, сэлдьэрэй, устуорук, хааныдыра* о.д.а.;

- үөһэ ахтыллыбыт улуус хаһыаттарыттан «Эркээйи», «Сунтаар сонуннара» кирири тыллары сахатытыыга тосхолу тутуһалларын анаан бэлиэтиэххэ сөп;

- нууччалыы сир аата сахалыы суруллар эбэтэр сахатытыллар, холобур, *Дальний Восток – Уһук Илин; Аартыка, Арассыыйа, Дьобуруона, Дьоппуонньа, Индийэ, Москуба, Сирийэ, Ураал, Эмиэрикэ* о.д.а. Маннык суруйуу тылдьыт 44-с быраабылатынан көнүллэнэр эрэри, матырыаал ис хоһоонуттан, истиилиттэн эмиэ тутулуктаах.

Онон, чинчийи түмүгүнэн, сахалыы таба суруйуу билигини туруга көрдөрөрүнэн, хаһыаттарга таба суруйуу быраабылаларын сүннүгүнэн тутуһаллар. Ол эрэри быраабыланы кэһии, тылдьыты тутуспат буолуу түбэлтэлэрэ көстөллөр. Ити төрүөтүнэн урукку арпагыраапыйанан, тылдьытынан (1975) суруйуу буолар. Барыйааннаах, дэпиистээх тыллары таба суруйуу, кирири тыллары сахатытан суруйуу кыайтарбат, урукку үгэһинэн нууччалыы олоһунан суруйаллар.

Түмүктээн эттэххэ, литературнай тыл бөбөргүүрүгэр, нуормаланарыгар арпагыраапыйа суолтата улахан. Онон хаһыат, араадыыйа, тэлэбиидэһинэ эрдээксийэлэрэ, бэчээт үлэһиттэрэ, кинигэ кыһалара, сахалыы суруйар дьон бары таба суруйуу быраабылаларын, тылдьыты тутуһан суруйуохтаахтар. Оччоҕо эрэ өрөспүүбүлүкэбэ сахалыы сурук-бичик нуормата, таба суруйуу эрэсиимэ олохтоно.

Литература

1. *Борисова Н.М.* Язык и стиль современной якутской периодической печати. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. – 176 с.
2. *Васильева Н.М.* О современном состоянии орфографирования заимствованных слов в якутском языке (по материалам республиканских газет) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8 (26): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 38-41.
3. *Иванова Н.И., Петров В.Н.* Функционирование государственных языков Республики Саха (Якутия) в СМИ: практическое пособие. – Якутск, 2007. – 71 с.
4. Сахалыгы таба суруйуу тылдьыта / Россия наук. акад., Сибиирдээби салаа гуманитар. чинчийи уонна хотугу аҕыйах ахсааннаах омуктар проблемаларын ин-та [эрэдээксийэлиир хамыһыһа: А.Г. Нелунов уо.д.а.]. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с.
5. Сурук-бичик. Оҕо ааҕар кинигэтинин. – Дьокуускай: РНА СС ГЧуоХААОПИ, 2017.
6. *Васильева Н.М., Данилова Н.И., Нелунов А.Г., Попова Н.И.* Якутская орфография в новой редакции // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – №1(14). – С.68-74.

К ВОПРОСУ О ПРАВОПИСАНИИ ЯКУТСКИХ ИМЕН ОБШЕСТВЕННЫХ

Е.Р. Николаев,

аспирант ИГиИПМНС СО РАН,

главный редактор детско-юношеского журнала «Хатан», г. Якутск

Как отмечают ономатологи, «ни один из региональных вариантов национального языка реально не может иметь своего собственного индивидуального ономастикона, поскольку реально региональный ономастикон в части антропонимики на 80-90 процентов будет соответствовать ономастикону национального литературного языка» [16, с. 51], т.е. русскому языку. Исследуя современный якутский именник, приходится согласиться с этим мнением, так как большинство представителей народа саха носит календарные православные имена собственные (далее – ИС) из русского именника. Возрождение исконно якутских ИС находится на стадии становления. Вновь обретаемый ономастический материал (антропонимы, топонимы) требует нового подхода, нового орфографического оформления.

Как известно, один из первых якутских именников [15] основан на ясачных списках, в которых сложно транскрибировать и использовать ИС в качестве достаточного материала для современного именника, т.к. «... записи в деловых документах велись русскими служилыми людьми, и якутские антропонимы при этом часто явно искажались, теряли свой первоначальный облик, ибо записывались при передаче через толмачей-переводчиков малограмотными подьячими...» [11, с. 62]. Нынешней проблемой в фиксировании и дальнейшем становлении исконно якутских ИС является их применение в научной литературе, в рекламных текстах, в официальных документах органов государственной власти и т.п. в искаженной форме (например, Туйара вместо Туйаара, Сардана вместо Сардаана, Нюргун вместо Ньургун). В связи с этим якутские лингвисты в последние годы стали чаще выделять

особенности данной проблемы, в частности, в написании топонимов: «Унификация графических начертаний была совершена ошибочно, так как не все фонетические знаки долгих гласных и дифтонгов были ретранслированы. Например, якутское наименование Туора Куол в атласах передается как Тора Кель, тогда как данное наименование в соответствии с русской графикой должно быть написано как Туора Кюел» [1, с. 57]. Такое искажение, несмотря на соответствие общепринятым правилам оформления национальных ИС, дает ошибочность в семантике, разрушает эстетику слова и языка в целом, что недопустимо по отношению к миноритарным языкам в условиях всеобщей унификации и глобализации. Несмотря на подвижки в решении некоторых аспектов данной проблемы, недавно изданный Закон Республики Саха (Якутия) об ИС [10] также не разрешил эту коллизию.

Существует еще один очевидный факт: у большинства тюркских народов практически все справочники личных имен, которыми пользуются лингвисты, опубликованы на двух языках на основе кириллицы (на национальном и русском) [4; 13; 2; 6; 12], что не способствует решению таких лингвистических задач, как сравнительно-сопоставительное изучение тюркских ИС, составление свода тюркских ИС. Исходя из этого, на начальных этапах необходимо использовать адаптированную, смешанную транслитерацию для правильной орфографии якутских ИС. Опыт переводческой транскрипции эпических жанров показывает, что «нужно избегать применения правил русско-английской транслитерации при передаче якутских имен и названий на английский язык ввиду существенных акустико-артикуляторных различий между фонемами якутского и русского языков» [14, с. 27]. То есть, при составлении именников, текстов, где присутствуют якутские онимы различного рода, необходимо по возможности применять латинские буквы, которые в наиболее полной мере могут передать и долгие гласные, и дифтонги, и особенные якутские звуки (h, ø, ɟ, ɣ, ɳ). При этом исходником должны служить якутские ИС, которые написаны на якутском языке.

Первые опыты передачи якутских ИС (имена людей, божеств, персонажей эпоса олонхо) зафиксированы в Словаре Э.К. Пекарского (например, Äbirän/Эбирэн, Biäcäläi/Биэскэлэй, Börö Däcäk/Бөрө Дьэһик) [9], трудах Г.Ф. Миллера (например, Sobo/Собо, Tshitschach/Чыычаах, Taragai/Тараҕай) [7, с. 395], Я.И. Линденау (например, Bosogo, Itsack, Sachod, Kutujak, Kuter) [5, с. 34], О.Н. Бетлингга (например, Kүbäi/Күбэй, Vajanai/Байанай, Äläi/Эллэй) [3, с. 254]. Применительно к современным якутским ИС более подходит практическая транскрипция с применением принципов упрощенной транслитерации. Предлагается использовать такие латинские буквы (рабочий вариант): A a, B b, G g, ɣ, D d, J j, I i, K k, L l, M m, N n, Ю ю, Њ ъ, Ў ў, О о, Ö ö, P p, R r, S s, h, T t, U u, Ü ü, X x, Č č, Y y, E e. Для обозначения долгого гласного можно применить знак [:]. Примеры: Уолан=Uolan, Күөрэгэй=Küögegej, Адыаҕсы=Адыаччы, Ма:ја=Маайа, Омоҕој=Омоҕой, Хатыҕса:na=Хатынчаана. Предварительный поиск показал [8], что перевод из шрифта *Time Sakha* на традиционную автоматическую транслитерацию на онлайн-сайте <http://ru.translit.net/> не имеет возможности передать букву (звук) [ɳ], тогда как из шрифта *Time Sakha Unicode* все буквы [h], [ø], [ɟ], [ɣ], [ɳ] транслитерируются без потери. Но, так как пользователи (ученые, педагоги, студенты, учащиеся и т.д.) не все используют шрифт *Time Sakha Unicode*, временно можно применять вышеприведенный вариант букв.

Таким образом, передача якутских ИС латинскими буквами в какой-то мере способствует сохранению якутских звуков, семантики ИС, их гармоничному восприятию. Предлагаемый способ орфографии якутских ИС можно использовать в туристических фирмах, на международных мероприятиях, в научных статьях, в рекламных текстах (маршруты, буклеты, брошюры, атласы, глоссарии, программы, печатные СМИ).

Литература

1. *Алексеев И.Е., Унарова Л.Д., Самсонова Н.Е.* Орфоэпические аспекты якутского алфавита: исторический ракурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1 (67). Ч. 1. – С. 56-59.
2. Алтайские личные имена. – Горно-Алтайск: Книжное издательство «Юч-Сумер» Республики Алтай, 1993. – 128 с.
3. *Бетлингк О.Н.* О языке якутов / Пер. с нем. В.И. Рассадина. – Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1990. – 646 с.
4. *Кусимова Т.Х., Биккулова С.А.* Башкирские имена. – Уфа: Китап, 2010. – 232 с.
5. *Линденау Я.И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под общ. ред. И.С. Вдовина. – Магадан: Кн. Изд-во, 1983. – 176 с.
6. Личные имена хакасов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1993. – 108 с.
7. *Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А.Х. Элерт. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с.
8. *Николаев Е.Р.* Некоторые аспекты проблемы транслитерации якутских имен собственных // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XVI Всероссийской конференции (с международным участием) (Уфа, 1-4 июня 2016 г.). – Уфа, 2016. – С. 192-193.
9. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: в 3-х т. – 2-е изд. – Л.: Изд-ние Академии наук СССР, 1959. – Т. 1. – 1280 стлб.
10. Республика Саха (Якутия). Законы. Закон Республики Саха (Якутия) о присвоении фамилии и отчества ребенку в соответствии с якутскими национальными обычаями при государственной регистрации рождения: от 25 апреля 2012 г. 1065-3 № 1031-IV [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2012/07/02/yakutiya-zakon1031-reg-dok.html> (дата обращения: 21.02.2017)
11. *Скрябина Н.П.* Двойные имена в антропонимии якутов // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Сб. науч. ст. – Якутск, 1999. – С. 62-65.
12. Справочник личных имен народов РСФСР: Рек. М-вом юстиции РСФСР в качестве практического пособия для работников органов записи актов граждан. состояния РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. 3-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 656 с.
13. *Сулейманова Р.А.* Словарь башкирских личных имен и фамилий. – Уфа, 2015. – 298 с.
14. *Тарасова З.Е.* Фонологические и фоносемантические аспекты перевода якутских эпических текстов (на русский и английский языки): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2013. – 33 с.
15. казатель личных имен. А. Имена якутов, тунгусов и юкагиров // Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора): в 3 ч. / Акад. наук СССР, Сиб. отд.-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – М.: Наука, 1970. – Ч. III. – С. 1117-1255.
16. *Щербак А.С.* Диалектная ономастическая среда и ономастикон национального языка // Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции (Ярославль, 13-14 сентября 2012 г.) / Под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 51-55.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ РОССИИ

ТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИРАНОЯЗЫЧНОГО ЭТНОНИМА «САКА»

А.И. Гоголев,

Вице-президент АН РС(Я), г. Якутск

Одним из древних и наиболее ранних многочисленных ираноязычных кочевников евразийских степей являлись саки. Они в пределах эпохи развитого бронзового и раннего железного веков были широко распространены, начиная с Северного Причерноморья до Южной Сибири, Казахстана и западных районов Монгольских степей. Это были племена, испытавшие сильное влияние среднеазиатской культуры, связанные с древневосточными цивилизациями и в социально-экономическом плане переживавшие эпоху военной демократии. А на территории Горного Алтая эта эпоха ярко представлена знаменитой пазырыкской культурой (кульминация – V-III вв. до н.э.). Ее основное население состояло из числа пришлого сако-усуньского состава [18, с. 60-61]. С ними проживало и местное монголоидное население. В частности, показательным примером смешанного антропологического состава пазырыкцев являются материалы второго Пазырыкского кургана. Погребенный здесь вождь имел ярко выраженные монголоидные черты. С ним – женщина-европеоидка с черными волосами [22, с. 55].

В иранских источниках этого времени весь состав племен, куда входили и пазырыкцы, называли собирательным именем «саки». В связи с этим отметим, что К.А. Акишев включает в состав саков Горного Алтая и семиреченских (казахстанских) саков, которые, по его представлению, являлись пратюркскими племенами [3, с. 194]. В связи с этим уместно привести один интересный факт, включенный в книгу Геродота Галикарнасского «История» (V в. до н.э.): говоря о загадочном народе аргипеев, живущих в далеком от Греции Алтае, упомянул о каком-то древесном соке, называемом *авху* (*абхи*). Его пили с молоком [8, с. 23]. В.В. Бартольд перевел это слово как тюркское слово *adji-aci* (или *asahu* – «пища») (як. *аһы* и *ас* – «пища») «кислый» и хотел видеть в нем древнейшее из дошедших до нас тюркское слово [6, с. 477].

Древнекитайские хронисты называли саков «сэ», а других родственных ираноязычных кочевников Казахстана (особенно на границе с современной Монголией)

массагетов – «юэчжи» от фонетической формы *sgwied-di>sogdoi>cogd* [10, с. 10-11]. Они являлись носителями диалектов североиранской группы языков.

Пазырыкские памятники и их типы, кроме Горного Алтая, имели довольно широкое распространение и охватывали западные районы Монголии и Восточного Казахстана [23, с. 53-54; 24, с. 164]. Это положение усиливает отождествление пазырыкцев Алтая с саками Казахстана.

Связь традиционной культуры якутов со скифо-сибирской эпохой (условно «индоиранской») могла достаточно заметно сохраниться благодаря тому, что в формативном этапе этногенеза якутов, также тюркоязычного населения Южной Сибири и в целом древних тюрков, принимала участие какая-то отуреченная группа ираноязычных саков [9].

Слово *saka* в несколько измененной фонетической форме в древнетюркское время встречается в древнеуйгурском языке. В связи с этим для нашей темы особый интерес представляет название божества *jaga*, встреченное в тексте «Селенгинского камня» Рамстедта: «...*jaga anta jagaladim*» («... Там устроил моление высшим божествам»). Оно сохранилось у сары-уйгуров Внутреннего Китая в форме *jaga=-jaxga* «небеса», «шаманские моления», «священное дерево» в виде ветки «джиты», украшенной лентами, или в виде прутьев, обмотанных шерстью и цветной тканью [17, с. 65]. В своей древней основе этот культ, по всей видимости, является наследием скифо-сибирского периода. Но это, видимо, и само слово *jak=jag*, производное от сакского *sak=saka* «олень» с этимологическим значением «ветвистый» (рус. «сохатый»), «ветка дерева» (ср. др.-инд. *sakha* «сук»). Отсюда – тотемистическое племенное название *saka* «скиф, принадлежащий к тотему оленя» [1, с. 179]. Следует отметить, что на Алтае и в западной Монголии стилизованные изображения (символов солнца) летящих оленей наносились не только на т.н. оленных камнях, но и на одежде скифов-саков. Но в последующее время название этого древнего божества в разном фонетическом варианте сохранилось у представителей уйгуро-огузской северо-восточной группы тюркских языков: *чак*, *яка*, а у якутов – *сах*.

Якутское самоназвание – *сах*. Оно давно привлекает пристальное внимание ученых. Так, один из первых основателей алтайской теории языков Ф.И. Таберт–Страленберг происхождения этнонима скотоводов Средней Лены предположительно связывал с названием древних казахстанских саков (у него – «среднеазиатских») [27, с. 35]. В дальнейшем эту гипотезу поддержали Г. Вамбери и Н.А. Алексеев (см. [4, с. 109-110]). Еще до этого Н.Н. Козьмин довольно убедительно показал связь этнонима *сах* с качинским *соккы*. А известный ленинградский этнограф проф. Л.П. Потапов эти этнонимы вывел из названия древнего государства *Со* (по китайским источникам), расположенного к северу от хуннов [21, с. 59].

В целом, вероятнее всего, связывать самоназвание якутов¹ *сах* с тюркоязычной этнонимикой. В этимологическом плане это слово несомненно восходит к древнеиранскому *saka* «олень», как отмечено выше, тотемному самоназванию ираноязычных племен Горного Алтая и Казахстана эпохи раннего кочевничества. Притом *saka*, как вскользь отмечено выше, переводится как «ветвь», и соответствует сакральному самоназванию этих племен, обозначавшему солнце – их божества *сах*–

¹ Этноним *якут* происходит из передачи слова *сах* на тунгусском звуковом преломлении «яка», переданным ими русским казакам в начале XVII в. И на этой основе русские стали называть их *якут* = *якуты*.

хан (в понимании “солнечный олень”). Поэтому племена скифо-сибирской эпохи Южной Сибири на голову жертвенных коней, посвящаемых солнечному божееству, по старому обычаю надевали кожаные олени маски с рогами (находки в курганах Аландрык, Юстыд, Катанда, Пазырык). Подобным же образом поступали ведийские индоарийцы Южной Азии (Индостана), надевая на голову жертвенных коней золотые олени рога [15, с. 104].

Как нам представляется, древнеиранская форма *saka* развивалась по двум направлениям: по культовой и по линии образования этнонимов. В первом случае – это древнеиндоевропейское *sak^h* «священный обряд», греко-арийское *jaka* «святой», «священный», «жертва» [7, с. 801, 804]. Среди алтаеязычных языков термин сохранился в тюркской группе языков: у древних уйгуров, в частности их наследников сары-уйгуров (т.н. желтых уйгуров) – *jaka* «божеество», у алтайцев – *Яйик*, посредник между верховным божееством Ульгеном и людьми; у чулымских тюрков Западной Сибири и кумандинцев Алтая – *Чак* «злой дух», у якутов XIX в. – *сах=сах-хан*, в том же значении, и связанное с этим понятием выражение *сах билэр* «чёрт знает». Все они, вероятно, произошли от древнетюркского *jaб* «приносить жертву» [12, с. 171]. Слово сохранилось как скифо-сибирское наследие.

Во втором случае, через *saka* «олень», название ираноязычных скотоводов-кочевников Казахстана и Южной Сибири, произошли тюркские этнонимы: *саккы* (хак., куманд.), *хара-сахал* (каз.), *сахао* (кырг.), *сахалык* (жел. уйг.), *сактар* (бараб. тюрк.), *сакар* (туркм.), *саха=сахалар* (як.). Но тем не менее среди них только у якутов – сахалар и казахов разбираемый нами этноним *saka* закрепился как общее самоназвание этих народов. Так, по мнению ученых, этноним «казах» – самоназвание одного из наследников государства монголов Золотой Орды, в XV в., когда племена под предводительством султанов Жанибека и Кереея перекочевали с берегов Сыр-Дарьи в Западное Семиречье (Жетысу), в бассейн р. Чу. Они стали именоваться *казах*, образовав Казахское ханство, от Иртыша до Волги. Самоназвание их было связано с их древними предками, входившими в число ираноязычных кочевников *саков*, обитавших на территории современного Казахстана.

Считается, что слово «казах» с древнетюркского переводится как «свободные», «отделившиеся люди», «удалые воины». Но наиболее приемлемым для нас объяснением этнонима является мнение, что *казах* происходит от названия *кай-сак* «свободолюбивый сак» (*сака*).

Исходя из этого, получается, что среди тюркоязычных народов Евразии только два народа унаследовали этноним ранних ираноязычных кочевников скифо-сибирской эпохи – *саха* (якуты) и *кай-сак* (казахи).

Подтверждая это положение, следует отметить, что имеются и другие общие якутско-казахские этнонимистические параллели. Так, А. Муромагамбетов нашел связь между *Адай*, крупным родом в составе племенного союза *байулу* в Малом жусе с якутскими этнонимами *Одей*, *Одугей*, *Одай*. А название казахского рода *шерке* он связал с якутским *Сэргэччи* из Ботурусского (Таттинского) улуса Центральной Якутии [19, с. 90-92, 95].

У казахов *аргын* – название крупного племени Среднего жуса. До нашествия джунгаров они обитали на Сыр-Дарье. *Аргын* состоял из шести родовых объединений. Одно из них называлось *мейрам* (*мейрам-сопы*). Последнее подразделяется на *суюнык*. Он – на *оразкельды*. А оразкельды делится на *тортуул* и *мамык* [14, с. 103-

108]. Авторы статьи Т.А. Инсебаев и Е.Ж. Кажибеков сопоставили их со следующей старинной якутской родословной: *Окупу – Майарам – Суппу – Хорохой – Аргын, Ајал – Орос куолдьулдыгын – Туортугул – Хајаран – Омоҕой, Элэй* (см.: [20, с. 145-156]). При этом исследователи обратили внимание на следующие казахские этнонимы: *аргын* и як. *аргын*; *мейрам сопы*, входящее в состав *аргын* и як. названия *мэйрэм супу*; *оразкельды* в як. *өрөс күөл*; *тортул* – як. *түөрт – түгүл* [14, с. 107-109].

Кроме того заманчиво сопоставить якутский этноним *Байаҕантай* (название улуса), *Баайаҕа* (название села) с названием казахского племенного союза *байулы* из Младшего жуса [19, с. 92]. Для них общей основой могло бы стать старинное телесское племя *байегу* (байыку, байрыку).

Совпадения якутско-казахских этнонимов, выше приведенных, видимо, являются не случайными. Не случайным является и то, что в якутском олонхо (эпосе) встречается упоминание о восьмирусловом *Арат-байҕал* [26, с. 82]. При этом, по всей вероятности, существующим звеном, объединяющим эти этнонимы, могли бы быть кипчаки. Как отмечалось выше, звеном, связующим якутов с кипчаками, может являться древний этноним *со*. Н.А. Аристов писал по этому поводу следующее: «Владения Со (от иран. *saka* – А.И.) на севере от страны хуннов должны были находиться на северной стороне Алтая... Легендарный праотец турков происходил из племени Со». Далее он отметил, что «саха или якуты являются остатком древнего тюркского населения, ... главная масса которого некогда занимала Западный Тяньшань под именем Сака или Са, Се ... оставив о себе следы на Западном Тяньшане в виде кара-киргизского поколения саяк и на Енисее в виде рода сагай» [5, с. 420].

По мнению известного сиолога Ю.А. Зуева, слово *со* передавалось через среднекитайское *sak>sak^h*, восходящее к индо-иранскому *saka, sak^h* «олень» [13, с. 37].

Интересно то, что этноним *sogaluḅ*, состоящее из основы *soga* и аффикса *luḅ*, зафиксирован в среде сарыг-уйгуров (желтых уйгуров) Западного Китая [25, с. 65]. М.И. Боргояков связывал его с качинскими (хакасскими – А.Г.) *соха* (*көк сохы, хара сокы, ах сокы*), живущими в западной части провинции Ганьсу с VII в., переселившиеся сюда из бассейна р. Селенги.

С другой стороны, среди кыргызов Средней Азии известна группа *сакоо-кыпчак*, которую С.М. Абрамзон относил к киргизским племенам алтайского происхождения [2, с. 44]. А среди средневековых мадьяров (венгров) выделялась тюркоязычная этногруппа *секе*, во множественном *секелер*, еще пользовавшиеся древнетюркским руническим письмом до XVI в. (см.: [16]), и входивших в объединение кыпчаков-половцев.

Этноним *сака* зафиксирован также у барабинских татар, язык которых относится к кыпчакской группе тюркских языков. Кроме того, в родо-племенных названиях туркмен встречается этноним *сакары*, связанный с ассимиляционными процессами XVI-XIX вв., которые способствовали трансформации исконных туркмено-огузских названий [11, с. 526-527] и проходившие, несомненно, под влиянием поздних кыпчакских племен.

Таким образом, этноним *сака=саха*, в разной фонетической вариации, под основой иранского *saka* и входивший в состав тюркоязычных народов, в основном был связан с кыпчакским компонентом. А кипчаки, сохранив многие традиции ранних кочевников посредством воздействия верхнеобской и сrostкинской археологических культур, донесли до позднего средневековья не только

разновидности погребения с конем, но и многие материальные основы культуры пазырыкской эпохи (см.: [9, 1993, с. 41-42]).

С другой стороны, только у якутов-саха и казахов общесобирательное самоназвание, без сомнения, происходит от этнонима *сака* = *sak^h*. В связи с этим положением отметим, что проф. Ж.О. Артыкбеков на основе сравнительного сопоставления эпических памятников у этих народов, в частности на примере казахского эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу», обнаружил сходства персонажей. Кроме вышеуказанных имен, действовавших в самом эпосе – *Карабай* (каз.), *Харабай* (як.), *Абам Огуз* (*Обус Хаан*) и др. Суммируя вышеизложенное, приходим к выводу, что «историческая ... генеалогия и культурная память северных тюрков-саха обнаруживает “архаический слой степных сказаний об Огуз-Кагане”», фактически общих для многих тюркских народов Евразии.

Литература

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – Т.1. – М.; Л., 1949.
2. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
3. *Акишиев А.К.* Искусство и мифология саков. – Алма-Ата, 1984.
4. *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск, 1983.
5. *Аристов Н.А.* Опыт выяснения состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов // Живая старина. – СПб., 1894. – Т. III, IV.
6. *Бартольд В.В.* Сочинения. – Т.V. – М., 1968.
7. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, 1984. – Ч. II.
8. *Геродот.* История. – М., 1972. – Кн. 4.
9. *Гоголев А.И.* Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. – Якутск, 1993. – С. 13-29; Индоевропейские связи в формировании древнетюркской культуры (на этнокультурном, языковом материале тюркоязычных народов Сибири) // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2015. – Т.12. – №1. – С. 64-75; Отражение древнего Алтая – индоевропейских связей в культуре и языке якутов // Вопросы истории. – 1998. – №11-12.
10. *Гумилев Л.Н. С.И.* Руденко и современная этнография западной зоны Евразийского континента // Этнография народов СССР. – Л., 1971.
11. *Джикиев А.* Родоплеменные названия – важнейший источник по этнической истории туркмен // Тюркология-88. – Фрунзе, 1988.
12. *Дугаров Д.С.* Онгон Якша // Этническая ономастика. – М., 1984.
13. *Зуев Ю.А.* Киргизы-буруты // Советская этнография. – 1970. – № 4. – С. 74-85.
14. *Инсебаев Т.А., Кажибекоев Е.З.* Некоторые предварительные результаты сопоставления анализа названий родоплеменных групп адай и суиндик // Тюркская ономастика. – Алма-Ата, 1984.
15. *Кузьмина Е.Е.* В стране Кавата и Афрасиаба. – М., 1977.
16. *Майтинская К.И.* Венгерский язык. – Ч.1. – М., 1955.
17. *Малов С.Е.* Остатки шаманства у желтых уйгуров // Живая старина. – 1912. – Вып. 1. – С. 61-74.
18. *Могильников В.А.* Курганы Кызыл-Джер II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983.
19. *Нурмагамбетов А.* О казахских этнонимах адай и шерке // Тюркская ономастика. – Алма-Ата, 1984.
20. *Пекарский Э.К.* Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1909. – Т. 34.

21. *Потанов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л., 1969.
22. *Руденко С.И.* Второй Пазырыкский курган. – Л., 1948.
23. *Савинов Д.Г.* О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 154. Ранние кочевники. – М., 1978.
24. *Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С.* Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999.
25. *Тенишев Э.Р.* Этнический и родоплеменной состав народности югу // Советская этнография. – 1962. – № 1. – С. 59-67.
26. *Ястремский С.В.* Образцы народной литературы якутов. – Л., 1929.
27. *Strahlenberg Ph. J.* Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730.

ВОЗВРАТНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ФОРМА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ГОВОРАХ

Н.И. Данилова,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Как известно, грамматические формы нередко демонстрируют асимметрию структуры, понимаемую как нарушение взаимно-однозначного соответствия означаемого и означающего. В этом отношении значительный интерес представляет материал северных говоров якутского языка, где наблюдается несоответствие формы и содержания залоговых форм. Один из таких случаев – «широкое употребление форм возвратного залога глагола вместо основного залога» [6, с. 141]. В литературном языке «формальным показателем возвратного залога, или рефлексива, является аффикс *-н (-ын)*, присоединяемый преимущественно к глагольным основам переходного значения» [7, с. 106]. Выражение формой рефлексива значения основного залога М.С. Воронкин считает «одной из значительных грамматических особенностей в диалектной системе якутского языка» [2, с. 150]. На картах диалектологического атласа четко отражена изоглосса этого явления, которое охватывает всю северную половину современной территории республики, и распространено также в языке долганских и есейских якутов. Кроме того, «более умеренное употребление возвратного залога вместо действительного» [4, с. 57] зафиксировано в говорах, соседствующих с северо-западной диалектной зоной. Приведем примеры: «долг. *Бэйэм итэгэһим туһунан һаңарынным* ‘Я высказался о своих недостатках’; ес. *Бэйэтигэр эмиэ ойох ылынна* ‘Сам он тоже женился’; *Оһом төбөтө дэлби итийбит, ол иһин ытанар* ‘Головка моего ребенка стала совсем горячей, поэтому он (себе) плачет’; анаб. *Кырдыҕас киһи һаатынар буоллаҕа дии* ‘Ведь (себе) стыдится старый человек’; аб. *Оноҕос һааннан ытыаланар бу уол* ‘Этот мальчик стреляет (себе) из лука’; *һолом быыһыгар аахтар эһим* ‘Я читал (себе) между делом’; *Сэлэ кытат кыыла ... сибилегин кэлиннэ* ‘Южные птицы только что прилетели’; мом. *Уу баста барда* ‘Он пошел за водой’ [2, с. 150].

Эта особенность северных говоров сохраняется не только в фольклорных записях, но и художественных произведениях писателей-выходцев из данного региона. К примеру, в сборнике рассказов, легенд и преданий Н. Абыйчанина зафиксировано много случаев употребления форм глагола с аффиксом *-н*, не имеющих залогового управления и, соответственно, образующих диатезу не возвратного, а основного залога. Приведем примеры: *Обонньор барбытын иккис хонугар сарсыарда эрдэлээн уучахтарын сылгыланан* (вм. лит. *сылгылаан*), *тордохторун көтүрэн барардыы онгоһуннулар* (НА Б 78) 'На второй день после отъезда старика пригнали оленей, разобрали тордохи и собрались уезжать'; *Онтон илимин көрүнэ* (вм. лит. *көрө*) *кирбит* (НА Б 45) 'Затем пошел проверять сети'; *Тумус Тааска бултана* (вм. лит. *бултуу*) *барар бабалаахпын кэпсээтим* (НА ЧуоС 6) 'Я рассказал о своем намерении ехать охотиться в Тумус Таас'; *Халлаан чэмэлийэ сырдаан эрдэбинэ табаларбыттан улахан уучахпын тутан, балачча ыраах ыырынан сылдьан бултаныам* (вм. лит. *бултуом*) *дэнним* (вм. лит. *диэтим*) (НА ЧуоС 14) 'Когда небо начало ярко светлеть, поймал из оленей большого ездового, и решил охотиться в довольно далеких местах'; *Суланья ...бэл буутун оротунан буолар кылгас ыстааны тиктиммитэ* (вм. лит. *тиктибитэ*) (НА ЧуоС 51) 'Суланя даже сшила короткие штаны по середине ляжек'; *Бастаан дьону көрөөт, күрэммит* (вм. лит. *күрээбит*), *бэркэ наллаан тунпуттар* (НА ЧуоС 151) 'Увидев в первый раз людей, убежал, поймали с большим трудом'.

Употребление формы с показателем *-н* в не залоговой функции, а в качестве основы глагола можно сравнить со случаями, когда в «древнейших производных глаголах типа *sevin*- 'радоваться' от *sev*- 'любить', *soҕun*- 'чувствовать холод, мерзнуть' (ДТС, 507) от *soҕu*- 'остыть' (Там же), *qysun*- 'скупиться' (Там же, 448) от *qys*- 'сжимать, стискивать, сдавливать' (Там же), *sezin*- 'сомневаться' (Там же, 449) от *sez*- 'чувствовать, иметь подозрение, замечать', *alqyn*- 'исчезать, исчерпываться, погибать, умирать' (Там же, 38) от *alq*- 'губить, уничтожать, положить предел, прекращать' (Там же, 37) форма на *-н* вовсе не имеет значения возвратного залога и выступает в чисто деривационной функции» [7, с. 300].

В связи с этим важно упомянуть, что в якутском языке существует обширный круг глагольных основ с показателем *-н*, исходная основа которых в современном языке не сохранилась. Список этих основ под названием «Глаголы с аффиксами возвратного значения (*-н*, *-ын*, *-ыһын*, *-ылын*, *-ытын*)» в приложении к своей монографии привел Л.Н. Харитонов. Вот некоторые из них: *абын*- 'поминать', *кыйыын*-, *кыйыын*- 'кипеть', *махтан*- 'благодарить' (ср. *махтай*- 'славить, хвалить', Пек.), *сыһын*- 'пристать, прилипнуть', *умун*- 'забывать' (ср. тюрк. *унут*-, *умут*- 'забывать'), *тумун*- 'обходить, проходить мимо' и др. [8, с. 122]. Присутствующий в приведенных основах показатель возвратности *-н* в современном языке на самом деле не содержит данное значение. О присутствии же форманта могут свидетельствовать соотносимые формы пундительного залога, например: *алдьан*- 'разрушаться, ломаться' – *алдьат*- 'ломать', *кээрэн*-, *көөрөн*- 'отщепляться, откροшиться' – *кээрэт*-, *көөрөт* 'отщепить, откροшить', *тилин*- 'оживать, воскресать' – *тириэр*- 'оживить, воскресить'.

Кроме того, в говорах употребляется «редкая форма возвратного залога небольшого числа переходных глаголов типа *үүннэстэбин* 'выращиваю', *киллэстэбин* 'заношу вношу внутрь', *кыынньастабын* 'кипячу', *көөнньөстөбүн* 'запариваю'» [5, с.

67], в которых залоговое значение не обнаруживается. Они коррелируют с основами, содержащими морфологический элемент *-һын*: *аадаһын*- ‘еле, тяжело передвигаться (об очень грузном, полном человеке)’ [1, т. I, с. 124], *айгыһын*- ‘двигаться очень медленно, без суеты, спокойно, быть медлительным’ [3, с. 337], *быыптаһын*- ‘сильно напрягаться’ [1, т. II с. 807], *бөбүөһүн*- ‘делать что-л., словно окоченев от холода, медленно и неуклюже’ [1, т. II с. 438], *илгиһин*- ‘мотать, трясти головой, дрожать, трепетать, колыхаться’ [1, т. III с. 614], *кимиһин*- ‘вваливаться, завалиться внутрь’ [1, т. IV с.119], *кытыаһын*- ‘гореть ярким пламенем, ярко пылать, пылать’ [1, т. V с. 401], *мырдыһын*- ‘морщиться, сморщиваться (о недовольном выражении лица)’ [1, т. VI с. 390], *сөрүөһүн*- ‘покривиться, перекошиться’ [1, т. IX с. 84] и т.д. Эти основы при спряжении принимают тот же состав фонем, что и диалектные: *аадастабын* ‘еле, тяжело передвигаюсь’, *айгыстабын* ‘медлю’, *быыптастабын* ‘напрягаюсь’ и т.д. Можно заметить, что глагольные основы, о которых идет речь, в большинстве своем относятся к образной лексике, хотя в современном якутском языке значение их значительно расширилось.

Степень распространенности обсуждаемых диалектных явлений определяется в конечном счете соотношением письменного и разговорного стилей языка, поскольку обязательным условием существования письменной формы речи является подчинение установленным нормам, а диалектные явления, как правило, сохраняются в разговорной речи. Существенным фактором сохранения диалектных особенностей является то, что для устной формы якутского языка характерны довольно частые вкрапления явлений, присущих говорам, в том числе и отдельных грамматических форм. Их достаточно часто можно услышать даже в официальных социально-политических, научных выступлениях, в радио- и телепередачах и т.д. В настоящее время диалектные особенности достаточно активно употребляются в разговорной речи и в художественных произведениях авторов-представителей этих диалектных зон. Это свидетельствует не только о все еще слабой дифференциации функциональных стилей якутского языка, но и о живой неразрывной связи литературного языка с местными говорами.

Приведенная формальная и семантическая особенность аффикса *-н* в говорах якутского языка, наличие в современном якутском языке довольно обширного круга основ с конечным элементом *-н*, семантически противопоставленных основам с каузативным значением, вполне могут служить подтверждением не только о сложных взаимоотношениях внутри залоговой системы. Сохранение особенностей говоров в письменном литературном языке, имеющем активно работающие кодифицированные нормы, позволяет говорить об устойчивости архаичных вариантов, имеющих древнее происхождение и обусловленных самой природой языкового строя.

Литература

1. Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск: СИФ «Наука».
2. Воронкин М.С. Диалектная система якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1999.
3. Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976.
4. Иванов С.А. Диалектологический атлас якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2010.
5. Иванов С.А. Роль Е.И. Коркиной в изучении якутской диалектологии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2(5). – С. 64-70.
6. Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992.

7. Курс якутской грамматики. Система морфологических категорий и синтаксических структур. – Якутск: Триада, 2004.

8. Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. – М.-Л., 1963.

9. Юлдашев А.А. Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1988. – С. 269-309.

Сокращения

НА Б – *Николай Абыйчанин*. Быданнаабыта (кэпсээннэр, үһүйээннэр, номохтор). – Дьокуускай: Ситим ЧИФ, 1994.

НА ЧуоС – *Николай Абыйчанин*. Чучунаа уонна Суланья: Сэһэн. – Якутскай: ССКИ, 1984.

САХА ТЫЛА – ҮРДУК ҮӨРЭХ ТАҢЫМЫГАР

Д.И. Чиркочева,

ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,

г. Якутск

Төрөөбүт тылга сыһыан олобу кытта алтыһыта билинни үйэ курдук эмиэ тэтимнээх, уларыһыта-тэлэрийиитэ соробор урут түһэн сүүрэ туруон сөп. Ону өйдөөн, тыл патриоттарын иитэн-үөрэтэн таһаарыы сорууга хас биирдии үһүйээччи иннигэр баар буолуохтаах. Тылга сыһыан олус уяанын таһынан имигэс буоларын билинни олох ирдиир курдук. Онуоха барытыгар наһаа сөп түбэхэ сатаабакка, бэйэ суолун – тылы харыстааһыны сайдытытын кытта бииргэ тутан көрөн иһэр буолуохтаахпытын олох эмиэ ирдиир. Хас биирдии устудьуон, үөрэбин салаатыттан тутулуга суох, төрөөбүт тылын, литературатын, култууратын сүрэхэр мэлдьи баар буоларын ситиһэ сатыыр буоллабына – бу эмиэ ситиһии диэххэ сөп дии саныбын. Онтон саха тылыгар анаан үөрэнэр, үһүйуоллар устудьуоннар соруктара арыый атын – тыл сүмэтин барытын билии, ымпыгар-чымпыгар тийэ сыһыан үөрэтэн, кэлэр көлүөнэбэ тириэрдии, олох сайдытытын бары таһымыгар саха тыла баар буоларын туһугар туруулаһы буолар.

Саха тылын кафедратын устудьуоннара билим үлэһитэ – чинчийээччи идэтин баһылыырга бэлэмнэнэр буолан, ордук тыл үөрэбин научнай уратытын, саха тылын үөрэбин бары өрүттэрин – лиэксикэттэн саҕалаан синтаксиска, стилистикэбэ тийэ үөрэтэллэр. Устудьуон болҕомтотун, кэлин сэнээриитин ылар билим тиэмэтэ үгүс: сахалыы дорҕооннор, тыл баайын төрдүн-ууһун ситимэ, тыллар алтыһыллара, уус-уран тыл уратыта, тыллар үөскүүр ньымалара, мантан да атын аныгы кэм эдэр чинчийээччитин угууар тиэмэлэри бэлиэтиэххэ сөп.

Билим эйгэтигэр устудьуону сыһыаран үлэлэтии кэнники кэмгэ олох атын таһымна табыста, устудьуон чинчийиитэ Россияба, атын дойдуларга кытта бэчээттэнэр, ырытыллар буолла. Онон билим эйгэтэ кэскиллээх диэн өйдөбүл билинни ыччат санаатыгар баар. Төрөөбүт тылынан наука чыпчаалын дабайыы чэпчэки буолбатабын саха тылын чинчийээччилэр билэллэр, итинтэн ситимнээн эттэххэ, саха-

лыы билим, таба суруйуу, таба санарыы, тиэрмин тыллар – бу барыта эриэ-дэхси буолбатах эйгэ, мань сааһылыыр, чопчулуур үлэ тиһигин быспакка бара турар, саха тылын кафедратын научнай үлэһиттэрэ онно төһүү күүс буолаллар, эдэр чинчий-ээччилэри салайан, ол үлэбэ кытыннараллар.

Чинчийээччи идэтигэр уһуйуу үрдүк үөрэх судаарыстыбаннай докумуоннарыгар тирэбирэр. Ол курдук билигин тыл кафедрата 3 сүрүн стандартынан үлэлиир: бакалавр 2014 сыллаабы, магистр 2015 с., аспирантура 2014 с.

Бу докумуоннарга тирэбирэн үөрэх былаанын анаан саха тылын үөрэтиигэ танан оноробут. Холобур, бу үөрэх дылыгар тыл кафедрата бакалавр таһымыгар 3 былаанынан үлэлиир: I-II куурус, III куурус уонна IV куурус былаана. Магистр таһымыгар 4 былаан, бэлиэтээн эттэххэ, тыл үөрэбин магистр таһымыгар икки идэнэн бэлэмниибит: 1) Саха тыла. 2) Тылын тэннээн үөрэтии. Аспирантура таһымыгар кафедра икки былаанынан үлэлиир.

Устудьуон чинчийэр тиэмэтэ киэн, саналыы көрүү да баар. Холобур:

- С.С. Майсов «Ийэм кэпсиир» романыгар кирири ааттарга бүтэй дорҕоон уларыһыта;

- Е.П. Неймохов уонна С.А. Попов-Тумат кэпсээннэригэр холбуу этии;

- Сахалыы санарыыга кирири тыл аһаҕас дорҕоонун уларыһыта;

- Сахалыы тиэрмин үөрэбэ (саха тылын учуобунньугунан);

- Саха, тыва тылларыгар икки сүһүөхтээх аат тылларга аһаҕас дорҕоон хаачыстыбата;

- Нууччаттан кирири тыллары сахатытыы ньымалара;

- Болот Боотур «Сааскы дыбардар» айымньытыгар диалогун онорор сатабыла (маастарыстыбата);

- Саха тылыгар кыыл-сүөл өлүүскэлээх сомоҕо домохтор (нуучча, аангылыа тылыгар тэннээн).

Чинчийээччи идэтигэр уһуйарга анаан, сүннүһүнэн, маннык предметтэри үөрэх былааныгар киллэрэбит: холобур, саха тылын уонна түүр тылларын устуоруйата, лиэкстикэтэ, дорҕоонун үөрэбэ, морфологията, синтаксиса, стилистикэтэ; чинчийи сүрүн үлэлэрэ, аныгы чинчийиилэр, уус-уран тыл-өс, олонхо тыла-өһө, сомоҕо домохтор; былыргы түүр тыла, тюркология науката, тыл суолтатын, төрдүн-уһун чинчийэн үөрэтии; таба санарыы уонна суруйуу, сурук бэлиэтэ, тыл култуурата; нуучча, саха, атын омук тылын, монгуоллуу төрүттээх тыллары үөрэтии, Сибиир түүрдэрин дорҕооннорун үөрэбэ, наука суругун-бичигин үөрэтии уонна да атыттар.

Этиллибиккэ олобуран, маннык түмүк санааны кыбытыахха сөп. Кыраттан саҕалаан, киэни, кэскиллээби айар-тутар, онорор, салайар, тэрийэр дьобуру устудьуонна инэри уонна, кылаабынайа, баҕалаах буолары ситиһии – модун күүс. Эдэр талааннаах ыччат дьону кытта үлэлиир уһуйааччыларга барыларыгар итинник сорок баар буолуохтаах.

ЯКУТСКИЙ МАТЕРИАЛ В КНИГЕ Н. ВИТСЕНА «СЕВЕРНАЯ И ВОСТОЧНАЯ ТАРТАРИЯ»

Н. И. Винокурова,
ИГиИПМНС СО РАН,
г. Якутск

В 2010 году в результате проекта *Witsen'* был опубликован перевод на русский язык книги Николааса Витсена (1641-1717) «Северная и Восточная Тартария» (голл. *Noord en Oost Tartarije*; англ. *North and East Tartary*). Эта книга, представляющая собой первый опыт описания Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии, впервые появилась в 1692 году и была посвящена царю Петру Первому [3]. Второе, расширенное издание вышло в 1705 году и было перепечатано в 1785 году. Николаас Витсен, тринадцать раз бывший бургомистром Амстердама с 1682 по 1706 год [10], в течение тридцати лет собирал данные по географии, фауне и флоре северных и восточных частей Европы и Азии, но более всего он был заинтересован в сведениях о народах, населяющих эти части света, их языках и культурах. В частности, материал, собранный Витсеном по языкам, включает в себя списки слов, короткие тексты, информацию о письменных системах.

Книга «Северная и Восточная Тартария» состоит из 2 томов общим объемом в 1000 страниц и содержит 130 иллюстраций. В этой книге Николаас Витсен представил всю доступную в то время информацию о практически не известной европейцам северной и восточной части России и Азии, а также о Поволжье, Крыме, Кавказе, Центральной Азии, Монголии, Тибете, Китае, Корее и о соседних районах Японии [3].

В общей сложности книга содержит сведения приблизительно о 25 языках в виде списков слов и в некоторых случаях текста молитвы «*Отче наш*». Так, книга включает данные по следующим языкам: грузинский – 904 слова, кабардино-черкесский – 213 слов, крымско-татарский – 533 слова, калмыцкий – 737 слов, мордвинский – 325 слов, марийский (черемисский) – 21 слово и «*Отче наш*», коми-зырянский – 22 слова и «*Отче наш*», мансийский (вогульский) – 28 слов и «*Отче наш*», хантыйский (остякский) – 40 слов и «*Отче наш*», самоедский 1 – 131 слово, самоедский 2 – 27 слов и «*Отче наш*», энецкий – 65 слов и «*Отче наш*», нганасанский (тавгийский самоедский) – «*Отче наш*», монгольский – 48 слов и «*Отче наш*», дагурский – 476 слов, якутский – 109 слов и «*Отче наш*», эвенкийский (тунгусский) – 40 слов и «*Отче наш*», эвенский (ламутский) – 29 слов, маньчжурский – графемы, юкагирский – 39 слов и «*Отче наш*», корейский – 142 слова, китайский – иероглифы, тангутский – специальный шрифт, персидский – специальный шрифт, уйгурский – 12 слов.

¹ Проект публикации двуязычного (на голландском и русском языках) и электронного издания книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария», осуществленный при поддержке Института Истории Королевской Академии Наук Нидерландов имени Христиана Гюйгенса.

Сведения о якутском языке содержатся на страницах 677 и 678 книги «Северная и Восточная Тартария» и приведены здесь в качестве приложения. В разное время они привлекали внимание этнографов, историков и лингвистов [5; 7 и др.]. Как видно, большинство из 35 слов, обозначающих части тела, до сих пор в употреблении в современном якутском языке, если отвлечься от фонетических неточностей. Из несовпадений отметим следующие. Витсен дает слово *мун в значении ‘нос’, вместо правильного *мурун*, которое однако следует в списке с неправильным значением ‘ноздри’. Возможно, это связано с тем, что в якутском языке части тела чаще всего употребляются с притяжательными суффиксами, ср. *мунна* ‘его нос’. То же самое относится и к слову *санын вместо *сарын* ‘плечо’, ср. *санна* ‘его плечо’. В списке присутствуют три фонетических варианта слова *эрбэх* ‘большой палец’: *erbiah* ‘пальцы ног’, *erbiak* ‘рука’, *erbik* ‘пальцы’, а слово *tarbiak*, которому в современном языке соответствует *тарбах* ‘палец, пальцы’, у Витсена приводится с неверным значением ‘ногти’. Голландское *rug* ‘спина’ переведено как *sisinek*, что, вероятно, соответствует современному *сис* ‘поясница’. *Aderen* ‘вены’ переведено как *inir*; ср. *иниир* ‘сухожилие’ в современном якутском языке. *Kuiten* ‘икры’ соответствует в современном якутском слову *бөтөбө* ‘икры’. Кара и Васильев полагают, что использованное Витсеном слово *saraet* это слово *саары* [9, с. 437; 2, с. 66]. В современном языке *саары* имеет значение ‘1) толстая кожа с крупа лошади; 2) сары (особым образом выделанная кожа, снятая с конского крупа и идущая на изготовление обуви); 3) торбаса из сары’ [8, с. 306]. Витсен так же спутал значения двух других слов в своем списке, из-за чего вышло несовпадение в языке перевода и языке оригинала. Голландское слово *buik* ‘живот’ переведено как *ologok*, аналогом которого в современном якутском языке является *олох* ‘жизнь’, вместо правильного *ис* ‘живот’. Возможно, причиной такой путаницы явилось то, что русский язык служил проводником в изысканиях Витсена, а в древнерусском и старославянском языках, а также в церковнославянском слово *живот* имеет значение ‘жизнь’. Еще одно слово, многозначность которого в русском языке вызвала путаницу в переводе, это *мозг* (головной или костный). Тогда как в русском оба значения передаются одним словом, то и в голландском, и в якутском для каждого значения существует отдельное слово: голл. *harssenen* ‘головной мозг’, *merg* ‘костный мозг’; як. *мэйиш* ‘головной мозг’, *силлиш* ‘костный мозг’. Список Витсена также содержит архаизм *tūhūrġəs*, современным аналогом которого является *тобук* ‘колени’. Данный архаизм не включен в толковые словари современного якутского языка, но имеется у Бётлингга в значении *tūcūrġäs* ‘передняя часть бедра; колено’, а также цитируется по нему у Пекарского [1, с. 569; 6, с. 2926].

Витсеновский список числительных отличается от современного якутского языка в двух моментах. Во-первых, это употребление служебного слова *ордуга* (третье лицо притяжательного склонения существительного *ордук* ‘остаток, излишек’) при образовании сложных числительных с одиннадцати до девятнадцати. Возможно, это является пережитком, сохранившимся со времен древнетюркского языка, когда служебное слово *артухы/артух* (к которому восходит современное якутское *ордуга/ордук*) использовалось повсеместно в образовании числительных – например, таких, как 31, 47, 49 [2, с. 65]. Во-вторых, это употребление сложного сочетания *мун сүүс* в значении ‘тысяча’. В словаре Пекарского данные слова зафиксированы со значениями *мун* ‘предел, граница, крайняя степень, мера’ и *сүүс* ‘сто; рубль’ [6, с. 1626, 2414]. В современном языке за этими словами такие же значения сохраняются [8, с. 244, 353], но

словосочетание *мун сүүс* уже не употребляется. Интересно отметить, что в «Диалектологическом словаре языка саха» слово *мун* зафиксировано в значениях ‘тысяча’ и ‘много’ и сравнивается с тюркским *бын*, *мун* ‘тысяча’ [4, с. 126].

Что касается текста молитвы «*Отче наш*», то, как отмечает Бётлингк, «слова так искажены, что их нелегко понять» [1, с. 53]. Подкорректированный вариант приводится по Бётлингку [Там же]: «*Айыыбыт биһиэнэ мэңэ таңара үрдүгэр, килбэйэр аатың эйиэнэ, кэлиэбэ аатың эйиэнэ буолуоҕа, көңүлүң эйиэнэ эмиэ; Таңараҕа и сиргэ аспытын биһиэнин күннэтээбинни кулу, биһиэхэ аны, кэбис биһиэхэ иэспитин биһиэнин, хайдах биһиги кэбиһэбит иэстээхтэрбитин биһиэнин, киллэримэ биһигини айыыга, быыһаа биһигини абааһыттан ол иһин; эйиэхэ баар ыраахтааҕы күүстээх аатың бука кырдьык*».

Как можно видеть, синтаксис якутских словосочетаний и предложений не сильно отличается от современного состояния якутского языка. Учитывая все повторы и словоизменяемые формы, всего в тексте молитвы 48 слов, включая русский соединительный союз *и*. Всего имеется 13 имен существительных в именительном и других падежах простого и притяжательного склонений: *atin* / *аатың* ‘имя-poss2sg’, *kirdikoe* / *кырдьык* ‘правда’, *iraghtati* / *ыраахтааҕы* ‘государь’, *aibiit* / *айыыбыт* ‘божество-poss.1pl’, *tagara* / *таңара* ‘небо’, *kogniin* / *көңүлүң* ‘свобода-poss2sg’, *aspitin* / *аспытын* ‘еда-poss1pl-acc’, *aiga* / *айыыга* ‘грех-dat’, *tagaraga* / *таңараҕа* ‘бог-dat’, *sierge* / *сиргэ* ‘земля-dat’, *jespitin* / *иэспитин* ‘долг-poss1pl-acc’, *jemagh terbitin* / *иэстээхтэрбитин* ‘должник-pl-poss1pl-acc’, *abasintan* / *абааһыттан* ‘дьявол-abl’. Слово *таңара* употреблено с устаревшим значением ‘небо’: в современном языке оно означает ‘бог’.

Текст молитвы содержит следующие местоимения: личные местоимения *bisigi* / *биһиги* ‘мы’, *bisigini* / *биһигини* ‘мы-acc’, *bisaga* / *биһиэхэ* ‘мы-dat’, притяжательные местоимения *bisene* / *биһиэнэ* ‘наш’, *bisenin* / *биһиэнин* ‘наш-acc’, *jena* / *эйиэнэ* ‘твой’, одно вопросительное местоимение *kaitak* / *хайдах* ‘как’ и одно указательное местоимение *ol* / *ол* ‘тот’.

Имеется три прилагательных: *koenatagini* / *күннэтээбинни* ‘ежедневный’, *mega* / *мэңэ* ‘вечный’, *kustak* / *күүстээх* ‘сильный’. Встречается также один случай употребления имени наличия *bar* / *баар* ‘наличный, присутствующий’, обладающего семантикой прилагательного.

Глаголы употребляются в разных видо-временных формах: *kirbejer* / *килбэйэр* ‘сверкать-pres.3sg’, *kelega* / *кэлиэбэ* ‘приходить-fut.3sg’, *bologa* / *буолуоҕа* ‘быть-fut.3sg’, *kebes* / *кэбис* ‘оставлять-imp.2sg’, *kebesebit* / *кэбиһэбит* ‘оставлять-pres.1pl’, *kilerima* / *киллэримэ* ‘вводить-neg.imp.2sg’, *biisa* / *быыһаа* ‘избавлять-imp.2sg’. Глагол *килбэй* ‘сверкать, блистать, светиться’ в контексте молитвы приобретает значение ‘святиться’, хотя возможно это ошибка в переводе.

В тексте *Отче наш* встречается два послелого: *oer duger* / *үрдүгэр* ‘сверху, наверху’, *isin* / *иһин* ‘для, ради, за’; два наречия: *jeme* / *эмиэ* ‘тоже, опять’, *ani* / *аны* ‘ныне, теперь’. Текст молитвы также содержит модальное слово *boeka* / *бука* ‘очевидно, вероятно; пожалуй’ и модальную частицу с семантикой императивности *koeloe* / *кулу*.

В заключение следует отметить, что, несмотря на небольшой объем представленного материала, работа Николааса Витсена, являясь самым первым собранием образцов якутского языка, дает нам возможность проникнуть в состояние якутского языка в семнадцатом веке и обладает исключительной значимостью как для лингвистов, так и для историков и этнографов.

Литература

1. Бётлингк О.Н. О языке якутов / Пер. с нем. В.И. Рассадина. – Новосибирск: Наука, 1990.
2. Васильев И.Ю. Якутский материал в работе Н.К. Витсена “Noord en Oost Tartarye” (“Северная и Восточная Тартария”, 1692) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – Вып. № 58. – С. 61-68.
3. де Грааф, Тьерд и Маркус Бергманн. «Языки Северной и Восточной Тартарии»: о языковых сведениях в книге Н. Витсена // Теоретические проблемы языкознания / ред. Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, А.В. Бондарко [и др.]. – Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2004.
4. Диалектологический словарь языка саха = Саха түүлбэ тылын тылдыыта. – Новосибирск: Наука, 1995.
5. Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. – Новосибирск: Наука, 1979.
6. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1958-1959.
7. Слепцов П.А. Саха тылын историята: СФКФ устудьуоннарыгар үөрэнэр кинигэ. – Дьокуускай: Саха госуниверситетын издательствота, 2007 (на як. яз.).
8. Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. – М., 1972.
9. Kara G. Le glossaire jakoute de Witsen // Acta orientalia. – Budapest, 1972. – С. 431-439.
10. Nicolaes Witsen // Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: https://nl.wikipedia.org/wiki/Nicolaes_Witsen (дата обращения: 20.03.2017 г.).

Сокращения

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо; **abl** – исходный падеж; **acc** – винительный падеж; **dat** – дательный падеж; **imp** – повелительное наклонение; **neg** – суффикс отрицания; **pl** – множественное число; **poss** – притяжательный суффикс; **pres** – настоящее-будущее время; **sg** – единственное число.

Приложение 1.

Eenige woorden van de Jakutsche Spraek, dat is, der Volkeren die aen de Oost zyde van de Rivier Lena woonen, genaemt Jakuti

‘Несколько слов из якутского языка, то есть, народа, живущего на восточном берегу реки Лены, называемых якутами’

Оригинальный текст (с добавленным переводом на современный русский)		Современный якутский язык
1. Hoofst ‘голова’	Bos.	Бас ‘голова’
2. Haair ‘волосы’	As	Ас ‘волосы’
3. Voorhoofst ‘лоб’	Suis.	Сүүс ‘лоб’
4. Ooren ‘уши’	Kulgak.	Кулгаах ‘уши’
5. Oogen ‘глаза’	Karak.	Харах ‘глаза’
6. Neus ‘нос’	Mun.	Мурун ‘нос’
7. Neusgaten ‘ноздри’	Murun	Таныы ‘ноздри’
8. Kinbakken ‘подбородок’	Singa gunguk.	Сыгнаах унуох ‘подбородок’
9. Mond ‘рот’	Ojack.	Айах ‘рот’
10. Lippen ‘губы’	Os.	Уос ‘губы’
11. Tandem ‘зубы’	Tis.	Тиис ‘зубы’
12. Tonge ‘язык’	Til.	Тыл ‘язык’
13. Hals ‘шея’	Moin.	Моой ‘шея’
14. Borst ‘грудь’	Tuis.	Түүс ‘грудь’
15. Schouwders ‘плечи’	Sanin.	Сарын ‘плечи’

16. <i>Armen</i> ‘руки’	<i>Ilin.</i>	<i>Илии</i> ‘руки’
17. <i>Ellebooge</i> ‘локоть’	<i>Togok.</i>	<i>Тоџонох</i> ‘локоть’
18. <i>Hand</i> ‘рука’	<i>Erbiak.</i>	<i>Илии</i> ‘рука’
19. <i>Vingeren</i> ‘пальцы’	<i>Erbik.</i>	<i>Тарбах</i> ‘пальцы’
20. <i>Nagelen</i> ‘ногти’	<i>Tarbiak.</i>	<i>Тынърах</i> ‘ногти’
21. <i>Buik</i> ‘живот’	<i>Ologok.</i>	<i>Ис</i> ‘живот’
22. <i>Navel</i> ‘пупок’	<i>Kin.</i>	<i>Олох</i> ‘жизнь’
23. <i>Rug</i> ‘спина’	<i>Sisinek.</i>	<i>Киин</i> ‘пупок’
24. <i>Zyde</i> ‘бок’	<i>Etuik.</i>	<i>Кѳбус</i> ‘спина’
25. <i>Ingewand</i> ‘кишка’	<i>Osoghos.</i>	<i>Өттүк</i> ‘бок’
26. <i>Hart</i> ‘сердце’	<i>Suriak.</i>	<i>Оноџос</i> ‘кишка’
27. <i>Knien</i> ‘колени’	<i>Tiusurges.</i>	<i>Сүрэх</i> ‘сердце’
28. <i>Scheenen</i> ‘голени’	<i>Sotoj</i>	<i>Тобук</i> ‘колени’
29. <i>Kuiten</i> ‘икры’	<i>Saraet.</i>	<i>Сото</i> ‘голени’
30. <i>Voeten</i> ‘ноги’	<i>Atak.</i>	<i>Бѳтѳбѳ</i> ‘икры’
31. <i>Toonen</i> ‘пальцы ног’	<i>Erbiah.</i>	<i>Атах</i> ‘ноги’
32. <i>Aderen</i> ‘вены’	<i>Inir.</i>	<i>Тарбах</i> ‘пальцы ног’
33. <i>Vleesch</i> ‘мясо’	<i>Et.</i>	<i>Тымыр</i> ‘вены’
34. <i>Bloed</i> ‘кровь’	<i>Kan.</i>	<i>Эт</i> ‘мясо’
35. <i>Harssenen</i> ‘головной мозг’	<i>Sili.</i>	<i>Хаан</i> ‘кровь’
36. <i>Een</i> ‘один’	<i>Bir.</i>	<i>Мэйи</i> ‘головной мозг’
37. <i>Twee</i> ‘два’	<i>Icki.</i>	<i>Сили</i> ‘костный мозг’
38. <i>Drie</i> ‘три’	<i>Us.</i>	<i>Биир</i> ‘один’
39. <i>Vier</i> ‘четыре’	<i>Tuard.</i>	<i>Икки</i> ‘два’
40. <i>Vijf</i> ‘пять’	<i>Bes.</i>	<i>Ус</i> ‘три’
41. <i>Zes</i> ‘шесть’	<i>Alta.</i>	<i>Түөрт</i> ‘четыре’
42. <i>Zeven</i> ‘семь’	<i>Sette.</i>	<i>Биэс</i> ‘пять’
43. <i>Acht</i> ‘восемь’	<i>Agis.</i>	<i>Алта</i> ‘шесть’
44. <i>Negen</i> ‘девять’	<i>Togus.</i>	<i>Сэттэ</i> ‘семь’
45. <i>Tien</i> ‘десять’	<i>On.</i>	<i>Абыс</i> ‘восемь’
46. <i>Elf</i> ‘одиннадцать’	<i>Onurdugobir.</i>	<i>Тоџус</i> ‘девять’
47. <i>Twaelf</i> ‘двенадцать’	<i>Onurdigiki.</i>	<i>Уон</i> ‘десять’
48. <i>Dertien</i> ‘тринадцать’	<i>Onurdugus.</i>	<i>Уон биир</i> ‘одиннадцать’
49. <i>Veertien</i> ‘четырнадцать’	<i>Onurduturd.</i>	<i>Уон икки</i> ‘двенадцать’
50. <i>Vyftien</i> ‘пятнадцать’	<i>Onurdugobes.</i>	<i>Уон ус</i> ‘тринадцать’
51. <i>Zestien</i> ‘шестнадцать’	<i>Onurdogoalta.</i>	<i>Уон түөрт</i> ‘четырнадцать’
52. <i>Zeventien</i> ‘семнадцать’	<i>Onurdogosette</i>	<i>Уон биэс</i> ‘пятнадцать’
53. <i>Achtien</i> ‘восемнадцать’	<i>Onurdogoagis.</i>	<i>Уон алта</i> ‘шестнадцать’
54. <i>Negentien</i> ‘девятнадцать’	<i>Onurdogotis.</i>	<i>Уон сэттэ</i> ‘семнадцать’
55. <i>Twintig</i> ‘двадцать’	<i>Surbe.</i>	<i>Уон абыс</i> ‘восемнадцать’
56. <i>Dertig</i> ‘тридцать’	<i>Ottut.</i>	<i>Уон тоџус</i> ‘девятнадцать’
57. <i>Veertig</i> ‘сорок’	<i>Teurden.</i>	<i>Сүүрбэ</i> ‘двадцать’
58. <i>Vyftig</i> ‘пятьдесят’	<i>Besen.</i>	<i>Отут</i> ‘тридцать’
59. <i>Zestig</i> ‘шестьдесят’	<i>Altaon.</i>	<i>Түөрт уон</i> ‘сорок’
60. <i>Zeventig</i> ‘семьдесят’	<i>Setteon.</i>	<i>Биэс уон</i> ‘пятьдесят’
61. <i>Tachentig</i> ‘восемьдесят’	<i>Agison.</i>	<i>Алта уон</i> ‘шестьдесят’
62. <i>Negentig</i> ‘девяносто’	<i>Toguson.</i>	<i>Сэттэ уон</i> ‘семьдесят’
63. <i>Honderd</i> ‘сто’	<i>Suis.</i>	<i>Абыс уон</i> ‘восемьдесят’
64. <i>Tien honderd of duizend</i> ‘тысяча’	<i>Munck suis</i>	<i>Тоџус уон</i> ‘девяносто’
		<i>Сүүс</i> ‘сто’
		<i>Тыһыынча</i> ‘тысяча’

Het Vader-Ons in de Jakutsche Spraek; op de Slavonische wys gevolgt

‘Молитва «Отче наш» на якутском языке, переведенная со славянского языка’

Vader	<i>Aibiit</i>	Отче
Onzer,	<i>Bisene,</i>	Наш,
die zyt	<i>Mega Tagara</i>	Иже еси
in de Hemelen,	<i>Oer duger,</i>	На небесех,
Geheiligt zy	<i>kirbejer</i>	Да святится
de Name,	<i>Atin,</i>	Имя
van U,	<i>Jena,</i>	Твое,
Toekome	<i>kelega</i>	Да приидет
’t Koninkryke,	<i>Atin,</i>	Царствие
van U	<i>Jena</i>	Твое,
Geschiede,	<i>bologa,</i>	Да будет
Uwe wille,	<i>kogniin,</i>	Воля Твоя,
gelijk in Hemel,	<i>Jena,</i>	Яко на небеси,
zoo op Aerden:	<i>Jeme:</i>	И на земли:
’t Brood	<i>Tagaraga</i>	Хлеб
Onzer	<i>isierge</i>	Наш
Dagelijks,	<i>aspitin,</i>	Насущный
Geeft	<i>bisenin</i>	Дажь
Ons	<i>koenatagini</i>	Нам
heden,	<i>koeloe,</i>	Днесь.
en vergeeft	<i>bisaga</i>	И остави
ons,	<i>ani,</i>	Нам
de schulden	<i>kebes</i>	Долги
onzer,	<i>bisaga,</i>	Наши,
Gelijk	<i>Jespitin</i>	Яко же
Wy	<i>bisenin</i>	И мы
Vergeven	<i>kaitak</i>	Оставляем
de schuldenaren	<i>bisigi</i>	Должником
onzer,	<i>kebesebit,</i>	Нашим,
en geleide	<i>Jemagh terbitin</i>	И не введи
Niet	<i>bisenin</i>	
Ons	<i>kilerima</i>	Нас
in verzoekingē,	<i>bisigini,</i>	Во искушение,
Maer	<i>aiga</i>	Но
Verlost	<i>biisa</i>	Избави
Ons	<i>bisigini</i>	Нас
van den	<i>abasintan</i>	От
Quaden;	<i>olisin;</i>	Лукаваго;
Want	<i>Jena</i>	Яко
uwe is	<i>bar</i>	Твое есть
’t Koninkryke,	<i>iraghtati,</i>	Царствие
en de Magt,	<i>kustak,</i>	И сила,
en de Heerlijkheit,	<i>Atin,</i>	И слава,
in Eeuwigheit,	<i>Boeka,</i>	Во веки веков,
Amen.	<i>Kirdikoe.</i>	Аминь.

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ О БЫЛОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА К МОНГОЛЬСКИМ

В.В. Ушницкий,
ИГиЛПМНС СО РАН, г. Якутск

Неизвестный лингвист, чья статья «Происхождение якутов по лингвистическим данным» в рукописном виде хранится в архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге, сформулировал гипотезу об изначальной принадлежности якутского языка к монгольским наречиям. Так, он пишет: «Тюркизированный строй якутской речи во всем сходен со строем речи монгольской. В строе якутской речи наблюдаются явления, общие только якутскому и монгольскому языкам и совершенно отсутствующие в языке тюркском. Сюда можно отнести употребление творительного падежа, имеющегося в монгольском и якутском языках. Тюркско-татарские наречия совершенно не имеют творительного падежа и отношения творительного падежа выражаются здесь падежом исходным или послелогом. Между тем, употребление якутского творительного падежа совершенно сходно с употреблением его в монгольском языке, хотя падежные аффиксы в том и другом языке различные. Подобное же явление констатируется в отношении употребления повелительного наклонения будущего времени. Монгольский язык имеет формы повелительного наклонения будущего времени, из которых некоторые даже по внешнему виду соответствуют якутским. Из приведенных соображений и указанных примеров видно, что в тюркизированном строе якутской речи при общем сходстве этого строя со строем монгольской речи, констатируются явления, общие только якутскому и монгольскому языкам и чуждые тюрко-татарскому языку» [2, с. 2].

Еще С. Калужинский, крупный польский тюрколог, написавший специальную работу о монгольских элементах в якутском языке, сделал вывод, что монголизмы в якутском принадлежат либо какому-то неизвестному монгольскому языку, либо заимствованы в разное время из разных монгольских языков [3]. Этот неизвестный язык был определен В.М. Надеяевым как киданьский язык [1].

Таким образом, есть два различных мнения о монгольских заимствованиях в якутском языке. Одно мнение исходит из изначального монголязычия предков саха, другая говорит о сильном влиянии монгольского языка на тюркский язык саха. Автор неизвестного труда продолжает свои идеи о монголязычии предков саха: «Анализ гласных звуков показывает, что гласные основ, равно как и гласные аффиксов в якутском языке, весьма часто не соответствуют гласным тех же основ и аффиксов в языках тюркских. Можно утвердительно сказать, что якутский язык обнаруживает явную тенденцию к сохранению гласных звуков в словах монгольского корня. Подобный же вывод, хотя и в не такой степени категоричности, можно сделать также относительно согласных звуков в якутских словах монгольского корня.

Эти согласные обладают большой устойчивостью сравнительно с согласными тюркских основ. Таким образом, данные сравнительного фонетического и морфологического анализов показывают, что якутский язык, по внутренней природе своих гласных и согласных звуков, по слоговому, а частью и количеству своих основ ближе стоит к языку монгольскому, чем к языку тюркскому. Тот же морфологический анализ открывает, что из аморфных аффиксов в якутском языке преобладают аффиксы монгольские, чем подтверждается та мысль, что в своем древнем состоянии, когда аморфные аффиксы были аффиксами жизненными, якутский язык владел этими аффиксами как своими собственными органами». Далее автор неизвестного труда категорично заявляет о том, что «при этом в якутском языке сохранились, однако, и некоторые монгольские грамматические формы из области форм, не подвергавшихся флексийным изменениям. Равным образом, в якутском языке наблюдаются такие синтетические формы, которые являются общими для монгольского и якутского языков, но которые совершенно отсутствуют в языке тюркском. В своем древнем состоянии якутский язык ближе стоял, по своей внутренней природе, к языку монгольскому, чем к языку тюркскому и что он, вероятно, был языком монгольским по своему существу, к монгольской же группе народов принадлежали сами якуты» [2, с. 8].

Авторство этой статьи определить довольно сложно. Вроде бы общая концепция версии автора по поводу происхождения якутского языка и народа в целом совпадает с гипотезой академика В.В. Радлова о принадлежности якутского языка сначала к монгольским языкам и тюркизированного только на заключительной стадии. Однако в заглавии рукописи отмечено, что он относится к 1928-1930 гг. Как известно, В.В. Радлов в это время уже ушел из этого мира. Возможно, это статья принадлежит одному из учеников академика, который попытался дальше развить его выводы. Это мог быть тюрколог А.Н. Самойлович, работавший в Санкт-Петербурге. Но к ученикам В.В. Радлова принадлежал и С.А. Новгородов, принимавший участие в создании алфавита якутского языка на основе латинского алфавита.

После выступления на конференции в IV томе сочинений Г.А. Попова мы обнаружили выписки из журнала «Саха кэскилэ», в котором есть почти такие же рассуждения о происхождении якутского языка и о «монгольских аффиксах», подписанные неким Гурием Степановым. Значит, был лингвист Гурий Степанов, который вероятно тоже был репрессирован или рано умер (в 20-е годы) и не смог защитить свой труд. Это опять же подвигает нас к изучению интересной темы изучения якутского языка в Санкт-Петербургском университете в конце XIX и в начале XX вв. Там работал академик В.В. Радлов, другой академик А.Н. Самойлович вел предмет якутология. У них были способные якутские ученики из студентов: Г.В. Баишев–Алтан-Сарын, С.А. Новгородов и, видимо, Г. Степанов.

Литература

1 Происхождение якутов по лингвистическим данным (1928-1930) // Архив МАЭ С-Пб РАН (Кунсткамера). Ф. 12. Оп. 1. Д. 135.

2. *Наделяев В.М., Стариков В.С.* Предварительные сообщения о дешифровке киданьской письменности // Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. – М., 1964. – С. 5-26.

3. *Kaljuzynski St.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. – Warswawa, 1961.

К ЭТИМОЛОГИИ ТЕРМИНОВ ТАҢАРА И ТЭГИЛ

В.Е. Васильев,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

На языке саха термин *таҕара / таңара* имеет много значений: ‘бог’, ‘небо’, ‘дух-покровитель’, ‘идол шамана’, ‘икона’, ‘образ’ [11, т. II, стб. 2518, 2551–2552]. Тюрколог Н.К. Антонов отмечал его близость к болгарским и огузским терминам *танры, тангри, тангра* и разделял на составные: *тан* и *эри*, предлагая понимать слово как «муж зари» [1, с. 124–126]. Более подробный анализ термина приводил Б.И. Татаринцев. Так, автор ставил в один этимологический ряд термины *танры, таҕара, тигир, тегре, тегри, тенгир, тэнгэре, дээр, деери*. Учитывая мнения Г. Дёрфера, В.И. Цинциус, Б.Я. Владимирцева, он считал *тенри* исконно тюркским словом, восходящим к общеалтайским параллелям *дэги-, дэг-* ‘подниматься ввысь’, ‘летать’, ‘летучий’, ‘птица’ [15, с. 74–83].

Далее лингвист приводил тунгусо-маньчжурские термины *дэгдэ, дэкэ, дэкэн* ‘возвышенность в тайге’, ‘бугор’, ‘полёт’, сопоставляя их с тюркскими глаголами *тен-, тег- / тек-* ‘подниматься’, ‘взлетать’, производящими шор. *тегей* ‘темя, макушка головы’, ‘вершина горы’, ‘холм’, хак. *тигей* ‘макушка’, ‘вершина горы’, ‘сопка, холм’, тув. *тей* ‘макушка’, ‘верхняя часть головного убора’. В северных говорах тунгусо-маньчжурских языков существует глагол *дэг-* ‘улетать, прилетать’ (о птице). Древнетюркский глагол *тен-* ‘взлетать’, ‘подниматься’ мог образовать глаголы *тег- / тэгир-* с теми же значениями, от которых произошли куманд. *тегре*, як. *таҕара*, тоф. *деери*. При этом *деери*, как и тув. *девиир* ‘потолок’, ‘крыша’, *дееди* ‘высший, верховный’, был заимствован с монг. *дегде-* ‘взлетать’, ‘подниматься’, *дегедү* ‘лучший’, ‘верхний, верховный’, *дегедүс* ‘предки’, ‘знать’, ‘небожители’ [15, с. 80–81, 84]. В итоге он выстроил семантический ряд: гора – крыша – предок / божество.

Считается, что понятие *тэнгэрэ* через уйгуров проникло к монголам в качестве культа царей. Но тунгусские параллели, связанные с образами птицы, горы и холма, указывают на архаичный пласт хозяев тайги и земли. Развивая мысли Б.И. Татаринцева, к приведённым примерам добавим тур. *деде* ‘дед, предок’, др.-тюрк. *дедэ* и кирг. юж. диал. *дада* ‘отец’ [10, с. 181]. Образ предка даёт право обратить внимание на тюркских шаманов, облачённых в птичьи костюмы из перьев орла или филина, повлиявших на атрибуты каганов.

Возможно, с алтайским словом *дэги* ‘птица’ были связаны и огузские воины с закрытыми лицами, в эпосе носившие геройское звание *дели*. Это слово сохранилось в имени предка саха Дэли Дархана. Неслучайно слово *туйгун* ‘отличный’ у кыргызов означает белого ястреба, а в переносном смысле – силу и ловкость [10, с. 769]. На языке саха слово *дэгийэ* ‘крючковатый’ (сокол и орёл) родственно с *дэгэй-* ‘бежать легко ступая, едва касаясь земли’, *дэгэрэн* ‘танец с подскакиванием на носках’ [5, с. 227. 229]. Этимологически к ним близки як. *тэкэй-* ‘бежать, рысить

легко и грациозно' (о жеребёнке), *тэкээр*- 'бежать легко, словно взлетая' (об олене), а также *тэгил* 'далёкий' и *тэгэлий*- 'делать круги' [6, с. 462, 454], восходящие к др.-тюрк. *тенри*- 'кружиться' [8, с. 551].

Все приведённые термины основаны на глаголах, обозначающих понятия 'подниматься вверх' (пешком по склону горы); 'двигаться по кругу' (словно олени или птицы), 'танцевать' (летать по ярусам неба). Глагольные основы *тен-* / *тен-* / *тег-* дают право рассматривать гору *таг* как крышу Мира, где находится пантеон богов. Поэтому гора связана с понятием чего-то дальнего и маленького, а на самом деле великого и недостижимого для людей.

В свете этого интересно то, что у рядовых алтайцев оставались следы былого почитания Синего Неба в виде оленя, лося или коня. Шкурами этих животных они обтягивали бубны, которые служили походными молельнями [12, с. 269; 163, 165]. Образы копытных зверей показывают, что шаманизм сложился в горно-таёжной среде. Иногда на бубне наносились изображения козлов теке, тесно связанные с небесной концепцией тюрков [12, с. 195]. Об этом говорят солярные тамги в виде круга с кривыми рожками сверху, символизировавшие пятый месяц – июнь, когда туюку совершали моления Небу и предкам. На летнюю символику тамги указывает то, что алтайские шаманы камлали с весны до осени, ибо зимой небо «замерзло» [12, с. 262, 193].

Саха утратили культ горного козла, но судя по глаголу *тэкэй*- 'бежать как жеребёнок', они перенесли его на солнечных коней. Существует миф о том, что Эллэй спустился к людям Омогоя с вершины горы, держа в распростёртых как крылья руках белую чайку [4, с. 259]. По другой версии, его первый сын устроил *Ысыах* и вместе с чайками вознёсся на небо. Он оставил на камне южной священной горы *Ытык Хайа* след своей ноги [3, л. 185]. Можно предположить, что сюжет об оставлении на камне «птичьего следа» шаманом был отголоском традиции древнетюркских наскальных росписей.

Мифический образ птицы-коня позволяет нам обратить внимание на глаголы саха *тай-* / *дай-* 'летать низко, паря над землёй', *тэй-* 'отдаляться', а также *дайыр*- 'тратить много усилий для приготовления чего-либо'. Забытое слово *дайыр* можно связать с карач.-балк. *тейир* 'небо' и бур. *тайлаган* 'обряд жертвоприношения'. Эти параллели схожи с кирг. *тайы-* / *тайын-* 'приносить жертву, поклоняться' (божеству Земли-Воды *Жер-Суу* и духу «сивогривого волка» *көк жал* Манаса) [10, с. 690, 219]. На небесную религию кыргызов указывают глаголы: *дайыры-* 'учиться летать', 'расправлять крылья', *дайында-* 'назначать', 'приготовлять'. С образом высоко парящей птицы связано и слово *дайди* 'бродячий' [10, с. 181].

Антропоморфно-зооморфный облик покровителей видится в терминах саха: *табыс* 'выходить', 'сделать восхождение', *табай-* / *дабай-* 'прикасаться', *табыл* 'сексуальная страсть'. Тюрки могли совершать моления на горных вершинах и спускаться сверху на подножия гор, где их могли ожидать жёны. Поэтому обряды плодородия носили ярко выраженный эротический характер.

Близость символик горы и дерева в фольклоре саха заставляет нас вспомнить высокую лиственницу *тэнкэл тиит* с ветвями на верхушке, обычно обгоревшую снизу [11, стб. 2636]. Этот образ находим в сюжете о том, что Эллэй плыл по реке, сидя верхом на дереве с обгорелым корнем. В обрядовой песне высокая лиственница *тэгэл тиит* описывается как место для гнездования орла – *Ала тойона* [9, с. 25].

Любопытно то, что эпитеты орла *ала* и *дьабыл* 'пёстрый' встречаются в описании бурой земли, из чего следует вывод о том, что земные культы дали толчок для возвышения ханских династий со знаком орла. Это мог подметить тюрколог В.В. Радлов, переводивший термин *умай* в значениях «богиня» и «мужское имя» [12, с. 285]. Можно подумать, что тюркская знать носила имя «Умай» в качестве высокого титула.

О происхождении якутских богов *айыы* говорит миф кангаласцев Средней Колымы: Эллэй Айыы спустился сверху и устроил *Айыы Тэгил ысыаба*, затем вознёсся обратно на небо. С тех пор саха почитают творцов и совершают кумысные праздники [2, л. 10–11]. Примечательно то, что в тексте сохранился глагол *тэгиллээн* – 'организовав'. Отсюда выходит, что птичий дух предка совершал полёт по кругу или двигался по зигзагу, ибо ряды зигзага образуют узор *тангалай* – символ перистых облаков и пути в мир богов.

В свете этого интересно исследование С.Б. Самбуевой [14, с. 22–34] о происхождении бурятских женских шуб *тэгэл / тэгэлэй* и их семантической связи с якутской шубой *тангалай*, носивших символику перьев священных птиц. Бурятское слово *тэгэлэй* удивительно напоминает як. *тэгэлий* – 'делать круги' и, безусловно, восходит к культу горы и неба, где обитали маралы и лебеди. Отсюда ясно, почему пляски якуток генетически были близки к камланиям шаманок. В свете этого приемлемо мнение учёных о том, что у бурят Прибайкалья *тайлганы* с исполнением танца *ёхор* пожилыми женщинами должны восходить к культу праматерей [7, с. 92].

О тотемной природе культа *айыы* говорится в обряде путешествия к богине рогатого скота Анахсыт хотун, записанном со слов С.И. Башарина. Этот шаман сначала призывал помощников: голубя, кукушку, лебедя, гуся и др. Затем восхвалял свой «корень» от Хомпоруун Хотоя, наделяя его эпитетами: *тайбыр дьабыл, төгүрүк кынат, түрбүү тумус, хотой дьабыл* («рябой ковш, округлое крыло, острый клюв, пёстрый орёл»). И при этом жрец говорил, что создали его *Үөчэй Айыы, Дьабыл Айыы* и *Көтөр Дьөллүк* (букв. «летающий бродяга»), имеющий острогу *айыы үөрбэтэ*, и приказали быть шаманом *Айыы тэбэл ойууна* [13, л. 205]. В словаре Э.К. Пекарского [11, т. I, стб. 665; т. II, стб. 2525] термины *дайбыр, тайбыр* фиксируются как «ковш» и «имя предка».

Вероятно, в *алгысе* ковш *тайбыр* соответствует ритуальным сосудам со знаком креста – символа летящего орла или сокола. Синонимичность терминов *айыы* и *тэгэл* даёт основание перевести понятие *айыы тэгил ойууна* как «небесный шаман», а праздник кумыса *Айыы Тэгил ыһыаба* или *Айыы Тангара ыһыаба* – как «обряд окропления божества Неба». Таким образом, генезис праздника *Ыһыах* был связан с культурами земли-воды, горы, предков, а затем через тотемизм развился до тенгрианских церемоний великих каганов.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1971. – 175 с.
2. Боло С.И. По историческому фольклору наслегов Среднеколымского района. 1940 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Д. 435. 38 л.
3. Боло С.И. Предания якутов Якутского округа: этнография, предания и верования. 1934 г. // Так же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 57. 227 л.
4. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1994. – 352 с.

5. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с. (Буквы Г – И).
6. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XI (буква Т) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.
7. *Дашиева Н.Б.* Календарная культура бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. – 2-е изд. – М.: Наука. – Вост. лит., 2015. – 239 с.
8. Древнетюркский словарь. – Л.: Изд-во «Наука». Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.
9. *Зверев С.А.*–Кыыл Уола. Сарсын, сарсын сарсыарда: (С.А. Зверев тылыттан фольклорнай суруйуулар). – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 352 с.
10. Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965. – 973 с.
11. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: В 3-х т. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. I. – 1958; Т. II. – 1959; Т. III. – 1959. – 3858 стб.
12. *Потанов Л.П.* Алтайский шаманизм. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. – 321 с.
13. *Саввин А.А.* Верования якутов. 1937–1941гг. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 70. 347 л.
14. *Самбуева С.Б.* Символика традиционного бурятского женского костюма. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2004. – 92 с.
15. *Татаринцев Б.И.* О происхождении тюркского наименования неба (танги и его соответствия) // Советская тюркология. – 1984. – № 4. – С. 72-84.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА В Г. ЯКУТСКЕ В ЦИФРАХ И ФАКТАХ: ИТОГИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (2008-2014 ГГ.)

Н.И. Иванова,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Сегодня столица Республики Саха (Якутия) г. Якутск является средоточием миграционных потоков – высока внутрирегиональная миграция, направленная в столицу республики и в определенной мере в центральные улусы. По данным ФУ-Госкомстата РС(Я), доля обоснующихся в столице имеет тенденцию к возрастанию, следовательно, этноязыковые процессы наиболее активны в столице. В свою очередь влияние экстралингвистических факторов существенным образом эксплицитно и имплицитно начинает отражаться на этноязыковой ситуации, в частности на языковой компетенции, этноязыковом самочувствии жителей республики. Масштабы миграции можно представить в цифрах: в 1989 г. в г. Якутске проживало якутов – 55132 человека, в 2002 г. – 104490 чел., в 2010 г. – 140272 чел. [1]. В 2010 г. процентное соотношение русских и якутов составляет 38,4 % и 47,4 % соответственно (Табл.1.), что говорит о новом демографическом балансе в истории современного Якутска – местное (якутское) население по сравнению с 1989 г. возросло в 2,5 раза.

Перепись 2010 г. показала продолжающееся со времени переписи 2002 г. увеличение доли титульного и коренного населения – так, в 2002 г. якуты составляли 443852 чел., что по РФ занимало 20 место и превышало показатели 1989 г. на 16,1

% в 2010 г. числится на 34233 якута больше – 478085 чел. В Республике Саха (Якутия) проживало в 2010 г. 466492 якута, что на 34202 больше, чем в 2002 г.

Таблица 1.

**Численность якутов и русских в г.Якутске
по итогам переписей в динамике (1989, 2002, 2010 гг.)***

Годы	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Якуты	55132 чел.	104497 чел.	140272 чел.
Русские	137259 чел.	113574 чел.	113624 чел.

* Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Саха (Якутия) // <http://sakha.gks.ru>.

В Республике Саха (Якутия) проблема языков на законодательном уровне была решена в пользу двуязычия: статус государственных имеют якутский и русский языки. Языки коренных малочисленных народов Севера: эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки – признаются местными официальными языками в местах компактного проживания этих народов и используются наравне с государственными языками.

Однако, как и в других субъектах Российской Федерации, в республике происходят этноязыковые процессы различного, более того, разнонаправленного характера, которые представим по результатам двух социолингвистических опросов среди этнических якутов: 1) по опросу «Социолингвистический портрет носителя якутского языка в контексте лингвистического ландшафта г. Якутска» (2014 г.), в котором приняли участие 467 респондентов, в т.ч. 40,9 % в возрасте от 16 до 25 лет, 20,8 % – от 26 до 35 лет, 23,8 % – от 36 до 50 лет и 14,6 % – старше 50 лет, из них 64,2 % составляют женщины и 35,8 % – мужчины; 2) по опросу «Социолингвистическая ситуация в Республике Саха (Якутия)», проведенному в 2008 г., с выборкой этнических якутов г. Якутска в 307 человек, в т.ч. женщины представлены 59,2 % опрошенных, мужчины – 40,8 %. В возрастном срезе наиболее многочисленна молодежь 16-25 лет – 41,3 %; количество респондентов в остальных группах следующее: 26-35 лет – 23,4 %, 36-50 лет – 20,3 %, старше 50 лет – 15 %; материалов – 23 экспертных интервью на тему «Использование современного якутского языка в г. Якутске», в котором приняли участие ученые – лингвисты, этносоциологи, преподаватели вузов, школ, журналисты.

Динамика национально-культурных, социально-демографических факторов актуализировала умеренное возрастание коммуникативных функций якутского языка, умеренное сокращение использования русского языка, замещение моноязычия (русского или якутского) функциональным двуязычием.

Безусловно, в речевом поведении, языковых установках якутов, проживающих в г. Якутске, в функционировании якутского языка в языковом пространстве столицы республики за 7 лет произошли изменения, характеризующиеся: сохранностью этнического языка в качестве родного; снижением формального показателя языкового сдвига в 2 раза; стабильностью числа якутов, признающих родным одновременно якутский и русский языки (в пределах 13 %); тенденцией к ослаблению значимости языковой идентичности (консолидирующей функции языка) у молодежи; незначительным возрастанием свободного владения якутским языком; тенденцией

снижения уровня владения русским языком. Можно отметить, что сегодня в г. Якутске ассимилятивные тенденции приостановлены, чему объективно способствовали социально-демографические и национально-культурные факторы развития общества. В целом, число факторов, модифицирующих основные показатели этничности (речевое поведение языковой личности) респондента-якута в условиях активной конкуренции якутского и русского языков в г. Якутске, сводится к параметру возраста.

Речевое поведение характеризуется значительной долей русского языка в основных коммуникативных сферах, стратегия выбора определяется высокой функциональностью русского языка, недостаточностью условий для развития якутского языка в регламентируемых коммуникативных сферах – сфере образования и воспитания подрастающего поколения, сфере официального общения, сфере услуг. Тем не менее, в сфере дошкольного и школьного образования усилились установки на этническую среду, на создание условий для этнокультурного развития – в выборе языка воспитания и образования сохраняется приоритет за билингвальным типом учреждений, но с более выраженным этническим компонентом. Однако в настоящее время не созданы условия для полноценного этнокультурного воспитания и образования, доступных для всех слоев якутоязычного населения г. Якутска. Недостаток школ, классов с этнокультурным компонентом, с родным языком обучения, несовершенство методической базы и другие нерешенные проблемы представляют угрозу в сохранении социальной базы языка – сегодня наблюдается слабая роль этнического языка в воспроизводстве этнической культуры у якутской молодежи. Показатели их прямой этнической идентичности (выбора якутского в качестве родного языка) снижаются, растет формальный показатель языкового сдвига (выбора русского языка в качестве родного), а также распространяется двойственная языковая идентичность (выбор в качестве родного якутского и русского языков). Молодежью родной язык репрезентируется как «сложный», «трудный», его функции ограничиваются семейным, дружеским общением.

Однако, как и во многих субъектах России, в республике процессы глобализации социокультурных трансформаций также стимулируют тенденции этнической идентификации и этносохраняющие мотивы. В языковых установках сегодня якут, житель г. Якутска, глубоко задумывается над создавшейся языковой ситуацией, начинает лучше осознавать потенциал родного языка и осознанно выбирать для своего будущего двуязычную среду со значительным компонентом якутского языка – растет доля общения на якутском языке в семье с детьми, в образовательных учреждениях, на работе, в лингвистическом ландшафте города. Снижение интереса к традиционным якутоязычным СМИ, чтению художественной литературы на якутском языке замещается более креативными творческими проектами в киноиндустрии, киберпространстве.

С одной стороны, идёт процесс дифференциации языков в функциональном отношении, с другой – возрастает объём коммуникаций на каждом языке, расширяются их социальные функции.

Выбор языка носителями якутского языка в основных регламентируемых и нерегламентируемых сферах общения в условиях г. Якутска предопределяется как лингвистическими (уровень владения, недостаточная разработанность функциональных стилей якутского языка), так и экстралингвистическими (адаптаци-

онная стратегия сельского населения к городским условиям; представление об «устоявшемся, привычном языке» в городских условиях, тематическое разнообразие СМИ на русском языке, социолингвистическая компетенция) факторами.

Выявленные нарушения норм якутского языка (в т.ч. речевые недочёты, связанные с устностью речи) в телевизионной речи ведущих, квалифицируются в основном как типичные для всего якутоязычного сообщества, происходят по объективным (влияние второго языка, недостаточная кодификация якутского литературного языка) и субъективным (незнание правил, недостаточность профессиональных качеств) причинам. Степень проницаемости уровней языка, количество нарушений на том или ином уровне, выявленные в ходе анализа речи и текстов, неравномерны. Отмечается постепенный рост интеркаляционных (ошибки в родном языке под влиянием русского языка) и снижение интерферентных (ошибки в русском языке под влиянием родного языка) нарушений, в результате чего приходится признать снижение уровня владения родным или этническим языком, и, хотя и неравномерное на различных уровнях языка, но в целом повышение культуры русской речи.

Экспертные оценки современной языковой ситуации способствовали формированию комплекса недочетов и успешных реализаций в языковой политике республики, рекомендаций по их дальнейшему внедрению или устранению; позволили обозначить перспективы развития языковой ситуации в регионе; определить место и роль якутского языка в коммуникативном пространстве столицы республики, выявить степень языковой лояльности носителей якутского языка.

Сегодня якутское сообщество не удовлетворяет умеренный характер изменений языковой ситуации, невнятный курс государственной языковой политики; спад деятельности мероприятий языковой политики; Совета по языковой политике при Главе РС(Я); нужен прямой диалог с властью о понимании того, насколько важно ценить и сохранять язык в условиях глобализации, стандартизации и унификации; о том, что процессы урбанизации, переселение из сел в города, всегда представляют собой зону повышенного риска в утере всего языка, и поэтому должна создаваться этноречевая среда. На данный момент язык стабильно сохраняется лишь в нескольких нерегулируемых сферах общения, а в сфере официального общения язык сдает свои позиции, несмотря на то, что с 1989 г. доля якутского населения в столице республики выросла в 2,5 раза.

Эксперты выразили потребность в активной стимулирующей позиции государства и общества в роли субъектов языкового планирования. Также принципиально важным условием является создание условий для сбалансированного развития билингвизма с учетом изменяющейся социолингвистической ситуации, возрастания у коренного населения потребности в этнической идентичности.

Сегодня основной параметр, дифференцирующий этноязыковую ситуацию в г. Якутске – возраст. Поэтому основной объект языковой политики – дети и молодежь, что предполагает более действенные и масштабные мероприятия силами не только образовательных учреждений, но и общественных организаций, всего общества. Мы должны всегда помнить, что **БУДУЩЕЕ В НАСТОЯЩЕМ.**

Литература

1. <http://sakha.gks.ru> (дата обращения: 25.10.2016 г.).
2. <http://www.gks.ru> (дата обращения: 25.10.2016 г.).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ (САХА) ЯКУТИЯ

Р.И. Васильева,

ИГиЛПМНС СО РАН, г. Якутск

Актуальность государственной национально-языковой политики в Республике Саха (Якутия) обусловлена многонациональным составом населения и поликонфессиональностью. Ухудшение социально-экономической обстановки в Российской Федерации приводит к усилению социально-экономической и межэтнической напряженности между этносами, проживающими в столице и районах республики.

В Республике Саха (Якутия) все изменения, происшедшие в демографическом развитии, привели к значительному сокращению численности русскоязычного населения за счет его оттока за пределы республики. В связи с этим возникла необходимость в иностранной трудовой миграции. По итогам семи месяцев 2013 г. на миграционный учет поставлено – 34 907 иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе в порядке продления срока пребывания – 13 232 чел. Количество иностранных граждан, прибывших в безвизовом порядке, составило – 29 711 человек. Из них наибольшее количество занимают граждане Армении – 6 417 чел., Кыргызстана – 5 984 чел., Таджикистана – 5 807 чел. и Узбекистана – 5 768 чел. Из общего количества иностранных граждан, прибывших в визовом порядке, абсолютное большинство – 44,4 % составляют граждане Китая, а также Сербии – 21,5 % [9]. По данным Всероссийской переписи 2010 г. общая численность населения Республики Саха (Якутия) составила 958,5 тыс. чел. Удельный вес городского населения составляет – 64,1 %, сельского – 35,9 % . В республике удельный вес якутов в национальном составе населения составляет – 49,9 %, русских – 37,8 %, украинцев – 2,2 %, эвенков – 2,2 %, эвенов – 1,6 %, татар – 0,9 % [5, с. 15].

Во всероссийской переписи 2010 г. в список отдельных национальностей включено пять наиболее многочисленных национальностей: якуты, русские, украинцы, татары и буряты и пять коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Республики Саха (Якутия) [2, с. 215].

В национальных республиках Российской Федерации национально-языковые вопросы решаются в зависимости от сложившейся в них языковой ситуации. Функционирование языков в Республике Саха (Якутия) имеет свои уникальные черты: сосуществование двух государственных (якутского и русского) и пяти официальных языков, а также генетически и типологически разнообразных языков других этносов, которые постоянно или временно проживают на территории Республики Саха (Якутия). Общая численность коренных малочисленных народов Севера составляет – 40,2 тыс. чел. в том числе эвенков – 26,1 тыс. чел., эвенов – 9,8 тыс. чел., долган – 1,9 тыс. чел., юкагиров – 1,3 тыс. чел., чукчей – 0,6 тыс. чел. [3].

Большую роль в сохранении традиционной хозяйственной деятельности и уклада жизни коренных малочисленных народов Севера играет родовая община. По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Респу-

блике Саха (Якутия) на 01.01.2011 г. в двадцати улусах (районах) созданы восемьдесят четыре родовые общины. Немаловажную роль в развитии этносов играет язык малочисленных народов. Сегодня отмечается сокращение функций языков малочисленных народов, что является серьезной проблемой (ЯС) в Республике Саха (Якутия). Виноградов В.А. построил типологию языковой ситуации на основе трех определяющих признаков: количественных, качественных и оценочных. К количественным признакам относится число языков – компонентов данной языковой ситуации, а также демографическая и коммуникативная мощности языка. Демографическая мощность языка измеряется удельным весом говорящих на нем людей по отношению к общему числу населения исследуемого ареала. Коммуникативная мощность определяется числом коммуникативных сфер, обслуживаемых данным языком, в отношении к общему числу таких сфер. Наиболее значимым параметром оказывается коммуникативная мощность языка, по которому выделяются два типа языковой ситуации – равновесные (обладающие разномошными языками) и разновесные (обладающие разномошными языками) [4, с. 7].

Основными компонентами языковой ситуации РС (Я) являются якутский и русский языки. В целом для республики характерна несбалансированная социально-коммуникативная с набором языков, неравнозначных в функциональном отношении: от русского языка, который используется во всех сферах общения, является языком межнационального общения народов республики до якутского языка, который используется практически во всех сферах, но его коммуникативные возможности ограничены. Особенностью современной национально-языковой ситуации в республике является то, что впервые в истории якутского народа якутский язык приобрел *юридический статус*, основными документами по юридическому статусу якутского языка являются Конституция Республики Саха (Якутия) и закон «О языках народов Республики (Саха) Якутия», принятый в 1992 г. Основой развития национально-языковых отношений в республике является совершенствование билингвизма и трилингвизма, национально-русский тип двуязычия является в данной ситуации доминирующим. Русским языком владеют – 90,4 % якутов, 91,0 % – эвенков, 91,4 % – эвенов, 86,2 % – долган, 97,0 % – юкагиров, 100 % – чукчей [8].

С одной стороны, овладение нерусским населением русским языком, ставшим по объективным историческим причинам языком межнационального общения, приобщило коренное население республики не только к культуре, искусству, образованию, науке страны, но и к мировой цивилизации.

В таблицах 1 и 2 приведены данные Всероссийских переписей 1989, 2002 гг., отражающие негативную динамику снижения показателей языковой идентичности северных народов.

Таблица 1.

Распределение коренных национальностей РС(Я) по родному языку, % *

Национальность	Язык своей национальности		Язык саха (якутский язык)	
	1989	2002	1989	2002
Саха	95,0	92,6	-	-
Эвенки	8,5	6,0	82,5	72,2

Эвены	34,7	20,7	54,3	60
Юкагиры	35,2	19,5	28,1	32,6
Чукчи	63,2	37,7	7,4	14,3

* Всероссийская перепись населения 2002. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия): Ст.сб. – Якутск, 2005; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения Якутской АССР: Ст.сб. – Якутск, 1990. – С. 20-23.

Как считают исследователи, у малочисленных народов за последние десятилетия наблюдается процесс языкового сдвига в сторону якутского языка в ряде сельских районов с традиционным укладом; в сторону русского языка языковой сдвиг наблюдается в промышленной зоне, 72,2 % эвенков, 60 % эвенов признают родным якутский язык, 51 % чукчей – русский язык.

Этническая идентичность индивида, безусловно, зависит от его включенности в межэтнические контакты, проживания в моно- или мультикультурной, городской или сельской среде, содержательной ориентации в политике и политической власти, как и от других факторов [6, с. 120].

Таблица 2.

Распределение лиц народностей Севера по родному языку, % *

Национальность	Язык своей национальности		Русский язык		Якутский язык	
	1989	2002	1989	2002	1989	2002
Эвенки	8,5	6,0	8,9	12,8	82,5	72,2
Эвены	34,7	20,7	10,7	16,2	54,3	60
Юкагиры	35,2	19,5	33,4	39,5	28,1	-
Чукчи	63,2	37,7	28,5	51,0	7,4	-

* Всероссийская перепись населения 2002. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия): Ст.сб. – Якутск, 2005. – С.20–23.

Степень владения языком повсеместно коррелирует с возрастом носителей: языковые коллективы расслоились на возрастные группы (поколения), причем старшее и среднее поколения являются носителями языковых и культурных традиций, т.е. такой группой, для которой характерны центристские, консервативные тенденции; а младшие, наоборот, являются носителями инновационных, центробежных тенденций в культуре, и, соответственно, ориентированы не на родной язык, а на язык более крупного этноса (в Якутии – на якутский язык) [6, с.7].

С другой стороны, непаритетный характер этого билингвизма привел к значительному сужению сфер функционирования языков малочисленных народов Севера, а также к снижению уровня владения языком. По переписи населения 2010 г., к примеру, только 5,7 % эвенков, 22,3 % эвенов, 22,6 % юкагиров, 40,5 % чукчей 5,0 % долган, проживающих в РС(Я), считают язык своего этноса родным. Расселение народностей Севера по территории Якутии носит дисперсный характер, особенно это относится к эвенкам и эвенкам. Небольшие группы эвенков проживают в г. Якутске, Нерюнгри и пяти районах республики, эвенов – на территории Якутского горсовета и 10 районов. Более или менее компактно расселены юкагиры и чукчи: пер-

вые – в Нижнеколымском и Верхнеколымском районах (64,4 % всего юкагирского населения), вторые – в Нижнеколымском районе (77,6 % всех чукчей). Дисперсность расселения эвенков и эвенов и диалектное разнообразие их языков создают определенные проблемы в обучении родному языку в начальном и среднем звене школьного образования.

Проблема формирования билингвизма, трилингвизма тесно связана с теорией контактирования и взаимодействия языков. Она чрезвычайно актуальна для многих национальных республик РФ в связи с тем, что, хотя государственными языками объявлены языки национальные, в социально-значимых сферах общения превалирует русский язык. Если придерживаться классификации, данной Л.Б. Никольским, русский язык используется в большей степени в общегосударственной; региональной, производственной (промышленной), ритуальной (отправление религиозного культа) сферах [7, с. 38].

В последнее время в научных трудах исследователей Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН дается анализ особенностей взаимодействия, при этом особое внимание уделяется интерференции, интеркаляции, заимствованиям, а также взаимовлиянию и взаимопроникновению языков и культур. Главным фактором успешности якутской модели межэтнического согласия выступает сохранение баланса интересов населяющих Якутию этносов, не допускающего привилегированного положения одних и ущемления прав других. Этому способствует продуманная и исторически сложившаяся в Якутии национально-языковая политика. Исходя из приоритетов государственной национальной политики, развития национальных культур, правительством принята государственная программа Республики Саха (Якутия) «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012 – 2019 годы», направленная на укрепление в обществе гражданского мира, межнационального и межрелигиозного согласия. В Якутии якутско-русские языковые контакты сформировались, начиная с семнадцатого века и большую роль в этом сыграли русские землепроходцы, промышленные люди, казаки и толмачи-переводчики из местного населения, благодаря которым, в данное время складывается функциональное двуязычие и многоязычие, способное удовлетворить коммуникативные запросы языкового сообщества Республики Саха (Якутия) [1, с. 5-6].

На мой взгляд, основными направлениями государственной языковой политики является сохранение языкового и культурного многообразия:

- 1) проведение устойчивой образовательной политики в отношении к родным языкам;
- 2) сохранение статуса русского языка как государственного языка РФ;
- 3) формирование функционального билингвизма и трилингвизма;
- 4) проведение адаптационных мероприятий с мигрантами в аспекте их привлечения к обучению русскому языку;
- 5) возможность другим этносам: татарам, бурятам, киргизам, армянам, узбекам изучать культуру местных народов. Возможно создание языковых центров по изучению русского языка для трудовых мигрантов.

Многоаспектную языковую ситуацию в полинациональных республиках порождает функционирование языков и культур большого числа народов, проживающих на данной территории. Поэтому мониторинг языковой ситуации в Республике

Саха (Якутия) необходим не только для решения научных задач, но и для оптимизации межнациональных отношений, предупреждения языковых конфликтов и формирования толерантного общества.

Литература

1. *Аргунова Т.В.* Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Якутск: Изд-во: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 88 с.
2. *Аргунова, Т.В., Васильева Р.И.* Динамика этноязыковых процессов в современной социальной эволюции // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенция, тенденции, перспективы / отв. ред. В.Н. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 214–238.
3. *Васильева Р.И., Дегтярева М.Г., Иванова Н.И., Семенова Л.Н.* Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихоллингвистический аспект. – Новосибирск: Наука, 2013. – 251 с.
4. *Искужина Н.Г.* Функционирование языков в районах зауралья Республики Башкортостан: социолингвистический аспект. – Уфа, 2008. – 214 с.
5. Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Саха (Якутия) / [Электронный ресурс]. URL: <http://sakha.gks.ru>.
6. *Майоров А.П.* Социальный билингвизм и языковое пространство. – Уфа, 1998. – 158 с.
7. *Никольский Б.Н.* Синхронная социолингвистика. – М.: Наука, 1976. – 167 с.
8. Указ Главы Республики Саха (Якутия) «О государственной программе РС(Я) «Гармонизация межэтнических отношений в РС(Я) на 2012-2019 годы» (с изменениями на: 31.08.2016)» от 12 октября 2011 г. № 968 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/422451268> (дата обращения: 20.02.2017 г.).
9. URL <http://yktimes.ru/новости/migrantyi-v-yakuti> (дата обращения 19.04.2017)

ГИДРОНИМЫ В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ*

Л.К. Ишкильдина,

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН, г. Уфа*

Вода – источник жизни. Именно с ней связаны все основные жизненные процессы. Люди всегда старались селиться именно ближе к источнику воды. Башкиры не являются исключением. Большинство башкирских деревень основаны по долинам больших рек: Агидель, Дема, Караидель, Сакмар, Ик, Иргиз и т.д.

Издrevле реки были основным источником пресной воды. Озера кормили народ дарами своей фауны. В Башкортостане много рек, озер, прудов, водопадов и ручьев. В республике насчитывается более 12 тыс. рек разной величины. Наибольшее количество озер находится в зауральской части республики. Самыми крупными озерами являются Аслыкуль, имеющее площадь 18,5 кв. км, и Кандракуль с площадью в 12,0 кв. км.

Так как жизнь человека немыслима без источника воды, географические объекты (реки, озера и др.) отражаются и фиксируются в сознании народа. Им посвящены произведения фольклора. Практически нет ни одной башкирской народной пес-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, исследовательский проект № 15-34-01021 «Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении»

ни, где не фигурировал бы тот или иной гидроним. Красота рек и озер родного края воспеваются в песнях.

В данной статье мы ставим задачу провести лингвистический анализ гидронимов, которым посвящены народные песни (или каким-либо образом упоминаются в песнях).

Самая воспеваемая река в башкирских народных песнях – это Агидель, т.к. она является самой длинной рекой в Башкортостане: *Агизелкәй кайза, ай, тугайза, Агизелкәй кеүек һыу кайза* («Йәмле Ағизел буйзары») [1, с. 154] – ‘где Агидель, эй, на лугу, где найти такую еще реку как Агидель’; *Агизелкәй алкын, һыуы һалкын, тулкындары килеп какмаһын* («Бағалмам») [1, с. 209] – ‘Агиделюшка полноводная, вода (у нее) холодная, (главное, чтобы) волны ее не ударили’.

Ағизел (Агидель/ Белая) – река на Южном Урале и в Предуралье; левый и самый крупный приток Камы.

Этимология гидронима: слово состоит из двух частей *ак* “белый” и древне-тюркского *идель* (> баш. *изел*) “вода, река”, т.е. «белая, чистая река». Так ее называли из-за чистоты воды. По другой версии, на цвет воды влияют взвеси известняка.

Асылыкүл (Асликуль) – самое крупное озеро в Республике Башкортостан. Расположено в Давлекановском районе. *Асылыкай буйы, ай, карагас, башкайында һайрай һандугас* («Асылыкай буйы») [1, с. 239] – ‘по долине Асылыкая, эй, лиственницы, на верхушках (которых) поют соловьи’.

Название озера выводится из башкирского языка: *асылы* “горькое” или диалектное *асылы* “солончак; солончаки” и *күл* “озеро”, откуда получается – «соленое озеро».

Ашказар (Ашкадар) – река на Южном Урале, левый приток Белой. *Ашказаркай буйы бөзрә-бөзрә, агып кына бара һаркыуга* («Ашказар») [1, с. 289] – ‘побережье Ашкадара в кудрявых кустах-деревьях, течет (она) в низину’.

Название *Ашказар*, по мнению Дж.Г. Киекбаева, имеет персидское происхождение и состоит из двух частей: *ашка* “белая, чистая” и *дарья* “река”. В науке доказано, что Предуралье в эпоху железа заселяли ираноязычные племена – савроматы, а затем сарматы, поэтому неудивительно, что на Южном Урале фиксируются гидронимы с иранской этимологией.

Дим (Дёма) – река в Башкортостане и Оренбургской области, левый приток реки Белой. *Эй-й, йәмле Дим буйы, бик һағындым был юлы* – ‘Эй-й, прекрасна долина Демы, очень соскучился по ней в этот раз’ («Йәмле Дим буйы») [1, с. 155].

Возможно от диалектного слова *дим / зим / сөм* “омут, глубокое место в реке”. Другое название реки *Кугизел*, дословно “Синяя река” [2, с. 7, 47].

Езем (Зилим) – река, которая протекает в районе Южного Урала и течет по территории Белорецкого и Гафурийского районов Республики Башкортостан. Правый приток Агидели (Белая). *Езем һыуын эшәм, талыр ине кайғылары ярһыу йөрәктең* [1, с. 134] – ‘если б испил (я) воды Зилима, затихла бы боль растерзанного сердца’.

Вариант названия *Елем*. Слово происходит от башкирского диалектного *езем/ елем/ йылым/ йылыу* “попынька, речка” [7, с. 49].

Инейәр (Инзер) – река в Башкортостане, левый приток реки Сим (бассейн Камы). *Инейәр һыузарына аузар һалдым, яры гына бейек ярлауга* («Инейәр») [1, с. 215] – ‘поставил я сети в воды Инзера, только обрывы ее высоки’; *Инейәр генә һыуының яры*

бейек, йылкыларзы бергә эсерәйек («Гүмер») [1, с. 197] – ‘берега Инзера высоки, напоим вместе лошадей’.

В науке нет единой точки зрения на происхождение названия *Инейәр*.

В «Словаре топонимов Башкортостана...» (1980) этимология гидронима возводится к финно-угорской лексеме *энгер* “река” [7, с. 56], а Дж. Киекбаев возводит к угорскому этнониму *унгар* [3].

Г.Е. Корнилов марийское слово *энгер* считает заимствованием из древнечувашского языка *ан(к)ар, эн(к)ер* “река, речка, овраг”. В этом случае гидроним *Инзер*, возможно, имеет болгаро-тюркское происхождение [8, с. 49].

Еще по одной версии, *инйәр /ингәр* происходит от тюркского и монгольского *ангар* “расщелина, ущелье, долина” [6, с. 68].

Кәмәлек (Камелик) — река в Саратовской и Самарской областях России. *Кәмәлеккәй буйын буйларһың, буйзарында йырзар йырларһың* («Якшы ғына атка») [1, с. 210] – ‘пройдешь долины Камелика, на берегах споешь песни’; *Кәмәлеккәй буйы ла, ай, шау камыш, шул камыштан сыға ла бер тауыш* («Кәмәлек») [1, с. 263] – ‘берега Камелика, эй, сплошной камыш, из этих камышей исходит один звук’.

Название может восходить к башкирскому *кәмә* ‘лодка’ и аффиксу *-лек*. В этом случае название реки может толковаться как “лодочная река”. Возможно и другое объяснение гидронима. Его можно связать с распространенным гидрографическим термином *кам /кем* в значении “река” с тюркским [5, с. 247, 269-270] аффиксом *-лек* [8, с. 58].

Кандракул (Кандрыкуль) – второе по величине озеро Башкортостана. Расположено в Туймазинском районе. Пример: *Кандра ла күлен урай-урай, табып кына алдым бер курай* («Кандракул») [1, с. 217] – ‘обходя много раз Кандрыкуль, нашел (я) один курай’.

Башкирские ученые этимологию *Кандракул* возводят к болгарскому *кандыр* “бобр” и *кул* “озеро” [7, с. 85], получается “бобровое озеро”. Говорят, раньше там водились бобры.

По другой версии, слово просходит от *хан < каган* “хан, каган” и др.-тюркского *тора* “крепость” + *кул* “озеро” [6, с. 77], т.е. озеро, на берегу которого была ставка (крепость) кагана.

Кызыл (Кизил) – река, правый приток Урала. Берёт начало в понижении между хребтами Уралтау и Крыктытау, в Абзелиловском районе. *Йәмле лә генә йәмле Кызыл буйы, зифа һылыу бөзрә талдары* («Кызыл буйы») [1, с. 242] – ‘как прекрасны берега Кизила, стройны и красивы кудрявые (ее) ивы’; *Кызыл буйкай буйы, ай, шыр усақ, шыр усақкай тиһәм дә – айһырғак* («Һары һандуғас») [1, с. 251] – ‘долина Кизила, ай, сплошь осина, сплошь осины подумал(а) я – нет чемерица’.

Возможно от *кызыл* “красная или красивая” [7, с. 97].

Миәс (Миас) – река на Южном Урале, правый, самый крупный приток реки Исеть (бассейн Иртыша). *Миәс кенә буйы кызырым кырсын, кызырым кырсын буйлап йүгерзем* («Әминәкәй») [1, с. 293] – ‘побережье Миаса сплошь галька, сплошь по гальке побежал(а) я’.

Существует несколько этимологий гидронима *Миас*: 1) в основе гидронима лежит мансийское слово *мияс* ‘глубоководное русло реки’; 2) образовано от тюркского *мий* ‘топь, топкое место’ с уменьшительным аффиксом *-ас*; 3) от тюркского термина *меес* ‘безлесное место, покатошь, южная сторона’ [4]. Возможно, гидроним

образован от тюркского термина *мисс / миус / мыйыс / мюс* ‘излучина реки, мыс’ [5, с. 371].

Соран (Уран) – река в Оренбургской области, правый приток Самары. *Соран йылгаһынан иртә менән бер һылыу кыз төшөп һыу ала* («Фәүзиэкәй») [1, с. 269] – ‘одна красивая девушка берет воду в реке Уран поутру’.

В литературе высказывалось несколько вариантов этимологии гидронима *Соран*:

1) возможно от хантыйского *сор / тор* “озеро” с афф. *-ан* [7, с. 129];

2) от тюркского этнонима *соран / сураны* [6, с. 176];

3) А.А. Камалов этимологию слова *соран* сводит к болгарскому *уран (үзән)* “русло”. Топонимист ссылается на русские источники, где фиксируется название *Уран*, а не *Соран*, и утверждает, что гидроним происходит от болгарского *воран (уран)*, а в башкирском по закону ротацизма-зетацизма перешло в *үзән > үзән* [2, с. 226-227].

Сәрмәсэн (Чермасан) — река в Башкортостане, левый приток реки Белой. Пример: *Сәрмәсэн дә буйы киртләс-киртләс, киртләстәре китер, боз киткәс* («Сәрмәсэн») [1, с. 169] – ‘побережье Чермасана с уступами, уступы исчезнут, когда лед уйдет’.

Гидроним имеет несколько этимологий: 1) от антропонима *Сәрмәсэн* [7, с. 134]; 2) от глагола *сармау* “хватать” и аффикса *-сан* со значением “река” (Г.Ф. Вильданов); 3) гидроним образован от болгаро-чувашского *сирма / сырма* “овраг, река, речка” (Г.Е. Корнилов) и общеалтайского термина *сен / сан* “река, речка” (ср.: якутское *сан* “речка, текущая из озера”, эвенкийское *сан* “река”) (Э.М. Мурзаев, Г.Ф. Саттаров) [8, с. 96].

Тук (Ток) — река в Оренбургской области России, правый приток Самары.

Тук буйыкайзары, ай, тук, тизәр, Тук һыуындай һыузар юк, тизәр («Тук буйы») [1, с. 174-175] – ‘долину Тока, эй, называю просторной, говорят – нет подобной воды, чем воды Тока’; *Тук буйыкайзарын, ай, тук, тизәр, Ғәфифә, бының кеүек һыузар юк тизәр* («Ғәфифә») [1, с. 206] – ‘долину Тока, эй, называют плодородной, говорят – нет подобной воды, чем воды Тока, Гафифа’.

Топоним возводится к башкирскому *тук* “сытый; полный”.

Из-за ограничения статьи по объему мы не можем привести анализ всех гидронимов, упоминаемых в башкирских народных песнях. Однако приведенный материал показал, что большинство названий рек и озер состоят их башкирских лексем, ограниченное количество гидронимов этимологизируются с помощью субстратных или контактных языков (финно-угорские, болгарский, иранский).

В башкирских народных песнях, главным образом, воспеваются красота, чистота, глубоководность родных рек и озер. Это и неудивительно, ведь башкиры заселяют красивейшие географические районы склонов Южного Урала и Предуралья с многочисленными водными ресурсами.

Литература

1. Башкорт халык ижады. Йырзар. Беренсе китап. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1974. – 388 б.
2. Камалов А.А., Камалова Ф.У. Башкорт теленең тарихи-этимологик топонимик һүзлеге. – Өфө: Китап, 2007. – 331 б.
3. Киекбаев Дж.Г. Избранные статьи. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 204 с.

4. *Матвеев А.К.* Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург: Сократ, 2008. – 352 с.
5. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – 653 с.
6. Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан / [сост. Хисамитдинова Ф. Г., Шакуров Р.З., Сиразитдинов З.А., Юлдашбаев Ю.Х.]. – Уфа: Китап, 2005. – 256 с.
7. Словарь топонимов Республики Башкортостан. – Уфа: Китап, 2002. – 256 с.
8. *Хисамитдинова Ф.Г.* Географические названия Башкортостана: материалы для историко-этимологического словаря. – Уфа: Гилем, 2006. – 132 с.

УТАРЫТА СУОЛТАЛААХ ТЫЛЛАР ДЬҮӨРЭЛЭНИИЛЭРЭ

Н.Н. Васильева,
ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

Тыллар бэлиэтиир өйдөбүллэрин ис хоһоонунан бэйэ-бэйэлэрин кытта сөп түбэсирэн, ол сокуонунан дьүөрэлэһэн сангарар санаҕа, этэр тылга туттуллаллар. Онук буолуохтаах даҕаны, ол өйдөнөр. Ол гынан баран, сорох ардыгар суолталарынан хайдах даҕаны дьүөрэлэһиэ суох курдук, өссө ону ааһан, бэйэ-бэйэлэригэр утарыта турар суолталаах тыллар дьүөрэлэһэн туттуллаллара баар суол.

Манньык көстүү ханнык баҕарар тылга баар, ону **оксюморон**, ол аата грек тылыттан тылбаастаахха ‘острая глупость’ диэн суолталаах термининэн бэлиэтииллэр: **оксюморон** – это сочетание противоположных по смыслу определений, понятий, в результате которых возникает новое смысловое качество [1, с. 428]. Холобур быһыытынан нуучча тылыттан өйдөбүллэринэн утарылаһар манньык дьүөрэлэһиилэри аҕалыахха сөп: *веселое горе, нищий богач, жадная щедрость, ледяное пламя, жидкие гвозди, ужасно красивый, страшно веселый*.

Холобурдартан көстөрүн курдук, утарыта суолталар дьүөрэлэһиилэрэ быһаарыллар уонна быһаарар тыллар икки ардыларыгар буолар. Саха тылыгар манньык дьүөрэлэһиилэр даҕааһыны быһаарыы, ол эбэтэр, даҕааһын этэр суолтатын күүһүрдэн биэрэр быһаарыытын кытта сэргэ дьүөрэлэһэн туттуллар түгэннэригэр ордук ырылхайдык көстөр. Холобур, билигин эдэр ыччат үксэ да кэпсэтэр тылларыгар сөбүлээн туттар, онон аҕа саастаах, кырдыаҕас көлүөнэ дьон сэмэлээһиннэрин, сорох ардыгар нөнгүө түһэн, саха тыла эстэр турукка киирэн эрэрин туһунан сунхарыыларынан ылбыт *ынырык үчүгэй, ынырык кыраһыабай* диэн курдук тыллар дьүөрэлэһиилэрин ылан көрүөбүтүн.

Э.К. Пекарская «Саха тылын тылдытыгар» *ынырык* диэн тыл ‘грознай, ужасный; дикий’ диэн эрэ тылбаастанар, *ынырык быһыылаах киһи, ынырык дьыл, ынырык суол* диэн дьүөрэлэһиилэринэн холобурданар [2, Т. III, ст. 3800-3801]. Көстөрүн курдук, бу тыл ол кэмнэргэ бэйэтин төрүт суолтатыгар эрэ туттуллар эбит. Оттон «Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыгар» *ынырык* бу сүрүн суолтатыттан ураты өссө туттуллуутунан сыһыат суолталаммыта бэлиэтэнэр, уонна ‘олус, наһаа’

диэн быһаарыллар. Холобурдара: *Эмиэ да чугас курдук, эмиэ да ынырык ыраах*. Н. Лугинов. *Чэ, утуйуохха, сарсын үлэ, түбүк ынырык элбэх*. Н. Габышев. *Оо, дьэ онно бааллар – Сибиир наукатын тулааһын баҕаналара дьоннор! Майгылара да бэртээхэй! Холобурга Дорофей Давидовиһы да ылыахха. Ынырык үчүгэй!* Е. Неймохов [5].

Дьэ, тоҕо *ынырык* диэн даҕааһын билигини кэмнэ кэлэн ‘киһини салыннарар, дьулатар, чымаан’ диэн төрүт суолтатын таһынан сыһыат быһыытынан туттуллар олох атын өйдөбүлү биэрэр суолталанна? Маннык тосту-туора уларыыы ахсаан уонна кээмэй сыһыаттарын суолталарын уратытыгар сытар. Үөскээһининэн даҕааһын аат буолан баран атын даҕааһын аат иннигэр туран, ол тыл быһаарыытын быһыытынан туттуллан, предмет хайа эрэ хаачыстыбата төһө кээмэйдээбин, ол аата төһө улаханын, төһө күүстээбин көрдөрөр. Ол иһин туох эмэ кээмэйттэн киһи сөхпүтүн, сэнээрбитин, бэркиһээбитин, дыктиргээбитин төһө кыалларынан эмоциональнайдык күүркэтэн биэрэ сатыырыттан итинник уларыыылар тахсаллар. Ол аата, кээмэй сыһыатын суолтатын хайа киһи хайдах ылынара хаһан баҕарар субъективнай буолар, оттон ону бэлиэтиир ‘олус, наһаа’ диэн сыһыаттар туох да дэгэт кырааската суох буолан сангарааччыны астыннарбат. Бастаан утаа *ынырык* диэн тыл туох эмэ кэринин сөҕөн этиигэ, холобура *ынырык улахан, ынырык ыраах* курдук дьүөрэлэһиилэргэ туттуллар буолбут эбит, онтон сыыйа туттулуута кэнээн, аны утарыта суолталаах тыллары кытта дьүөрэлэһиннэри туттан киирэн барбыттар: *ынырык үчүгэй, ынырык кыраһыабай, ынырык кэрэ, ынырыктык таптыбын* курдук. Маннык дьүөрэлэһиилэргэ *ынырык* диэн тыл төрүт суолтата умнуллар, сүтэр, анаардас кээмэйи, кэрини эрэ көрдөрөр суолталанар.

Аны ылан көрүөбүҥ *сүрдээх* диэн тылы. Тылын олоҕо *сүр* – ‘киһи саллар, куттанар туох эмэ ынырыга’ диэн суолталаах аат тыл буолар. Онтон үөскээбит *сүрдээх* даҕааһын Э.К. Пекарская тылдытыгар ‘грознай, страшный, ужасный, приводящий в ужас, бедовый, хищный, свирепый, жестокий, бесчеловечный’ диэн бастакы суолтата быһаарыллар [2, Т. II, ст. 2410-2411]. Үсүһүнэн ‘весьма, очень’ диэн суолта бэлиэтэнэр уонна *сүрдээх куһаҕан, сүрдээх улахан, сүрдээх эрэ үчүгэй бэйэлээх дьахтар* диэн холобурдар бэриллэллэр. «Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытыгар» бу ‘олус, наһаа’ суолта, биллэн турар, эмиэ ыйыллар уонна: *Байбааскы кини диэки тоҕо эрэ сүрдээх үчүгэйдик, аһыммыт дуу, таптаабыт дуу курдук көрдө* ээ диэн П. Ойуунускайтан ылыллыбыт холобурунан бигэргэтиллэр [4, 274-275 с.]. Көстөрүн курдук, *сүрдээх* даҕааһын ‘олус, наһаа’ диэн туох эмэ кэринин көрдөрөр суолтаҕа оччолортон ыла туттуллан, тылга үөрүйэх буолан, билигин ким да кини төрүт ‘киһи саллар, куттанар, ынырыктаах’ диэн суолтатын кытта ханылыы өйдөөбөт, *сүрдээх кыраһыабай, сүрдээх кэрэ, сүрдээх нарын-намын* диэн курдук утарыта суолталаах тыллар дьүөрэлэһиилэрэ кими да уолуһуппат.

‘Олус, наһаа’ диэн ахсаан уонна кээмэй сыһыатыгар синоним быһыытынан туттуллар буолбут тылларынан өссө *сүөргү* ‘киһи сөҕө, сонньуйа саныан курдук толос, олуона, сиэргэ баппат’ диэн төрүт суолталаах даҕааһын аат [4, 260 с.], *алдьархай* ‘дьону долгутар улахан иэдээн; ханнык эмэ куһаҕан содуллаах үлүгэрдээх быһылан’ диэн төрүт суолталаах аат тыл [3, 420 с.] буолаллар. Кинилэр эмиэ утарыта суолталаах тыллары кытта холкутук дьүөрэлэһэллэр, тылга үөрүйэх буолбуттар. Холобурдары көрүөбүҥ: *Олортон, Тулаайах диэн сүөргү үчүгэй майгылаах, дьүһүнүнэн да мөлтөбө суох кыыс үөскээбитин, Сордон [киһи аата] эргэ биэрэн атыылыырга*

онгостубут. Н. Заболоцкай. *Биллэн турар, көрүүхтэн сүөргү үчүгэй, күлүмүрдэс бэйэлээх таас буолуо буоллаҕа дии?* Н. Туобулаахап. “*Алдьархай үчүгэй ыһыах буолбута*”, – диэн Миитээ омуунуран ыла-ыла кэпсээн киирэн барда. П. Аввакумов.

Холобурдартан көстөрүн курдук, *ынырык, сүрдээх, сүөргү, алдьархай* даҕа аһыннар быһаарыы курдук туттуллар түгэннэригэр кинилэр төрүт “киһини куттуур, дьулатар” суолталарын ис хоһооно сүтэр, симэлийэр, ол оннугар суолтатыгар баар экспрессията баһыйан, быһаарар тылларын хаачыстыбатын кэринин эрэ көрдөрөр курдук суолталанар. Тыллар бу маннык көспүт суолталарыгар төһө чаастатык туттуллаллар да, соччонон ол суолталара тылга олохсуйан, үөрүйэх буолан барар.

Инники көрүллүбүт тылларга хабааннаах, олоҕо суолталарыттан сиэттэрэн, “сыстан”, эмиэ итинник уларыан туттуллан барыан сөптөөх тылларынан өссө *абытай, дьуикэй, иэдээн* буолуохтарын сөп. Хам-түм да буоллар литератураҕа көстөр, кэпсэтэр тылга иһиллэр холобурдар ону бигэргэтэллэр. Холобура: *Ыччаттар биригээдэлэрин салайааччыта Иван Афанасьевич Горохов – биир абытай киһи*. С. Руфов. *Иэдэһэ дьуикэйдик кытар-кытар гынар*. Н. Габышев. *Тыйаатыр иһэ иэдээннээх ыһыы-хаһыы, уруй-айхал*. М. Сибиряков.

Түмүк курдук эттэххэ, суолталарынан дьүөрэлэһиэ суохтаах тыллар дьүөрэлэһиилэрэ – бу тыл биир ураты көстүүтэ буолар. Төһө да литературнай нуорманы кэһии курдук көстүбүтүн иһин, тыл – эмоция, экспрессия курдук тыыннаах эйгэлээх буоларын тухары – утарыта суолталаах тыллар дьүөрэлэһиилэрэ оруннаах.

Литература

1. *Козинец С.Б.* Принципы составления “Словаря оксюморонов русского языка” // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2 (2). – С. 428-431.
2. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – М.; Л., 1959. – Т. I-III.
3. Саха тылын быһаарыылаах тылддьыта. Т. I. (Буква А) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
4. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта. Т. IX. (Буква С: сөллөй – сээн, буква Ъ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с.
5. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылддьыта. Т. XIV (в печати).

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ МЕТАФОР В ЯКУТСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

А.М. Николаева,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Метафора (от греч. *metaphora* – ‘перенос’) – это перенос названия по сходству, а также само переносное значение, в основе которого лежит сходство. В якутском языке некоторые вопросы переносного значения затронуты в работах Е.Н. Афанасьевой, С.М. Прокопьевой, Л.Л. Габышевой. Известный лексиколог якутского языка П.С. Афанасьев в своей работе «Современный якутский язык. Лексикология» [1] о типах лексического значения слов пишет: «Слово имеет первичное / основное

номинативное значение; вторичное / производно-номинативное значение; переносное / фигуральное значение. Переносное значение слова в большинстве имеет метафорический или метонимический смысл <...>. Переносное значение служит основой для создания фразеологизмов» [4, с. 46-47]. В монографии Л.Л. Габышевой «Слово в контексте мифопоэтической картины мира» [3] большое место отведено зооморфическим, антропоморфическим и цветовым метафорам, их отражении в мифоэпической картине мира якутского народа. В монографии Е.Н. Афанасьевой «Семантические модификации лексических единиц в современном якутском языке» [2] во 2 главе «Пути формирования значения слова» освещены внутриязыковые процессы, способствующие развитию вторичной номинации, где вкратце рассматривается формирование метафорических значений, типы метонимических переходов, расширение и сужение значения. Функционирование метафоры в разговорной речи остается недостаточно исследованной в якутском языке.

Разговорный (или разговорно-бытовой) стиль в полной мере направлен на реализацию функции общения. Наряду с бытовой средой (дома, на улице, в транспорте, в магазине и т.п.) он широко используется и в профессиональной сфере. Он может проявляться и в устной, и в письменной форме (в виде записок, частных писем).

Лексика разговорного стиля богата эмоционально и экспрессивно окрашенными словами. Распространены синонимы, характеризующие одобрительное или неодобрительное отношение говорящего к чему-либо. Разнообразна и разговорная фразеология. Как правило, употребление фразеологизма в бытовом общении призвано отражать переживания говорящего.

С морфологической точки зрения глаголы в разговорном стиле встречаются чаще существительных. Специфической приметой разговорной речи являются междометия. Синтаксис разговорной речи также своеобразен. Его отличительные черты – эмоциональность и краткость. Для разговорной речи характерны неполные предложения. Порядок слов во фразах разговорной речи наиболее свободный по сравнению с другими стилями.

В якутской разговорной используются различные виды метафор. Среди них: – мотивированные: *Охтубуту тонсуйааччы баҕас көстүөбү* ‘Найдется, кому поклевать лежачего’; *Ундаарабын киһи киэнэ кэрэмэһэ, саха киэнэ саарбата аатыра сылдыар* ‘Ундаров теперь лучшей масти (лис), отыменный (соболь) из якутов’; – ассоциативные: *Эн курдук куораты кууһа сытарым буоллар, күнгэ уонна киирэн тахсыам этэ* ‘Если бы я жил так близко от города (букв. лежал с городом в обнимку), как ты, раз десять в день ездил бы в город’; *Эдуард уол оҕо абыс-тобус кырыылааҕа буоллаҕа ди* ‘Эдуард парень сильный, отважный (букв. с восемью-девятью остриями)’; – синестетические: *Өлөксөйүҥ кэргэнэ абытай киһи быһылаах* ‘Жена Алексея кажись, огонь-баба’; *Дьыала тымныйбытын кэннэ дьүүлэнэнгин абыраннын* ‘Тебе повезло, что твое дело рассмотрено по прошествии времени (букв. остывшим, став холодным)’; – ориентационные: *Үрдэ суох үөрүү, анна суох алларастаһыы* ‘Радость безмерная (букв. без верха), смех безутешный (букв. без низа)’. – *Итилэр оборчолоругар түспүт эбит.* ‘Их влиянию поддался (букв. провалился в их болото), оказывается’ (примеры приведены из повести «Невысказанная правда» В.Н. Титова).

Составной частью народно-разговорной речи являются фразеологические единицы. При выражении оценки человеку, его внешности характеру, умственным спо-

собностям преобладают зооморфизмы (*уол оџо одьунааһа* (одьунаас ‘одинец, лучший сорт соболя’) – лучший из парней, молодец; *эһэтэ-бөрөтө киирбит* (букв. медведь его вошел) – гневаться; *чэ, бар чыычаабым оџото, көтөн тарыкыныы тур* ‘ну, птенчик мой, лети’; *кулуннаах биэ курдук* ‘словно кобыла с жеребцом’ – ходить вместе, дружить, быть неразлучными; *билэр күүлүм балыга* (букв. рыба из известного мне озера) – знаю всю его подноготную и т.п. и соматизмы (*тумус буол* (букв. стать клювом) – быть лидером, инициатором, быть всегда впереди и т.п.) и соматизмы *хос сынгаах* (букв. двойной подбородок) – говорят о том, кто мешает говорить и т.п.). В таких фразеологизмах обычно первое слово является мотивационным признаком, а второе указывает на черту характера человека. Например, слова *айах* ‘рот’, *бэлэс* ‘гортань’ указывают на черты, связанные с речью; а слова *мэйии* ‘мозг’, *төбө, бас* ‘голова’, *орой* ‘темя’ указывают на умственные способности.

В народной разговорной речи часто употребляются образные и звукоподражательные слова, преимущественно для метафорической характеристики поведения человека: *хаптаннаа-* от *хаптай* ‘пригибаться, сплющиваться, припадать к земле’, *ньыланнаа-* от *ньылай* ‘иметь очень покатый лоб’ – подлизываться, подхалимничать; *чолонноомо-* от *чолой* ‘задирать голову’ – зазнаваться.

В разговорной речи одним из специфических средств метафоризации являются числительные: *абыс айдаан* ‘восемь шумов’ – большой шум, переполох; *бэлэһигэр биэс иннэлээх* ‘с пятью иглами во рту’ – языкастый; *сэттэ сирэй* ‘семь лиц’ – подхалим, льстец и т.п. Компонентам-числительным в составе фразеологических единиц свойственна семантизация / частичная десемантизация / полная десемантизация. Семантизация – это когда компонент-числительное сохраняет свое определённо-количественное значение: *биир муостанан хаамтар* ‘заставлять ходить на одной половине’ – не давать свободу действий; *биир мутук үрдүк* ‘выше на один сук’ – значительно превосходить *кого-л. в чем-л.*; *икки илиитинэн түстэ* ‘набрасываться двумя руками’ – набрасываться с жадностью *на что-л.*; *уон тарбах уунуута* ‘протягивание десяти пальцев’ – дар, подарок; *миигинниин биэс хааһах* ‘пять мешков вместе со мной’ – и я оказался причастным и т.п.

Частичная десемантизация – компонент фразеологической единицы утрачивает конкретное числовое значение, но реализует неопределённо-малое либо неопределённо-большое количественное значение: *биир-биэс кэпсэтиитэ суох* ‘без одного-пяти разговоров’ – беспрекословно, без всяких разговоров; *бири-биэһи билбэт* ‘не знать ни одного, ни пяти’ – ничего не знать, ничего не ведать; *иккитэ эрбэбин эргитиэ, үстэ сөмүйэтин төгүрүтүө* ‘дважды проведет вокруг большого пальца, трижды – вокруг указательного’ – плут, мошенник и т.п.

Полная десемантизация – числительное полностью утрачивает количественное значение и реализует лишь качественную оценку, при этом нумеративный фразеологизм может выражать самые разнообразные оценочные значения от эстетических до религиозных: *үс дойдуттан* ‘с трех стран’ – со всего света; *үс күлүгэр үнк* ‘кланяться его трем теням’ – преклоняться перед *кем-л.*; *үс өргөстөөх, абыс кырыылаах* ‘с тремя острями, с восемью гранями’ – добрый молодец, удалец; *үс хаттыгастаах халлаан* ‘трехъярусное небо’; *түөрт үтүгэн* ‘четыре бездны’ – подземный мир, преисподняя; *тобус халлаан улабатыттан* ‘из глубины девятого небесного свода’ – из бесконечной дали и т.п.

В современной разговорной речи молодежи наблюдается употребление различных метафоризованных жаргонов и сленгов: *тобук* ‘колено’ (соотв. *русск.* облом); *тобуктаабыт* – стать непригодным; *тоһут* ‘сломать’ – победить морально; *хайыт* ‘расколоть’ – убедить, *сынньан* ‘отдыхай’ – успокоиться; *хайыһардаа* ‘встать на лыжи’ – валить, убежать; *чыһыыр* ‘свистнуть’ – быстро уйти; *мас* ‘деревянный’ – дурак и т.п. Используются в речи якутской молодежи жаргоны русского языка: *жесть, шоу, красавчик, круто, класс, реально, капец, задрот, облом* и т.п. Иногда заимствованные из русского жаргоны используются в якутском фонетизированном виде: *чуоккай, явнай, срывтаа, гони гыныма* и т.п. Такие слова, безусловно, засоряют наш язык, но это неуправляемый процесс и неоспоримый факт, такая лексика в разговорном языке существует. Метафора настолько типична для жаргонных лексических подсистем, что исследователи говорят о необходимости выделения жаргонной метафоры как особого типа. Именно метафора, составляющая основную часть семантического пространства современного молодежного жаргона, представляет особый интерес в связи с исследованием картины мира жаргона.

Метафоры в разговорной речи используются говорящими чаще всего с целью оценки человека: его внешности, интеллекта, поведения, характера, речевой деятельности и ситуативной оценки.

Итак, метафорический перенос в разговорной речи является самым распространенным и одним из эффективных средств выражения оценки, субъективного отношения, эмоций говорящего. Якутская разговорная речь не лишена яркости, эмоциональности, образности, которая, реализуется посредством метафор. В разговорной речи используются преимущественно стереотипные метафоры, которые известны и понятны всем участникам коммуникации, хотя иногда встречаются и индивидуально-авторские образные средства, которые свидетельствуют о проявлении речевого творчества в обиходно-бытовой сфере общения.

Литература

Афанасьев П.С. Современный якутский язык. Лексикология. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 192 с.

Афанасьева Е.Н. Семантические модификации лексических единиц в современном якутском языке. – Якутск: Издательский Дом СВФУ, 2013. – 252 с.

Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). – М.: РГГУ, 2003. – 192 с.

Прокопьева С.М. Проблемы фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национально-специфического в фразеологической системе языка. – М., 1995. – 163 с.

ГЛАГОЛЫ БЫТИЯ В ТЕКСТАХ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ С.А. НОВГОРОВОМ

Н.А. Сивцева,

ИГиЛПМНС СО РАН, г. Якутск

Категория бытийности является одной из универсальных фундаментальных категорий человеческого сознания. Внеязыковые аспекты этой категории служат предметом изучения гносеологии, диалектики, логики и философии. В связи с тем, что результаты осознания человеком бытия проявляются в языке, категория бытийности рассматривается также как языковая категория.

В настоящее время известен широкий спектр работ, в той или иной мере посвященных анализу этой категории с лингвистической точки зрения. Так, изучение категории бытия на материале разных языков проводилось в связи с рассмотрением бытийных глаголов, бытийных предложений, а также при изучении семантики слов, выражающих понятие бытийности.

В якутском языке языковыми средствами выражения понятия бытия являются глаголы бытия и их формы, устойчивые сочетания и фразеологические единицы, бытийные (номинативно-бытийные, оценочно-бытийные) предложения, интонация.

В данном тезисе обратимся к глаголам бытия, представленным в текстах, переведенных С.А. Новгородовым с русского языка на якутский. При этом придерживаемся точки зрения, согласно которой «глаголы бытия являются одним из основных языковых средств, выступающих конституентами функционально-семантического поля бытийности. Это глаголы, называющие процесс бытия, существования, наличия. Они представляют широкий пласт лексики, требующей упорядочения и исследования разрозненных фактов. Лексико-семантическая группа глаголов бытия состоит из глаголов бытия, отражающих фазы предбытия, появления, становления, существования, достижения предела бытия, достижения пограничного состояния бытия, угасания, конца бытия, исчезновения» [1, с. 12-20].

С.А. Новгородов – первый якутский ученый-лингвист, выпускник восточного факультета Петербургского университета, создатель якутской массовой письменности, основанной на международной фонетической транскрипции, составитель якутских учебников. Как ученый-лингвист и просветитель, стремившийся к распространению знаний среди родного ему народа, С.А. Новгородов занимался переводами с русского языка на якутский язык текстов, редактировал разные материалы для издания. В данном тезисе обратим внимание на переведенную С.А. Новгородовым статью «Арассыйа омуктарын көнүллэрин дьарылыгын ыйаабын олох тыллара (Основные принципы декларации прав народов России)». В переведенных С.А. Новгородовым материалах также значатся тексты «Интернационала», «Марсельезы» на якутском языке. Эти материалы хранятся в фондах рукописного отдела ИГиЛПМНС СО РАН, представлены в книге «Во имя просвещения родного народа», изданной к 100-летию со дня рождения С.А. Новгородова [2, с. 109-115]. Ценность данных переводов исследователи определяют как «первое прохождение плугом», как самые первые шаги в якутской переводческой практике» [7, с. 118].

В указанных материалах обнаружены следующие глаголы бытия:

Бүт- 'кончатся, оканчиваться, завершаться, приходит к концу, истекать (о сроке), исполняться; совершаться, кончить что, отработаться; прекращаться, истребляться, погибать; кончатся, лишаться жизни, умирать; замерзать, подернуться льдом (озеро); зарастать, затягиваться (о ране); сипнуть (о горле)' [4, с. 592]: *Бааһынайдар кинилэр хара көлөһүннэрин сиэн, сирдэрин-уоттарынын тутан озорбут помещиктарыттан быыһанан эрэллэр, аны билигин помещик сири бас билэрэ бүттэ* 'Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю – она упразднена' [2, с. 109].

Үөскээ- 'происходить, производиться, проистекать, возникать, появляться, образовываться, рождаться, порождаться; зарождаются, зачатся, вырастать, произрастать; плодиться, распложаться, размножаться' [5, с. 2836]: *Сэрии уобунан-күүһүнэн государствоны тутан озорор өй-санаа кыайан турдабына олунньу ыйга бар дьон өрө турбутун кэнниттэн Россияны дьаһайан баһылыктыыр баайдар илиилэригэр кирибитин кэннэ омугу омука саатар сырайа суох илэ бааччы тилиһиннэрэр оннугар Россия омукарынын суостарыттан куттанан, кинилэри итэбэйбэт, хобунан түрүүэр, баайылар идэ үөскээбитэ...* В период империализма, после февральской революции, когда власть перешла в руки кадетской буржуазии, неприкрытая политика натравливания уступила место политике трусливого недоверия к народам России, политике придирок и провокации... [2, с. 110]; *Интернационалтан бар дьон сайдан үөскүө!* 'В Интернационале сольется род людской!' [3, с. 117].

В рассматриваемых материалах выявлены парные глаголы бытия. Так, глаголы *мөлтөө-* 'ослабевать, ослабляться, изнемогать, бессилеть, немоществовать; уменьшаться (о ветре, о стуже); охлаждаться от охоты, желаний, стремлений' [5, с. 1607] и *ахсаа-* 'ослабляться, слабеть, терять силу или упругость, подаваться' [4, с. 205] представлены в парном виде в форме 3 л. ед. ч. в недавнепрошедшего времени как *мөлтөөтө-ахсаата*: *Бу албастарын кэлин өттө биллэр: омука өстөрө улаатан хаалла, бэйэ-бэйэлэрин итэбэйсэллэрэ бэркэ мөлтөөтө-ахсаата* 'Результаты такой политики известны: усиление национальной вражды, подрыв взаимного доверия' [2, с. 110].

В рассматриваемых текстах обнаружены также и различные формы глагольных основ, имеющих значение бытия. Так, часто встречаются сказуемые, состоящие из сочетания причастия на *-ыах* с модальным словом *тустаах* (имя *тус* 'долг, обязанность' + *-лаах*) в форме будущего времени долженствовательного наклонения. Например: *Бу оннугар аны Россия омукарынын итэбэйсиһиннэрэр, кистэлэнгэ, албына суох, көбүс көнө үтүө быһыы үөскүөх тустаах* 'Отныне должна возникнуть открытая и честная политика, ведущая к полному взаимному доверию народов России' [2, с. 110]; ... *хайа даһаны омука-миэрэ икки бары энгин-энгин маанытын-көйгөтүн ууратыах, ордугун-хоһутун түөрэ эһиэх тустаах* 'должны быть отменены все и всякие национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения' [2, с. 111]; ... *Россия усталаах-туоратыгар озорор чараас, куйа омука аһыйахтарынын буруйугар буойулуо-хаайыллыа суох, көнүллүк сайда олозуох тустаахтар* '...национальные меньшинства и этнографические группы, населяющие территорию России, должны свободно развиваться' [Там же]. В приведенных аналитических формах будущего времени долженствовательного наклонения причастия представлены основами глагола бытия и афф. *-ыах* (*-иэх, -уох, -үөх*): *үөскүөх* от *үөскээ-* 'происходить,

производиться, проистекать, возникать, появляться, образовываться, рождаться, порождаться; зарождаться, зачатся, вырастать, произрастать; плодиться, расплождаться, размножаться [6, с. 2836]; *эһиэх* от *эс-* 'упразднять, совершенно прекращать что, кончить, не дать продолжать; уничтожать, делать пустым (порожним)' [4, с. 307]; *олоруох* от *олор-* 'сидеть, садиться, заседать, восседать; рожать...; находиться, быть где, пробывать, проводить время, пребывать, оставаться, витать, обитать, жить, проживать, обратиться, занимать дом, селиться, поселиться, водворяться, останавливаться; жить, доживать, поддерживать свое существование' [5, с. 1819].

В переведенных С.А. Новгородовым текстах глагол бытия представлен и в качестве основы сказуемого безличного предложения, представленного сочетанием инфинитивной формы причастия на *-ых* и имени наличия *баар* 'имеющийся, наличный': *Бу айылаах киһи эрэ кэлэйиэн сөптөөх, сымыйалыыр, түүйэр-сэниир, байылар, хобунан түүрүйэр быһыыны мас курдук ууратыахха баар* 'Этой недостойной политике лжи и недоверия, придинок и провокации должен быть положен конец' [2, с. 110]. Здесь основой причастия на *-ых ууратыахха* является глагол бытия *уурай* 'остановиться, перестать, прекращать какое-либо действие, останавливаться в чем, отставать (воздержаться) от чего; бросать, оставлять без внимания; откладывать, отлагать (какое-либо предпринятое дело), отдумывать, раздумывать; прерываться, прекращаться; затихать, стихать' [6, с. 3058].

Общий обзор обнаруженных в материале бытийных глаголов показал, что С.А. Новгородов использовал для их перевода приемы трансформации: якутским глаголом *бүт* переведена русская частица *нет* (*помещик сири бас билэрэ бүттэ* 'нет больше помещичьей собственности на землю'), глагольным сочетанием *сайдан үөскүө* – форма глагола сольется (*бар дьон сайдан үөскүө!* 'сольется род людской!'), парным глаголом *мөлтөөтө-ахсаата* – отглагольное имя существительное подрыв (*бэйэ-бэйэлэрин итэбэйсэллэрэ бэркэ мөлтөөтө-ахсаата* 'подрыв взаимного доверия'). Сочетание причастия и модального слова в якутском языке в переводе на русский язык передано сочетанием модального слова с инфинитивом (*көбүс көнө үтүө быһыы үөскүөх тустаах* '...должна возникнуть открытая и честная политика), сочетание причастия и имени наличия переведено сочетанием модального глагола, бытийного глагола-связки и страдательного причастия с именем существительным (*хобунан түүрүйэр быһыыны мас курдук ууратыахха баар* '...недостойной политике лжи ...должен быть положен конец').

При переводе сохранена семантическая сочетаемость бытийных глаголов, т.е. С.А. Новгородов использовал необходимые переводческие соответствия. Так, и в русском оригинале, и в переводе они сочетаются как с именами существительными абстрактного содержания (*помещик сири бас билэрэ бүттэ* 'нет больше помещичьей собственности на землю'; *хобунан түүрүйэр, баайылар идэ үөскээбитэ* 'уступила политике ... придинок и провокации'), так и с конкретными именами существительными (*бар дьон сайдан үөскүө* 'сольется род людской'; ...*чараас, куйа омуктар ...сайда олоруох тустаахтар* '...национальные меньшинства ...должны свободно развиваться').

Таким образом, С.А. Новгородов в переводе лексики со значением бытийности использовал приемы трансформации и соответствия, позволяющие адекватно воспроизвести на якутский язык содержание русского оригинала. Зафиксированный в

данных текстах языковой материал может послужить одним из источников для дальнейших функционально-семантических изысканий.

Литература

1. Деева Н.В. Функционально-семантический аспект глаголов бытия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2003. – 25 с.
2. Новгородов С.А. Арассыыйа омуктарын көнүллэрин дьарылыгын ыйаабын олох тыллара (Основные принципы декларации прав народов России) // *Новгородов С.А. Во имя просвещения родного народа.* – Якутск: кн. изд-во, 1991. – С. 109-111.
3. Новгородов С.А. Интернационал // *Новгородов С.А. Во имя просвещения родного народа.* – Якутск: кн. изд-во, 1991. – С. 117.
4. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т.1. – 1279 стб.
5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.2. – 2508 стб.
6. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.3. – 3858 стб.
7. Примечания // *Новгородов С.А. Во имя просвещения родного народа.* – Якутск: кн. изд-во, 1991. – С. 117-118.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИНЕЙНЫХ МЕР

И.Б. Иванова,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Целью нашего исследования является определить и раскрыть систему мезуративов якутского языка – единиц измерения, служащих для количественной характеристики измерения линейных мер, как длина, высота, глубина. Конкретные сведения о лексических средствах выражения количественных признаков находятся в статье Н.С. Поповой, в которой отражаются результаты многолетнего исследования в лексикографическом аспекте [11]. Кроме этой работы, в якутском языке нет специальных исследований, посвященных проблеме нумеративов, мезуративов, классификаторов, счетных слов, представляющих довольно большой пласт лексики якутского языка. Данные лексемы не имеют никакого отношения к именам числительным, но в то же время обозначают количественное понятие. Все перечисленные имена относятся к понятию «нумератив» («нумеративное слово», «нумеральное слово» и т.п.), но в последнее время лингвисты больше отдают предпочтение термину «мезуратив» от лат. слова – «измерение», «мера», «величина», объясняя тем, что нумератив обозначает номер, число, а мезуратив имеет более широкое понятие, к нему относятся слова, имеющие количественное значение, а не только числовое [4].

Исходя из этого, мы называем **мезуративами** имена существительные, служащие для количественной характеристики какого-либо однородного делимого вещества, отдельные части которого имеют свойства целого и поддающегося измерению, а не счету, т.е. наименования единиц меры, длины, веса, площади, объема, температуры, скорости, времени, глубины, денежных единиц, возраста. Они распо-

лагаются за числительным. В отличие от **счетных слов – классификаторов**, которые используются при подсчете поштучных предметов, мезуративы можно назвать народными терминами измерения или лексемами из народной метрологии [1, 2, 10 и др.]. А счётные слова – это нумеральные слова, служащие при счёте. Во многих случаях счётное слово позволяет опустить существительное, так как счётные слова применяются к конкретным существительным.

В данной статье приводятся наименования, представляющие класс мезуративов линейных мер. Одной из распространенных единиц измерения длины и высоты антропометрического происхождения является *тарбах (илии)* ‘палец (перст)’, которая определяется шириной пальца руки, чаще всего большого при его основании, другая – длиной [8, с. 17-18].

Бөрсүөк ‘старая русская мера длины, равная 4,4 см; длина от верхнего сустава до нижнего сустава среднего пальца (3-4 см); вершок’.

Тутум ‘мера длины, равная высоте сжатого кулака, или ширине четырех пальцев (7-9 см)’. Ср.: др.-тюрк. *тутум*, каз. *тутам*, уйг. *тутам*, тат. *тотам*. Данная лексема используется в составе фразеологических единиц *тутум үрдүк* ‘намного гораздо, лучше’, *тутум үрдээтэ* ‘сильно радоваться, торжествовать, ликовать’, *түптэ тутум түөһүгэр түс* ‘опешить, растеряться, делать что-либо очень быстро; упасть в дымокур’, где значение мезуратива не сохранилось. Во фразеологизме *тутум атах* ‘коротконогий’ мезуратив *тутум* имеет свое первоначальное, но скорее образное значение.

Сүөм ‘мера длины, равная расстоянию между концами большого и указательного пальцев (18-20 см); пядь’. Ср.: кумык. *сюем*, ног. *суйем* алт. *сөөм*, тат. *сөям*, тув. *сөөм*, бур. *һөөм*, эвен. *сум* [3, с. 23], каз. *суйем*. Встречается в фразеологизмах в значении, исходном от мезуратива вертикальной меры: *сүөм түс (намтаа)* ‘растроиться; упасть на пядь’, *сүөм үрдээ* ‘воспрянуть духом; повыситься на пядь’.

Харыс ‘пядь’ – мера длины, равная расстоянию между концами до отказа раздвинутых большого пальца и среднего – 20-25 см. Ср.: ср.-тюрк. *харыш*, кумык. *къарыш*, ног. *карыс*, кирг. *карыш*, башк. *карыш*, хак. *харыс* [3, с. 23], каз. *қарыс*. Данный мезуратив сохранился во фразеологических единицах, обозначающих отношения между людьми, поведения, настроения людей: *харыс үрдээ* ‘воодушевиться, воспрянуть духом; стать выше на пядь’, *харыс хаал* ‘отставать в чем-либо’, *харыс да хаамтарбат* ‘не отпускать от себя’, *харыс да халбарыйбат* ‘не отходить ни на шаг’ [5, с. 411-412].

Арсыын ‘мера длины от кончика среднего пальца до плеч (70-72 см); аршин’; четыре пяди. Ср.: кумык. *ар*, *аршын*, ног. *аршын*, карач.-балк. *ар*, хак. *арийн* [3, с. 23]. Аршином измеряли привозные ткани, материалы для одежды. В качестве синонима к аршину употреблялось наименование локоть, которое появилось в результате переноса названия локтя человека на название меры: часть руки от локтевого сустава до кончиков пальцев стала антропометрическим измерителем [6, с. 129-131]. В качестве компонента фразеологической единицы не зафиксирован.

Хаамы ‘шаг’ – длина примерно в один метр, используется у всех народов по настоящее время, имеет отглагольное происхождение от *хаамн* ‘шагать; ходить, делать шаг’. Используется в фразеологизмах, образно обозначающих медленное передвижение (о течении, изменении продолжительности времени суток, дня): *атыр обус алтаба*, *хат дьахтар хаамыта* ‘черепаший шаг; букв. шаги быка, шаги бере-

менной женщины’, *кутуйах хаамыыта* ‘мера времени, равная незначительному отрезку, на который ежедневно удлиняется световой день; букв. мышинные шаги’ [5, 2004, с. 435; 2016, с. 102] и др., в которых сема мезуратива ‘линейное расстояние’ менее выражена.

Былас ‘маховая сажень, размах’; 1,76 м – старая русская мера длины и окружности, равная расстоянию между концами средних пальцев раздвинутых в стороны рук (150-180 см) [5, с. 693], используется как мера длины и обхвата, периметра: *дьиэ былаһа* ‘мера обхвата дома’.

Саһаан ‘сажень’ – старая русская мера длины, равная 2,134 м, сажень. В слове *сажень* присутствует древний праславянский корень *seǵь, *seǵьь, связанный с глаголом *сягать* «протягивать руку» [6, с. 110]. Известно, что слово *алдан* в иркутских говорах, возможно, является заимствованием из бурятского *alda(n)* «маховая сажень». В иркутских говорах начала XX в. *алдан* – «мера длины, равная расстоянию между кончиками пальцев, вытянутых на уровне плеч рук [6; 108]. *Бэчэтинэй саһаан* ‘полномерная, большая сажень (210-213 см)’. Термин *саһаан* также активно используется при измерении длины веревки, нитки, проволоки, салама и др.

Көс ‘якутская мера длины, равная, примерно, 10 км; большое расстояние’ [12, с. 182], тюрк. *көч*. *Тыыллар көс* ‘самый большой көс’. Э.К. Пекарский в «Словаре якутского языка» пишет, что *көс* имеет несколько видов: *сатыы көс*, *сатыы күннүк* – 7-8 км, *ат көһө* ‘конная миля – 10 верст’, *сиэлэр ат көһө* – ‘миля бегущей рысью лошади’ – 13-14 км, *обус көһө* ‘бычья миля’, *тиин көһө* ‘беличья миля; переезд, который делает тунгус во время кочевания при охоте на белку’ [9, с. 1170].

Биэрэстэ ‘верста’ – старая русская мера длины примерно 1,06 км; самая распространенная единица измерения больших расстояний в России и в XIX в. [6, с. 108-118]. Ср.: хак. *версга*, ног. *шакырым*, башк. *сакрым*, кумык. *чакъырым* [3, с. 23].

Для измерения высоты чего-либо от земли использовалась мерная доска *холо* ‘Деревянная дощечка с отверстиями на определенную высоту в зависимости от предполагаемой добычи. Отверстия делают на приблизительной высоте’ [7, с. 16]. У Э.К. Пекарского *холо* – это вообще всякая мера; оценка; деревянная дощечка, которая служит мерою для установления лука на определенной высоте от земли [9, с. 3455].

Таким образом, нами рассмотрена категория количественности на материале имен существительных, так называемых мезуративов (15 наименований), используемых при измерении линейных мер, как расстояние, длина, обхват, глубина, высота. Эта специфическая часть лексики включает в себя термины, в основном, тюркского и русского происхождения. Расстояния до 72 см определены названиями, связанными с рукой человека, т.к. их можно измерить руками. В словосочетаниях данные мезуративы стоят между числительным и существительным. Перед мезуративом *холо* стоит не числительное, а определительное существительное, которое выступает в роли определяющего числительного. Данные лексемы в качестве мезуративов до сих пор используются в разговорной речи, художественной литературе, также сохранились в составе фразеологизмов, где, как известно, их значение несколько изменилось.

Литература

1. Алексеев А.Е. Некоторые проблемы развития якутской математической терминологии. – Якутск, 1992. – 64 с.

2. Аммосова Т.П. Математические знания и представления якутов. Ч. 1. – Якутск: Бичик, 1994. – 72 с.
3. Асадулаева П.У. Названия старинных мер измерения в кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12, ч. 2. – С. 22-24
4. Баситова А.Н. К вопросу о природе мезуратива и нумеративного слова (на материале фразеологизмов русского и уйгурского языков) / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sociosphera.com/publication/conference/2013/177>.
5. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. I, II, XIII / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004-2016.
6. Лебединская В.Г. История русской метрологической терминологии: Дисс. ... д.филол.н. – М., 2014. – 475 с.
7. Максимова О.П. Ахсаан, айылҕа – саха киһитин олоҕор. – Якутск: Алаас, 2014. – 260 с.
8. Молчанова Л.А. Народная метрология (к истории народных мер длины). – Минск, 1973.
9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I-III. Вып. 1-4. – М.: Академия наук СССР, 1958.
10. Петрова А.И. и др. Саха мындыр суота. – Дьокуускай: Бичик, 2012. – 72 с.
11. Попова Н.С. Некоторые наименования мер длины антрометрического происхождения в якутском языке // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии. Сб. науч. тр. – Якутск: Як. филиал СО АН СССР, 1980. – С. 123-144.
12. Якутско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 605 с.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ПРЕДЕЛЬНОСТИ/НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ ГЛАГОЛА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Е.М. Самсонова,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Аспектуальность как категория включает огромное количество семантических признаков и разнообразных способов их передачи. В качестве одного из основных компонентов данного функционально-семантического поля выступает, по определению А.В. Бондарко, «оппозиция предельных/непредельных (терминативных/атерминативных) глаголов и глагольных значений» [3, с. 76-77].

По мнению Ю.С. Маслова, предельность/непредельность глагольного действия «может быть признана лингвистической универсалией» [8, с. 318], так как она представлена «во многих, вероятно во всех, языках мира» [Там же, с. 387]. В основе противопоставления предельности/непредельности глаголов, как отмечают исследователи, находится «наличие/отсутствие у обозначенного действия «внутреннего» потенциального или реального предела, предусмотренного самой природой действия», при достижении которого оно «исчерпывает себя и прекращается» [Там же, с. 29-30].

В настоящее время, несмотря на достаточное количество исследований, категория предельности/непредельности глагольного действия остается одной из самых сложных и недостаточно изученных. Например, в лингвистике нет общепризнанно-

го и однозначного толкования понятия «предел», поскольку каждый из исследователей вкладывает в этот термин различное содержание. Наиболее устоявшейся является точка зрения С.И. Холод, которая рассматривает предел «как некую критическую точку, связанную с качественным изменением в протекании действия». Она может обозначать начало / конец действия, достижение цели или переход в новое качественное состояние субъекта/объекта действия [15, с. 20]. В свою очередь, предел может подразделяться на: 1) внешний и внутренний; 2) реальный и потенциальный; 3) эксплицитный и имплицитный; 4) абсолютный и относительный [12, с. 46-51].

Следующим спорным вопросом остается бинарность рассматриваемой оппозиции. Известно, что в аспектологии существует два основных подхода по классификации глаголов в отношении значения предельности. Представители первого, бинарного направления считают целесообразным делить глаголы на предельные и непредельные (В. Юнг, Р.З. Мурясов, О.Ф. Кравченко, А.И. Смирницкий, Б.М. Баллин и др.). Представители другой, тройственной классификации, помимо них, выделяют третью группу – «нейтральных» глаголов, не обладающих вне контекста очевидным предельным или непредельным значением (А. Абрамова, Г.Н. Воронцова, И.П. Иванова, Б.Х. Ризаев и др.).

Нет единого мнения у исследователей и в вопросе языковой репрезентации данной категории. Семантика предельности/непредельности может передаваться множеством разнообразных средств выражения, комплекс которых особенно существенно различается в генетически неродственных языках с различной структурно-типологической организацией. Но почти во всех языках доминирующей является точка зрения, что способ действия выражается значением глагола [1, с. 74].

В тюркологии на роль предельности/непредельности действия и семантического типа глагола в формировании аспектуальных значений обращали внимание такие исследователи, как Ф.А. Ганиев, А.Н. Тихонов, П.И. Кузнецов, Э.А. Грунина, Р.М. Бирюкович, Л. Юхансон, К. Шёниг и др. Как показывают исследования взаимодействия собственно акциональной семантики глагола и семантики акциональной формы, в тюркских языках актуально членение глагольной лексики на предельные и непредельные глаголы.

В исследованиях, посвященных рассмотрению аспектуальных форм якутского языка, внимание в основном уделялось не предельности действия, а его переходности/непереходности. Л.Н. Харитонов отмечает сложность разграничения переходности/непереходности действия в якутском языке, которую «приходится устанавливать исключительно лишь по смысловым и синтаксическим признакам», поскольку «основы переходных глаголов не имеют внешних отличий от основ непереходных» [13, с. 20]. Подробная дифференциация якутских переходных и непереходных глаголов впервые приводится в его монографии «Типы глагольной основы в якутском языке» (1954), затем и в «Грамматике современного якутского литературного языка» (1982). В монографии «Формы глагольного вида в якутском языке» (1960) исследователем подчеркивается устойчивая связь содержания и употребления аспектуальной формы от переходности/непереходности глагола. Поскольку предел, или темпоральная граница, является одной из важнейших характеристик процесса, тесно связанной с фазовым строением последнего, здесь необходимо указать на несомненный вклад Л.Н. Харитонova в изучение аспектуальных форм с

семантикой начала, длительности, завершенности действия. Из последних работ, посвященных указанной теме, можно отметить статью Е.Н. Афанасьевой, где представлены статистические и динамические аспекты в семантической структуре глаголов состояния [2].

Собственно предельность/непредельность действия в якутской аспектологии затрагивается лишь в работах более позднего периода. Предельность/непредельность действия и ее фазисная детерминация выступают в качестве определяющего признака для выявления структурно-семантических особенностей аспектуальных аналитических конструкций в исследованиях Н.И. Поповой [11]. Как отмечает исследователь, несмотря на то, что вспомогательные глаголы в составе аналитической конструкции полностью десемантизируются и выступают как сугубо грамматические форманты, заложенное в них аспектуальное значение предельности/непредельности играет определенную роль в формировании акциональной семантики бивербальной конструкции в целом [11, с. 188].

Предельность/непредельность действия, являющаяся, прежде всего, внутренним свойством глагольной лексемы, ее постоянной семантической характеристикой, в основном определяется на лексикографическом уровне. Исходя из того, что речь идет о лексических группах глаголов, правомерной представляется классификация на основе семантического анализа. При этом существенным может оказаться выделение ряда более мелких смысловых групп глаголов, в которых по-разному может проявляться отношение к пределу. Отсюда ее непосредственная связь с лексико-семантическими группами (далее – ЛСГ) глаголов.

Несмотря на то, что глагольная лексика якутского языка впервые была сгруппирована еще Л.Н. Харитоновым, изучение собственно ЛСГ якутских глаголов началось сравнительно недавно. Наиболее подробно исследованными среди них являются многозначные глаголы физического воздействия на объект, рассмотренные в специальной монографии Е.П. Копыриной (2012) [6]. В качестве отдельных статей представлены описания ЛСГ глаголов речи М.Д. Куличкиной [7], движения и мышления – В.Д. Монастыревым [9]. На основе семантических типов побудительных глаголов Н.И. Даниловой проводятся исследования функционально-семантической категории каузативности [5].

Кроме выделения отдельных лексико-семантических групп, при разграничении предельных/непредельных глаголов, прежде всего необходимо отдельно рассматривать глаголы переходные и непереходные, поскольку внутренний предел у них может различаться. Так, если у непереходных глаголов в качестве предела выступает достижение цели движения или состояния, то у переходных глаголов – конечный момент действия, связанный с полным охватом прямого объекта действием. Например, подобная группировка глаголов по признаку предельность/непредельность с выделением семантических подгрупп на материале узбекского языка приводится в исследовании Д.М. Насилова [10, с. 127-157]. Здесь данная классификация глаголов основывается на различиях в фазовой структуре процессов: предельные глаголы обозначают трансформативные действия, непредельные – нетрансформативные. Принадлежность к акциональному классу предельных или непредельных глаголов позволяет по-разному интерпретировать один и тот же акциональный показатель, выявить состав собственных, присущих только этому классу акциональных значений [Там же, с. 52].

Таким образом, категория предельности/непредельности глагольного действия, несмотря на пристальное внимание лингвистов, остается одной из самых сложных и недостаточно изученных проблем аспектологии. В якутском языке, как и в других языках, вопрос о предельности/непредельности глагола, в первую очередь, неразрывно связан с внутренней семантикой глагольной лексемы. Отдельного рассмотрения требует и проблема влияния семантического окружения на акциональные модификации предельного/непредельного глагола.

Литература

1. *Аликова С.В.* Предельность как функционально-семантическая категория аспектуальности немецких глаголов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2012. – №152. – С. 70-76.
2. *Афанасьева Е.Н.* Актуализация градуированных значений в при корреляции глаголов состояния в якутском языке // С.А. Новгородов и новое в якутском языкознании. – Якутск, 2003. – С. 67-71.
3. *Бондарко А.В.* Основы функциональной грамматики. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001.
4. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М., 1982.
5. *Данилова Н.И.* Каузативные конструкции в якутском языке // Функционально-семантические категории в якутском языке. Каузативность, эвиденциальность, итеративность. – Новосибирск: Наука, 2013. – С. 8-71.
6. *Копырина Е.П.* Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2012. – 163 с.
7. *Куличкина М.Д.* Глаголы речи подгруппы общения в современном якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №6-2(48). – С.110-112; Глаголы, характеризующие речевую деятельность человека в современном якутском языке // Сибирский филологический журнал. – 2008. – Вып.1. – С.190-192 и др.
8. *Маслов Ю.С.* Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с. – (Классики отечественной филологии).
9. *Монастырев В.Д.* Образование ментального значения у глаголов движения в якутском языке // Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования: Мат-лы I Межд. науч.-практ. конф. – Краснодар, 2011. – С.70-71; *Монастырев В.Д., Прокопьева С.М.* Сопоставление глаголов мышления якутского языка с глаголами русского языка // Наука и современность. – 2011. – №10-2. – С.113-118 и др.
10. *Насилов Д.М.* Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. – Л.: Наука, 1989. – 208 с.
11. *Попова Н.И.* Аспектуальность: глагольные аналитические конструкции // Функционально-семантические категории в якутском языке: темпоральность, таксис, аспектуальность / Н.И. Данилова, Н.Н. Ефремов, Н.И. Попова. – 2005-2006 (Рукопись); Особенности выражения фазовой семантики в говорах якутского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Межд. конф. – Уфа, 2013. – С. 92-95; О средствах выражения фазовой семантики в якутском языке: глагольные аналитические конструкции со значением начальной фазы действия // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: Мат-лы Межд. науч. конф. – Элиста, 2014. – С. 130-133 и др.
12. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 352 с.
13. *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. – М.-Л., 1954.
14. *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. – М.-Л., 1960.
15. *Холод С.И.* Предельность/непредельность глаголов движения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 202 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ XIX-ГО И XX-ГО ВЕКОВ В ОКРАИННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯКУТИИ)

СОЗДАНИЕ ПЕРВОГО ЯКУТСКОГО БУКВАРЯ: В.М. ИОНОВ, Н.Е. АФАНАСЬЕВ, С.А. НОВГОРОДОВ (ЕДИНЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ)

Н.Н. Ефремов,
ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

История создания первого массового якутского букваря, который был издан в сентябре 1917 г. в Якутске, еще не получила удовлетворительного освещения. Он был создан в результате совместной деятельности многих интеллигентов-просветителей.

Создание данного букваря имеет интересную предысторию, изучение которой пролило бы свет на объективное освещение данного вопроса. Для восполнения этого пробела я обратился к воспоминаниям и письмам одного из создателей якутской массовой письменности Н.Е. Афанасьева (1877-1956), друга, единомышленника С.А. Новгородова.

В 1947 г. Николай Егорович написал свои воспоминания «Как мы составляли учебники и пособия, а также программы, положения, методические указания» [1, с. 139-180], где он как непосредственный участник составления первых якутских учебников изложил конкретные факты и события, связанные с созданием якутской письменности. А переписка Афанасьева с этнографом и лингвистом В.М. Ионовым (1851–1922) и другими представителями интеллигенции Якутии того времени является объективным фактическим материалом в освещении этого вопроса.

Как пишет Николай Егорович, в 1913 г. у него «зародилась мысль, что следовало бы ввести в якутских начальных школах обучение родной грамоте, а для этого создать якутский букварь» [Там же, с. 145]. Он «поделился ... своей мыслью» с И.Н. Эверстовым¹, который не возразил. Николай Егорович обратился к В.В. Никифорову² с предложением: «написать коллективное письмо к В.М. Ионову (уехавшему в 1911 г. в центральную Россию. – Н.Е.) с подписями нескольких известных ему лиц, в котором просить его составить для якутских начальных школ с тем, чтобы по присылки его рукописи мы, нижеподписавшиеся, выслали ему авторский гонорар, а рукопись печаталась в Якутске в целях ускорения распространения букваря по местным школам» [Там же, с. 146]. Никифоров поддержал это предложение, и он вместе с Афанасьевым «составили примерный текст обращения к Ионову и наметили примерный список лиц, к которым можно было обратиться за подписями».

Собирал подписи Николай Егорович. Обращение подписали М.В. Сабунаев³, А.А. Семенов⁴, Смолев⁵, Е.М. Егасов⁶, В.П. Приютов⁷, И.Н. Эверстов и др. И.Н. Эверстов, подписывая текст обращения к Ионову, сказал, что «распространение якутской грамоты *может задержать якутов в их приобщении к русской культуре, а изучение якутской грамоты в школе может отнимать лишнее время у ребят и заглушит обучение по другим предметам* (курсив мой. – Н.Е.)» [Там же]. Как видно из вышеприведенного, среди представителей дореволюционной интеллигенции Якутии можно было встретить, хотя и редко, и таких, которые недооценивали роль родного языка в культурном развитии якутов. Интересен и тот факт, что одним из первых инициаторов обучения якутских детей родной грамоте был якутский мещанин Н.Е. Афанасьев.

Н.Е. Афанасьев, проводя разъяснительную работу среди местной интеллигенции по созданию якутской письменности на основе составления якутского букваря, одновременно вел работу по привлечению к этой работе В.М. Ионова. В своем письме Всеволоду Михайловичу от 1 февраля 1914 г. Николай Егорович пишет о своей идее составления якутского букваря и издания его в Якутске. Он просит опытного педагога, знатока якутского языка и культуры Ионова быть составителем данного букваря, так как в Якутске он на свое обращение к учителям совместно с ним составить якутский букварь получил отказ: «У меня в прошлом году (1913 г. – Н.Е.) возникла мысль о составлении с кем-нибудь из учителей (Сахаровой⁸ или Порядиным⁹) букваря для занятий с якутскими ребятами, так существующие учебники содержат очень мало достаточного для здешних детей материала, да и составлены довольно слабо. Оба они отказались, а больше мне не к кому обратиться» [Там же, с. 279].

2 февраля 1914 г. Николай Егорович «начал переговоры с якутами (по составлению письма В.М. Ионову. – Н.Е.), и [Г.В.] Ксенофонтов взялся вести дело дальше с ускоренными темпами» [Там же, с. 280].

В письме В.С. Панкратову¹⁰ от 3 февраля 1914 г. Афанасьев писал, что он предложил Ионову составить «учебник якутского языка» и у него есть вторая идея предложить Всеволоду Михайловичу составить и русский букварь для якутских школ [Там же, с. 281].

18 апреля 1914 г. В.М. Ионов отправил Г.В. Ксенофонтову «телеграмму с уведомлением о согласии составить букварь» [Там же, с. 247]. В этом же письме Н.Е. Афанасьеву Всеволод Михайлович также писал о своих переговорах с типографией и С.Ф. Ольденбургом¹¹ по печатанию якутского букваря [Там же]. Далее Ионов останавливается на некоторых практических вопросах по составлению букваря, которые впоследствии оказали большую помощь С.А. Новгородову и другим якутянам в издании в 1923 г. улучшенного варианта букваря и новой хрестоматии [Там же, с. 248-249].

В другом своем письме Н.Е. Афанасьеву В.М. Ионов пишет о фольклорных материалах, собранных А.Е. Кулаковским, и об идее создания в г. Якутске кружка любителей родной старины, который может способствовать развитию национального самосознания якутов [Там же, с. 249-251].

В.М. Ионов боролся за внедрение академической (бетлинговской) транскрипции в изданиях на якутском языке и был против того, что учителя инородческих начальных школ предпочитают транскрипцию Казанской переводческой комиссии.

Его волновал также вопрос, где будет печататься букварь. Он не поддерживал печатание букваря в Якутске и склоняется к тому, чтобы он издавался в центре – Петрограде, что впоследствии и было сделано в 1923 г. С.А. Новгородовым.

Всеволод Михайлович критикует казанскую транскрипцию, так как она запрещает «писать, как слышишь». Это свидетельствует о том, что первоначальная идея принципа «пиши, как говоришь», который был использован С.А. Новгородовым при составлении якутского букваря, принадлежит дореволюционным исследователям якутской культуры и языка, в частности Э.К. Пекарскому, В.М. Ионову.

В письме Н.Е. Афанасьеву от 31 декабря 1916 г. В.М. Ионов пишет о получении денег («250-300 рублей»), присланных ему якутянами, и о своих чувствах после получения этих денег: «... когда я получил переведенные по телеграфу деньги, я почувствовал себя виноватым. Я решил послать букварь (заметьте: букварь, а не учебник) в том виде, в каком он есть. Но тут возникло новое затруднение. Я знаю два случая пропажи посланного: пропала рукопись и важная корректура. Надо, значит, переписывать. Но у Братика военный строй (часто приходит домой в 6 час), а, кроме того, ему приходится ходить по лавкам, стоять в хвосте. Сестрёнка тоже занята своими уроками, да, кроме того, помогает матери. Кое-как с этим справились, но сам ещё не успел проштудировать и проверить сделанного; пусть идёт в таком виде, – сделаю это после. К этому побудило меня Ваше письмо, по прочтении которого я почувствовал себя вдвойне виновным. Оправданием, до некоторой степени, может служить то обстоятельство, что Вы и сами не предвидели возможности провести букварь при обсуждении земской сметы. Что касается самого букваря, то над ним ещё придётся поработать. Скоро я приступаю к приготовлению к печати текста загадок и пословиц. Думаю воспользоваться случаем и выбрать несколько загадок и пословиц для пополнения материала для чтения. Это, конечно, несколько не изменит характера букваря. Некоторые уроки нужно будет пополнить. Это тоже будет сделано, но об этом нужно предупредить при сдаче букваря на рассмотрение.

Деньги, как я уже упомянул, я получил. Этот вопрос более всего смущал и смущает меня. Я совершенно не могу оценить этой работы и не могу быть уверенным, что я не содрал. Вы, вероятно, помните, что я упорно уклонялся от разговоров о гонораре. У меня была тайная надежда, что я, авось, смогу обойтись без гонорара, но я боялся говорить об этом. Тут приходится иногда очень туго, дыр всяких много, и раз попадут деньги в руки, то и заткнёшь ими дыру, а не попадут – гляди, обойдёшься как-то без них. *Присылка денег не огорчила, не обрадовала меня, а как-то пришибла: почувствовал обидную зависимость от таких вещей, и самый вопрос о букваре сразу окрасился в какой-то другой цвет* (курсив мой. – Н.Е.)» [Там же, с. 267].

В этом же письме Ионов пишет об иллюстрациях букваря, а также об азбуке, материалах для чтения: «Относительно картин мне обещали переговорить с художником Карриком; кроме того, я говорил с Дудиным, художником Музея Антропологии и Этнографии, – он мог бы изготовить рисунки предметов якутского обихода, имеющихся в Музее. Теперь было бы желательно переговорить с отцом Михаилом Охлопковым, не даст ли он несколько простых рассказов из библейской истории. Он удобен тем, что скорее другого согласится на редакционные исправления. Что касается образцов письма, то вопрос о них будет при издании букваря. Рукописный текст должен повторять часть печатного текста. Вопрос в выборе букв.

Нужно, полагаю, прямо взглянуть в глаза факту. Ведь ни одна азбука, ни одна пропись не учит писать **j, l, s, f, sa** и т. п., а мы всё-таки так пишем. В каждом письме есть условность и это надо сказать прямо. < ... > К букварю необходимо приложить вступительные заметки для учителя. Об этом тоже следует предупредить при сдаче букваря на просмотр. Практические заметки ничего особенного заключать в себе не будут, а потому никаких сомнений возбудить не могут. Если рисунков не удастся сделать, можно пользоваться картинками из Павленкова, Волтнера, Григорьева. Можно будет заказать у Сытина картинки к Священной истории, – у него хороший подбор; постараюсь выслать Вам. Для материала по чтению я воспользовался рассказами, присланными мне из Якутска. Расположение материала может быть изменено, но это лучше сделать после, когда мне удастся добыть (на что я надеюсь) более лёгкий материал» [Там же, с. 267-268].

Выводы.

Как видно из воспоминаний и материалов переписки Н.Е. Афанасьева, в Якутске с 1913 г. им проводилась большая работа по составлению якутского букваря. Николай Егорович сначала обратился к местным учителям составить букварь, но получил от них отказ. Тогда он обратился с данной просьбой к В.М. Ионову, который дал свое согласие. Переписка Афанасьева с Ионовым показывает, как Всеволод Михайлович ответственно и преданно относился к делу создания якутской письменности. Принцип правописания С.А. Новгородова «пиши, как говоришь», положенный в основу якутского букваря, берет свое начало в работах дореволюционных исследователей якутского языка, которые стремились объективно записывать якутскую речь. В качестве наиболее подходящей транскрипции для якутского букваря В.М. Ионов считал академическую (бетлинговскую), которая дает возможность точно передавать в письменной форме якутскую речь.

С.А. Новгородов при создании своей транскрипции основывался не только на принципах Международной фонетической транскрипции, но и на теоретических и практических изысканиях своих предшественников – О.Н. Бетлингга, С.В. Ястремского, Э.К. Пекарского, В.М. Иконова и др. Структура и содержание букваря и хрестоматии С.А. Новгородова (1923) представляют собой дальнейшее развитие и усовершенствование педагогических и методических идей и опытов В.М. Иконова.

Первый якутский букварь, который заложил основу якутской массовой письменности, был создан в результате единения таких интеллектуалов Якутии, как В.М. Ионов, Н.Е. Афанасьев, С.А. Новгородов и др.

Литература

1. Афанасьев Николай Егорович / [сост.: Д.Ф. Наумов, Н. Н. Ефремов; отв. ред. к.ист.н. П.П. Петров]. – Якутск: Бичик, 2011. – 336 с. – (Ими гордится Якутия).

Примечания

¹ Эверстов Иван Николаевич (?–1927) – интеллигент-якут, сын купца 1-й гильдии Н.Д. Эверстова, директор Якутского городского общественного банка Н.Д. Эверстова (1911–1917 гг.), содержал частную школу, голова г. Якутска (1917 г.), эсер.

² Никифоров Василий Васильевич (1866–1928) – видный общественный и государственный деятель Якутии. В 1917–1919 гг. – председатель Якутской областной земской управы. Он всегда выступал за распространение грамотности среди якутского населения на родном языке.

³ Сабунаев Михаил Васильевич (1855–1922) – политссылный, эсер, практикующий врач, видный общественный деятель Якутии.

⁴ Семенов Алексей Алексеевич (1882–1938) – общественный деятель Якутии, заведующий Якутским отделением торговой фирмы «Каковин и Басов» (до 1915 г.). Занимался разработкой Эндыбальского серебряно-свинцового месторождения (1916–1922 гг.). Нарком финансов ЯАССР (1923 г.).

⁵ Смолев – политссылный, в период ссылки вольнонаемный.

⁶ Егасов Ельпидифор Михайлович – учитель, общественный деятель Якутии, впоследствии член Якутской областной земской управы. Расстрелян большевиками в 1921 г.

⁷ Приютов Василий Петрович – политссылный, позднее ставший предпринимателем. Основал кинотеатр и фотомастерскую в Якутске. После национализации предприятия выехал в центральную Россию.

⁸ Сахарова Александра Александровна – учительница, воспитанница Якутской женской прогимназии, проработала с 1892 г. в течение нескольких лет в церковно-приходской школе в Амге; с февраля 1895 г. она стала проводить т.н. «воскресные беседы» с целью развития кругозора детей и ознакомления их с окружающим миром. В 1925 г. она вошла в состав методического совета, руководимого С.Н. Донским-И. Вместе с Н.Е. Афанасьевым, М.И. Ковыниным и другими она занималась организацией всеобщего, ликвидацией неграмотности, коренизацией учебных заведений и разработкой программы сельских школ 1-й ступени.

⁹ Порядин Афанасий Семенович (1870(?5) – 1956) – собиратель якутского фольклора, учился в г. Якутске в миссионерской школе, наследный писарь, выборный голова Мегинского улуса.

¹⁰ Панкратов Василий Семенович (1864–1925) – народоволец, находился в заточении Шлиссельбургской крепости, дважды побывал в ссылке в Якутии.

¹¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – российский востоковед, один из основателей русской индологической школы, академик РАН, непреходящий секретарь Академии наук в 1904–1929 годах, министр народного просвещения Временного правительства (1917).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.А. НОВГОРОВОДА В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ ЯКУТИИ В 1920-Е ГГ.

Л.Е. Винокурова,
ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

В ночь с 14 на 15 декабря 1919 г. в г. Якутске произошел переворот, вызванный падением правительства адмирала Колчака по всей Сибири. 15 декабря на собрании активных участников восстания был избран Якутский военно-революционный штаб Красной Армии. Основной задачей штаба было укрепление диктатуры пролетариата и ликвидация контрреволюции. В рассматриваемое время Семен Андреевич Новгородов откликнулся декларацией якутской трудовой интеллигенции: «представители якутской трудовой интеллигенции, настоящей своей декларацией изъявляем свое признание существующей с 15 сего декабря советской власти... мы

мыслим новую советскую власть как коалицию всех живых сил страны против контрреволюции» [6, с. 13].

15 марта 1920 г. заседание Якутского военно-революционного штаба постановило: согласно телеграмме уполномоченного Сибревкома по Якутской губернии М.К. Аммосова, распустить штаб и назначить вместо него временный губернский революционный комитет, задачей которого было установление революционного порядка и органов советской власти [8, с. 26].

С первых дней восстановления советской власти в Якутии Семен Андреевич активно включился в творческую работу. В апреле 1920 г. был создан подотдел исследования Якутской губернии при школьном коллективе с задачей систематического и всестороннего изучения края. Заведующим подотделом был назначен К.В. Ксенофонтов. Подотдел имел секции: этнографическую, историческую (заведующий Г.А. Попов), археологическую (Е.Д. Стрелов), геологическую (П.А. Харитонов), лингвистическую (С.А. Новгородов). Под его руководством секция собрала и отчасти обработала материал лингвистического и историко-фольклорного характера, относящийся, главным образом, к жизни древних якутов и выражающийся записями якутских родословий и преданий о древней жизни [5, с. 88].

Вокруг подотдела научного исследования губернского народного образования, возглавляемого С.А. Новгородовым, объединились энтузиасты-краеведы. Подотдел обследовал залежи железной руды на реках Ботоме и Лютенге, изучал бюджет типичных якутских хозяйств, составлял учебники на якутском языке, собирал материалы по истории, языку, фольклору и верованиям якутов, провел упорядочение архивного дела и т.д. В течение существования подотдела исследований Якутской губернии сменилось несколько заведующих. После К.В. Ксенофонтова был назначен М.И. Ковынин, который затем осенью 1920 г. уехал в Колымск для организации филиала подотдела исследований в Колымском крае. Вместо него заступил С.А. Новгородов, который заведовал подотделом до своей командировки в Читу для наблюдения за отлитием особого якутского шрифта и печатания «Якутской хрестоматии» (не ранее 1 января 1922 г. в «Отчете губернского отдела народного образования за период с 10 июня 1920 г. по 1 января 1922 врио. зав. губоно С. Гоголев писал, что в данное время Новгородов находится в Москве). С 1 марта 1922 г. подотдел был закрыт [5, с. 89].

Заведующий лингвистической секцией подотдела исследования Якутской губернии, участник научной экспедиции в восточные улусы, лектор на агитационно-политических и педагогических курсах, председатель Комиссии по составлению учебников на якутском языке – таков неполный перечень разносторонней и неутомимой деятельности С.А. Новгородова [4, с. 57].

Научная деятельность подотдела состояла, главным образом, в обработке добытых во время летних командировок материалов, подготовке их к напечатанию в «Известиях», но срочная командировка заведующего подотдела С.А. Новгородова в г. Читу несколько нарушила установленный порядок работ. Семен Андреевич был командирован для наблюдения за отлитием особого якутского шрифта и печатания «Якутской хрестоматии». Перед отделом встал вопрос о том, каким образом использовать эту командировку с наибольшей пользой для подотдела. Посылка некоторых материалов в Читу для изготовления с них клише для будущих «Известий» отчасти задерживается из-за того, что археологическая секция не окончила обра-

ботку своих материалов, отчасти же из опасения, что материалы рискованно посылать в подлинниках ввиду возможности их утраты, на изготовление же копий и фотографий недостаточно времени. Было поручено С.А. Новгородову установить связь с некоторыми учеными, учреждениями и лицами, информировать их о положении дел и научной работе подотдела [1, с. 70].

В 1921 г. в Петрограде он вступил в ряды коммунистической партии. В рассматриваемое время вместе с Э.К. Пекарским и другими лицами С.А. Новгородов был приглашен в качестве консультанта Якутского отдела Наркомнаца. Наркомнац входил в число первых народных комиссариатов, образованных в соответствии с «Декретом об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятым II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 г. для осуществления национальной политики Советской Республики. Деятельность наркомата распространялась на территорию РСФСР и на все национальные окраины бывшей Российской империи.

С 23 по 28 декабря 1921 г. Семен Андреевич принимал участие в работе IX Всероссийского съезда Советов как делегат, избранный Якутским губернским съездом ревкомов [4, с. 58].

22 января 1922 г. на заседании пленума Якутского губбюро был заслушан вопрос «Об автономии Якутии». Ее участники отметили, что Наркомнац и Сибцентр были за осуществление автономной области. Чуть позже Коллегия Наркомнаца, пересмотрев вопрос, склонилась к решению о создании автономной республики. Члены губбюро предложили ввести в члены делегации С.А. Новгородова и Олесова как постоянных представителей Якутии [1, с. 280].

2 февраля 1922 г. П.А. Ойунский (председатель губревкома) телеграфировал в ЦК РКП (б), в Наркомнац, что представителями во ВЦИК от Якутской губернии будут назначены М.К. Аммосов и С.А. Новгородов [1, с. 282; 9, с. 143].

В том же году Семен Андреевич был в составе Комиссии «По определению границ новой автономной республики» и выработке «Положения о Якутской АССР». С.А. Новгородов как член комиссии принимал активное участие в заседаниях «О проекте положения о ЯАССР». Так, 10 марта 1922 г. члены Комиссии приняли решение: отредактировать примечание 2 ст. 4: В силу отдаленности Якутии и крайне тяжелых условий борьбы за существование в полярной и приполярной полосе население ЯАССР призывается на военную службу лишь для внутренней охраны республики; ввести примечание к ст. 7: часть Ленского речного флота, переходящего в распоряжение ЯАССР, определяется по соглашению ЯАССР, НКПС, ВСНХ; конец ст. 2 отредактировать: все острова, находящиеся в северном ледовитом океане между меридианами 84* и 140* восточной долготы, считая от Пулкова, входят в пределы республики; ввести примечание к ст. 2: во-первых, детализация границ между ЯАССР и Иркутской губернией (по району Витимского золотопромышленного округа) будет произведена по соглашению ЯАССР и Сибревкома и утверждена ВЦИК; во-вторых, установление форм хозяйственного управления Витимского золотопромышленного района разрешается путем соглашения между хозяйственными органами РСФСР и ЯАССР [8, с. 86].

12 марта 1922 г. И.Н. Барахов (секретарь Якутского губбюро) на заседании пленума Якутского губбюро озвучил телеграфное сообщение из Москвы: «Комиссия в составе [М.К.] Аммосова К.О. Гаврильева, С.А. Новгородова в целях упрощения административного аппарата республики, избежания громадных затрат финансо-

вых средств и интеллигентных сил на содержание уездов, устранения волокиты предлагает четырёхступенную систему административного деления Якутской республики заменить трёхступенчатой [1, с. 285; 3, с. 58-59].

27 апреля 1922 г. Президиум ВЦИК принял подробное постановление об образовании Якутской АССР как федеративной части РСФСР. 1 мая Якутский ревком образовал правительство ЯАССР – Совет Народных Комиссаров. В 1922 г. в Якутске был выпущен составленный под руководством С.А. Новгородова якутский букварь «Бастаанны сурук-бичик». В том же году постановлением Совета Народных Комиссаров Якутской АССР в школах республики был введен якутский язык.

В 1923 г. благодаря активной деятельности С.А. Новгородова в Петрограде были отлиты новые якутские шрифты по его алфавиту. В том же году вышел в Петрограде якутский букварь – «Сурук бичик» и книга для чтения – «Ааҕар кинигэ». Несколько тысяч экземпляров новых якутских учебников, поступивших из Петрограда уже в 1923–1924 гг., были распределены по школам республики. В пределах республики якутский язык стал общеупотребительным языком в официальных отношениях и делопроизводстве наравне с русским. В улусах и наслегах появились также пункты и школы по ликвидации неграмотности (школы ликбеза). Якутский язык наравне с русским стал общеупотребительным языком на собраниях, конференциях, съездах и в делопроизводстве [2, с. 147].

Таким образом, широкое использование родного языка стало одним из важнейших и действенных средств осуществления задач культурной революции.

Семен Андреевич скончался в расцвете творческих сил – 28 февраля 1924 г. В некрологе «Известий ВЦИК», посвященном его памяти, говорилось: «В лице недавно скончавшегося якута Семена Андреевича Новгородова якутский народ понес крупнейшую утрату. С.А. Новгородов был молодой якутский ученый-лингвист. Счастливо сочетавший в себе стремление к научной работе с умением быть практически полезным своему народу. ... Казалось, что якуты нашли себя в лице [С.А.] Новгородова для того, чтобы своими силами завершить огромное дело утверждения фундамента якутской литературы – национальную письменность» [7, с. 16].

Литература

1. Борьба за установление и упрочение советской власти в Якутии. Сб. док. и мат. Ч. II. Кн. 1. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – 407с.
2. Гоголев З.В. Восстановление народного хозяйства Якутской АССР (1923–1925 гг.) // Очерки по истории советского периода. – Якутск: Кн. изд-во, 1957. – С. 145-152.
3. Исидор Никифорович Барахов. Ч. 2. Сб. арх. док. / Нац. архив Респ. Саха (Якутия); [сост. Н.Н. Малышева, Э.М. Яковлев, Т.М. Севостьянова и др]. – Якутск: Бичик, 2013. – 368с.
4. Коркина Е.И. Семен Андреевич Новгородов. Жизнь и судьба // Илин. – 1992. – С. 54-58.
5. Культурная революция в Якутии (1917–1937 гг.). Сб. док. и мат. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1968. – 612 с.
6. Новгородов С.А. Во имя просвещения родного народа. – Якутск: Кн. изд-во, 1991. – 232 с.
7. Новгородов С.А. Первые шаги якутской письменности. Статьи и письма. – М.: Изд-во Наука, 177. – 272 с.
8. Образование Якутской АССР (1917–1923 гг.). Сб. док. и мат. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 208 с.
9. Платон Алексеевич Ойунский. Жизнь и деятельность: сб. арх. док. – Якутск: Бичик, 2015. – 448 с.

ВКЛАД С.А. НОВГОРОВОДА В ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ ЯКУТСКОГО НАРОДА

С.Е. Никитина,
ИГиЛПМНС СО РАН, г. Якутск

Якутский губревком, признавая заслуги и творческий потенциал С.А. Новгорода, назначил его заведующим лингвистической секции отдела народного образования губревкома. Как писал П.А. Ойунский, еще в начале Февральской революции С.А. Новгородов выступил с пропагандой разработанного им нового якутского алфавита [5, с. 12]. В Якутском клубе при культурно-просветительном обществе «Саха аймах» («Якутское племя») он часто выступал с популяризацией своей новой транскрипции, стремясь заинтересовать ею интеллигенцию. О своем проекте якутской транскрипции С.А. Новгородов докладывал на 1-ом Крестьянском съезде якутов и русских крестьян трех округов Якутской области, проходившем в марте-апреле 1917 г. Съезд постановил напечатать букварь В.М. Ионова или какой-нибудь другой по новгородовской транскрипции и выделил 1500 руб. на издание первого букваря на якутском языке.

Известно, что в конце 1916 г. В.М. Ионов выслал рукопись букваря в Якутск с пометкой о необходимости ее доработки [7, лл. 3, 21, 27, 32]. Работу над рукописью букваря продолжили С.А. Новгородов, который «по своему обыкновению повел дело горячо, напряженно» с Н.Е. Афанасьевым. Как писал Н.Е. Афанасьев, «бесплатно, по вечерам почти ежедневно» [1, лл. 6–7]. Хрестоматийной части в рукописи не было, она содержала только букварный материал. 4 сентября 1917 г. в Якутске вышел из печати первый якутский букварь «Сахалы сурук-бичик», составленный В.М. Ионовым, измененный и дополненный С.А. Новгородовым, при ближайшем участии Н.Е. Афанасьева. Тираж букваря – 4000 экземпляров. По техническим причинам букварь не имел иллюстраций. Выход первой национальной азбуки явился большим культурно-историческим событием в жизни почти поголовно неграмотного народа. Издание якутского букваря фонетической (латинской) транскрипции послужило первым практическим опытом для ряда народов Сибири и Востока страны перехода от арабской и других сложных письменностей к латинизированной, явившейся переходным этапом к русскому алфавиту.

Букварь представлял первую печатную книгу, которая знакомила якутских детей с литературой и фольклором, с научно-познавательными рассказами о природе на родном языке [6]. В букваре напечатаны широко известные сказки, рассказы и басни, такие как «Скупец», «Заранее не надейся», «Хвастливая лягушка», детские песни А.И. Софронова, очерки о животных и т.д., вошли пословицы и поговорки. Первый якутский букварь при всех своих недостатках положил начало преподаванию родного языка в школах. Весь тираж поступил в распоряжение земства и был распределен между Якутском и округами, соответственно количеству школ, с сохранением некоторого запаса в расчете на возможность распределения букваря для обучения взрослого населения. В Вилюйском округе, едва он туда поступил, по инициативе самого учительства якутский язык был тогда же введен во всех классах

начальной школы. В Якутском и Олекминском округах лишь немногие из учителей сразу ввели якутский букварь. В Якутске по букварю занимались в учительской семинарии и в школе грамоты при обществе «Саха аймах».

В 1920 г. в Якутии работало 23 школы для взрослых, в том числе в Якутске – 4, в русских селениях – Табаге, Исите, Синске, Саньяхтахе, Мархе, Павловске, Ново-Николаевске, Амге – 8, и в якутских улусах – Ботурусском, Борогонском, Дюпсинском, Восточно-Кангаласском, Западно-Кангаласском – 11 [8, л. 25]. Председатель Якутского губревкома Х.А. Гладунов телеграфировал уполномоченному по организации Советской власти при Сибревке М.К. Аммосову о крайне тяжелом положении народного образования в области и «нуждах для поднятия учебного дела и правильной его постановки». С 17 июня по 8 июля 1920 г. с охватом 116 чел. работали курсы для работников органов народного образования, где С.А. Новгородов прочитал лекции по теме «Якутская транскрипция». Состоявшийся 7 октября 1921 г. I съезд уездных и волостных ревкомов Якутской губернии принял Постановление «О народном образовании и политическом воспитании масс», где вопрос о приобщении якутской бедноты и трудового крестьянства к свету знания и пролетарской культуре провозглашен ударной задачей рабоче-крестьянской власти [9, л. 29].

9-12 июня 1923 г. состоялось IV совещание ЦК РКП (б) с руководством национальных республик и областей, где на основе резолюции XII съезда РКП (б) по национальному вопросу были определены основные направления работы по вовлечению трудового населения национальных территорий в партийное, профессиональное и советское строительство для укрепления советской власти. Были предложены следующие меры: постепенный переход делопроизводства на язык местного населения и знание языка ответственными работниками; подъем культуры местного населения путем организации работы клубов и других культурно-просветительских учреждений; расширение сети учебных заведений и создание рабфаков с обучением на местных языках, привлечение к работе в школе учителей местного происхождения; создание сети обществ по распространению грамотности; постановка издательского дела, создание специального фонда при ЦК РКП (б) по финансированию республик и т.д. [3, с. 73].

Изданный в 1917 г. якутский букварь весь разошелся. Весною 1920 г. при подготовке исследования Якутской губернии, входившем в состав губернского отдела народного образования, была образована комиссия по составлению учебников на якутском языке. Эта комиссия под председательством С.А. Новгородова работала над составлением начальной книжки для чтения и букваря, положив в его основу якутский букварь 1917 г. и рукопись В.М. Ионова. Собирали и учитывали критические замечания учителей, общественности на ранее вышедший букварь.

Издание его в Якутске сопровождалось многочисленными техническими трудностями, так как здесь имелся только латинский шрифт. С.А. Новгородов по поручению Уполсибревкома занимался вопросом заказа в центре типографских шрифтов [11, л. 11]. 20 августа 1922 г. в Петрограде были отлиты якутские шрифты и отправлены через Иркутск в Якутск [10, л. 15]. Букварь был назван «Бастаангы сурук-бичик», потому что его основной текст, примеры и материалы для чтения и порядок прохождения звуков были совершенно иными, чем в букваре 1917 г. [2]. Из первого букваря были заимствованы сведения по арифметике и о делении якутских звуков.

В 1923 г. в Петрограде вышли из печати якутский букварь «Сурук-бичик» с книжкой для детского чтения «Ааҕар кинигэ». Учебник был издан Государственным издательством РСФСР и отпечатан в Российской государственной академической типографии тиражом в 5000 экземпляров. Учебник отличался от предыдущего букваря не только лучшим полиграфическим оформлением (хорошая бумага, многочисленные иллюстрации), но и по содержанию. В книжку для чтения вошли 74 произведения для детей, из них 27 переводных с русского. В хрестоматии были представлены произведения якутских писателей: подготовленные С.А. Новгородовым тексты «Песня о лете», «Призывание Байаная» и «Песня юнкую», сведения из этнографии, астрономии, геологии и географии. Много внимания было уделено пропаганде медицинских знаний и организации культурного быта населения. В разделе истории помещено 5 статей С.А. Новгородова по истории Якутии. Гипотеза С.А. Новгородова о происхождении якутов от лесных уранхайцев интересна, как одна из многих оригинальных гипотез о далеких предках якутов, для обоснования ее автор привел данные из истории и этнографии якутов, например, о хоролорах и др. Статья «Размножение и расселение якутов» написана на основе якутских исторических преданий, на материале П. Готовцева. Другие статьи посвящены верованиям якутов, описанию их вооружения в старину и истории первых лет прибытия русских на Лену, материалами послужили труды академика В.В. Радлова, академика И.Э. Фишера, С. Патканова.

А.Е. Кулаковский, который высоко оценил вклад С.А. Новгородова в будущее процветание родного народа, отметил идейно-политическое значение разработки алфавита С.А. Новгородова для формирования национальной письменности, всеобщей грамотности народов Якутии. Дальше развивая якутскую письменность, обосновывая свое мнение вековой исторической связью с русским народом, А.Е. Кулаковский предложил якутский алфавит на основе русской графической системы [4]. С.А. Новгородов, будучи у истоков формирования якутской письменности, создал якутский алфавит, подготовил первые учебные пособия, организовал систему преподавания на родном языке для детей и ликвидации неграмотности взрослых, участвовал в подготовке учительских кадров, заложил научные представления о языке и истории народа саха.

Литература

1. *Афанасьев Н.Е.* Как мы составляли учебники и пособия... // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 237. Оп. 40. Д. 7.
2. *Бастаангы сурук-бичик (Якутский букварь) / Сост. С.А. Новгородов, Н.Е. Афанасьев, П.А. Слепцов.* – Якутск, 1922. – 32 с.
3. *Винокурова Л.Е.* М.К. Аммосов и общественно-политические события в Якутии. – Якутск, 2012.
4. *Кулаковский А.Е.* Статьи и материалы по якутскому языку. – Якутск, 1946.
5. *Ойунский П.А.* Якутский язык и пути его развития // Русско-якутский терминологический словарь. – М., 1935. – С. 5-102.
6. *Сахалыы сурук-бичик (якутский букварь).* – Якутск, 1917. – 46 с.
7. НА РС(Я). Ф. 55. Оп. 1. Д.18.
8. Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д.81.
9. Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 275.
10. Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 394.
11. Там же. Ф. 578. Оп. 1. Д. 1.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ: 1920-1930 гг. XX в.

Л.Б. Степанова,
ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

Жанры экспедиционного изобразительного искусства и «этнографической фотографии» представляют собой весьма интересный объект изучения в качестве визуальных текстов по истории Якутии и традиционной жизнедеятельности населения. На перспективы изучения исторической фотографии и этнографического рисунка в качестве документальных источников, в 1960-е гг. обратила внимание специалистов Н.Ф. Прыткова [10, с. 209–222.]. За последние годы появился ряд музейных исследований посвященных изучению экспедиционного изобразительного искусства и так называемой «наивной» живописи самодеятельных художников 1920-1930-х годов, атрибуции и классификации фотографических коллекций [1, 2]. Первые методологические принципы по изучению фотоколлекции были разработаны сотрудниками Российского этнографического музея А.А. Чувьоровым и А.С. Морозовой, сотрудниками МАЭ РАН (Кунсткамера) А.М. Решетовым и В.А. Прищеповой. В процессе анализа фотографий они приходят к изучению визуального творчества отдельно взятого фотографа [7, 8, 4, 12, 14].

В настоящее время методы визуальных исследований пользуются все большей популярностью у социологов, антропологов, этнографов, культурологов и искусствоведов, т.к. позволяют не только запечатлеть современное состояние реальности с последующей его рефлексией, но и окунуться в мир интерпретаций и разгадок того, что безвозвратно ушло в прошлое. Эмпирическое и монографическое изучение массива экспедиционных рисунков и этнографической фотографии в русле проблемного поля интеллектуальной культуры и визуальных исследований позволит выделить следующие задачи будущих исследований:

Изучение биографики и визуального творчества экспедиционных фотографов, художников, а также их коллекторов в этническом и социальном срезе (А.В. Овчинников, А.А. Попов, А.А. Шишов, В.В. Шаравин, П.М. Дикой, Б.И. Лебединский, М.М. Носов, И.В. Попов, Н.А. Андреев, Н.Д. Травин, А.П. Носков, В.М. Чукардина, В.П. Приютов, Д.Д. Травин, П.Г. Борисов, М.К. Расцветаев, Н.П. Вагнер).

Оценка личной инициативы и степени принадлежности отдельно взятого экспедиционного художника и фотографа, по отношению к изучаемой культуре, анализ собирательских программ и инструкций научных экспедиций в части отбора объектов для визуальной фиксации позволит всесторонне рассмотреть реализацию поставленных задач. Это позволит привнести новые черты в общую характеристику процесса музейно-этнографического собирательства на территории Якутии.

Разработать методологию классификации этнографических фотографий.

Выделить в общем массиве материалов, уникальные образцы уже утраченных предметов, иллюстрирующих культуру народов Якутии, а также локальных особенностей традиционной повседневности.

Синтез междисциплинарного подхода и системного анализа экспедиционных рисунков и фотографий как явлений визуальной культуры своего времени, позволит их более широко интерпретировать, включая оценку ценностных ориентиров эпохи до истории их дальнейшего бытования. Видовые и жанровые изображения этнографического характера могут рассматриваться в качестве выражения идей профессиональной культуры с характерными для нее идеями, мыслительным инструментарием и коммуникативными практиками интеллектуальных сообществ и научных школ, разработавшей практическое применение визуальных методов исследования в социологии и антропологии «примитивных» народов, изучения культуры и образа жизни различных сообществ в этническом и в социальном отношении: его обычаев, обрядов, празднеств, игр, развлечений и промыслов [11, с.137].

Предварительный анализ массива видовых и жанровых изображений экспедиционных фотографов и художников, который велся в 1920 – 1930-е гг. показал, что во многом они основывались на собирательских программах середины XIX – первой трети XX вв., которые распространяли научно-исследовательские общества как ОЛЕА, ИРГО и ВСОРГО. Так, например, программа Э.К. Пекарского и И.И. Майнова, разработанная для участников Сибиряковской экспедиции в 1894 г. стала основой, на которой впоследствии якутские этнографы и живописцы И.В. Попов и М.М. Носов вели фиксацию орнаментального искусства и этнографической повседневности в фотографиях.

И.В. Попов изучал культурные традиции во всем комплексе их проявлений. Художественные формы рассматривались им в контексте сельской жизни якутов с их обрядами, обычаями и верованиями. Выполненные им в технике акварели этнографические рисунки отличаются изящным стилем, пропорциональностью, строгостью достоверности и лаконичностью передачи в мельчайших деталях. Художественная направленность И.В. Попова также сумела раскрыться и в его фотоработах, их отличает особая изобретательность и неожиданность композиционного решения. Его фотоработы находят много общего с программой сбора этнографических предметов, составленной в 1902 г. группой сотрудников Этнографического Отдела Русского Музея под руководством заведующего Д.А. Клеменца, с подробным перечислением конкретных объектов фотофиксации [9].

М.М. Носов в своем творчестве сделал упор на искусство рисуночной фиксации народного орнамента. Он считал, что независимо от способа фиксации (фотографирование, зарисовка) необходимо воспроизвести предмет с разных ракурсов с отдельной прорисовкой мелких деталей предмета с соблюдением соразмерности [5, л. 2]. Этнографические зарисовки и живописные полотна М.М. Носова и И.В. Попова могут быть введены в научный оборот в качестве ценного источника по изучению якутского орнамента, народного декоративно-прикладного искусства, архитектуры малых форм родовых кладбищ, древних погребальных комплексов и предметного мира культовых атрибутов шаманизма, многие явления из которых ныне утрачены и не представлены в собрании музеев РС(Я).

Получившая широкое распространение в 1920-1930-е гг. фотография из салонной городской среды была поставлена на освоение нетрадиционных для данного вида искусства территорий, переместившись в разряд необходимого инструментария полевых исследований. Большое количество фотоиллюстративного материала было собрано в ходе работы Комплексной Якутской экспедиции по изучению про-

изводительных сил ЯАССР в 1920-1930-е гг. по заказу СНК ЯАССР. Практически все этнографические и собирательские программы, разработанные КЯР для этнографического изучения ЯАССР, содержат пункты по сбору и фотофиксации объектов исследования. Например, программа Д.Д. Травина по исследованию Верхоянского округа содержала следующие объекты визуальной фиксации: образцы жилищ, одежды, утвари, промысловых орудий и предметов культа; фотографии народов, проживающих на территории ЯАССР – русских, якутов, ламутов и юкагиров, фотографии пород местных лошадей, быков, коров, оленей и ездовых собак; транспорта (нарты, лодки, ветки); виды конской, оленьей и собачьей упряжи; характерные бытовые сцены (ЯГОМиКНС им. Ем. Ярославского, фотоматериалы Верхоянской экспедиции Д.Д. и Н.Д. Травиных, фф. 2718-2773; КП 5046-5060). За процесс рисуночного и фотодокументирования отвечал художник Н.Д. Травин (МАЭ РАН, кол. 4411, 4412, 4413, И. 1755; ЯГОМиКНС им. Ем. Ярославского – 13 Г, 11 Ж) графические и живописные работы Н.Д. Травина, выполненные в ходе Верхоянской экспедиции 1928 г. и экспедиции 1931 г.; НХМ РС(Я) – 3Г, 1 Ж).

В этнографическом отряде И.П. Сойкконена работали художники П.М. Дикой и И.В. Попов. В программу исследований Хатанго-Анабарского этнографо-экономического отряда АН СССР под руководством П.В. Слепцова также входили задачи по зарисовке и фотографированию образцов жилищ, одежды, утвари, промысловых орудий и предметов культа [6, л. 219–224]. Тщательную фотофиксацию вел начальник Ленского ихтиологического отряда КЯР, доктор биологических наук, профессор П.Г. Борисов. Его отряд в 1925-1929 гг. в составе П.А. Дрягина и Н.П. Вагнера был единственным, который пересек всю Якутию с юга на север, впоследствии сосредоточив свои исследования за Полярным кругом. За время своей работы отряд даже собрал этнографическую коллекцию для МАЭ РАН (кол. 4415). В 1926–1928 гг. в составе экспедиции КЯР В.Н. Васильев обследовал районы центральной и северной Якутии до Охотского побережья, а также Алдано-Майский улус. Результатом этих поездок явился сбор колоссального этнографического материала, характеризующего традиционную культуру населения этих территорий. Собранные им фотоиллюстративные и этнографические коллекции хранятся в составе музейных собраний (РЭМ – кол. 3001, 5015; МАЭ РАН – кол. 1071, 1097, 1098, 1099, 1100, 1085; ЯГОМиКНС им. Ем. Ярославского – кол. Я/2649). В 1920–1930-е гг. собрание МАЭ пополнилось этнографическими зарисовками А.А. Попова, выполненными им в ходе исследования Вилюйского округа ЯАССР в 1920 г. (МАЭ РАН, кол. И 3873), а также иллюстративным материалом художника А.А. Шишова, работавшего в составе экспедиции организованной Центральным музеем народоведения (г. Москва) под руководством С.А. Токарева в ЯАССР в 1934 г. (МАЭ РАН, кол. И 1755, передача из ЦМН СССР). Также весьма интересны этнографические зарисовки П.В. Слепцова, выполненные им в ходе работы Хатанго-Анабарского этнографо-экономического отряда КЯР. Его материалы по этнографии, истории, фольклору якутов и тунгусов были снабжены альбомом орнаментов.

На протяжении конца XIX – первой трети XX вв. мы наблюдаем трансформацию научно-исследовательской стратегии. Из программ, разработанных в 1920-1930-е гг., безусловно, необходимо отметить программу В.Г. Богораз-Тан, содержащую подробные указания по выбору сюжета, его обработке и выделению его основных свойств. При этом он характеризует этнографический рисунок, как излишне

личный, ввиду того, что, на его взгляд, рисовальщик часто полуинстинктивно вносил много своего, в отличие от этнографической фотографии, которая на его взгляд отличалась организованностью процесса, где приемы фотографа-этнографа приближены к приемам киносъемки [3, л. 3-15]. Несколько иной характер имеет рекомендованная для производственных экспедиций музеев краеведческого профиля методика фотографирования объектов краеведческого изучения П. Тимофеева, разработанная в 1933г. В ней основной упор был сделан на подробный технический инструктаж по съемке различных объектов [11, с. 41-47.].

Таким образом, художественные произведения и фотографии, которые выполнялись в рамках определённой концепции, стали особым явлением в искусстве исследуемого периода, выстроив свои собственные отношения с социальной реальностью. А итогом инициированных научными обществами инициатив по комплексной визуальной фиксации традиционной повседневности изучаемых народов по всей территории страны стало оформление жанров «этнографическая фотография» и «этнографический рисунок», куда входит большой комплекс произведений разных видов искусств, объединенных временными параметрами и принадлежностью к этнографической науке. Участие иркутских и ленинградских художников 1920-1930-х гг. в экспедиционном исследовании Якутии ознаменовало собой начало пробуждения интереса якутского народа к искусству. Итогом стало открытие 8 ноября 1928 г. Якутской картинной галереи. Так, часть произведений экспедиционных художников КЯР А.В. Овчинникова, Н.Д. Травина, П.М. Дикого и Н.А. Андреева вошли в состав собрания Якутского краеведческого музея им. Ем. Ярославского. Художники изучали культуру народов Якутии, стремясь постичь суть их характера. Основная тематика произведений: пейзаж тундры, панорамные изображения северных населённых пунктов, фиксация уходящей природы, вытесняемой новым бытом.

Деятельность экспедиционных художников и фотографов, как явлений визуальной культуры своего времени, оказало влияние на распространение жанра пейзажной, бытовой и документальной фотографии, репортажного портрета, а также способствовало развитию творчества плеяды якутских художников Г.М. Туралысова, П.П. Романова и В.А. Кандинского, принимавших активное участие в экспедиционных исследованиях Якутского краеведческого музея им. Ем. Ярославского во второй половине 1930-х гг.

Литература

1. Каталог экспонатов из музеев учреждений и организаций РОСГИДРОМЕТА. Т. II. Живопись, графика. [Сост.: М. В. Дукальская, А. О. Андреев, Е.Л. Махоткина, Д.П. Беспалов, Е.И. Плешкова] / Российский гос. музей Арктики и Антарктики. – СПб., 2009. – 183 с. ил.
2. Колесник Л.М., Ковалева А.С. Художники и фотографы в СОРГО // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. – Вып. 11. – С. 4-13.
3. Макарьев С.А. Программа полевой этнографии (краткая сводка курса полевой этнографии читаной В.Г. Богоразом). 1927г. Ленинградский государственный университет // Архив МАЭ РАН (Кунсткамера). Ф. К-1. Оп. 8. Д. 3.
4. Морозова А.С. Туркмения в фотоколлекциях С.М. Дудина // Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен (Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана) / Отв. ред. Г.Е. Марков, А. Оразов. – Ашхабад, 1973. – С. 140-161.

5. Носов М.М. Краткие указания по сбору и фиксации народного орнамента. 1949 г. // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 9. Д. 11.

6. Переписка И.И. Майнова // Архив СПбФ РАН. Ф. 47. Оп.1. Д. 332.

Полевые финно-угорские исследования // Чувьуров А.А. К истории формирования фотоколлекций по народам коми в собрании РЭМ / [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komi.com/pole/publ/museum/2.asp> (дата обращения: 29.04.2007)

Прищепова В.А. Коллекции заговорили [История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870-1940)] / РАН РФ, МАЭ им Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. к.и.н. В.П. Курылев]. – СПб., МАЭ РАН, 2000. – 272 с.

Программа для собирания этнографических предметов. Издание ЭО Русского музея императора Александра III. – СПб., 1902. – 47 с.

Прыткова Н.Ф. Программа по изучению одежды народов Сибири // Одежда народов Сибири: Сб. ст. Музея антропологии и этнографии / [АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. С.В. Иванов]. – Л., 1970. – С. 209-222.

Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского Университета. История и филология. – 2014. – Вып.3. – С. 137

Решетов А.М. Фотографии в собраниях Этнографического музея // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических предметов. Сб. науч. тр. / Отв. ред. И.И. Шангина. – Л., 1987. – С. 70-71.

Тимофеев П. Методика фотографирования объектов краеведного изучения // Советское краеведение. – 1933. – № 10. – С. 41-47.

Чистов Ю.К., Павлинская Л.Р., Дьяченко В.И., Арзютов Д.В. Сибирь глазами этнографов начала XX в. Концепция проекта по визуальной антропологии // Радловские чтения 2005: Тезисы докладов / [Отв. ред. Ю.К.Чистов, Е.А.Михайлова]. – СПб., 2005. – С. 126–131.

М.К. АММОСОВ И НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Т.С. Ермолаев,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

*«Тот, кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое».
Джордж Оруэлл «1984»*

Один из последних общероссийских опросов, проведенных для изучения степени интереса граждан к истории своей страны, свидетельствует о снижении интереса к ней и росте безразличия к историческим событиям и эпохам¹. Это может быть результатом «усталости» от переоценок тех или иных периодов в отечественной истории и увеличением доли молодежи, у которой фиксируется незнание исторических событий. В своей статье я бы хотел перенестись в первую четверть про-

¹ Опрос проведен 2–6 марта 2017 года «Левада-центром» по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 48 регионов страны.

шлого столетия, с тем, чтобы напомнить некоторые исторические страницы в контексте национальных отношений. Справедливо критикуя советский политический режим, нельзя отрицать неоспоримые факты экономического и культурного подъема страны и ее народов, успехи в решении национального вопроса, особенно в 20-е годы прошлого столетия. Надо понимать, что эти успехи базировались на определенном теоретическом учении, которое называлось марксизм, и воплощалось в жизнь ее последователями, к которым и принадлежал один из инициаторов образования первой якутской государственности М.К. Аммосов. Он относился к тому поколению марксистов, которое отличалось оригинальностью мышления, творческим переосмыслением марксистского учения, умением вести реальную политическую работу с учетом региональной специфики и на основе научного анализа общественной жизни.

М.К. Аммосов считал национальный вопрос одним из самых сложных в развитии общества, требующих системного, комплексного подхода. При этом его действия в этой сфере отличались нестандартными подходами, диаметрально противоположными политике военного коммунизма и зарождающихся основ административно-командной системы. Можно с уверенностью назвать М.К. Аммосова первым советским геополитиком Якутии на основании его заявления о том, что ориентация на Советскую Россию – это «единственный путь, единственное спасение» для народа саха. В своей статье в газете «Жизнь национальностей» (№24 от 29 июня 1919 г.) он писал следующее: «200-тысячный якутский народ находится перед непосредственной опасностью вымирания. Невероятно тяжелые условия существования, отсутствие самых примитивных орудий земледелия, убожество и невежество масс, находящихся в кабале у кулаков и спекулянтов ...ведет к постепенному духовному и физическому падению народа... Нет дорог, нет тракторов, всякий товарообмен подрывается... Чудовищный процент детской смертности, царящие кругом безграмотность и невежество... Что же делать?.. Единственно приемлемая целесообразная ориентация для якутского народа – это ориентация на Советскую Россию. В этом единственный путь, единственное спасение. Трудящиеся якуты должны стать на этот путь» [1, с. 38]. Говоря об этом, он исходил не только из идеалов народной власти, но прежде всего из реального учета географических, экономических, демографических, культурных факторов дальнейшего развития Якутии.

М.К. Аммосову принадлежит решающая заслуга в предоставлении Якутии статуса автономной республики. Он прекрасно понимал, что национальный вопрос неразрывно связан с государственным строительством и поэтому приложил действительно колоссальные усилия для обоснования государственности якутского народа. Его докладные записки в адрес Сибревкома наполнены вескими научно обоснованными аргументами, базирующимися на доскональном знании ситуации и не оставляющими сомнений в объективности ее оценки. Перипетии этой борьбы весьма четко зафиксированы в трудах региональных историков [2; 3; 4], поэтому ограничусь лишь констатацией периодизации обретения первой государственности. Первая стадия (20 апреля – 21 августа 1920 г.) – преодоление административного решения Сибревкома о преобразовании Якутской губернии в район Иркутской губернии. Вторая стадия (13 апреля – 23 октября 1921г.) – преодоление сопротивления Сибревкома и некоторых членов губревкома по вопросу о статусе будущей автономии, подготовка общественного мнения среди местного населения. Третья ста-

дия (январь – апрель 1922 г.) – принятие окончательного решения на высшем уровне и провозглашение первой государственности [3, с. 50-51].

После провозглашения автономии М.К. Аммосов приступил к обоснованию новой национальной политики, внимательно учитывающей местные хозяйственные, бытовые, культурные условия, социальную структуру, обычаи населения. В очень сложный период (я имею ввиду народно-повстанческие движения 1921-22 и 1924-25 гг. – *Прим.авт.*) М.К. Аммосов вместе с другими руководителями республики особое внимание уделял мирным инициативам власти, переговорам, агитации, амнистии повстанцев, бескровному выходу из вооруженного конфликта. Политика национального согласия, гуманное отношение к интеллигенции, приоритет переговорных форм, которых придерживался М.К. Аммосов, сыграли решающую роль при разрешении национальных конфликтов в тот период. Привлечение интеллигенции к строительству первой государственности и широкая разъяснительная политика укрепили казалось бы подорванное военным коммунизмом и красным террором доверие населения к новой власти. Особо хотелось бы обратить внимание на коренное изменение отношения к интеллигенции. Максим Кирович прекрасно понимал политический вес и культурный потенциал интеллигенции, воспринимал ее как важнейший фактор созидания, мирного труда, национального примирения. «Мы сознательно вызываем к жизни, выдвигаем и приглашаем на ответственную советскую работу, особо подчеркиваем историческую роль, как наиболее передовой активной группы якутов – национальной интеллигенции, являющейся по социальному положению мелкобуржуазной, – писал он в письме в ЦК РКП(б) 14 августа 1922 г. – ... Мы допускаем максимум экономической и политической свободы деятельности всем социальным группировкам якутов вплоть до кулаков и тойонов, на походе против которых была построена вся предыдущая политика» [1, с. 264-265].

Взаимодействие с интеллигенцией является наиболее существенной и сложной частью национальной политики, требующей от партийного руководства особо гибкой стратегии и тактики. М.К. Аммосов был против деления интеллигенции на два лагеря – социально чуждую и социально близкую к партии и открыто протестовал против объявления «левыми» войны против мелкобуржуазной части интеллигенции, происхождение которой он объяснял исторической отсталостью и особенностями общественного строя Якутии. Национальная политика, по его мнению, должна учитывать эти особенности, идти по пути вовлечения в государственное строительство мелкобуржуазной интеллигенции и это должно быть принципиальным моментом работы партии в национальных окраинах в целом.

Таким образом, новая национальная политика укрепила основы первой государственности, способствовала завоеванию сочувствия и симпатии интеллигенции и масс. Основное внимание переносится на экономическое развитие, прежде всего создание золотой промышленности Алдана как инструмента преодоления экономической отсталости региона. Руководство республики проводило прямую связь с ростом золотодобычи Алдана и подъемом сельского хозяйства, в продукции которого остро нуждалось растущее население приисков. Необходимо помнить тот исторический факт, что благодаря усилиям руководства республики удалось включить пункт в Устав союзного треста «Алданзолото», по которому предусматривалось ежегодное отчисление 10% от чистой прибыли треста в пользу Якутской АССР вместо предполагавшихся 3% [3, с. 68-69]. Другой вопрос – какие трудности прихо-

дилось преодолевать на практике, чтобы добиться этих отчислений в бюджет региона, т.к. набирали силу ведомственность и централизация управления, прежде всего в сфере финансов. Огромное значение придавалось созданию национальной письменности, открытию национальных школ, подготовке кадров молодых работников в вузах страны.

М.К. Аммосов обладал прагматичным и глубоко продуманным подходом к национальному вопросу, понимал всю его сложность, оттенки и тонкости. Такой подход в 20–30-ые годы встречался все реже и реже. К слову, на 13 съезде партии в марте 1924 г. Г.Е. Зиновьев, выступая с отчетом ЦК, заявил, что в стране национальный вопрос «разрешен, осталось доделать только детали...он разрешен нами правильно» [5, с. 43-44]. М.К. Аммосов не разделял таких «шапкозакидательских» выводов, сводя национальный вопрос лишь к акту политического самоопределения или устройства того или иного народа. Отмечая, что народ саха, составляющий 4/5 населения автономии, стал государствообразующим народом, он видел и другие стороны вопроса. «Было бы величайшим заблуждением считать, – писал он, – что у нас в Якутии более нет национального вопроса. Мы разрешили только одну, правда, большую его половину. Другая половина заключается в вопросах о национальных меньшинствах и здесь перед якутским народом, перед якутами-коммунистами в частности, ставится серьезное испытание взять правильный курс». Правильным курсом он считал создание равноправных условий для развития всех народов Якутии, устранение и профилактику межнациональных конфликтов. Более того, М.К. Аммосов был убежден, что «...о притеснении, тем более о выселении других народов, не может быть и речи. Наоборот, интересы якутского хозяйства требуют создания наиболее благоприятных условий для развертывания деятельности всех, кто пожелал бы жить и работать в Якутии...» [1, с. 110-111]. Превознесение перед всеми другими народами только своей нации приравнивалось им к предрассудку, сродни религиозной нетерпимости. Он диалектически связывал свободу национального существования народов Якутии с тесным союзом с Советской Россией, ее народами.

В 1924 г. в главных печатных органах партии – газете «Правда» и журнале «Большевик» – были опубликованы статьи М.К. Аммосова «Очередные задачи хозяйственной политики на окраинах» и «О путях к коммунизму в отсталых странах». В них он выступает как зрелый теоретик, способный вести дискуссию на общепартийном уровне. В первой статье задачи нэпа в окраинах рассматриваются через призму национальных отношений. Прежде всего, ставится вопрос о хозяйственно-финансовых правах национальных республик и областей: какими ресурсами, материальными богатствами и в каких рамках они должны располагать? – по сути, речь идет о разграничении прав и полномочий, прежде всего, в экономической сфере как основы самостоятельности. Ставится также вопрос об определении профильного направления, специализации хозяйственной политики в каждой республике, исходя из местных условий. Он вносит ряд интересных практических предложений: 1) создание при ЦК постоянной национальной комиссии, задача которой – предварительное обсуждение и выявление экономических и политических аспектов национального вопроса; 2) создание при Госплане особого совещательного органа по экономическим делам окраин для систематизации стихийно сложившихся форм материальной, финансовой помощи окраинам [1, с. 91].

Во второй статье М.К. Аммосов приходит к выводу, что в странах Востока невозможен непосредственный переход к пролетарской революции и к социализму, что здесь неизбежен буржуазный характер революции. Опыт нэпа дает богатый материал практического хозяйственного строительства в отсталых странах. Экономика окраин – мелкотоварное, частично натуральное хозяйство, поэтому только кооперация является основным средством объединения мелких производителей. Кооперативный строй он считал целой исторической эпохой на пути от мелкотоварного уклада к социалистическому способу производства [1, с. 104].

Даже, исходя из вышеприведенного краткого экскурса в региональную историю национальных отношений, мы убеждаемся, что национальный вопрос – это не умственная конструкция, а совокупность реальных проблем, порожденных противоречиями между стремлением к самостоятельному, свободному развитию и тенденцией к их интеграции. Это практически неразрешимое противоречие и порождает исключительную сложность и остроту решения данного вопроса. Нет универсального средства для разрешения этой проблемы. Но многое зависит от обоснованности, гибкости государственной политики в конкретных условиях. При всех известных недостатках, противоречиях, ошибках национальная политика в СССР, в особенности в 20-30-ые годы, имела свои позитивные стороны, элементы гуманизма, которые не потеряли своего значения по сей день. Благодаря этим историческим чертам национальной политики и после распада Советского Союза сохраняется множество форм сотрудничества и взаимопонимания народов, преодолевается отчужденность и недоверие людей различных национальностей, развиваются родные языки и культуры. Истоки этих позитивных моментов кроются в практике 20–30-х годов, в идеях и делах деятелей тех бурных и трагических лет.

Многое во взглядах М.К. Аммосова и его сподвижников по национальному вопросу актуально и в современных условиях. Можно выделить в его теоретическом наследии следующие положения: 1) глубокое понимание исторической роли интеллигенции как выразительницы национального сознания и интересов народа; 2) обоснование гуманной национальной политики, учитывающей местные особенности, экономическую специфику, культурный уровень населения; 3) комплексный подход к разрешению национального вопроса, включающий в себя политические, экономические, социальные, культурные, кадровые и др. составляющие, что означает системный подход. Поучительна для современных политиков гибкая стратегия и тактика при разрешении конфликтов, поиск и нахождение мирных, переговорных средств даже в условиях вооруженного противостояния. Бесценен опыт противостояния политике государственного насилия, террора и репрессий.

В заключении хотелось бы высказать буквально одно соображение о национальной политике на современном этапе. Сегодня мы видим, что господствовавшие в прошлом столетии идеологемы двух наиболее влиятельных идейных течений – марксизма и либерализма – о якобы угасании значимости этнического фактора и, соответственно, национального вопроса по мере развития технико-экономического прогресса – не работают. Наоборот, мы наблюдаем возрастание значимости этнического фактора общественного развития, известный феномен «этнического ренессанса». Это закономерная реакция этнокультурных сообществ на унифицирующее воздействие глобализационных процессов. Поэтому важной задачей является выделение региональных моделей национальной политики в их обусловленности харак-

тером объективных этносоциальных процессов, протекающих в локальных межэтнических сообществах, а также определение регионально обусловленных ориентиров национальной политики наряду с общестратегическими ориентирами. К сожалению, такая возможность даже не оговаривается, следовательно, не допускается. На самом деле, проведение продуманной, целенаправленной, ответственной национальной политики предполагает ее адаптацию к конкретным условиям и должно осуществляться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации, а также муниципалитетов, особенно крупных. Без учета региональных особенностей государственная национальная политика не может быть эффективной.

Литература

1. Аммосов М.К. С помощью русских рабочих и крестьян. 2-е изд. – Якутск, 1987.
2. Башарин Г.П. Общественно-политическая обстановка в Якутии 1921-1922 гг. – Якутск, 1996 – 326 с.
3. Ермолаев Т.С. Становление и развитие государственности Республики Саха (Якутия) – Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1999. – 195 с.
4. Макаров Г.Г. Октябрь в Якутии. – Якутск, 1979.
5. Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 г. Стеногр. отчет. – М., 1963. – С. 43-44.

ЯКУТСКОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ: ПОПЕЧИТЕЛИ И МЕЦЕНАТЫ

А.А. Павлов,
ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

Как известно, в царской России не уделялось должного внимания подготовке специалистов среднего уровня, хотя и чувствовалась нехватка чиновников, специалистов, особенно педагогов. До 1865 г. в Якутской области не было ни одного светского среднего общеобразовательного учебного заведения. Местные жители практически не имели возможности отправлять своих детей для продолжения образования в ближайшую Иркутскую гимназию.

Только в 1865 г. якутскому губернатору А.Д. Лохвицкому удалось убедить генерал-губернатора Восточной Сибири М.А. Корсакова открыть прогимназию в Якутске, но с условием, что область должна для этого собрать около 30 тысяч рублей. Руководствуясь «Положением о Советах при Попечителе учебных округов», якутский губернатор обратился ко всем купцам, золотопромышленникам, богатым якутам пожертвовать «ради открытия первой светской среднеобразовательной гимназии в области по принципу кто сколько сможет». На обращение губернатора откликнулись золотопромышленники, купцы, крестьяне, «инородцы», чиновники. Купцы писали губернатору: «... мы жертвуем именно на учреждение здесь реальной прогимназии, пока будем состоять в гильдиях, но не далее, как в продолжении 10 лет и наследников тех, которые умрут до этого срока без согласия самих тех на-

следников, с тем, однако ж, чтобы которые умрут до этого срока без согласия самих тех деньги и вносимые нами на это не были обращаемы на другие употребление» (оригинал документа сохранен – А.П.) [8, с. 37]. Купцы согласились ежегодно пожертвовать по 330 руб. [Там же]. В первом году удалось собрать 14904 руб. Якуты Ботурусского улуса решили пожертвовать ежегодно по 611 руб. и содержать пансион в Якутске за свой счет для детей улуса. Золотопромышленник Базилевский изъявил согласие в течение 16 лет перечислять по 100 руб. в год в кассу прогимназии. Однако губернатор подсчитал сумму недостаточной. Только на строительство учебного здания требовалось 12520 руб. Крестьяне и инородцы Якутского, Олекминского, Вилюйского округов собрали 8479 руб. Дополнительный сбор 8851 руб. Всего было собрано на строительство и открытие прогимназии 23755 руб. [4]. А еще государство обещало ежегодно отпускать по 23074 руб. на содержание учебного заведения. Многие состоятельные якуты помогали строительными материалами. Например, голова Западно-Кангаласского улуса А. Гермогенов доставил 1600 бревна, голова Восточно-Кангаласского улуса Ф. Лепчиков дал 203 бочки извести. А иркутский купец Дембровский прогимназии пожертвовал баржой [7, с. 212]. Многие родители сдавали в склад прогимназии мясо, масло, рыбу и другие товары сельского хозяйства. Таким образом, общими усилиями было собрано более сорока тысяч рублей. Открытие первой якутской прогимназии состоялось в 1869 году. Прогимназия через несколько лет стала одним из лучших учебных заведений Восточной Сибири.

В 1872 г. все прогимназии в России преобразованы в реальные училища, которые, в отличие от гуманитарных гимназий, давали больше знаний по математике, физике и биологии. Изучали вместо древних языков немецкий и французский языки. Выпускники реального училища получали право преподавания в начальных училищах.

Решением Государственного совета от 1 июля 1890 г. Якутская шестиклассная мужская прогимназия была преобразована в шестиклассное реальное училище с ежегодным содержанием в размере 24108 руб. Первым директором стал П.Л. Гадзяцкий.

Необходимость открытия в Якутске среднего профессионального учебного заведения была вызвана перспективами развития производительных сил Приленского края. Опять-таки для переоборудования учебного заведения и создания новых кабинетов потребовались большие деньги. Губернатор обратился к крупным купцам «оказать посильную помощь». На призыв начальника области откликнулись городской голова Ф.В. Астраханцев, Г.В. Никифоров, М.Н. Барамыгин, Н.О. Кривошапкин, А.М. Кушнарев, Ф.И. Лепчиков, Н.Д. Сэрбэкэ–Эверстов, С.П. Босуут–Алексеев, П.И. Захаров, С.И. Идельгин и другие. Иногородние богачи предложили строительные материалы и продукты питания, что принималось с благодарностью. Всего было собрано в пользу реального училища деньгами и строительными материалами и продовольствием на сумму около сорока тыс. рублей.

А.Е. Кулаковский в своем знаменитом письме «Якутской интеллигенции» писал о замечательном патриотизме якутских купцов, которые первыми откликнулись на воззвание, «чтобы оказать помощь культуре и просвещению и готовые попустить тысячами из своих доходов ради блага родины» [3, с. 112].

Для лучшей организации добровольного сбора средств, по указанию якутского губернатора В.З. Коленко, в 1889 г. создается Временный комитет по попечению,

который координировал сбор средств не только помощи бедным учащимся учебных заведений, но и бедным горожанам. Комитет состоял из шести человек. В состав комитета вошли сам губернатор, вице-губернатор П.П. Осташкин, ректор семинарии архимандрит Иоанникий, городской голова Ф.В. Астраханцев, секретарь городской думы Н.И. Москвин.

Пользуясь случаем, позвольте ознакомить с некоторыми членами попечительского совета и миссионерами. Голова города Якутска Ф.М. Астраханцев на свои средства открыл ремесленное училище. В первые годы советской власти на образование передал 100 тыс. руб. и два дома под общежитие. Вместе с купцом Г.В. Никифоровым финансировал строительство Публичной библиотеки и музея [5].

Г.В. Никифоров на свои средства построил несколько школ, пансион для бедных, отправлял талантливых и способных детей на учебу. Родоначальники его наслега избрали его почетным блюстителем школы на три года. Почетный блюститель (попечитель) утверждался на должность генерал – губернатором Восточной Сибири.

Поборником всеобщего образования был Н.О. Кривошапкин. На его деньги построено несколько школ в Якутске, Оймяконе, Среднеколымске, Таатте, Мегино-Алдане и в других местах. На его средства обучались многие якутяне в высших учебных заведениях страны. В 1913 г. на обучение бедных детей Якутска и пригородных улусов передал 10000 руб. По 5 тыс. руб. передал женской гимназии, реальному училищу, учительской семинарии. В 1927 г. на его деньги построили в местности Тарын-Урех типовую четырехклассную школу. Николай Осипович в нескольких школах был избран почетным попечителем [1].

Род Лепчиковых известен как меценат. Ф.И. Лепчиков неоднократно избирался почетным попечителем улусной народной школы, членом попечительских советов. Он пожертвовал Якутскому приходскому училищу свой деревянный дом.

Крупным меценатом своего времени был П.И. Захаров. Он одним из первых откликнулся на обращение губернатора и выделил реальному училищу крупную сумму. В течение девятнадцати лет он являлся главным попечителем Якутской женской гимназии. В 1883 г. передал свой дом с флигелем и усадьбой для открытия в нем женской прогимназии, а также 500 руб. для приобретения методической литературы [2, с. 50].

Почетными попечителями были утверждены в разное время богатые купцы Г.П. Попов, С.И. Идельгин, Н.Д. Эверстов, А.П. Кушнарев, В.Н. Ксенофонтов, П.И. Захаров, Ф.В. Астраханцев, Н.О. Кривошапкин, Е.З. Аверинский и др. Они обязаны были внести в кассу прогимназии по 500 и более рублей в течение выборного срока.

В заключение надо сказать, что купечество служило обществу и государству своим богатством, капиталом. Купцы в свое время внесли вклад в культурное и духовное развитие Якутии. Их патриотический подвиг оценивался особо, по достоинству. Государство попечителей и меценатов материально не поощряло [6]. За успехи в благотворительности награждало купцов и богатых медалями и орденами, присваивала чины. Например, купец Н.Д. Сэрбэкэ–Эверстов стал коммерц–советником. Их бескорыстие и служение народу подтверждает старую истину: добрые поступки украшают людей, добрые помыслы рождают добрые дела.

Сегодня, с горечью отмечаем, что добрая традиция благотворительности была утрачена в годы советской власти. Правда, в последние годы коммунистического ре-

жима, по указанию партийных органов совхозы и колхозы помогали некоторым школам.

Основной деятельностью попечительства и остается поддержка образования. Меценаты, понимая роль образования в жизни общества и государства в целом, вкладывали практически все свои средства во имя будущих поколений.

Идея возрождения меценатства и попечительства в современной истории Якутии принадлежит Первому Президенту Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаеву. Благодаря ему, вновь возрождаются традиции русского и якутского меценатства и попечительства.

Литература

1. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Д.154. Л.10.
2. *Захаров В.П.* Благодарность от императора // Илин. – №2(3). – Якутск, 1998 . – С. 50-51.
3. *Кулаковский А.Е.* Якутской интеллигенции. – Якутск, 2005.
4. НАРС(Я). Ф. 285и. Оп.1.Д. 498. Л. 9.
5. НАРС(Я). Ф. 285и. Оп.1. Д. 473. Л. 43.
6. *Павлов А.А.* Профессиональные и средние школы (XX – начало XX вв.). – Якутск, 2013.
7. *Попов Г.А.* Сочинения. – Якутск, 2006. – Т.II.
8. Сб. исследовательского общества «Саха Кэскилэ». – Якутск, Вып. IV.

ВКЛАД СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА ОТЦА ДИМИТРИАНА И ХУДОЖНИКА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ПОПОВЫХ В ДЕЛО ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ НАРОДА САХА

Л.С. Попова, краевед

На заре становления Советского Социалистического государства, воплощая в жизнь идеи ленинской национальной политики, Семён Андреевич Новгородов (1892-1924), писал: «В старое время угнетения якутского народа рядовому якуту и во сне не могла сниться возможность распространения знаний на его живом, разговорном языке» [3].

И действительно это было так. Неграмотное трудовое население окраин Российской империи находилось под двойным гнётом: своих доморощенных тойонов и великодержавной власти царя. Влача нищенское существование, оно не могло позволить себе получить даже начальное образование.

Но в то далёкое время, в самом начале зарождения буквенной якутской письменности православные священнослужители начали создавать книжки для обучения якутскому языку, не только для себя, для проведения проповедей на родном языке инородцев, но и для самих аборигенов северного края.

Среди них следует отметить сельского священника отца Димитриана Попова (1827-1896) – настоятеля Преображенской церкви обширного Ботурусского улуса, места компактного проживания коренного якутского населения. Он, по собственной инициативе, в своей юрте открыл первую в улусе частную бесплатную школу для детей своих прихожан [5]. Со временем она переросла в церковно-приходскую школу, а с 1914 года в Ытык-Кёльское начальное училище, в котором работали ученики, дети и внуки протоиерея [4].

Особенностью этой школы было то, что батюшка в своей школе стал обучать детей не только Слову Божию, русскому языку, но и родному якутскому языку и её грамматике по своему рукописному букварю и наглядным пособиям. Букварь отца Димитриана на двух языках: якутском и русском – отличался простотой и доступностью восприятия. По своему содержанию он был близок к повседневному быту сельских детей, учил правильно читать, писать новообразованные якутские буквы, говорил о пользе грамотности, прививал правила разговорной речи и поведения, содержал даже притчи Соломона. Впоследствии букварь был неоднократно издан в Москве и Казани [1]. Преподавание литературы в школе Димитриана велось на основе якутского устного творчества. На свои уроки батюшка часто приглашал гостивших у него известных сказочников, певцов и олонхосутов. С их слов, вместе со своими учениками записывал отрывки олонхо, сказки, пословицы, поговорки, загадки, заучивал скороговорки с последующим разбором смысла слов и словосочетаний. Терпеливо исправлял ошибки в произношении отдельных слов и фраз, ошибки в письме. И это он делал до последних лет жизни в течение 36 лет.

К помощи отца Димитриана в изучении якутского языка прибегали политические ссыльные округа, благочинным которого он являлся и в его обязанности входил присмотр за неблагонадёжными поселенцами. Некоторые из его подопечных не только усердно изучали язык и быт местного населения, они со временем стали учителями школ грамоты, даже открывали свои частные школы в Ботурусском улусе и городе Якутске.

Например, Всеволод Михайлович Ионов (1851-1922), который стал добрым наставником Семёна Андреевича Новгородова (1892-1924) во время его учёбы в реальном училище, а позже передал свой старый букварь лингвисту, как образец для составления нового букваря на новгородовском алфавите. Когда в 1923 году этот Букварь и Книга для чтения вышли из печати, наряду с «огромной исторической важностью первой научной работы в якутской литературе», сделанной С.А. Новгородовым, было отмечено хорошее исполнение и подбор иллюстраций [1].

Надо сказать, что иллюстрации якутской тематики к текстам учебников были выбраны автором из рисунков и фотографий И.В. Попова. Семён Андреевич, выходец из Ботурусского улуса, человек разносторонних интересов, хорошо знал Ивана Васильевича как признанного этнографа и коллекционера, опытного учителя, проработавшего в школах Якутии более 39 лет, и талантливого художника. Он живо интересовался его творчеством, привлёк его в Культурно-просветительное общество «Саха аймах», организовал специальную комиссию по осмотру и отбору коллекций И.В. Попова, передаваемых художником в это Общество, в планах которого была организация Музея для жителей молодой республики. Картины, рисунки, предметы этнографической коллекции и фотографии художника были отобраны и вывезены из Ытык-Кёля в Якутск активным членом Общества Романом Оросиным в 1920 году.

Об одной из картин И.В. Попова, писаной масляными красками, увиденной впервые у Семёна Андреевича, перед его отъездом в Россию, пишет в своих воспоминаниях Федора Фёдоровна Ракоши [3]. Эта картина поразила её чисто якутской тематикой и высоким мастерством художника. К сожалению, неизвестно где она теперь находится. Может, когда-нибудь она всплывёт, как например, копия картины Карла Венига «Русская девушка», выполненная И.В. Поповым во времена его учёбы в мастерской В.Е. Маковского и найденная Д.К. Сивцевым–Суорун Омоллооном в одном из амбаров заложного района города Якутска.

Таким образом, итоги многолетнего труда скромного сельского священника и художника Поповых влились в общее благородное дело начального школьного образования и культуру народа Саха.

Литература

1. Букварь для якутов // Издание Православного Миссионерского общества. Типо-литография Императорского Университета. – Казань, 1895.
2. *Налтан М.* О «Сурук-бичик» // Автономная Якутия. – 1923. – 7 декабря.
3. *Новгородов С.А.* Первые шаги якутской письменности. Статьи и письма / Сост. Е.И. Коркина. – М.: Наука, 1977. – С.48, 211, 212, 215, 217,219.
4. *Пермяков К.К.* Истоки школьного образования в Ботурусском улусе. – Борогонцы, 1985.
5. Саха Буукубаарын айбыт аҕабыт // «Кэскил». – 2002. – Бэс ыйын 25 күнэ.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ФИКСАЦИИ

УСТНАЯ ФОРМА ЯЗЫКА: К СОЗДАНИЮ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ФОНДА ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

С.И. Шарина,
ИГиЛПМНС СО РАН, г. Якутск

Каждому естественному человеческому языку присуща устная форма в виде звучащей речи. Касательно различных территориальных вариантов эвенского языка, устная форма речи является, как правило, единственной формой существования, т.к. зафиксированные в письме устные тексты в наличии наблюдаются только в опубликованных грамматических описаниях определенных диалектов и говоров: аллаиховского, березовского, ламунхинского, момского, ольского, охотского. Между тем в составе диалектов и говоров эвенского языка насчитывается более 25 идиом. В сущности, язык каждой из этнолокальных групп эвенов представляет собой отдельный говор. Несмотря на то, что усилиями исследователей опубликованы обширные и интересные материалы по многим ареальным вариантам эвенского языка, определенные его диалекты и говоры еще не получили достаточно полного освещения в литературе, не имеют системного описания, отмечается отсутствие языковых материалов даже в виде фразовых примеров. Сложность описания говоров эвенов Якутии обусловлена, в частности, и тем, что они характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях. Это объясняется дву- и многоязычием носителей, влиянием якутского языка и др.

По языку ряда территориальных групп эвенов существуют только отрывочные сведения и наблюдения, это касается в первую очередь, говоров и диалектов эвенов Якутии. На сегодня хорошо изучен лишь восточный ареал проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край), на территории же Якутии исследования не доведены до логического конца, что мешает установить ареал распространения тех или иных диалектов, не решен вопрос разграничения или объединения говоров среднего и западного наречий. Полевые исследования территориальных вариантов эвенского языка еще далеки от завершения. Для воспроизведения полной картины диалектов и говоров эвенского языка возникает необходимость сбора и вовлечения отсутствующих материалов по отдельным языковым формациям [1].

Сбор новых языковых материалов по эвенским идиомам, характеристика неописанных говоров и диалектов эвенов Якутии, выявление ареала распространения, систематизация и классификация имеющихся данных, отличающих данные языко-

вые формации друг от друга, имеет большое значение для описания исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера. При этом важно учесть специфику функционирования устного языка в современных условиях. Для большинства эвенов Якутии исторически характерно эвенско-якутское двуязычие, а в XX веке – эвенско-якутско-русское трехязычие. Например, среди представителей ламунхинской группы эвенов, проживающих в с. Себян-Кюель Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия), уровень владения родным языком довольно высок, однако, в повседневной речи все они используют якутский и русский языки [2]. Для отдельных улусов, таких, как Нижнеколымский, характерно многоязычие. Поэтому в ареальных вариантах эвенского языка проявление интерференции весьма многообразно.

Актуальной задачей является и сбор фольклорных материалов. Фольклор эвенов имеет богатый жанровый состав и структуру: архаический эпос, сказки, миф (*нимкан*), легенды и предания (*тэлэн, укчэнэк*), благопожелания (*хиргэчин, ээн*), песни (*икэ, алма, дярганикэ*), загадки (*нэнукэн*), пословицы и поговорки (*гэмкэн, гөнмэй*), запреты и обереги (*төнүэкич*), обычаи и установления (*тома, итка*), приметы (*хам*). Современное состояние фольклора эвенов характеризуется низкой сохранностью многих жанров, их неустойчивостью и отсутствием преемственности фольклорной традиции; наблюдается постепенное угасание таких жанров, как архаический эпос, сказки, загадки, пословицы и поговорки. Наиболее активно бытующими фольклорными жанрами до настоящего времени являются песенная культура и повествовательные нарративы. Только у немногих этнических групп эвенов сегодня представлена вся система фольклорных жанров. В связи с тем, что уходят из жизни последние знатоки фольклора, с каждым годом исследователям становится все труднее собирать аутентичный материал. А ведь именно в таких функциональных формах языка как повествовательный и обрядовый фольклор более отчетливо проявляются языковые нормы, так как они в меньшей степени подвержены вариативности и более устойчивы. Поэтому в настоящее время назрела настоятельная необходимость срочной фиксации и документации живого фольклорного наследия.

Для восполнения того пробела, который существует в эвенской диалектологии и фольклористике, сотрудниками сектора эвенской филологии ИГиИПМНС СО РАН в 2016 году начата работа по созданию аудиовизуального фонда «Живое наследие эвенов», который систематизирует и классифицирует имеющийся в наличии у исполнителей лингвистический и фольклорный материал по языку разных локальных групп эвенов. Проект задуман как доступный информационный ресурс на сайте Института в сети Интернет, способный объединить сведения о местах компактного проживания эвенов, о самоназваниях этнолокальных групп, названиях эвенских родов, социолингвистические данные, сведения о коммуникативно-функциональном, учебно-педагогическом статусах говора. Здесь же дается краткая лингвистическая характеристика говора, отмечается его позиция в диалектной группе, освещается состояние фольклорной традиции (специфика бытования жанров эвенского фольклора, краткий анализ ритуальной стороны использования фольклора).

Материалом для фонда служат фольклорные и лингвистические материалы, собранные в местах компактного проживания эвенов Якутии, Магаданской и Камчатской областей, Хабаровского края и Чукотского автономного округа сотрудниками сектора эвенской филологии с 2000 по 2016 годы. В рамках проекта обрабатываются образцы различных жанров фольклора и бытовой речи, собранные в разных районах проживания эвенов.

Языковые и фольклорные данные размещаются в виде аудио и видео материала в соответствии с территориальной локализацией групп. Лингвистическое представление включает расшифровку материала в принятой в эвенской диалектологии фонетической транскрипции и параллельный перевод на русский язык. Тексты воспроизведены без каких-либо искажений и литературной обработки, с обязательным сохранением особенностей эвенской речи, диалектных форм языка.

Представленное в материалах аудиовизуального фонда устное народное творчество эвенов – это оригинальная, отличающаяся яркой самобытностью и богатая часть культурного наследия народа, которая сегодня повсеместно утрачивается. Документация новых неизданных материалов – инедитов может восполнить тот пробел, который существует в эвенской фольклористике.

В 2016 году в рамках первого этапа проекта «Аудиовизуальный фонд эвенского языка» выполнена работа по фиксации и документации материалов по описанным и еще не имеющим лингвистического описания говорам эвенского языка и устному народному творчеству эвенов, населяющих семь районов компактного проживания эвенского этноса в Республике Саха (Якутия): Аллаиховский, Верхнеколымский, Верхоянский, Нижнеколымский, Среднеколымский, Томпонский, Эвено-Бытантайский. Из приведенных семи территориальных вариантов идиом системное описание имеют только два говора, языковые материалы по остальным 5 говорам представлены впервые.

В дальнейшем (при условии поддержки 2 и 3 этапов проекта) предполагается документация лингвистических и фольклорных материалов, собранных от эвенов, населяющих все регионы компактного проживания эвенского этноса в Российской Федерации (оставшиеся 6 районов Якутии, Камчатский край, Корякия, Магаданская область, Чукотка, Хабаровский край).

Аудиовизуальный фонд, включающий пласт устного народного творчества эвенов, материалы неописанных говоров и диалектов эвенского языка, может быть использован широким кругом специалистов по эвенскому языку, фольклору и смежным наукам. Кроме того, обращение к аудио и видео материалам позволит сделать выводы, полученные исследователями при описании фонетических, морфологических и лексических особенностей говора, полностью верифицируемыми, а также использовать их для научного описания, осмысления, теоретического обобщения, преподавания эвенского языка и фольклора в общеобразовательных школах, средних и высших учебных заведениях. Аудиовизуальный фонд иллюстрирует основные функциональные разновидности устной формы эвенского языка, противопоставленные обиходной разговорной речи: повествовательный нарратив, песенный фольклор, некоторые обрядовые тексты.

Материалы аудиовизуального фонда впоследствии могут стать базой для создания лингвистического корпуса эвенского языка для проведения филологических исследований различного направления.

Литература

1. *Sharina S.I.* Dialects of even language: research status and classification // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. – 2013. – Т.6. – №5. – С. 641-646.
2. *Sharina S.I.* Language situation among the Even in Russian Federation // American Journal of Science and Technologies. – Princeton University Press, 2016. – No.1 (21) – P. 771-777.

РУКОПИСИ ПЕСЕН КРУГОВЫХ ТАНЦЕВ В ЗАПИСЯХ А.А.САВВИНА: СТРУКТУРНЫЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

С.Д. Мухоплева,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

В фондах Рукописного отдела ИГИиПМНС СО РАН особое место занимают материалы первой научной экспедиции 1938-1941 гг. Среди них имеется большой объем рукописных записей образцов якутской устной народной литературы. Их особой отличительной чертой является то, что они преимущественно написаны на основе латинской графики.

Объект исследования. Во время экспедиции были собраны материалы по всем жанрам фольклора, в том числе по песням круговых танцев. Устные тексты записывались от руки на бумаге. Фиксаторами были не только члены самой экспедиции С.И. Боло, А.А. Саввин, но и их корреспонденты. Как показало изучение архивных материалов, во время Вилюйской экспедиции А.А. Саввиным и его корреспондентами было записано 16 текстов песен круговых танцев от 12 запевал [1-16].

Лично самим Саввиным было записано 9 текстов песен осуохай от 7 известных народных исполнителей. В марте 1938 в III-м Кюлетском наслеге Вилюйского улуса он записал текст «Старинный танец» (*Былыргы үҥкүү*) от Ульяны Алексеевны Афанасьевой, 48 лет [2]. В апреле того же года в одном наслеге Верхневилуйского района – Оросунском, собирателю удалось работать с двумя известными носителями устной традиции: Давидом Васильевичем Кысылбаевым, 62 лет, Петром Фёдоровичем Тимофеевым, 66 лет. От каждого из них было зафиксировано по два текста осуохая. П.Ф. Тимофеевым были исполнены «Песня танца» (*Үҥкү[ү] ырыата*) [13], «Песня танца праздника ысыах» (*Ыһыах үҥкүүтүн ырыата*) [15]. От Д.В. Кысылбаева записаны тексты осуохая с новым содержанием: «Право женщины на развод» (*Дьахтар арахсарын көнүлэ*) [8], «Высмеивание танца» (*Үҥкүүнү хоһулуу*) [9].

В Сунтарском улусе Саввину удалось увеличить число наслегов, где были зафиксированы тексты осуохай. В четырех наслегегах ему удалось работать не только с именитыми запевалами того времени, но и с молодым носителем традиции. В конце апреля 1938 г. собиратель работал в Тюбэй-Жарханском наслеге, где от Дарьи Платоновны Петровой, 73 лет, увековечил текст кругового танца «Песня танца» (*Үҥкүү ырыата*) [12]. Через месяц, в июне, в Хангаласском наслеге Василий Григорьевич Иванов–Мохордонов, 63 лет, продиктовал собирателю текст «Слова танца» (*Үҥкүү тыла*) [5]. После этого фольклорист посетил Аллагинский наслег, где встретился с Дарьей Сидоровной Чаркановой, 72 лет. От нее записана «Песня танца» (*Үҥкүү ырыата*) [16]. Во 2-м Бордонском наслеге внимание собирателя привлек молодой запевала танца, 21-летний Семен Дормидонович Петров. От него был зафиксирован текст «Песня танца» (*Үҥкүү ырыата*) [10].

Структурные особенности рукописей. Собирателем А.А. Саввиным все рукописи 9 текстов песен круговых танцев оформлены как отдельный документ по опре-

деленной схеме. Нужно обратить внимание, что эта схема имеет постоянные и переменные элементы. Основными постоянными элементами рукописей являются следующие компоненты: 1) паспортные данные, 2) заголовок текста, 3) текст песни, 4) примечания. Переменными элементами рукописи следует считать такие данные, как дату, место записи, подпись собирателя. Во-первых, дата записи иногда проставляется в рамках паспортных данных, иногда он находится в начале или конце текста, Во-вторых, дата, в том числе подпись собирателя, в отдельных текстах отсутствуют.

В паспортных данных собирателем указываются фамилия, имя, отчество информанта полностью, его возраст и местожительство. В отдельных случаях сразу за паспортными данными записывается краткая биография информанта. Так, в рукописи текста «Танцевальная песня ысыах» (*Ыһыах үҥкүүтүн ырыата*) Саввиным зафиксированы биографические данные об информанте Петре Фёдоровиче Тимофееве из Верхневилуйского улуса [15].

Структура документа меняется, когда устный текст записывается в течение нескольких дней. В таком случае документ состоит из нескольких частей. Так, текст осуохая Д.П. Петровой, записанный в течение двух дней, состоит из двух частей. В первый день запись сделана на лицевой и оборотной частях 15 листов. В конце оборотного листа № 15 собирателем проведена пунктирная линия, проставлена дата первого дня записи «25.IY.38». За датой идет разделительная линия, за которой следует отметка «продолжение» на русском языке. Пять строк текста осуохай завершают этот лист. Пометка записана кириллицей, а не латиницей, как основной текст рукописи. Запись завершена 26 апреля, о чем свидетельствует дата, проставленная на листе № 21.

Графические особенности рукописей. Как известно, 9 марта 1929 г. Якутским ЦИКом официально был утвержден полностью унифицированный якутский алфавит, действовавший до 1939 г. [17]. В силу этого все устные фольклорные тексты А.А. Саввиным были зафиксированы на основе графики унифицированного тюркского алфавита, т.е. на латинице. Между тем, анализ текстов показывает, что фольклорные записи собирателя имеют некоторые особенности. Так, А.А. Саввин для отображения носового звука *Нн* пользовался начертанием, предложенным Бетлингком, т.е. знаком, который используется в современной графике, а не обозначением унифицированного тюркского алфавита *Ŋŋ*. Тут еще следует добавить вариативное использование кириллицы *Уу* и латиницы *Yu* при обозначении узкого огублённого гласного переднего ряда (ү).

Изучение рукописей, кроме того, обнаруживает, что фольклорист А.А. Саввин в своей научной деятельности пользовался одновременно и латиницей, и кириллицей. Кириллица служила ему рабочим инструментом при записях на русском языке.

Во время экспедиции А.А. Саввину и его корреспондентам удалось зафиксировать 16 текстов песен круговых танцев вилуйских якутов тридцатых годов XX века, увековечить их. Между тем, они до сих пор не изданы и не изучены комплексно и с текстологической стороны. Как показывает анализ, рукописные записи песен круговых танцев, сделанные А.А. Саввиным лично, сделаны на основе латиницы с применением кириллицы, тщательно документированы. При этом следует отметить, что графика собирателя имеет свои особенности, что следует учитывать при расшифровке. Каждый текст песни кругового танца озаглавлен. Заглавия, как мы предполагаем, даны самими народными певцами. В структурном плане записи уни-

фицированы, хотя имеют постоянные и переменные элементы. Знание структурных и графических особенностей рукописных записей А.А. Саввина в дальнейшем позволит их отличить от записей корреспондентов и легко их идентифицировать, что важно при публикации и исследовании текстов.

Литература

1. *Афанасьева М.П.* Оһооной / Запись неизвестного, 3-й Кюлетский насл. Вилюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф.5, оп. 3, ед. хр. 217. 2 л.
2. *Афанасьева У.А.* Былыргы үнкүү / Запись А.А. Саввина, 3-й Кюлетский насл. Вилюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 216. 1 л.
3. *Васильев Е.Я.* Аныгылыы ыһыах үнкүүтэ / Запись неизвестного, Вилюйский р-н, насл. не указан, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф.5, оп. 3, ед. хр. 218. 12 л.
4. *Васильев Е.Я.* Ыһыах үнкүүтэ / Самозапись, Вилюйский р-н, насл. не указан, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 219. 8 л.
5. *Иванов В.Г.* Үнкүү тыла / Запись А.А. Саввина, Хангаласский насл. Сунтарского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 238. 10 л.
6. *Каратаев С.Н.* Марха. Үнкүү хоһооно / Запись неизвестного, Кыргыдайский насл. Вилюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 261. 4 л.
7. *Каратаев С.Н.* Ыһыах үнкүүтүн ырыата / Запись неизвестного, Кыргыдайский насл. Вилюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 264. 13 л.
8. *Кысылбаев Д.В.* Дьахтар арахсарын көнүлэ / Запись А.А. Саввина, Оросунский насл. Верхневиллюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 241. 2 л.
9. *Кысылбаев Д.В.* Үнкүүнү хоһулуу / Запись А.А. Саввина, Оросунский насл. Верхневиллюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 244. 2 л.
10. *Петров С.Д.* Үнкүү ырыата / Запись А.А. Саввина, 2-й Бордонский насл. Сунтарского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 253. 8 л.
11. *Петров С.Д.* Үнкүү ырыата / Запись неизвестного, 2-й Бордонский насл. Сунтарского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 252. 2 л.
12. *Петрова Д.П.* Үнкүү ырыата / Запись А.А. Саввина, Тюбэй-Жарханский насл. Сунтарского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 254. 21 л.
13. *Тимофеев П.Ф.* Үнкү[ү] ырыата / Запись А.А. Саввина, Оросунский насл. Верхневиллюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 257. 4 л.
14. *Тимофеев П.Ф.* Үнкүү ырыата. Бүлүү өрүһү хоһуйуу / Запись неизвестного, Оросунский насл. Верхневиллюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 256. 7 л.
15. *Тимофеев П.Ф.* Ыһыах үнкүүтүн ырыата / Запись А.А. Саввина, Оросунский насл. Верхневиллюйского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 258. 4 л.
16. *Чарканова Д.С.* Үнкүү ырыата / Запись А.А. Саввина, Аллагинский насл. Сунтарского р-на, 1938 г. // АЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 3, ед. хр. 268. 14 л.
17. Якутская письменность [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Якутская_письменность#.D0.A3.D0.BD.D0.B8.D1.84.D0.B8.D1.86.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B9_.D1.82.D1.8E.D1.80.D0.BA.D1.81.D0.BA.D0.B8.D0.B9_.D0.B0.D0.BB.D1.84.D0.B0.D0.B2.D0.B8.D1.82 (дата обращения 17.03.2017).

Сокращения

АЯНЦ СО РАН – Архив Якутского научного центра Сибирского отделения Российской Академии наук

ед. хр. – единица хранения

насл. – наслед

оп. – описание

р-на – района

ф. – фонд

«ТӨБӨТ МЭНИК» ОЛОНХОНУ

А.А. САВВИН СУРУЙУУТА

А.Н. Данилова,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Олонхону сурукка-бичиккэ түһэриигэ, бэчээттээн таһаарыыга өрөбөлүүссүйэ иннигэр О.Н. Бетлингк, И.А. Худяков, Н.С. Горохов, В.Л. Серошевская, Э.К. Пекарская, В.Л. Приклонская үлэлэспиттэрэ уонна быстах бэлиэтээһиннэри суруйан хаалларбыттара биллэр. Олонхону сурукка түһэрэн үйэтитиигэ П.А. Ойуунускай тэрийбит Тыл уонна култуура института дьохуннаах үлэни ыппыта. Маннайгы фольклорнай экспедиция кыттыылаахтара А.А. Саввин уонна С.И. Боло ааттара саха фольклористиката сайдарыгар улахан оруоллаахтар. Ол курдук 1938–1940-сс. Бүлүү, хоту улуустарынан киэн сыаллаах-соруктаах экспедицияларга сылдьан хас да толору олонхону суруйбуттара. Бүлүү улууһа былыр-былыргыттан ырыаһыттар, олонхоһуттар олорон ааспыт түөлбэлэриттэн биирдэстэринэн аабыллар. Ол курдук оччолорго хайы-үйэ аатырбыт сурабырбыт олонхоһуттартан С.Н. Каратаев (Бүлүү), С.И. Еремеев–Дэдэгэс (Бүлүү), Ф.Н. Тимофеев–Бээчэрэ (Үөһээ Бүлүү), И.П. Кутуруков (Ньурба), С.С. Афанасьев–Ырыа Сиэнчэ (Сунтаар), М.З. Мартынов (Сунтаар) олонхолорун суруйбуттара. Бу экспедицияларга сылдьан А.А. Саввин ордук норуот ырыаларын, олонхону, фольклор кыра жанрдарын чабырҕахтары, таабырыннары, өс хоһооннорун уонна номохторун ордук дьаныһан хомуйбут эбит. Бэйэтин аатын даҕаны быһыытынан киэн сыаллаах-соруктаах экспедиция этэ. Манна хомуллубут элбэх фольклорнай, этнографическай матырыяал архыыпка туттарыллыбыта.

Бүлүү улууһун Тоҕус нэһилиэгэ олонхоһуттар саамай үгэннээн олорон ааспыт сирдэриттэн биирдэстэрэ буолар. Ол да иһин Бүлүүтээҕи экспедиция кыттыылааҕа А.А. Саввин бу сири туора хаампатаҕа. Манна Евсеев Савва Николаевич–Туораахаан уола Хараҕа суох Сааба, Еремеев Иван Осипович–Дооско, Еремеев Николай Васильевич–Тыккаа, Еремеев Степан Иванович–Дэдэгэс, Максимов Прокопий Васильевич–Нэгэй, Максимов Прокопий Прокопьевич, Николаев Андрей Николаевич о.д.а. дьон уоһуттан түспэт биллэр-көстөр олонхоһуттар олорон ааспыттар.

А.А. Саввин Сэһэн Болотооҕор бэрт киэн сири хабан үлэлээбит. Кини маршрутнай лииһиттэн көрдөххө, Кэбээйигэ 1 Сииттэ, 1 Лүүчүн нэһилиэктэриттэн ураты барыларын хабан үлэлээбит [6, с.46]. А.А. Саввин Бүлүү улууһугар С.Н. Каратаев–Дыгыйар «Тон Саар бухатыыр», С.И. Еремеев–Дэдэгэс «Төбөт Мэник бухатыыр», М.З. Мартынов «Уол Дуолан бухатыыр», С.С. Афанасьев–Ырыа Сиэнчэ «Одун Чуураа» олонхолорун суруйбута архыыпка харалла сыталлар.

А.А. Саввин Дэдэгэстэн балачча сааһырбыт, 74 саастаах киһиттэн «Төбөт Мэник бухатыыр» диэн толору олонхотун сурунан ылбыт. Фольклорист чэхчы Дэдэгэстэн олонхону суруйбутун туһунан «Бүлүү олонхоһуттара» диэн кинигэҕэ олус уустаан-ураннаан ахтыллыбыт: «Лүксүгүн эбэҕэ олонхо дьоро күнэ буолла. А. Саввин диэн Якутскайтан сэһэнньиттэри көрсөн суруйа сылдьар. Ыстапаан Еремеев–

Дэдэгэс оџонньор олонхолуурун истэн кэлбит. Онон да буолуо, чугастаанны ыаллар үксүлэрэ кэлбиттэр. Дэдэгэс көмүлүөк оһох иннигэр аргынньахтаан олорон олонхотун саџалыыр. Мустубут дьон сэргии түспүттэр. Дэдэгэс куолаһа улам-улам чөллөрүйэн хайдах эрэ кыталыктар кырдалга түһэн кынкыр-лынкыр ыллаан лынкыната олороллорун курдук буолан истэ. Сотору-сотору «Ноо!» – дэһэ сэнээрэ олорбуттар» [2, с. 16]. Хомойуох иһин, бу ахтыы кимтэн ылыллыбыта кинигэбэ ыйылыллыбатах.

Уон биир олонхоһуттааџынан биллэр I Тоџус нэһилиэгиттэн биир биллэр олонхоһута Еремеев Степан Иванович–Дэдэгэс 1862 с. төрөөбүтэ биллэр. Кини ийэтэ Анна Васильевна Еремеева Дьэрэмэй улахан уолун Кэчээлиир Баһылай соџотох кыыһа эбит. Кини Степаны кыыһынан сылдыан, эргэ бара илигинэ төрөппүт буолан, ийэтин араспаанньатынан Еремеев диэн буолбут. Аџата Еремеев Иван Осипович–Дооско диэн эмиэ биллэр олонхоһут, ону таһынан ырыаһыт, былыргыны билээччи, кэпсээнньит. 1938 с. А.А. Саввин Бүлүүтээџи экспедициятын матырыйаалларыгар кини туһунан маннык суруйбут: «Саастаах, I Тоџус нэһ. киһитэ. Бүлүү ор. уруккута нэһ. улахан кинээһэ, баай киһи. Билигин дьаданы, холкуоһа суох. Олус уус тыллаах киһи. Былыргы саха олоџун кэпсээнин билэр, ырыаһыт, олонхоһут» [1, л. 34].

Степан Еремеев уопсайа, ааттара сурукка тиһиллибит 25 олонхолооџо. Олортон «Төбөт Мэник бухатыыр» олонхото толору суруллубута. Атын олонхолорун ааттары А.А. Саввин суруйан ылбыт. С.И. Еремеев –Дэдэгэс билэр олонхолоро: «Төбөт Мэник бухатыыр», «Кулун Куллустай бухатыыр», «Ала Туйгун бухатыыр», «Сытыальлын бухатыыр», «Оџо Туйгун Бухатыыр», «Бэриэт Бэргэн бухатыыр», «Дьэриэбэ Бэргэн», «Модун Эр Соџотох», «Харалыы Сүүрүк бухатыыр», «Байантай Бэргэн», «Бэлиэлээх Бэргэн», «Аллы-Дуллу бухатыыр», «Буурдаан бухатыыр», «Үөмэччилээн Бэргэн», «Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр», «Тойон Хобуһуол бухатыыр», «Уучар Бэргэн», «Уолан бухатыыр», «Сэксэргэнэ Бэргэн», «Эр Соџотох», «Тэмэлэкээн Куо», «Уот Турба бухатыыр», «Бүөрсүн Бөџө», «Адык Боотур», «Таас Устуруудал бухатыыр» [РО, Ф.5, Оп. 3, Ед.хр. 850].

«Төбөт Мэник бухатыыр» олонхо сүрүн ис хоһооно айыы бухатыыра күн улууһун дьонун абааһы аймахтарыттан араначчылыыра буолар. Олонхо сюжеттары ырыппыт ученай Н.В. Емельянов саха олонхолорун сюжеттары чинчийэн баран, олонхо хас биирдии сюжета норуот олорон ааспыт олоџун кытта ыкса ситимнээџин, киһи аймах эрдэтээнни сайдыытын, өйүн-санаатын, атын биис аџа уустарын уустук сыһыаннаһыылары тыктаран көрдөрөрүнэн уратылааџын туһунан түмүккэ кэлбитэ. Төбөт Мэник олонхону ураанхай саханы төрүттээччилэр диэн түһүмэххэ 36 нүөмэрдээх сюжетынан киирэ сылдыар [3, с. 148].

«Төбөт Мэник бухатыыр» олонхо рукопиһа архыыпка бэһис пуондаџа сэттис уопуска 118-с нүөмэрдээх дьыаланан харалла сытар. Улахан А3 кээмэйдээх сизэрэй өннөөх кумааџыга латыынныы алпаабытынан кэпсээн халыыбынан үргүлдү суруллубут. Олонхо рукопиһа өр кэмнэ ортотунан бүк туттуллан харалла сыппыт буолан, 62, 63, 64 лиистэр ортотунан быстыбыттар, А4 кээмэйдээх лиис курдук тустуспа сылдыаллар. Рукопись уопсай туруга олох мөлтөх, кытыыллара, бүк тутуллубут сирдэрэ бытарыйан түһэ сылдыар. Улахан чөлүгэр түһэрэр үлэ барыан наада. Харандааһынан суруллубута сорох сиринэн суураллан сүтэн эрэр, нэһиилэ көстөр буолбут. Сорох бүк тутуллубут сиринэн кумааџыллара ойдон түспүттэрин архыып үлэһиттэрэ силиминэн туттара сатаабыттар. Бастакы лиис иннигэр кэннигэр сурул-

лубут. Олонхо аата, кимтэн, ханна суруллубута ыйыллыбыт. 1 лиистэн 51 лиискэ диэри харандааһынан суруллубут. 52-с лиистэн 32 лиискэ диэри хара чэрэниилэнэн лиис биир эрэ өттүгэр суруллубут. Рукопись кэннигэр «записано А. Саввиным в 1938 году в I Тогусском наследии Вилюйского р-на, июль 1938 г.» диэн суруллубут уонна А.А. Саввин бэйэтин илии баттааһына баар. Онон бу олонхону, саарбаҕа суох, Андрей Андреевич Саввин бэйэтэ суруйбут.

Олонхо тыла-өһө ылбаҕай, баай өрүттээх, ойуулуур-дьүһүннүүр дэгэтэ элбэх. Араас быллыргы, өлүктүйбүт тыллар, сиэллээх-кутуруктаах тэнийбит дьүһүйүүлэр, сомоҕо домохтор, уус-уран олук хоһооннор саталлаахтык туттуллубуттар. А.А. Саввин бу олонхону хоһоонунан устуруокаларга араарбакка, проза халыбынан суруйбут. Олонхо бүтэнигэр тыллары быһаарыыта баар, онно барыта 77 тылы олонхоһут тылыттан, сороһун бэйэтэ хайдах өйдүүрүнэн быһаарбыт. Бу быһаарар тылларын олонхо тиэкинигэр бэлиэтээбит. А.А. Саввин бу олонхону суруйарыгар ахсаан ааттары суругунан буолбакка сыһыппаранан суруйталаабыта кини суруйуутун биир уратытынан көрүүххэ сөп. Ол курдук, 8 ахтар Айыыһыт, 7 истэр Ийиэхсит, 9 халлаан, 8 ый, 7 салаалаах сиибиктэ от уо.д.а. А.А. Саввин түөлбэ тыллар уратыларын бу олонхоҕо көрдөрбүт: буус – муус, көрдүк – курдук, убай – умай уо.д.а. С.И. Еремеев-Дэдэгэс олонхотугар нууччаттан кирири тыллары элбэхтик туттубутун көрөбүт. Ол курдук сорох нууччалы тыллары бэйэтэ сахатытан сангарбыт А.А. Саввин олонхоһут хайдах сангарбытынан суруйбут: «*бокулом – поклон*», «*дууса – душа*», «*хорукуот – скороход*», «*прошай – прощай*», «*добугуор – договор*», «*көстүрүүнкэ – кастрюля*», «*киристиэнэй – крестный*», «*бүрүстүөл – престол*», «*устуул – стул*», «*табаарыс – товарищ*», «*пабыдыанья – поведение*», «*симиэрт – смерть*», «*сыбаайба – свадьба*», «*буопса – все*», «*борубулока – проволока*» уо.д.а. Манньык нууччалы тыллары олонхотугар киллэрбитэ олонхоһут нууччалы билэрин, кинилэри кытта алтыспытын көрдөрөр.

Түмүктээн эттэххэ, Бүлүү улууһун биир аакка-суолга кирибит олонхоһута С.И. Еремеев –Дэдэгэс олонхото сурукка тиһиллэн, архыыпка туттарыллан, хараллан биһиэхэ тийэн кэллэбэ. Ону үйэтиппит киһинэн саха фольклористикатыгар улахан кылааттаах А.А. Саввин буолар. Кини хомуйан, сурукка тиспит олонхолорун рукопистара билигин суолталара улаатта.

Литература

1. Биография народных певцов и олонхосудов 1938–1940 // Рукописный отдел ИГи-иПМНС СО РАН. Ф.5, Оп.3. Ед. хр. 850.
2. Бүлүү олонхоһуттара / хомуйан онордо С.Т. Иванова. – Дьокуускай, 2006.
3. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. – Новосибирск: Наука, 1980. – 375 с.
4. Еремеев С.–Дэдэгэс. Төбөт Мэник бухатыыр / Записано А.А. Саввиным в 1939 г. // РО, Ф.5, Оп. 3. Ед.хр. 850. Д. 118. 64 л.
5. Кузьмина А.А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск: Наука, 2014. – 158 с.
6. Саха төрүт өйүн-санаатын чинчийээччи, ученай Андрей Андреевич Саввин // А.А. Саввин аатынан Чурапчытааҕы этнография уонна история музейа / Хомуйан онордулар М.Е. Филиппова, В.Д. Попова. – Дьокуускай: Алаас, 2016.
7. Тон Саар бухатыыр: Олонхо / С.Н. Каратаев тылыттан А.А. Саввин суруйда; эпизеттиир ред. И.Е. Алексеев. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 237 с. (Саха боотурдара).

ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ЯКУТСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В ЗАПИСЯХ А.А. САВВИНА

Н.В. Павлова,

ИГиЛПМНС СО РАН, г. Якутск

В истории якутской фольклористики тридцатые годы XX века явились особо плодотворными по количеству собранных произведений устного народного творчества. Так, Институтом языка и культуры при СНК Якутской АССР «в 1938–1939 гг. была осуществлена экспедиция С.И. Боло и А.А. Саввина с большим маршрутом в группу Вилюйских районов» [5, с. 84]. Для сбора фольклорных материалов исследователи привлекали местных жителей, учителей и школьников в качестве корреспондентов. «Собранные экспедициями и корреспондентами материалы послужили основанием для рукописного фольклорного фонда института» [5, с. 84]. В данной статье мы постараемся определить особенности фиксации якутских народных сказок, собранных А.А. Саввиным во время Вилюйской экспедиции, так как нам интересно узнать по какой схеме и конкретной методике записывали фольклорные тексты А.А. Саввин и С.И. Боло.

По указателю Г.У. Эргиса, в котором дается информация о собирателях и лицах, записавших якутские сказки, самое рекордное количество текстов якутских сказок собрал А.А. Саввин [6, с. 272–273]. Как отмечает Г.У. Эргис, он «от сказочников П.С. Иванова, М.В. Павлова, Ф. Иннокентьевой и других записал 72 сказки» [5, с. 88]. Однако в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН мы обнаружили 93 сказочных текста, собранных под руководством А.А. Саввина в группе Вилюйских районов. С целью определить объем сказочного материала в настоящее время составляется реестр якутских сказок, собранных А.А. Саввиным во время Вилюйской экспедиции. Поэтому в скором времени объем сказочного материала, собранного участниками этой экспедиции, будет уточнен.

В результате рассмотрения сказочных текстов выяснилось, что из 93 текстов А.А. Саввин записал лично, полностью только 15 сказок, а 78 зафиксированы корреспондентами, т.е. учителями, учащимися сельских школ и отдельными лицами. Лично исследователем большинство сказок записано в 1938 г. от жителя Кыргыдайского наслега Вилюйского района Прокопия Софроновича Иванова, 29 лет. Это сказки «*Чыычаах Мангыс икки*» («Птичка и Мангыс») [3, ед. хр. 170], «*Тибэн Тиэхээн*» [3, ед. хр. 169], «*Саһыл туруйа икки*» («Лиса и журавль») [3, ед. хр. 168], «*Отут охтоох Ороҕодой Тээһэк*» («Орогодой Тээсэк с тридцатью стрелами») [3, ед. хр. 167], «*Куобах-куобах оҕонньор*» («Старик заяц-заяц») [3, ед. хр. 167], «*Мунгур-Мунгур оҕонньор*» («Старик Мунгур-Мунгур») [3, ед. хр. 166], «*Быт оҕуһаах сүүтүк сыарҕалаах Быт-Быт Быгыһаан эмээхсин*» («Старушка Быт-Быт Быгыһаан с быком-вошь и санями-наперсток») [3, ед. хр. 165], «*Кыым ыстаммыт*» (букв. «искра прыгнула») [3, ед. хр. 165], «*Тэтим Тэхээх*» («Тэтим Тэхэх») [3, ед. хр. 165], «*Кыа балаҕаннаах оҕонньор*» («Старик с юртой из трута») [3, ед. хр. 165], «*Кымпаакаан эмээхсин*» («Старушка Кымпаакаан») [3, ед. хр. 164], «*Биир кыыстаах оҕонньордоох эмээхсин*» («Старик да старуха с одной дочерью») [3, ед. хр.

163]. От жителя II Лючинского наслега Кобяйского района Григория Афанасьевича Кычкина, 64 лет (в 1938 г.), записаны две сказки: «*Чыпна Кыалык*» и «*Былахы то-йон*» («*Блошиный господин*»), а от жителя II Ситтинского наслега Кобяйского района Ивана Григорьевича Колмогорова зафиксирована одна сказка: «*Түөт сымыыттаах Түөнэй кыыл*» («*Птица Тюенэй с четырьмя яйцами*») [3, ед. хр. 183] и от Петра Николаевича Алексеева начало одной сказки: «*Иидэй-Буудай*» [3, ед. хр. 126].

Все сказки записаны простым карандашом, на унифицированном общетюркском алфавите, на писчей бумаге или на школьных тетрадках, тексты записаны на обеих сторонах листа. Паспортные данные пишутся на правом углу в начале фольклорного произведения, туда входят: ФИО сказочника, его возраст и место записи (название населённого пункта и района), например, «*Ujban'ar Vorokuoraj Soprionab'ys – 29 s. Vu'lyu or-na Kyrg'ydaj neh.*» («*Иванов Прокопий Софронович – 29 л. Вилюйский район Кыргыдайский наслег*») [3, ед. хр. 164]. Однако в некоторых текстах данные о сказочнике написаны исследователем в конце текста [3, ед. хр. 183, 185, 186]. После данных о сказочнике А.А. Саввин в центре листа пишет название сказки, а также в некоторых текстах после наименования сказки в скобках указывает название жанра, например, «*Iidej Buudaj (ostuoruja)*»¹ [3, ед. хр. 126].

В отличие от других исследователей А.А. Саввин в завершении почти каждого документа пишет постскрипtum на кириллице: «*Точная запись со слов рассказчика с сохранением особенностей его речи*» [3, ед. хр. 164, 165 (в 4-х текстах), 167–170], «*Записано со слов сказителя с сохранением особенностей его речи*» [3, ед. хр. 185] или «*Записано под диктовку рассказчика с соблюдением особенностей его речи*» [3, ед. хр. 163]. Затем подписывается и ставит дату записи (по порядку день, месяц и год): «*20/II-38 s'yl.*». Сказки записаны в 1938 г.: 19 февраля во II Лючинском наслеге Кобяйского района [3, ед. хр. 185–186], 20 февраля во II Ситтинском наслеге Кобяйского района [3, ед. хр. 183], во II Лючинском наслеге Кобяйского района [3, ед. хр. 126], 13 марта и 14 марта в Кыргыдайском наслеге Вилюйского района [3, ед. хр. 163–170]. Во многих текстах в конце можно обнаружить подпись А.А. Саввина, однако это не означает, что он сам вел запись, а является доказательством того, что текст принят им от сказочника и корреспондента или зафиксирован по его заданию.

Следует отметить, что иногда фольклористом после текста даются примечания к непонятным словам, которые были пояснены самими сказочниками [3, ед. хр. 165, 186]. Также отрадно то, что исследователь в некоторых текстах дополнительно включил мнения самих сказочников о значении рассказанной сказки. Например, к сказке «*Кыым ыстаммыт*» (букв. «Искра прыгнула») информатор объясняет: «*Tot tингнааq aas erejdeeq dien es qo'hoonun kurduk, tot kihi kelen olus kepsenen-kihirgeen tuoqqa ere tugun ere buharta buoluo. Vii oni eppittere buoluo (Иванов П.С.)*» («*Как в пословице «Сытый мученик, голодный бедняга (Иванов П.С.)» говорится, наверное, из-за того, что сытый слишком хвастается, говорит о себе много, обо что-то и что-то свое обжег... Вот об этом, наверное, говорится*») [3, ед. хр. 165]. Как заметно, пояснение сказочника записано исследователем на латинице, а в скобке фамилия и инициалы написаны на кириллице.

Интересно отметить то, что паспорт сказки, сама сказка, примечания к тексту ученым пишутся на унифицированном общетюркском латинском алфавите, а пост-

¹ По почерку видно, что исследователь записал только начало данной сказки, текст продолжил сам сказочник.

скрипту и подпись на кириллице и на русском языке. Из этого видно, что фольклорист грамотно владел двумя алфавитами. На русском языке и на кириллице он заполнял официальные документы (планы, отчеты, письма и т.д.). Возможно, унифицированный общетюркский алфавит он специально использовал для того, чтобы передать всю красоту речи, говора сказочника, а также специфические звуки, присутствующие только в якутском языке.

В результате рассмотрения записей якутских сказок мы определили, что А.А. Саввин фиксировал сказки по установленной схеме: 1) данные о сказочнике (ФИО, возраст информатора, место записи); 2) название сказки; 3) текст; 4) примечания к тексту; 5) дата; 6) постскрипту; 7) подпись.

Таким образом, основные принципы и схема фиксации фольклорных произведений, отмеченные у А.А. Саввина, позволяют сделать вывод, что первым известным собирателям-фольклористам Института языка и культуры при СНК ЯАССР главным методическим руководством послужила специальная программа, составленная отцом якутской фольклористики Г.У. Эргисом еще до начала экспедиций в группу Вилуйских и северных районов. Так, зачинатель якутской фольклористики Г.У. Эргис «на повышение собирательской квалификации обращал самое серьезное внимание», для этого им в 1935 г. была подготовлена «Программа по собиранию якутского художественного фольклора» [2]. Данная программа была одобрена академиком АН СССР Ю.М. Соколовым и на основе этой программы позже им было издано методическое пособие «Спутник якутского фольклориста» [1, с. 7]. В этом пособии Г.У. Эргис, опираясь на общетеоретические принципы полевой фольклористики того времени, дал ценные рекомендации собирателям и корреспондентам специально для фиксации фольклорного произведения: «Нужно писать, как слышишь, отмечая все особенности выговора, не считаясь с правилами грамматики и правописания. Записывать нужно обязательно на том говоре, на котором говорит сказитель. Постоянные выражения, любимые словечки, склад речи говорящего необходимо сохранять в точности, а не пересказывать своими словами» [4, с. 62]. Помимо инструкции, автор дополнительно включил анкету для исполнителя и собирателя, а также образцы фольклорных записей и библиографию, в которой ученый указал список необходимой литературы по сбору фольклорного материала. В список рекомендуемой литературы вошли труды известных ученых-фольклористов А.А. Веселовского, Ю.М. Соколова, Б.Я. Владимирцева, Н.К. Дмитриева, Н.П. Андреева и др. [4, с. 78]. В заключение следует отметить, что безусловно, «Программа» Г.У. Эргиса послужила основой для богатого и результативного сбора фольклорных материалов А.А. Саввину и С.И. Боло в группе Вилуйских и северных районов и положительно повлияла на качество сбора материала.

Литература

1. *Никифоров В.М.* Предисловие // Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск: Бичик, 2008. – С. 7-9.
2. Программа по собиранию якутского художественного фольклора // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 3.
3. Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3. Ед. хр. 126, 163–170, 183, 185–186.
4. *Эргис Г.У.* Спутник якутского фольклориста. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1945. – 95 с.
5. *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с.
6. Якутские сказки. – Якутск: Кн. изд-во, 1964. Т. 1. – 309 с.; 1967. Т. 2. – 284 с.

РУКОПИСЬ ОЛОНХО М.Г. СОРОВА «ҮӨЛЭН НҮРҮЙЭ»: ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ

Н.А. Оросина,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Текстологическое изучение рукописных записей олонхо является одним из актуальных направлений фольклористики. Научная оценка, описание, систематизация и исследование рукописных фольклорных текстов имеют важное значение для сохранения архивного наследия и отражают нацеленность исследователей на реконструкцию целостной картины собирательской деятельности. Существенное значение приобретает также целенаправленная работа по реставрации и сохранению рукописных текстов, в том числе – их архивация, последующая оцифровка и издание.

В текстологическом исследовании фольклорных произведений немаловажную роль играет история текста. Д.С. Лихачев отмечал, что «текст не существует сам по себе, его история есть история его создания и изменения людьми» [2, с. 49].

Рукопись олонхо «Үөлэн Нүрүйэ» М.Г. Сорова, хранящаяся в Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН, относится к советскому периоду. В ходе текстологического исследования выяснилось, что данная рукопись, изначально обозначенная как «самозапись», представляет собой рукописную копию самозаписи, снятую от руки. А подлинная самозапись, по сообщению родственников М.Г. Сорова, считается утерянной. Но родственники не теряют надежду, заявляют о возможности ее обнаружения, так как они до сих пор ведут поиски [1].

Работа над рукописной копией самозаписи олонхо М.Г. Сорова «Үөлэн Нүрүйэ» была начата в 1973 г. Г.М. Соровым, выступавшим в качестве корреспондента, и участниками фольклорной экспедиции Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР В.П. Еремеевым, З.З. Винокуровой. Имя еще одного фиксатора, участвовавшего в процессе создания рукописной копии, остается неизвестным. Эта работа была завершена в 1974 г. самим информантом – олонхосутом М.Г. Соровым. В аудиовизуальном архиве сектора якутского фольклора ИГИиПМНС СО РАН хранится также часть (продолжение) магнитофонной записи этого олонхо, сделанной П.Н. Дмитриевым в 1979 г. Начало, возможно, утеряно. В связи с этим задачами дальнейшего изыскания являются поиск полной аудиозаписи олонхо и сопоставительное исследование рукописного текста с аутентичным исполнением олонхосута.

В Рукописном фонде Архива ЯНЦ СО РАН хранится Протокол № 5 заседания сектора, в котором имеется отчет об экспедиции в Алексеевский район в 1973 г. На заседании был заслушан отчет начальника экспедиционного отряда П.Н. Дмитриева о результатах экспедиции (25 июня–10 июля 1973 г.), участниками которой являлись П.Н. Дмитриев, В.П. Еремеев, З.З. Винокурова и П.Х. Андросов в качестве вакантного участника (корреспондента). В маршрут экспедиции входили: с. Харбалах – Чычымах; Черкёх – Ытык-Кюёль – Туора-Кюёль [4]. О рукописной копии самозаписи олонхо М.Г. Сорова «Үөлэн Нүрүйэ» в протоколе не упоминается.

В создании рукописной копии участвовали пять фиксаторов, в том числе сам олонхосут. Чтобы уточнить подробности создания данной рукописи, мы обрати-

лись к участнице экспедиции Зое Захаровне Алексеевой (Винокуровой). Ее сообщение о том, что «рукопись не записывалась с голоса, а переписывалась из тетрадок информанта, поскольку автор не желал расставаться с оригиналом», окончательно подтверждает предположение о существовании оригинала самозаписи и ее последующем переписывании [3]. О наличии подлинной самозаписи также говорит внучка олонхосута Т.Г. Попова. Она вспоминает, что «у деда были тетради, в которых он писал свое олонхо» [1].

Стало известно также, что М.Г. Соров сам предпринимал усилия для распространения своих олонхо в виде рукописных и машинописных копий. Так, в воспоминании его невестки М.И. Соровой упоминается: «В 1972 г. Михаил Герасимович предоставил сыну, моему мужу Г.М. Сорову, завернутую в папку самозапись олонхо «Үөлэн Нүрүйэ» и попросил его переписать на белую бумагу. В процессе записи отец приходил и лично выверял текст. Спустя десять дней сын закончил запись и отдал отцу. Получилось олонхо с множеством листов. Помню, как он неоднократно отмечал, что изучением олонхо занимаются «большие люди», т.е. ученые. Когда получил переписанное олонхо, радости деда не было предела. Он поблагодарил нас и заявил, что собирается сдать это олонхо в печать» [8]. Из этого следует, что М.Г. Соров распространял олонхо в виде рукописных и машинописных копий. Об этом Т.Г. Попова вспоминает следующим образом: «В этом деле ему помогал мой отец Герасим Михайлович Соров, так как деду было трудно писать одной левой рукой объемные тексты и его почерк читался с большим трудом. Имелись рукописные и машинописные копии, созданные отцом. Одна машинописная копия хранится у нас» [1]. Можно сказать, что в данном случае в качестве корреспондента выступал сын М.Г. Сорова Г.М. Соров.

Олонхо М.Г. Сорова «Үөлэн Нүрүйэ» в 1973-1975 гг. было опубликовано также в улусной газете «Таатта» по инициативе ее редактора Наримана Петровича Голикова [7]. Помимо этого, имеется сценарий пьесы по мотивам этого олонхо, написанный самим М.Г. Соровым, который хранится в Таттинской центральной библиотеке [6].

Рукописная копия самозаписи олонхо М.Г. Сорова «Үөлэн Нүрүйэ» хранится в ф. 5, оп. 7, ед. хр. 140 Рукописного фонда Архива ЯНЦ СО РАН в одной папке из тонкой картонной бумаги коричневого цвета. На обложке имеется надпись: «*Материалы фольклорной экспедиции, собранные в 1973 году в Алексеевском районе Якутской АССР. На 165 листах*». Здесь также указаны номера фонда, описи, единицы хранения и инвентарный номер, поставлена печать Архивного фонда Научной библиотеки Якутского филиала АН СССР. Название олонхо написано на 1 листе документа: «*М.Г. Соров. Үөлэн Нүрүйэ. Материалы фольклорной экспедиции Института ЯЛИ 1973 года*». Текст олонхо начинается со 2 листа и заканчивается на 165-м листе. Листы 7-21 и 29-50 записаны на бумаге синего цвета, а остальные на белой, которая на данный момент довольно сильно пожелтела. Листы с 1 по 134 подшиты отдельно. Бумага писчая. Порванных листов, стершихся букв нет. Общее физическое состояние рукописи – удовлетворительное.

Олонхо написано в стихотворной форме с использованием современного алфавита. Инструментом записи являются шариковая ручка и чернила. В конце олонхо, на 165-м листе, есть отметка автора: «*Соров Михаил Герасимович. Алексеевский р-н Харбалаах бөһүөлэк олохтооҕо. Пенсионер. 1973-1974 сс. Бүтэрдим 14-IV-74 с. олохтоох бириэмэнэн 6 чаас 8 мүнүүтэбэ»* (досл. пер.: «Соров Михаил Герасимо-

вич. Житель пос. Харбалах Алексеевского р-на. Пенсионер. 1973-1974 гг. Закончил 14-IV-74 г. в 6 часов 8 мин. по местному времени).

По почеркам нами выяснено участие пяти фиксаторов, двое из которых не оставили подписи. Для их установления необходимо обратиться к графологическому анализу почерка как одному из логических методов изучения личности. На данный момент нами выяснены имена трех фиксаторов, участвовавших в процессе записи. Как было сказано выше, это собиратели-фольклористы ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.П. Еремеев, З.З. Винокурова и сам М.Г. Соров. Т.Г. Попова в одном из двух неизвестных почерков узнала почерк своего отца Г.М. Сорова, она уверяет, что одним из переписчиков является именно он [1].

Почерк № 1 – это почерк Г.М. Сорова (по версии Т.Г. Поповой), который фиксировал листы 2-47. З.З. Винокурова переписывала листы 56-62; 73-81 (*почерк № 2*). *Почерк № 3* определен как почерк В.П. Еремеева, записавшего большее количество листов – 51-54; 63-72; 82-115. *Почерк № 4* принадлежит самому М.Г. Сорову, написавшему листы 116-165. Имя владельца *почерка № 5*, которому принадлежат листы 48-50; 55 остается неизвестным.

Интересным является то, что М.Г. Соров, помимо участия в записи собственного олонхо (л. 116-165), лично отредактировал весь текст, что отразилось в рукописи. Так, он внес следующие поправки и изменения: а) исправления букв (л. 12, 43, 55, 117), слов (л. 15, л. 34), словосочетаний (л. 37, 42); б) удаление повторов (л. 18); в) уточнения в написании букв (л. 36, 41, 46, 48), слов (л. 31, 35, 41, 43, 49), словосочетаний (л. 31, 46), г) добавления букв (л. 14, 43), слов (л. 5, 35, 36, 46, 48); д) замена слов (л. 23, 34, 35, 36, 37, 39, 42); е) введение графических знаков (л. 38). Как видно, в рукописной копии самозаписи М.Г. Соровым проведена скрупулезная текстологическая работа.

В части, записанной самим М.Г. Соровым, встречаются: а) ремарки, пояснения архаичных и диалектных слов, которые приведены в скобках; б) написания якутских слов с использованием русских букв: *авааны* (л. 128, 156), *байвары* (л. 128), *ньиргердээхтик* (л. 135), *авыраммыт* (л. 159) и др., свидетельствующие об активном участии М.Г. Сорова в создании рукописной копии самозаписи олонхо. Особенности можно назвать то, что при описании природы в большом количестве встречаются сравнительные конструкции, обнаружено много авторских повествований.

Таким образом, в результате текстологического описания рукописи олонхо «Үөлэн Нүрүйэ» М.Г. Сорова выяснилось, что она является не подлинной самозаписью, а рукописной копией самозаписи смешанного типа, которая создавалась в результате коллективной работы переписчиков (собирателей-фольклористов и корреспондентов) с участием самого информанта. То, что автор самозаписи после рукописной записи лично выверял и вводил в текст олонхо корректирующие исправления, является особенностью фиксации настоящей рукописи.

В заключение необходимо сказать, что предстоит продолжить поиск утерянной подлинной самозаписи олонхо М.Г. Сорова «Үөлэн Нүрүйэ». Кроме того, история создания каждой из подобных рукописей требует дальнейших исследований, так как в ней проявляются особенности фиксации фольклорных текстов в советское время.

Литература

1. Беседа с Т.Г. Поповой. – Якутск-Таатта, 2017 г.
2. *Лихачев Д.С.* Текстология: краткий очерк / [отв. ред. С. О. Шмидт]. – 2-е изд. – М.: Наука, 2006. – 175 с.
3. Переписка с З.З. Алексеевой, 2017 г.
4. Протоколы заседаний сектора фольклора за 1973 год. № 1-9 // Рукописный отдел ИГИ и ПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Ед. хр. 717. На 22 л.
5. *Соров М.Г.* Үөлэн Нүрүйэ / Материалы фольклорной экспедиции, собранные в 1973 г. в Алексеевском районе Якутской АССР // Рукописный отдел ИГИиПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 140. На 160 л. – На якут. яз.
6. *Соров М.Г.* Үөлэн Нүрүйэ (олонхо-пьеса) / [машинописная копия, 1978-1979 сс.] // Таттинская центральная библиотека. – На якут. яз.
7. *Соров М.Г.* Үөлэн Нүрүйэ (олонхо) // Таатта. 1973, 1974, 1975 с.
8. *Сорова М.И.* М.Г. Соров туһунан ахтыгыта (воспоминание М.Г. Соровой о М.Г. Сорове) / [запись Т.Г. Поповой]. – с. Ытык-Кюель, Таттинский улус, 2017 г.

ПИСЬМЕННОСТЬ И ЗАРОЖДЕНИЕ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ*

Л.Н. Романова,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Зарождение якутской литературы исторически стоит в одном ряду со становлением якутской письменности. Ее ранняя история отражает все языковые реформы, происходившие на рубеже XIX-XX вв., в т.ч. переходы от ранней кириллицы к новгородовскому международному фонетическому алфавиту, затем к унифицированному тюркскому, и, наконец, возвращение к кириллице. С одной стороны, все эти процессы безусловно влияли на становление литературной традиции, с другой, литература в значительной степени способствовала формированию письменности, утверждению норм литературного языка.

Первым письменным литературным памятником признаны «Воспоминания» А.Я. Уваровского, написанные в 1848 г., по просьбе составителя грамматики якутского языка О.Н. Бетлингга. Уже в самой просьбе Отто Николаевича к Уваровскому интуитивно просматривается не только лингвистическая, но и в какой-то степени литературная подоплека. Это подтверждает и упоминание Уваровским о просьбе Бетлингга в письме, предваряющем «Воспоминания»: «...Ты пожелал ознакомиться из письма, написанного по-якутски, о моем происхождении, о моей жизни». То есть становится понятно, что Бетлинггу изначально был нужен не текст научного характера, представляющий собой образец якутской речи, а максимально приближенный к разговорной речи связный текст, передающий богатство и разнообразие языка, раскрывающий эмоционально-психологическую составную языкового мышления народа. С этой задачей Уваровский для своего времени справился блестяще.

* Статья написана в рамках проекта «*Республика Саха (Якутия): места памяти и многообразие идентичностей в истории и современности*» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН на 2015-2017 гг.: №36 «Историческая память и российская идентичность».

Безусловно, авторский замысел в «Воспоминаниях» достаточно конкретен, и в большей степени продиктован научной – лингвистической и этнографической задачей, нежели литературной. Но будучи человеком грамотным, любознательным, и, судя по стилю изложения, интересующимся и любящим русскую классическую литературу, Уваровский по мере своих сил и знаний попытался придать тексту художественную целостность и завершенность, следуя жанровым канонам мемуарной прозы. И хотя, по справедливому признанию, академика П.А. Слепцова, «имея несомненные художественные достоинства, “Воспоминания” в целом не могут считаться достаточно зрелым художественным произведением в современном смысле этого слова» [5, с. 43], в то же время нельзя отрицать определенную художественную ценность памятника.

Произведение Уваровского содержит яркие элементы *художественной* изобразительности и типизации, и вправе именоваться литературным памятником по ярко выраженной авторской позиции, по осязаемому следованию литературной традиции, или литературному канону (а именно: русской сентиментальной прозы и литературы “путешествий”, популярных жанров русской литературы первой половины XIX в.), по продуманной сюжетной линии повествования, красочности и образности языка и т.д. Автор вводит в свой текст элементы беллетризации в описаниях природы, в воспроизведении речи героев, авторских лирических отступлениях, которые при этом направлены на создание художественного документа эпохи.

Однако пограничность жанровых границ мемуара между документальной и художественной прозой, преобладание историко-этнографического описания над художественным, не позволяют по справедливому замечанию П.А. Слепцова, Г.С. Сыромятникова признать его полноценным литературным произведением с четким представлением о художественной целостности. Но «Воспоминания», несомненно, предтеча национальной литературы, свидетельствующая о потенциальных возможностях якутского литературного языка.

Учитывая, что памятник, прежде всего, был предназначен *для иноязычного читателя*, Уваровский прекрасно понимал, что его “письмо” не сможет решить проблему массового распространения письменности среди якутов, и тем более развитию художественной литературы на якутском языке. Поэтому он с горечью, обращаясь к Бетлингку, пишет: «Я чувствую бесполезность этого письма, только ты прочтешь его ради примера, никто другой кроме тебя его не прочтет», но более полувека спустя его сочинение было признано органической частью стадийного развития якутской литературы и первым памятником письменной литературы,

Более того, это первое якутское произведение, переведенное на иностранные языки – на немецкий Бетлингом и французский языки неким Буве. Как известно, в 1861 г. отрывок из произведения опубликован на французском языке в «Новом журнале путешествий» в Париже под названием «Путешествие в страну якутов».

«Воспоминания» и возникшая в начале XX в. якутская художественная литература относятся к разным типам литератур и разным эпохам литературного развития. Во времена создания первого письменного памятника на якутском языке литературное движение еще не оформилось в равномерно развивающийся художественно-эстетический процесс с пониманием исторической изменчивости стиля и языка. Переход к осознанному авторству с системным представлением о внутренних законах литературного развития осуществляется позднее – в начале XX в. в поэзии А.Е. Кулаковского.

В последнее время идет очень много споров и дискуссий по поводу основоположничества якутской литературы. Современные интерпретаторы не могут определиться, кому отдать пальму первенства – А.Е. Кулаковскому, А.И. Софронову или В.В. Никифорову. Понятию «основоположник литературы» придается целый ряд не сводимых друг к другу значений, таких как «первый писатель – выходец из данного народа», «создатель национального литературного языка», «писатель, положивший начало литературному процессу», «наиболее выдающийся писатель национальной литературы».

Спор в целом представляется достаточно бессмысленным, ибо каждый из этих писателей выполнил свою определенную судьбоносную миссию в становлении якутской литературы. При этом методологически неверным является подход к определению основоположника по дате публикации первого произведения, ибо факт публикации не может послужить основанием для утверждения, что опубликованное первым художественное произведение заложило основы литературной системы, в его жанрово-стилевом, идейно-содержательном, образно-мотивном и формально-структурном многообразии. «Дело современного ученого заключается не в том, чтобы, ниспровергнув одного идола, стремиться воздвигнуть на его месте другого, но в том, чтобы представить движение исторического процесса как сложное и действительно многогранное явление, в котором каждый из его участников должен обрести свое место» [1, с. 81].

Но, если исходить из исконного значения слова “основоположник” как “основатель учения, идеологии, школы, направления”, то в первую очередь это соотносимо с именем Алексея Елисеевича Кулаковского, который системно и планомерно разрабатывал основные принципы создания литературной традиции, начиная с ранних ученических рефератов и научных трудов по этнографии, языку, фольклору и мифологии. По справедливому замечанию Н.В. Покатиловой, «основная цель его (Кулаковского) будущей поэтической деятельности – создание литературы на своем языке – была сформулирована задолго до его первых литературных текстов» [4, с. 25]. По сути вся его научная, педагогическая деятельность была в большей степени подчинена идее создания литературы. Так, часть текстов из его «Материалов для изучения верований якутов», многие образцы, собранных и переведенных им пословиц и поговорок, легенды и предания, и даже его примеры из работы словарного типа «Виды животного и растительного царств, известные якутам», послужили благодатным материалом для его поэтического творчества.

Особенно велика его роль в становлении норм литературного языка. Разрабатывая идею связи литературного языка с разговорным языком простого народа, он в статье «Якутский язык» сжато и четко изложил свое понимание связей литературного языка с «живым употреблением», с разговорной речью. При этом он подчеркивает значение литературы в развитии языка: «...из-за плохого знания родного языка унывать нашей интеллигенции вовсе не следует. Она разговорный язык все-таки знает, остаются только слова поэзии, наречия и архаизмы, изучить которые нетрудно, хотя на первый взгляд может показаться иное. Благо, что начинает создаваться якутская литература» [2, с. 387]. Кулаковский в то же время ясно сознавал, что литературный язык не может и не должен отрываться от традиций «книжной» словесности, основы которой поэт находит в русской литературе.

Поэтому совершенно закономерна озабоченность Кулаковского вопросами утверждения якутской письменности. Всем известны его отношения с С.А. Новго-

родовым, которые выросли из отношений учителя и ученика в позицию оппонентов в вопросах якутского алфавита. Увещевания Кулаковского, убедившегося в своей педагогической практике в неудобстве предложенного Новгородовым якутского алфавита на основе международной фонетической транскрипции, не были услышаны молодым лингвистом. Еще тогда Кулаковский ясно осознавал идеологическую подоплеку языкового реформаторства в 20-е гг. Поэтому он в письме с настоятельной просьбой пересмотреть принципы алфавита и не спешить с отливкой шрифтов, обращается к своему молодому визави в стихотворной форме с предостережением:

Бэлиитикэбэ мэхэйдэһимэ,
Баартыйаларга бараалаһыма,
Хомуунаҕа холбоһума,
Үрүннэри үтүктүмэ...
В политику не встречай,
В партии не вступай,
С коммуной не объединяйся,
Белым не подражай...[3, л. 7]

Время расставило все по своим местам, и во многом доказало историческую правоту Өксөкүлээх Алексея, видевшего рациональность использования русского графического письма для якутского алфавита. Но и нужно отдать дань уважения смелости, широте научных познаний и эрудиции, новаторскому мышлению, энтузиазму Семена Андреевича Новгородова, сумевшему реализовать идею создания якутского алфавита, просуществовавшего многие годы. На алфавите Новгородова по существу были опубликованы все первые художественные произведения на якутском языке, в т.ч. и прижизненный двухтомник самого Кулаковского 1925-1926 гг.

Следует также отметить, огромное научное и культурное значение для кулаковсковедения сохраненного Новгородовым варианта поэмы Кулаковского «Сон шамана» 1913 г., который позволил проследить эволюцию творческого роста первопоэта.

Становление якутской письменности и якутской литературы на начальном этапе развития были неразрывно взаимосвязаны. В горячих спорах и дискуссиях формировалась и якутская письменность, и якутская литературная традиция. Таким образом, роль и значение А.Е. Кулаковского и С.А. Новгородова равноценны для формирования и развития письменности и письменной национальной литературы народа саха.

Литература

1. *Котылев А.Ю.* Образы основоположников коми литературы в советской культурной традиции (Куратов И.А., Жаков К.Ф., Савин В.А.). // Вестник Удмуртского университета. – 2005. – №12. – С. 80-93.
2. *Кулаковский А.Е.* Научные труды. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1979. – 484 с.
3. Письмо А.Е. Кулаковского С.А. Новгородову от 4 декабря 1920 г. // Рукописный фонд ИГиИПМНС СО РАН, ф. 5, оп. 9, д. 129., л. 1-7
4. *Покатилова Н.В.* От устной традиции к письменной в ранней литературе. – Новосибирск: Наука, 2010. – 248 с.
5. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.

ПИСЬМЕННОСТЬ И РАЗВИТИЕ ЖАНРОВ ПРОЗЫ В ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX в.

А.Н. Мыреева,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

За сто с небольшим лет развития якутская литература на современном этапе представляет собой многожанровое явление с развитой письменной традицией во всех родах литературы. До появления произведений основоположника якутской литературы А.Е. Кулаковского известны некоторые факты зачатков письменности, в чем значима роль переводов христианской литературы, просветительской деятельности политической ссылки, также алфавита О.Н. Бётлингга, первого прозаического произведения на якутском языке – воспоминаний А.Я. Уваровского, записей фольклорных памятников культуры.

В начале века важно появление печатных изданий «Якутский край», журнал «Саха саната» (Якутская речь). В этих обстоятельствах зародилась якутская письменная литература в гениальных созданиях А.Е. Кулаковского, главным образом в поэзии. Что касается прозы, впервые в печати появились рассказы Н.Д. Неустроева, К.О. Гаврильева, также в переложении А. Кулаковского – предания о Манчаары. Более интенсивное развитие жанров прозы, как и литературы в целом, связано с появлением алфавита С.А. Новгородова, с рождением условий для массовой письменности. В 1926 г. издается литературно-художественный журнал «Чолбон», создается книжное издательство.

Вехами в развитии жанров прозы в 20-30-е годы стали рассказы А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, П.А. Ойунского, А.А. Иванова–Кюндэ и др., по наблюдению исследователей, уже в эти годы малый жанр прозы рассказ предстает многопланово; социально-психологический, социально-бытовой, исторический, философский [4, с. 59]. Также созданы значительные произведения в жанре повести: Пл. Ойунского, Н. Мординова, Дм.К. Сивцева–Суорун Омоллона. Таким образом, якутская проза развивалась в направлении, характерном для многих литератур: от малых жанров – рассказа, очерка – к повести, а далее – к крупному эпическому жанру – роману. Всего в течение трех десятилетий проза прошла ускоренный путь развития, основанием тому является развитая народно-поэтическая традиция.

Правомерно утверждение о том, что «ускоренное развитие литературы не является результатом «перешагивания» через культурные эпохи, благодаря творческому потенциалу, накопленному в недрах якутской культуры» [6, с. 152].

Народно-поэтические традиции песен, тойуков, преданий, сказок, главным образом – олонхо как вместители всего арсенала народно-поэтической образности сыграли определяющую роль в возникновении не только жанров поэзии, но и прозы, о чем свидетельствуют произведения классиков якутской литературы, органично соединившие новые поэтические формы с фольклорными традициями. Более всего об этом свидетельствуют философские повести Пл. Ойунского «Кудангса Великий» (1929) [3], «Николай Дорогунов – удалец с Лены» и др. Эта традиция не

иссякла на всем протяжении истории якутской прозы, получив новый характер в произведениях второй половины XX века – в романах В.С. Яковлева–Далана, И.М. Гоголева–Кындыла и др.

Интенсивность литературного процесса 30–40-х годов проявилась в создании первых романов: «Молодежь Марыкчана» (1942) Эрилик Эристина [7], «Весенняя пора» (1944) Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа [2], в трилогии Н.Г. Якутского «Судьба» (1947-1964) [1], которыми было заложено начало романной традиции.

В литературном развитии опосредованно отражаются перипетии социально-общественной обстановки времени, так утвердившиеся принципы партийно-классового подхода к произведениям литературы по-своему влияли и на жанровую картину, о чем свидетельствует преобладание поэтических форм в 40–50-е годы прошлого века.

С другой стороны, понятна объективная востребованность динамичных жанров прозы в литературе военного времени – очерка и рассказа, о чем свидетельствовали произведения Н. Мординова, И. Никифорова, Д.К. Сивцева–Суорун Омоллона, Н. Якутского и др.

Новый этап в развитии жанров прозы в 50–60-е годы характерен для повестей и романов С. Данилова, Н. Мординова–Амма Аччыгыйа, Дм. Таас, А. Сыромятниковой, В. Гаврильевой. В обстоятельствах «оттепели» знаменательно появление произведений, обращенных к современности: романа С. Данилова «Бьется сердце», В. Яковлева «На водоразделе рек», далее повестей Дм. Таас, В. Яковлева–Далана, Р. Кулаковского, Эд. Соколова, Н. Лугинова, Е. Неймохова и др.

К 80-е гг. особое значение приобретает проблема «человек и природа» в романе Софр. Данилова «Не улетайте, лебеди» (1984), в романе П. Аввакумова «Мертвые стойбища».

В 70–80-е годы ведущим жанром прозы роман стал и в литературах Севера Якутии, о чем свидетельствуют творческие искания С.Н. Курилова – в юкагирской, П.А. Ламутского и А.В. Кривошапкина – в эвенской литературе. Для романов этих авторов характерно стремление к созданию широкой эпической картины жизни народа. Типологическая общность проявилась в особом внимании к традиционному укладу жизни, к истории народа.

В 90-е годы, в переломный момент эволюции умопредставлений, утраты прежних ориентиров и неясности новых, роман как форму миропознания характеризует освобождение от социальных и культурных догм и канонов, что отразилось и в жанровой динамике. Лучшие романы якутских авторов отличает широкий историко-культурный, этногенетический аспект осмысления истории народа. Возросшая роль личностного начала определила актуализацию новых форм романного мышления, обогащение реалистического в основе письма новым обращением к народно-поэтическим, к фольклорным истокам, к мифу, преданиям, что позволило углубить философский план повествования, усилить гуманистический пафос.

Как известно, развитие литературного языка не всегда идет по восходящей линии. Так, классические произведения, созданные в первой половине XX века А. Кулаковским, Пл. Ойунским, А. Софроновым–Алампа, Н. Мординовым–Амма Аччыгыйа, далее – во второй половине века: Софр. Даниловым, В. Яковлевым–Даланом, И. Гоголевым–Кындылом остаются образцами богатейшего литературного языка. Перед наукой стоит важная задача по изучению словаря произведений клас-

сиков. Примером являются труды академика П.А. Слепцова о роли художественной литературы 30-х годов XX века в нормализации литературного языка, постановка им задачи создания толкового словаря А. Кулаковского. В современных обстоятельствах распространения так называемой «массовой» литературы особую актуальность приобретает проблема качества литературного языка.

В последней четверти XX века знаменательно появление жанра собственно исторического и философского романа, что является показателем высокого уровня развития литературы. Выход на новый уровень романного мышления определил обновление проблематики в произведениях таких разных авторов, как Софр. Данилов, В. Яковлев–Далан, И. Гоголев–Кындыл, Н.А. Лугинов, Е.П. Неймохов, А.В. Кривошапкин и др., что проявилось в углублении историзма и гуманизма, в более органичном слиянии национального и общечеловеческого в постижении ментального «портрета» народа.

На современном этапе наблюдается относительно равновесное развитие основных жанров прозы, некоторый жанровый «консенсус».

В целом, динамика жанрового процесса в якутской прозе XX века свидетельствует об определяющем значении зарождения письменности, массовой письменности. Уже в первой половине века были заложены традиции основных жанров прозы, формируется богатый литературный язык на основе творческого восприятия русской и мировой классики, в результате органичного усвоения на новом уровне народно-поэтических традиций: сказок, преданий, мифов, олонхо. О роли литературы в развитии языка пишет П.А. Слепцов: «В этом собственно и заключается великая миссия художественной литературы по нормированию литературного языка, повышению языковой культуры народа» [5, с. 236].

О высоком уровне развития литературы Якутии свидетельствуют художественные открытия в крупных эпических жанрах прозы: повести и романе. Творческий поиск продолжается.

Данное выступление является постановкой, подступом к серьезной, многогранной проблеме, требующей углубленного исследования.

Литература

1. Золотарев Н.Г.–Якутский. Төлкө (Судьба). – Якутск: Кн.изд-во, 1947. – 232 с.
2. Мординов Н.Е.–Амма Аччыгыя. Сааскы кэм (Весенняя пора). – Якутск: Кн.изд-во, 1944. – 313 с.
3. Ойунский П.А. Кудангса Великий: Повесть-предание. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. – 88 с.
4. Окорокова В.Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии. – Якутск, 2001. – 68 с.
5. Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.
6. Тищенко В. Об авторе и его книге // Послесловие к кн: *Тобуроков Н.Н.* Писатель корчагинской закалки о жизни и творчестве С.С. Яковлева–Эрилик Эристина. – Якутск, 1979. – С.149-150.
7. Яковлев С.С.–Эрилик Эристиин. Маарыкчаан ыччаттара (Марыкчанские ребята). – Якутск: Кн.изд-во, 1942. – 206 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М.А. Кириллина,
ИГиЛПМНС СО РАН, г. Якутск

В рамках исследования якутского письменно-литературного языка актуализируются вопросы, связанные с языковыми особенностями драматургических текстов. В этом плане особый интерес представляет первоначальный этап развития якутской драматургии, представленный творчеством основоположников литературы А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева.

Драматургия связана с актуальными моментами языковой ситуации эпохи теснее иных словесных искусств, что обусловлено ее жанрово-родовой спецификой, ее диалогической структурой. Драматургическая речь в какой-то степени представляет собой эстетически трансформированную разговорную речь. Будучи наиболее приближенной к собственно коммуникативной сфере общенационального языка, речевая ткань классических пьес начала прошлого века отразила множество языковых процессов, присущих якутскому языку рубежа веков.

Драматургическая речь якутской литературы представляет собой специфическое и недостаточно изученное явление. Особенности языка якутской драмы начала прошлого столетия, в частности, тексты В.В. Никифорова, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева одним из первых исследовал акад. П.А. Слепцов. В данной статье мы ограничимся анализом комедийных текстов Н. Неустроева.

Языковые особенности текстов начала прошлого века, безусловно, обусловлены исторической конкретикой, жанровым своеобразием и индивидуально-авторским стилем. В творчестве основоположника якутской комедии Н.Д. Неустроева нашли своеобразное отражение общественно-политические, духовно-нравственные проблемы якутской действительности начала прошлого века. В смеховом мире писателя можно найти целый ряд оттенков комизма – от ярких и забавных острот до тонкой иронии. Комедийный талант Н.Д. Неустроева проявляется, в первую очередь, в построении комедийного сюжета, в резком заострении исходной ситуации конфликта и его решения. Так, сюжетная организация комедии «Злой дух» (1920) основана на абсурдной ситуации: женитьбе сына нищего на единственной дочери богача; Голова Сойка вместо ожидаемого ордена получает известие о свержении царя («Голова Сойка», 1920); Иван Омуннаах («Поспешивший», 1925), поверив слухам о смерти жены, женится на другой. В пьесе «Простокваша» (1925) комическая ситуация создается, когда сатирический герой, неправильно поняв приказ, написанный по-русски, вместо 25 мешков *тары* собирает 25 пудов замороженной простокваши – *тар*. В данном случае комедийный конфликт основан на игре слов: якутского «тар» (простокваша) и русского «тара» (мешок).

Комическое находит своеобразное отражение в индивидуальной речи каждого персонажа. Так, речи Степана Харыйа («Простокваша») присущ гротеск, доходя-

щий до абсурда: «Для советской власти и зимние морозы не страшны!». Лексикон бродяги Семена Силэхтэ («Злой дух»), содержащий жаргонизмы, эмоционально-окрашенные выражения («мошенник», «сиэрэйдээ», «баскын быһа тардыам», «саарытын астарда» и т.д.), способствует усилению сатирической окраски, заострению его характера. Комический эффект вызывается и ломаной якутской речью священника: «Дьэ, Иоанн кырдыаҕас, туохтан ыарытта баар?», также частым, почти бессмысленным повторением фраз «Господи помилуй!», «Слава богу!».

Специфична авторская ремарка, в гротескном виде описывающая внешний вид священника: «Унуобунан кыра, арбайбыт баттахтаах, сытыы уоттаах харахтаах, сантайбыт муруннаах, хойуу бабайы удьуруйбут баттахтаах, дьүһүнүнэн бэрт бүрэ киһи». Детальное описание одежды персонажа, не лишённое сарказма, также обусловлено приемами сатирической типизации: «Көлөһүннээх хара эрээсэни кэппит, атаҕар саппыкылаах, үрүҥ көмүс кириэһи моонньугар иилинэн кэбиспит». Гротескно-карикатурное изображение сатирического героя завершается ремаркой «кажется, немного пьян».

Как показал анализ, речевая организация пьес отличается разговорной интонацией, подчеркнутой заостренностью, несколько сниженным экспрессивным стилем. По справедливому замечанию П.А. Слепцова, несомненно, это «предполагает высокую обработанность, отшлифованность языка персонажей в плане типизации ярких, характерных свойств живой разговорной речи» [2, с. 109].

Смеховой язык комедий Н. Неустроева включает активное употребление персонажами междометий (*но, бачах, бэ, бай, ок-сиэ, бу үлүгэри*), модальных слов (*бэйи, хайа, хата, аата*), эмоционально-экспрессивных выражений (*лабанхалаама, ын-ньаҕалатан, өрө мэнгитэн, эргичийэ турабын, туох дэлби барда, өрө тыына турар эбит дуу* и пр.), придающих тексту устно-разговорный характер. Использование образных слов в речи персонажей (*мөлбөйөн, бөлтөччү, дэлбэрий, купчурус гынна*) и звукоподражательных слов (*лабардаа, чаабырҕаа, тибиргэс*), не только вызывает комический эффект, но и придает тексту своеобразный национальный колорит. Безусловно, «умелое обращение с живым разговорным языком, искусное владение тонкостями народного юмора в построении предложений, в создании диалогов свидетельствуют о высоком мастерстве, комедийном таланте писателя» [1, с. 26].

Созданию комического эффекта подчинено и применение бранных слов и ругательств (*күтүр өстөөх, били күтүр, тайҕа түөкүнэ, бэйи ууса*), слов с эмоционально-экспрессивной окраской (*хайа бэйэлээх, эрэйдээх, баҕас, боторооску, акаары, нохоо, хотуой*).

Особое место в «смеховом мире» Н.Д. Неустроева занимает ирония, выражающая критическое отношение автора к явлению. Иронично название пьесы «Злой дух», в комедии он приобретает человеческий облик в лице меркантильных и предприимчивых Конона и Семена. В речи сатирических героев иронично обыгрываются и народные пословицы «Дьол хараҕа суох» («Счастье слепо») и «Уол оҕо дьоллоох, таңгара баайдаах» («Мужчина счастлив, бог богат»).

Примером *антифразиса*, т.е. употребления слова в значении, противоположном обычному, служит частое употребление слова «тойоммут» («наш господин»), по отношению к сатирическому персонажу («Простокваша»). Этим подчеркивается несоответствие Степана Харыйа занимаемой должности. Так, в то время, когда Степан занят прочитыванием приказа, жена посмеивается над ним: «Дьөбөйон тар-

дыас киһи суруйбут буоллаҕа дуу...» - «Наверно, приказ этот написан таким же заикой». Данная реплика, вызывая комический эффект, способствует дискредитации осмеиваемого персонажа.

Итак, интонационно-речевая организация комедий Н. Неустроева, с одной стороны, отражает разговорный стиль того времени, с другой – является воплощением индивидуально-авторского стиля драматурга. В своих комедиях Н. Неустроев искусно демонстрирует умение выражать в комической форме серьезные, социальные проблемы общества. Перспективным представляется специальное исследование языковых особенностей драматургических текстов А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева, что позволит установить характерную языково-стилистическую специфику драматургии писателей-классиков, представить состояние коммуникативно-речевой ситуации начала прошлого века.

Литература

1. *Билюкина А.А.* Человек и власть в комедиях Н.Д. Неустроева // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2014. – №2(9). – С. 110-116.
2. *Кириллина М.А.* Якутская комедия: типология и жанровая динамика. – Новосибирск: Наука, 2014. – 116 с.
3. Литература Якутии XX века: историко-литературные очерки. – Якутск: Бичик, 2005. – 728 с.
4. *Нелунов А.Г., Слепцов П.А.* Глагольная фразеология якутского языка. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1981. – 125 с.
5. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЯКУТСКОЙ МАЛОЙ ПРОЗЕ

Т.П. Самсонова,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

Живая связь якутской литературы с богатыми фольклорными традициями продолжается и в творчестве современных писателей. В данной статье хотелось бы остановить свое внимание на рассмотрении особенностей функционирования фольклорных текстов в рассказах авторов “новой волны”.

Впервые в якутском литературоведении на основе сравнительно-сопоставительного анализа разработана типология фольклорных текстов в современной малой прозе: *устно-поэтические* (обрядовая – алгыс-благопожелание, алгыс-закливание, заклинание-проклятие, осуохай; необрядовая поэзия – народные песни), *нарративные* (легенды, предания, сказки-апологи) и *малые жанры фольклора* (паремии, загадки, фольклорные клише и формульные предложения, характерные для героического эпоса-олонхо). Выявлены жанровые предпочтения авторов, исходящие из проблемно-тематической направленности их творчества. Особое внимание

уделено творческому освоению и авторской индивидуализации фольклорных текстов. Сравнительный анализ первоисточников и их литературных вариаций, отмеченных сходством как в сюжетном, так и функционально-стилистическом плане, позволил выявить совокупность стилистически маркированных единиц и степень реализации их потенциального значения, участвующих в создании эстетического эффекта.

Устно-поэтические жанры фольклора.

1. В качестве одного из носителей формульного фонда выступают жанры *культово-обрядовой поэзии*. Что касается магических заклинательных текстов (благопожеланий, проклятий), то они имеют отчетливо выраженную цель (изгнать, утратить, призвать благо, испросить помощь и т.п.) и конкретный адресат. В этом отношении наиболее актуализирован рассказ, тематически обращенный к охотничьему промыслу, как исконно традиционному занятию народа саха. Художественные тексты охотничьего рассказа рассмотрены по сюжетно-тематическому признаку: *социально-бытовой* и *социально-психологический* с углублением в бытовые, этические и экологические проблемы (Д. Наумов «Байанай» [5], И. Чагдинский «Исцеление природой» [21]), *приключенческий* и *юмористический* с фиксацией авантюрных ситуаций (Х. Хабарова «От неминуемой смерти спас Мултумах» [19], А. Постников–Сындыыс «Охота на чирка по-чуралчински» [9]), *мистический* с обращением к мифопоэтическим традициям, фантастике (Е. Слепцова–Куорсуннаах, «Дух огня» [12], Г. Угаров «Тайна охотничьей избушки» [15]) и *лирический* с отражением чувств и внутреннего мира героя (В. Федоров–Сэмээр Баһылай «Бывает же такое!» [17]) и др. В общем контексте охотничьих рассказов доминирующим является обряд с обращениями, *алгысами-благословениями*, который в силу своей сакральности более консервативен в сохранении своих архаических элементов (фольклорной аллитерации, лексических, синтаксических анафор, равномерного ритма).

Фольклорные тексты по своим прагматическим возможностям не всегда равноценны. Так к примеру, в рассказе «Неминуемая беда» Е. Слепцовой–Куорсуннаах [12] камлание шамана Кэмпис начинается с обращения к духу огня с мольбой о благословении и напутствии в «восхождении» в Верхний мир.

В текстах алгысов находим подтверждение синкретичности данного жанра обрядовой поэзии, о чем свидетельствует, например, включение усеченного варианта известной якутской пословицы: “*Алгыс баһа сыалаах!...*” (структурной трансформации подвергается “*Алгыс баһа сыалаах, кырыыс баһа хааннаах*” (благословение отзывается добром, проклятие – кровью)). В рассмотренных нами текстах алгысов (Е. Слепцова–Куорсуннаах «Сотворение зла» [12], П. Самсонов «Черная тень» [10], С. Колосов «Обряд испрашивания души» [4] и др.) в роли стилистически маркированных языковых единиц выступают не только специфическая архаичная лексика, но и определенные грамматические формы. Глагольные конструкции, помимо поэтизирующих функций, призваны выполнять основную коммуникативную задачу алгысов – мольбу, просьбу о милосердии божеств и духов. Преимущественно используется отрицательная форма побудительного глагола *-(ы)ма* 2 лица ед. или мн.ч., выражающая более категорическое нежелательное отрицание. В качестве вспомогательного средства к ней примыкает частица “*даа*” (*же, да*), которая довольно часто выражает мольбу, усиленную просьбу говорящего: “*Илиибин-атахпын баайыма даа!*” (*Не связывай же мне руки-ноги!*) [4]. Следует отметить использова-

ние данной частицы в традиционных фольклорных текстах и ее ритмообразующую роль в звуковой организации заклинания.

Создатели текста алгыса, как и певцы-импровизаторы, используют в своем творчестве устоявшийся, отшлифованный набор поэтических выражений, придающий тексту сакральный смысл и усиливающий его магическую силу: *“Антах көрөн мичик аллайын, / Бэттэх көрөн күлүм мичээрин!”* (Поглядев в ту сторону, рассьмейтесь, / Посмотрев в эту сторону, улыбнитесь).

Усложненность эпитетики может рассматриваться как один из поэтико-стилевых признаков жанра обрядовой поэзии. В текстах представлены эпитеты-перечисления различных признаков духов-иччи с аффиксами *-лаах* (*“тыыннаах”* – с дыханием, *“дурдалаах”* – имеющий укрытие), основанными на лексемах, образующих единый ассоциативный ряд, например, со словами, выражающими предназначение духа-иччи. В современном рассказе наблюдается усечение, упрощение традиционного фольклорного клише. Например, вместо *“суостуганнаах суо-хаан оһох дурдалаах”* (в жаром обжигаящем, величаво-почтенном камельке укрывающийся) автором оставлено *“туруору оһох дурдалаах”* (в высоком камельке укрывающийся) [4].

Тексты обрядовой поэзии представлены не только как алгысы-благопожелания, но и как **заклинания-проклятия**. К примеру, в рассказе Н. Семенова «Человеческое слово – стрела» [11] проклятие матери-удаганки, потерявшей сына, выражено в традиционной форме: *Пусть ваши восемь бедренных костей разойдутся, девять позвонков рассыплются, испытав муки, постигнет вас болезнь парализующая!* [Здесь и далее перевод – Т.С.]. В другом рассказе «Отмщение» С. Попова–Тумата [8] заклинание шамана несет в себе не только месть, но и назидательную функцию: *Передавай будущему своему поколению о том, что притеснение слабого, беззащитного, старого и немощного грозит неминуемой страшной расплатой*. В отношении языковой организации следует отметить, что глагольные формы в заклинаниях-проклятиях представлены в форме повелительного наклонения с различной степенью модальности побуждения субъекта к действию: повеление, призыв, просьбу, пожелание и т.п.

2. В народном круговом танце **осуохай**, сопровождаемом пением запевалы-импровизатора, традиционно воспевается наступление долгожданного лета. Данный элемент может выступать в качестве одного из средств пейзажной зарисовки в тексте: *Эһиэкэйдиир эһиэкэй, / Оһуокайдыыр оһуокай! / Солнце греет все сильнее / Кукушка звонко закуковала / О счастливом времени оповестила* (рассказ «Весеннее настроение» Г. Угарова [16]). Своеобразие текстов обрядовых песен круговых танцев проступает не только в области поэтического содержания, но и их языковой организации. Повествовательная часть подобных песен начинается с перечисления основных явлений, свидетельствующих о наступлении лета: усиление солнечной активности, очищение реки ото льда, пение кукушки. В качестве рефрена выступает устойчивое выражение *«эһиэкэйдиир эһиэкэй»* и *«оһуокайдыыр оһуокай»*, выполняющее усилительную функцию. Созданию ритма способствует применение глагольных основ с одинаковым количеством слогов (здесь – двусложные).

3. В творчестве современных авторов прослеживается несомненное влияние традиций и эстетики **песенного фольклора**. В качестве примера рассмотрен рассказ Д. Наумова «Девушка с надменным взглядом» [5], активизирующий в сознании читателя некую параллель сюжета и образов с народной песней «Волосы с кулак, ноги

с чечеткины Алексаша Чукчулаана» [22, с. 204-209]. Будучи «вторичным» по отношению к фольклорному тексту, литературный вариант, на наш взгляд, имеет даже определенное превосходство в области его языковой организации: наличие формул, клише, характерных для героического эпоса-олонхо и являющихся устойчивыми элементами текста, основанными на принципе образного параллелизма: “*Ааспыт үйэ дьогдьойор саалыгар, / килбэйэр кишинигэр*” (на хребте / и в сверкающем центре прошлого века). Вместе с тем своеобразен и синтаксис речи. В рассказе мы находим переплетение интонации бытовой и рифмованной речи, воплощенные как в коротких предложениях, так и усложненных синтаксических конструкциях. Сила эмоционального воздействия рассказа также заключена в таких поэтических приемах как эпитет-перечисления, основанный на именах прилагательных с -лаах, сравнения с послелогом “курдук” и др.: “*Хатын лабаата дэйбишрдээх, / харахпар иэйи уоттаах, / уол оҕо уоһа таарыйбатах уостаах, / эр бэрдин илиитэ тиийбэтэх бишллээх, / ырыа курдук ыраалаах, / саһарба курдук санаалаах / хааман курбалдьыйан испитим*” (“с махалкой из березовой ветки, / чувственной искрой в глазах, / с губами еще никем не целованными, / талией еще никем не приобнятой, / мечтой подобно песне, / мыслями подобно утренней заре / шла я быстрой походкой”) [5]. Рассказ с использованием народной стихотворной речи с ярко выраженной слоговой аллитерацией, ритмикой, повторами единой синтаксической конструкции – наглядный пример восполнения того, что утрачивается молодыми авторами в последние десятилетия.

II. Нарративные жанры фольклора

1. Ценность историко-познавательной стороны якутских *легенд и преданий* как словесной формы памяти народа заключается в восстановлении подлинных событий и лиц прошлого как источниковедческого материала. В содержании произведений современных авторов отражены социальные, нравственные и эстетические воззрения очевидцев о знаменитых шаманах (в рассказах «Райская земля – Атамай» Н. Харламповеой [20], «Шаман Багарынна» С. Попова–Тумат [8]), людях, обладавших необычайной физической силой («Сиэн Сотокуун» И. Дмитриева [2], «Анкыр и Моруот» С. Попова –Тумат [8]), хитроумных смельчаках («Похождения Супту Тусэр» С. Попова–Тумат [8]) и др. Не менее увлекателен по своему содержанию рассказ-легенда «Кедровый стланик» В. Федорова–Сэмээр Баһылай [17]. Отличительными особенностями преданий и легенд являются ретроспективность, локальность, внешняя форма проявления эпической позиции, драматизм содержания и др. Из стилистических приемов наиболее употребительны амплификация («*Күөн көрсүһэр, күрэс былдьаһар, илин түсүһэр күнүм-ыйым күөйэ көтөн кэлээхтээтэбэ*») («Наступил день противостояния, противоборства, состязания»), парцелляция («*Кэбис, тохтоо! Болбой! Иллэһиэх-эйэлэһиэх!*») («Нельзя, постой! Послушай! Давай помиримся!»), ритмический параллелизм («*Сигэнэ оонньуур силиргэхтээх маһын, аалына оонньуур арынах маһын мин дуо?*») («Кто я тебе – дерево могучее, на которое можно опереться, или дерево наклонившееся, о которое можно тереться?»), в некоторых случаях инверсия («*Уурбут сириттэн үтүлүктээх бэргэһэтин кыайан ылар кыаба суох эрэри киһини кытары күүс былдьаһа кэлэ туура да баар ээ, күдүү гыммыкка дылы*») («Не способный даже взять с места, куда сам положил, свои шапку и рукавицы, ты пришел, чтобы со мной помериться силой, словно насмехаясь надо мной») [8].

2. В отдельных сюжетах *сказок-апологов* о тотемных животных-предках отражены древние мифологические представления якутов, которые, пусть в весьма трансформированном виде, но все же несут в себе уникальную информацию (рассказ «Зверь, лишивший его жизни» Х. Хабаровой [19]). Своя мифологическая система, основанная на оригинальных сюжетах волшебных сказок, создана и в произведениях С. Попова–Тумат («Верблюд и олень» [8]), З. Атаковой («Таежные жители», «Срединная земля с восходящим солнцем» [1]), Т. Находкиной («Невероятные приключения Митяски», «О дятле, теряющем зрение» [6]). Через освоение западной мифологии некоторые авторы вышли и к мифам своего народа. Интерпретация, соединяющая мифологические сюжеты и образы волшебных сказок, получает развитие в таких отдельных направлениях как фэнтези (Г. Угаров–Угаалаах «Желанные гости» [16], Е. Слепцова–Куорсуннаах «Ледяной рай» [13]). Ориентированность на жанр сказки указывается с помощью начального слова-маркера “*былыыр-былыр*” и эвиденциальной частицы “*үһү*”, выражающей косвенную засвидетельствованность: “*Былыыр-былыр Орто дойдуга Дьыл диэн эр бэрдэ олорбута эбитэ үһү*” (“*В давние-предавние времена в Срединном мире жил-был человек по имени Дьыл*”) [16].

III. Малые жанры фольклора

1. Не менее интересно внимание современных авторов к изобразительной стороне текста. *Пословицы и поговорки* могут выступать в виде заглавий рассказов (Н. Семенов «Человеческое слово – стрела» [11], Е. Иринцеева–Огдо «У человека бывают счастливые дни, у рыбы – время метания икры», «Находчивый имеет лисий воротник» [3]), эпиграфов к ним («Не плюй, задрав голову вверх, слюна попадет тебе в глаз» к рассказу «Отмщение», «Счастье и горе – родные братья» к рассказу «Расплата» С. Попова–Тумат [8]), где подобный прием чаще всего несет в себе основную идею произведения. Включение паремий в художественный текст оформляется с помощью вводных конструкций с глаголами речи: “*диэбиккэ дылы*” (“*подобно тому*”), “*былыргылар этэллэринэн*” (“*как поговаривали в старину*”), “*били этэллэригэр дылы*” (“*как говорится*”) и т.п.

В современных рассказах преобладают пословицы и поговорки следующих тематических групп: о жизни и судьбе; семье и семейном быте; безысходности ситуации и выражении эмоций; порицании человеческих недостатков и пороков; назидательные.

Несмотря на свою немногочисленность, все же имеют место быть пословицы, отсылающие к известному сюжету сказки или предания. Например: *Маны этэн эрдэхтэрэ, абааһы ытык харабын кыайан аахпатабар дылы диэн* (Е. Слепцова–Куорсуннаах «Судьба Анны» [12]). Автология паремии такова: по сюжету сказки, женщина предложила черту, намеревавшемуся ее съесть, сосчитать отверстия в мутовке, а когда черт начал считать, она стала вертеть мутовку, чем и сбила его с толку и избавилась от смерти. Рассказ «Наследник» В. Федорова [17] содержит фрагмент предания о происхождении поговорки «*Подобно голове быка Кычкина*», применяющейся в ситуации, когда приходится бессмысленно долго ждать чего-л.

Ритмико-звуковая организация пословиц придерживается традиционных изобразительных средств якутского стиха (аллитерация, синтаксический параллелизм, повтор). Якутским пословицам свойственны почти все тропы художественной выразительности: сравнение («*Сокуон хараба сулус харабын курдук*» *диэн өс хоһооно*

ааспакка-арахпакка өйүгэр киирэ турар (Пословица «Статьи закона также многочисленны, как звезды на небе» все не выходила из его головы) (Н. Федотов «Медвежья услуга [18]»); *олицетворение* (*Салан киһи тыаба табыстабына ойуур маһа ытыыр, оттон уус киһи табыстабына – үөрэр* (Если неумелый человек выходит в лес, тогда плачет дерево, а если выходит мастер – радуется) (Г. Угаров «Басыргас» [16]), *метафора* (*Уол оҕо биирдэ ат өрөбүтүгэр, биирдэ – уорбатыгар* (Молодец может оказаться сегодня под брюхом скакуна, а завтра – в седле) (М. Соров–Кыыдам «Затерянная любовь» [14]), *метонимия* (*кэччэгэйтэн кэлтэгэй хамыйахтаах басыһар* (абаасы) (У скупого черпает тот, кто с плоской ложкой (черт) (С. Колосов «Клятва Аннушки» [4]), *гипербола* (*Халлаан хабарбатынан, муора тобугунан* (Небо – по горло, море – по колено) (С. Попов–Тумат «Расплата» [8]) и др.

В качестве ритмообразующего компонента преимущественно используется аффикс «-лаах». По лексическому составу представлены как синонимы, так и антонимы. Из всего корпуса якутских пословиц и поговорок в литературных текстах основная часть представлена в виде двусоставных предложений (как простых, так и сложных, в основном бессоюзных). Между частями сложносочиненных предложений наиболее выражены отношения противопоставления или сопоставления, чаще всего с зооморфными элементами: “*балык ыамнаах, киһи күннээх*” (“у рыбы бывает время метания икры, у человека – счастливые дни”) [3]. Часто наблюдается повтор основы сказуемых, при этом во втором случае употребляется отрицательная форма.

В паремиях, представленных в произведениях современных авторов, наблюдается тенденция к перестановке или замене компонентов пословиц, по сравнению с фольклорными источниками. Но если структурные вариации не затрагивают смысла паремий, то лексические замены могут привести к ее упрощению: “*муннун дулбаа соттубута*” (“отер свой нос о кочку”) вместо “*тумсун дулбаа соттубута*” (“отер свой клюв о кочку”) [8] и т.п.

2. **Загадки**, в отличие от пословиц и поговорок, менее употребительны в якутских рассказах. Поэтический «инструментарий» загадок базируется на основном тропе – метафоре, которая, максимально отвечая сущностно-функциональной природе малых жанров, обнаруживает в них всю полноту и многогранность своего выражения. Метафора в загадках, в отличие от пословичной, всегда оперирует аналогиями между предметно-вещевыми сферами. В качестве примера можно рассмотреть текст загадки из рассказа «Сайылыкпар сылдьан» (Возвращаясь с охоты) М. Сорова–Кыыдам: “*Халлаантан кырбас эт кэлэн түһэрин кэтэһэн...*” (В ожидании того, как с неба упадет кусок мяса...) [14]. Фрагмент содержит прямую ссылку на известную загадку “*халлаантан кырбас эт кырайдан түһэр үһү*” (Говорят, с неба падает кусок мяса) и рассчитан на читателя, знакомого с якутским фольклором. В данном случае приводится пример метафоризации добычи (дикой утки или гуся).

3. По частотности употребления уступают **фольклорные клише** и **формульные предложения**, характерные для героического эпоса-олонхо. Сказ о былых временах по традиции предваряется эпическими формулами из вступительной части олонхо, служащими для усиления смыслового эффекта сакральной сверхсобытийности (С. Попов–Тумат «Легенда и любовь» [8]: *Ол былыргы былдьаһыктаах дьыллар мындааларыгар, урукку охсуһуулаах сыллар тардыһыларыгар... ‘в те древние беспокойные времена, в минувшие тревожные годы’*; Е. Неймохов «Разговор отца с сыном» [7]: *«Такая, что наступишь – не гнется, надавишь – не прогибается непо-*

колебимая Срединная земля...»); из описания жилища богатыря – образное сравнение, основанное на приеме гиперболизации, с послелогом «саба» (подобно) “ууга олоххо олорор киһи улар саба буолан көстөр” (сидящий справа кажется размером с глухаря) (С. Попов–Тумат «Шаман Багарынньа» [8]); формульные сочетания из вступительной части песни дьявольской девы (Е. Слепцова–Куорсуннаах «Сотворение зла» [12]) и т.п. Формульность языка олонхо, устойчивость сравнений, принцип описания служат как стилистический прием создания экспрессивности и фольклорной повествовательности в тексте, позволяющий авторам варьировать их в соответствии с замыслом произведения.

Таким образом, актуализация «забытых» пластов словесной культуры в произведениях якутских авторов позволяет представить устную традицию во всем богатстве и многообразии ее словесных форм и как наглядный эстетический пример восполнения того, что утрачивается молодыми авторами в последние десятилетия. В результате сопоставления фольклорных первоисточников и их литературных вариаций, анализа формы, содержания, языковых средств на лексическом и ритмико-синтаксическом уровне выявлена совокупность стилистически маркированных единиц и степень реализации их потенциального значения, участвующих в создании эстетического эффекта.

Литература

1. Атакова З.А. Чоҕочу хаара: кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2003.
2. Дмитриев И.А. – Сизэн Чолбодук. Мичийэ танара: кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2006.
3. Иринцева Е.С. – Огдо. Барыта алҕас этэ...: сэһэннэр, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2009.
4. Колосов С.П., Колосов И.С. Алаас кистэлэннээх кэпсээннэрэ. – Дьокуускай: Бичик, 2012.
5. Наумов Д.Ф. – Миштэрэй Наумов. Дэриэбинэм барахсан: кэпсээннэр, пьесалар. – Дьокуускай: Бичик, 2009.
6. Находкина Т.П. Булумньу оҕо: сэһэн, кэпсээннэр, остуоруйа. – Дьокуускай: Бичик, 2011.
7. Неймохов Е.П. Таптал түөрт кэмэ: кэпсээннэр, публицистика. – Дьокуускай: Бичик, 2000.
8. Попов С.А. – Тумат. Өс төрөөһүнэ: сэһэн, кэпсээннэр, новеллалар. – Дьокуускай: Бичик, 2011.
9. Постников А.Ф. – Сындыыс. Үһүс палаата үһүйээннэрэ: сэһэн, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2006.
10. Самсонов П.Е. – Бүөтүр Хара. Иэстэбил: кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2010.
11. Семенов Н.Д. Ийээ, мин хайаан да эргиллиэм!.. – Дьокуускай: Бичик, 2004.
12. Слепцова Е.В. – Куорсуннаах. Күлүк түһүүтэ: кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2003.
13. Слепцова Е.В. – Куорсуннаах. Муус ырай. – Дьокуускай: Бичик, 2008.
14. Соров М.Г. – Кыыдам. Эргиллиэм алааспар хайаан да. – Дьокуускай: Бичик, 2009.
15. Угаров Г.С. – Угаалаах. Тумарык нөнүө. – Дьокуускай: Бичик, 2001.
16. Угаров Г.С. Ыйы сизбит уол. – Дьокуускай: Бичик, 2011.
17. Федоров В.С. – Сэмээр Баһылай. Ок-сии! Дьикти дии?!: кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2008.
18. Федотов Н.Я. Күһүннү харанаҕа: кэпсээннэр, сэһэн. – Дьокуускай: Бичик, 2009.
19. Хабарова Х.Н. Кистэлэн таптал: сэһэннэр, кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2009.
20. Харлампьева Н.И. Талыллыбыт айымньылар: хоһооннор, поэмалар, проза. 2-с том. – Дьокуускай: Бичик, 2003.
21. Чагдинской И.С. Айылҕа эмтээһинэ: кэпсээннэр. – Дьокуускай: Бичик, 2010.
22. Якутские народные песни=Саха народнай ырыалара. Ч.2. – Якутск: Кн. изд-во, 1977.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОБРЯДОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЧУВАШСКОЙ СВАДЬБЫ

(на материале Бижбулякского района Республики Башкортостан)

Л. Степанова,

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного
университета, г. Стерлитамак*

Научный руководитель – Афанасьева Л.А.

Богатый и интересный фольклорно-этнографический материал по терминологии свадебной обрядности чувашей Республики Башкортостан до последнего времени не являлся предметом обобщения и осмысления. На сегодняшний день в чувашском языкознании терминология свадебной обрядности чувашского языка в целом (в т. ч. и в диалектологическом плане) ещё не изучена и не подвергалась серьёзному анализу в этнолингвистическом аспекте.

Данная работа предполагает анализ собственно лингвистического материала – традиционной народной терминологии свадебной обрядности чувашей [1, с. 6] по материалам Бижбулякского района Республики Башкортостан.

Традиционная свадебная обрядность чувашей предполагает три формы заключения брака: 1) с полным свадебным обрядом и сватовством (туйла или туйпа кайни); 2) свадьба «уходом» (хёр тухса кайни) и 3) похищение невесты, часто с её согласия (хёр варлани). Обычно последние виды свадьбы обуславливались стремлением избежать расходов на её проведение.

Свадебная обрядность чувашей представляется как сложная система, состоящая из нескольких последовательно чередующихся обрядовых комплексов: предсвадебного, свадебного и послесвадебного. Поэтому обрядовая терминология рассматривается в контексте всей обрядовой реальности: обрядовых действий, исполнителей обрядового акта, предметов – символов и т. д. Исходя из этого, в терминологии свадебной обрядности рассматриваются такие коды, как акциональный, предметный, персонажный, вербальный. В данной статье мы рассматриваем акциональный код предсвадебной обрядности.

В настоящее время в чувашских селениях Бижбулякского района существует такая форма заключения брака как соблюдение полной свадебной обрядности и

сватовства. Однако в прошлом столетии еще похищали невест с ее согласия. Возможно, в Бижбулякском районе раньше бытовало заключение брака как свадьба «уходом», которое выражается в терминологии *хёр илсе кёни* букв. «девушку (невесту) завести (в дом)». Жених вечером с согласия девушки приводил ее домой. Родители жениха наскоро созывали близких родственников, соседей и накрывали стол. На столе обязательными блюдами должны быть масло, мед и каравай хлеба. Будущая свекровь вырезала непочатый хлеб, мазала маслом и медом и давала будущей невестке и сыну. После этого родственники жениха шли с бутылкой водки и гостинцами к родителям невесты. Этот обряд называется *ёстерме кайни* (К.-Богд.). В это время родители договариваются о дне сватовства.

Полный свадебный обряд состоял из цикла предсвадебных, свадебных, после-свадебных обрядов. Предсвадебная обрядность чувашей по традиции включает в себя такие элементы обряда: *евчё* «сваты», *хёр килёшни* «сватовство», *сураçма* «сватовство», *пӓлчав* «окончательный уговор о сроке, о дне свадьбы». Следует отметить, что на сегодняшний день многие из этих обрядовых действий модифицировались и слились в один единый обряд сватовства, которые передаются следующей обрядовой терминологией: *хёр килёшни* «сватовство» или *хёр эреххи ёстерни* букв. «невестиной водки распитие» (Баз.). В назначенный день родители жениха с гостинцами шли в дом невесты сватать. Количество должно быть нечетное число (5, 7, 9). С собою брали *хӓпарту* «пшеничный хлеб», *чӓгӓт* (сыр), *услам çу* «масло сливочное», *хулӓн укçи* «деньги за выкуп», *чёрёк эрек* «четверть водки», жареного гуся или утки. Под каравай клали подарок (платок или полотенце). Все это заворачивали в маленькую скатерть. С родителями жениха шла сваха, которая заводила хитрым разговор о продаже скотины. Родители невесты, поддерживая чувашскую традицию, отвечали, что ничего не продают, после чего сваты приглашали к разговору саму невесту, раскрывая цель визита. Родители невесты сажали за стол гостей и начинали угощать. После того, как девушка дает согласие выйти замуж, родители жениха клали на стол *хулӓн укçи* «деньги за выкуп», одаривали подарками родственников невесты. Им дарили ситец на платье, покрывало, в прошлом – суконные чулки. Мать невесты также дарила родственникам жениха подарки: платки и полотенца. Затем договаривались о дне свадьбы, о количестве приглашаемых родственников, как со стороны жениха, так и со стороны невесты. В Бижбулякском районе с обеих сторон должно быть равное количество приглашенных. После этого сватающие невесту уходили в дом жениха. Мать невесты в качестве гостинца давала им каравай хлеба, *чӓкӓт* (сыр) и литр водки. В доме жениха всем присутствующим давали ломтик хлеба и кусочек сыра. Все присутствующие должны были съесть гостинец матери невесты. В с. Зириклы обряд сватовства был отмечен термином *хёр сураçни*. Как отметили информаторы, в старину родители жениха платили *хулӓм укçи* «деньги за выкуп» в размере ста рублей, ящик водки, ведро самогонки.

С того момента о засватанной девушке говорили *ӓна калаçнӓ* или *ӓна килёшнӓ* «нареченная» или «ее засватали». На людях она вела себя сдержанно. Родители готовились к большой свадьбе.

Литература

1. *Афанасьева Л.А.* Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингво-

культурологического исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2009. – 26 с.

Информаторы

Андреева Сера Салаутдинова (1948 г.р.), с. Зириклы, Бижбулякский район, Республика Башкортостан.

Афанасьева Вера Ивановна (1948 г.р.), с. Кистенли-Богданова, Бижбулякский район, Республика Башкортостан.

Сокращения

Баз. – Базлык, Бижбулякский район, Республика Башкортостан.

К.-Богд. – с. Кистенли-Богданово, Бижбулякский район, Республика Башкортостан.

ВЕНИК В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧУВАШЕЙ

А. Трофимова,

*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного
университета, г. Стерлитамак*

Научный руководитель – Афанасьева Л.А.

В лексикографических работах чувашское слово *шăпăр* / *шăпăр* имеет несколько значений: метла, метёлка, веник; 2) волынка, музыкальный инструмент из теллячьей шкуры или бычьего пузыря.

Рассмотрим лексическую единицу *шăпăр* как объект культурного значения, восходящую к разным свойствам или функциям. Например, веник (метла), будучи орудием метения, выметания, приобретает значение средства отгона, удаления чего-то нечистого и широко используется для избавления от нечистой силы, болезней и других опасностей. Так, чувашская пословица гласит: *Кил картине шăпăрна шăлсан е шăлнине курсассан сын сунса каять теççе* – «Если мести двор веником или увидеть как метут – к пожару».

Однако по признаку его контакта с нечистотой веник сам может наделяться свойством нечистоты. У чувашей существует множество запретов, примет, связанных с веником, метлой. Особенно запрещалось битье веником человека и скотины. Например, запрещали бить домашнее животное, иначе скотина не принесет приплод: *Выльăхсене шăпăрна тĕкĕнме юрамасть* – «Скотину веником нельзя задевать»; *Сынна шăпăрна çапсан ун арăмĕ хĕсĕр пулать теççе* – «Если бить человека веником, его жена будет бесплодной».

Веник широко использовался и в сельскохозяйственной магии чувашей. Например, когда тесто в квашне плохо поднималось, то квашню били веником.

Шăпăр «веник», как магический инструмент, использовался среди чувашей при наговорах против сглаза. Знахарь должен через метлу брызнуть определенное количество раз в лицо больному. С помощью веника чуваша лечили также кожные болезни.

В свадебной обрядности современные чувашаи тоже используют веник. На разбросанную солому гости кидают деньги. Невеста должна подмести солому вместе с деньгами. Солома и деньги означали достаток и богатство будущей семьи.

В похоронно-поминальной обрядности чувашей четко прослеживается представление наших предков о потусторонней жизни. Для них было специфично верование в загробную жизнь, копировавшую земную: умершие занимались теми же делами, имели те же склонности и привычки, что и при жизни, могли веселиться и пировать, могли жениться и выходить замуж. И это подтверждается ещё тем, что в прошлом в гроб умершему клали всякий домашний скарб: мужчине – кочедык, ножик, лыко, трубку с табаком; женщине – иголку с ниткой, веретена, лен, холст и проч. В данном случае мы рассматриваем веник, который используется во время рытья могильной ямы и после. Могила является тем пространством, которая считается вечной обителью и домом умершего. После того, как заканчивают копать могилу, дно могильной ямы подметают веником. Его кладут в могилу в угол у подножия (Аург.: Наум.). Местонахождение веника в могиле соответствует месту у порога («шăпăр шăтăке») в чувашской избе (в прошлом в избе дверь прорубалась с восточной стороны) [1, с. 26].

Литературные источники указывают на то, что метла – важный инструмент в руках колдуна. По верованию чувашей в ночь на *семик* тухатмышши (колдуны) собираются на кладбище и разъезжают на помеле. Таким образом, *шăпăр* «веник» рассматривается не только как предмет домашнего обихода, но и наделяется в представлениях чувашей ритуальными свойствами.

Литература

1. Афанасьева Л.А. Этнолингвистический анализ лексики, относящейся к допохоронной обрядности чувашей // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2015. – №4 (88). – С. 22-27.

ФОНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯКУТСКО-ТУРЕЦКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

И.Ю. Васильев,

ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

К.Т. Кириллина,

МОБУ ЯГНГ, г. Якутск

Якутский язык, являющийся одним из тюркских языков, географически более удален от современных огузских, чем от кыпчакских, но тем не менее в нем можно установить определенный пласт лексики, отличающей его от кыпчакских и объединяющей с огузскими языками. Это объясняется тем, что якутский язык более близок к древнеогузским языкам – орхоно-тюркскому и древнеуйгурскому. Несмотря на сложный путь исторического развития, якутский язык является довольно монолитным, имеются лишь небольшие различия по местным говорам, в основном в области фонетики и лексики [1, с. 63-64].

Таким образом, главный интерес для исследования представляет изучение огузской лексики в якутском языке, так как она отражает наиболее древний пласт данного языка.

Статья посвящена фоно-семантической характеристике названий отрезков времени и сезонов в якутском и турецком языках. Рассматривается общее количество параллелей, производится сравнительный анализ фонетических и фонологических репрезентаций, анализируются устойчивость и изменение структурно-фонетических основ якутско-турецких параллелей.

Структура SVC

тур. **çay** 'время (дня, ночи); возраст, период жизни; эпоха, век, эра, время' [8, с. 163] // як. **saç** 'время' [2, с. 2133].

тур. **jaş** 'возраст, год' [8, с. 915] // як. **saas** 'год жизни, возраст, жизнь; год, лета от роду' [2, с. 2115], ср. осм. **jaş, jäs** 'год (жизни)' [5, с. 163].

тур. **sin** 'возраст; период жизни' [8, с. 778] // як. **siin** (самостоятельно не встречается): **ät-siin** 'тело'; **xaan-siin** 'кровь, румянец; кровообращение' [2, с. 2230].

тур. **jil** 'год' [8, с. 926] // як. **sil** 'год' [2, с. 2439], ср. осм. **jil** 'год' [5, с. 275].

тур. **dün** 'вчера' [8, с. 253], **tün** 'уст. вечер; ночь' [8, с. 875] // як. **tüün** 'ночь, ночью' [2, с. 2893], ср. тур. диал. **dühün, dun**, осм. **dün** '1) вчера; 2) ночь' [4, с. 315-316].

тур. **jaz** 'лето, весна уст.' [8, с. 918] // як. **saas** 'весна, весной' [2, с. 2115-2116], ср. осм. **jaz** '1) весна; 2) лето' [5, с. 71].

тур. **jaj** 'лето' [5, с. 74] // як. **saj** 'лето' [2, с. 2025], **sajin** 'лето, летом' [2, с. 2032], ср. тур. **jajla** 'горное плато, летовье' [7, с. 74].

тур. **güz** 'осень' [8, с. 370] // як. **küs** 'осень' [2, с. 1339], **kühün** 'осень, осенью' [2, с. 1344], ср. тур. диал. **güjz** 'осень' [4, с. 94-95].

тур. **kış** 'зима' [8, с. 544] // як. **kis** 'зима' [2, с. 1428], **kihin** 'зимой; зима' [2, с. 1438].

С семантической стороны в сопоставляемых языках расширение значения фиксируется в формах: в тур. **çay** 'время (дня, ночи); возраст, период жизни; эпоха, век, эра, время' по отношению к як. **saç** 'время'; в як. **saas** 'год жизни, возраст, жизнь; год, лета от роду' по отношению к тур. **jaş** 'возраст, год'; в тур. **jaz** 'лето, весна' по отношению к як. **saas** 'весна, весной'.

Изменение семантики наблюдается в форме тур. **dün** 'вчера' // як. **tüün** 'ночь, ночью', однако близкое значение имеется в уст. тур. форме **tün** 'вечер; ночь'.

С фонетической стороны наблюдаются следующие вариации. Соответствия согласных в анлауте: [ç~s]: тур. **çay**~як. **saç**; [j~s]: тур. **jaş**~як. **saas**; тур. **jil**~як. **sil**; тур. **jaz**~як. **saas**; тур. **jaj**~як. **saj**; [d~t]: тур. **dün**~як. **tüün** [g~k]: тур. **güz**~як. **küs, kühün**. Соответствия согласных в ауслауте: [γ~χ]: тур. **çay**~як. **saç**; [ş~s]: тур. **jaş**~як. **saas**; тур. **kış** 'зима'~як. **kis**; [z~s]: тур. **jaz**~як. **saas**; тур. **güz**~як. **küs**. Соответствия гласных: [a~aa]: тур. **jaş**~як. **saas**; [i~ii]: тур. **sin**~як. **siin**; [ü~üü]: тур. **dün, tün**~як. **tüün**.

Структура VCCV

тур. **ärtä** 'время, наступившее сразу после чего-либо' [8, с. 277] // як. **ärdä** 'раннее время; рано' [2, с. 295], ср. тур. **är** 'завтра', осм. **ärtä, ärzä** '1) рано; 2) следующий (день); завтра; 3) прежде, однажды' [3, с. 302].

В данной форме наблюдается изменение семантики в значении тур. **ärtä** 'время, наступившее сразу после чего-либо' и як. **ärdä** 'раннее время; рано', однако похо-

жее значение имеется в осм. **ärtä, äržä** ‘1) рано; 2) следующий (день); завтра; 3) прежде, однажды’. С фонетической стороны тут отмечается единственное соответствие согласных в инлауте [t~d].

Структура CVCV

тур. **gäžä** ‘1) ночь, (поздний) вечер; 2) ночью, в ночное время; (поздним) вечером’ [8, с. 319] // як. **kiähä** ‘вечер, вечером, в вечеру’ [2, с. 1077], ср. тур. диал. **gäžä, kăčä**, осм. **gäžä** ‘1) ночь; 2) ночной; ночью; 3) вечер (поздний)’ [4, с. 40].

В данной форме наблюдается расширение значения тур. **Gäžä** по отношению к як. **kiähä**. С фонетической стороны наблюдаются следующие соответствия: соответствие согласных в анлауте: [g~k], соответствие согласных в инлауте: [ž~h], соответствие гласных [ä~iä].

Структура CVCVC

тур. **jarin** ‘1) завтрашний день; 2) завтра’ [8, с. 914] // як. **sarsin** ‘завтрашний или следующий день, завтра’ [2, с. 2108], ср. осм. **jarin** ‘1) утро; 2) завтра, на следующий день’ [6, с. 147-148].

Здесь наблюдаются следующие фонетические изменения: соответствие согласных в анлауте [j~s], появление в якутской параллели [s] во втором слоге.

Структура CVCCVC

тур. **gündüz** ‘1) день; 2) днем, в дневное время’ [8, с. 367] // як. **künüs** ‘день, днем’ [2, с. 1303], ср. тур. диал. **günüz, gunduz**, осм. **gündüz** ‘1) днем; 2) день’ [4, с. 102-103].

С фонетической стороны в данной корреспонденции наблюдаются такие вариации: соответствие согласного в анлауте: [g~k], соответствие согласного в ауслaute: [z~s], выпадение в якутской параллели [d] во втором слоге.

Таким образом, нами рассмотрено всего 13 слов, обозначающих названия отрезков времени и сезонов в якутском и турецком языках. Фоносемантическая характеристика лексических параллелей представляется следующим образом: из 9 рассмотренных типов наибольшее количество соответствий наблюдается в структуре CVC. По количеству входящих в эти структуры лексических единиц они образуют следующую убывающую последовательность: CVC – 9 (69,2 %), VCCV, CVCV, CVCVC, CVCCVC – по 1 (по 7,69 %).

Литература

1. Васильев И.Ю. Семантическая характеристика лексических параллелей в якутском, турецком и древнетюркском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – №9 (51): Ч. II. – С. 63-65.
2. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – СПб., Пгр., Л., 1907-1930.
3. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
4. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву ‘В’, ‘Г’ и ‘Д’. – М.: Наука, 1980. – 395 с.
5. Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’. – М.: Наука, 1989.
6. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы ‘К’, ‘К’. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 368 с.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – Новосибирск: Наука, 2001. – 822 с.
8. Türkçe-Rusça Sözlük. – Moskova, 1977.

ЭВФЕМИЗМЫ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

(на материале якутского языка)

А.А. Скрябина

аспирант ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

Явление эвфемизации представляет особый интерес в силу того, что эвфемизмы отражают особенности национального менталитета, традиции, обычаи народа, позволяя выявить различия в системе табу, характерные для разных языковых культур. Рассмотрим сам термин “эвфемизм”. В «Большом энциклопедическом словаре» эвфемизм определен как «непрямое, смягченное выражение вместо резкого или нарушающего нормы приличия» [2, с. 1388]. О.С. Ахманова дает следующую характеристику эвфемизма — это «троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления» [1, с. 521]. По определению Л.П. Крысина, «эвфемизм – это замена любого недозволенного или нежелательного слова или выражения более корректным с целью избежать прямого наименования всего, что способно вызвать негативные чувства, как у говорящего, так и у собеседника, а также с целью маскировки определенных фактов действительности» [3, с. 81].

Эвфемистические выражения в якутском языке обусловлены главным образом менталитетом, традициями, обычаями народа. В якутском языке эвфемизмы возникли вследствие табу, получившего широкое употребление в силу различных мифологических верований и суеверий. Так, например, вместо *эһэ* “медведь” говорили *тыатаабы* (досл. лесной), вместо *өллө* “умер” – *барда* (досл. ушел), вместо *уот* “огонь” – *кытарар* (досл. краснеющий) [5, с. 50]. Существует специальный термин «харыс тыл» для обозначения подставных имен. Лингвист А.С. Луковцев предложил специальный термин *муннаран этии*, что буквально означает «слово, приводящее к заблуждению» [4, с. 94]. Э.К. Пекарский в «Словаре якутского языка» отмечает табуированные слова словосочетанием «харыстаан этэр тыллар» (х.э.т), что буквально означает «слова, сказанные оберегаючи» (например, вместо *суор* («ворон») – *аргыс*) [7, с. 146]. Если в прошлом веке якуты прибегали к эвфемизмам, потому что боялись злых духов, сверхъестественных сил, то сегодня использование эвфемизмов обусловлено нормами здравого смысла в общении, то есть табу рассматриваются как этические запреты, касающиеся грубого, непристойного поведения.

В данной статье мы рассмотрим эвфемизмы в речи современной молодежи, ведь именно в речи молодежи, социально перспективного слоя населения, отражаются новые формы общественных отношений, определяются направления развития разных социальных подсистем языка, в том числе разговорной речи и литературного языка. Анализ употребления эвфемизмов молодежью позволит выявить особенность речевого этикета данного языкового коллектива, а также позволит узнать, в каких случаях сегодня молодое поколение прибегает к иносказательным выражениям и к уклончивым оборотам. Нами был проведен опрос среди студентов

первого курса Якутской государственной сельскохозяйственной академии. Всего приняли участие 76 человек. Были заданы следующие вопросы: 1) Знаете ли Вы, что такое эвфемизмы? 2) В каких случаях Вы прибегаете к эвфемизмам и подставным именам? 3) С какой целью и какие эвфемизмы Вы используете в своей речи?

В ходе исследования было выявлено, что большинство студентов знают, что такое эвфемизмы (61 человек), остальные где-то слышали, но точно не могут сказать, что означает данный термин. Ответы на второй вопрос показали, что большинство эвфемизмов употребляются в определенных областях человеческой деятельности, таких как, рождение, смерть, болезнь, охотничий промысел. Студентами используются следующие эвфемизмы, связанные:

С рождением и смертью: *кун сирин көрбүт* (увидел солнечную землю); *барда* (букв. ушел), *суох буолбут* (букв. его больше нет), *суорума суолламмыт* (букв. отстранился с дороги), *кун сириттэн туораата* (букв. ушел из этого мира), *орто дойдуттан барда* (ушел из среднего мира);

С болезнью и тяжелым состоянием больного: *куһаҕан ыарыы* (букв. плохая болезнь), *сыстаганнаах ыарыы* (букв. заразная болезнь) вместо венерические заболевания; *суорҕан-тэллэх кинитэ буолбут* (букв. лежит в постели, на матрасе) в значении тяжело заболел, стал прикованным к постели, *сытан хаалбыт* (букв. стал лежачим) в значении тяжело заболел, слег. Беременную девушку называют *истээх* (букв. с животом), *ыарахан* (тяжелая) вместо *хат*;

С возрастом: *сааһырбыт* (годы уходят) вместо *кырдьыбыт* (постарел). Часто, обращаясь к пожилым женщинам, молодежь прибегает к таким эвфемизмам, как *эбээ* (бабушка), вместо *эмээхсин* (старуха), *кыыс* (девушка) вместо *дьахтар* (женщина);

С внешностью: *эт туппут* (набрал мяса), *эбиллибит* (набрал), *улаанньыт* (вырос) вместо *уойбут* (поправился, пожирнел);

С природой и животными: *эбээ* (бабушка) вместо *күөл* (озеро); *кытарар* (краснеющий) вместо *уот* (огонь); *тыатаабы* (лесной), *хара* (черный), *харанга түүлээх* (темношерстный), *кырдыаҕас* (старый), *адырҕа кыыл* (огромный кровожадный зверь) вместо *эһэ* (медведь); *кынаттаах кыыл* (крылатый зверь) вместо *хотой* (орел);

С вредными привычками: *испит* (букв. выпил), *аһаабыт* (покушал), *эбиммит* (букв. набрал), *сынньаммыт көрүҥнээх* (выглядит отдохнувшим) вместо *арыгылаабыт* (употребил алкоголь); *муоһун тоһутта* (букв. сломал рога), *сүнньүн көннөрдө* (букв. выровнял шею) вместо *кырбаата* (избил); *олоро сылдыбыт* (букв. сидел) вместо *хаайыылаах* (заключенный);

С морально-этическими нормами: *наадабар табыстым* (букв. ушел за надобностью), *тахсан кириэм* (букв. выйду и зайду) вместо *туалекка бардым* (сходить в туалет, справить естественные потребности).

Молодежь прибегает к подставным именам, эвфемизмам с целью смягчить слово или выражение, “замаскировать”, “завуалировать” какое-либо явление или действие, а также в силу тотемических верований, которые до сих пор остаются актуальными.

Таким образом, молодежью используются эвфемизмы, относящиеся к запретам тотемического свойства, морально-этическим причинам, стремлению соблюсти правила этикета. Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что эвфемистические выражения в якутском языке обусловлены главным образом менталитетом, традициями и обычаями народа, а также с этикетом и культурой.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1969. – 608 с.
2. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1456 с.
3. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 384-407.
4. *Луковцев А.С.* Слова табу в лексике якутских охотников // Актуальные вопросы якутской лексикологии и лексикографии: сборник научных трудов. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 91-105.
5. *Нелунов А.Г.* Глагольная фразеология якутского языка. – Якутск: Кн.изд-во, 1982. – 128с.
6. *Никитина И.Н.* Функции эвфемизмов в художественной речи // Русская словесность. – 2009. – №5. – С. 77-79.
7. *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: в 3-х т. – СПб.: Наука, 2008. – Т. 1. Стб. 1-1280.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ ПОСЛЕЛОГОВ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С.А. Харайданова,

преподаватель ГБПОУ РС(Я) «ЯИПК», г. Якутск

Научный руководитель – Ефремов Н.Н.

В современной лингвистической литературе термин «послелог» нередко употребляется в двух значениях: 1) как общий родовой термин, который охватывает собственно послелогии и служебные имена; 2) в противопоставлении служебным именам. Послелогии и служебные имена с пространственным значением – одно из важнейших средств характеристики движения объекта и его местоположения в пространстве и времени, выражения значений цели и причины, отношений следствия, образа действия, сравнения и совместности, и других более обобщенных грамматических значений.

Если рассматривать типы данных языков, то русский язык является флективным (фузионным, термин впервые применен в лингвистике Э. Сепиром), ему характерно присоединение аффикса путем чередования основ, аффиксы многозначны, нестандартны, имеются разные типы склонения, спряжения. Флективный тип отличается от агглютинативного наличием согласования, которое может проводиться по одной из следующих грамматических категорий – роду, числу, падежу. Якутский язык по своей типологии и морфологической структуре относится к группе агглютинативных языков. Слова в нем образуются посредством последовательного присоединения к корню или основе слова грамматических частиц-аффиксов [4, с. 20].

К постпозитивным служебным словам относятся служебные имена и послелогии, в русском языке – предлоги, которые примыкают к какому-нибудь слову или

члену предложения, как их аналитическая морфема. Они могут выступать в составе определенного члена предложения, не имеют собственных специфических морфологических форм, выражающих их грамматическое значение, не обладают номинативной функцией, т.е. они не называют предметов, явлений, признаков, процессов реального мира, а выражают различные грамматические значения. В якутском языке послелогов в речи используются как падежные аффиксы или как их уточнители для подчинения имен глагольным формам. В нашем исследовании предпринята попытка показать и перечислить некоторые переводческие соответствия наиболее употребляемых послелогов с пространственным значением на примере произведения «Черный стерх» И.М. Гоголева–Кындыл. Перевод данного произведения с якутского языка на русский язык осуществлен Д. Чупрыней.

Проведенный анализ показал, что якутским послелогам с пространственным значением в русском языке соответствуют:

1) предлоги, являющиеся их полными эквивалентами по категориальным признакам служебной лексики. Однако послелогов в целом обладают определенной семантикой, более конкретным грамматическим значением, чем русские предлоги, которые чаще являются производными по образованию, простыми по структуре, и выражают направленность действий. Приведем примеры:

Дьэ кырдьаҕаспыт арбаҕаһын иһигэр абааһыны хорҕото сылдьарын илэ көрдөрдө диһ, эмээхсин, ээх диэ! (ИГ ХК 22) ‘Старец-то наш людям показал, что черти у него хоронятся прямо **за пазухой**. Не так ли старая?’ (ЧС 16).

Отыменной послелог в форме дательного падежа *иһигэр* соответствует предлогам *в, внутри, по, за, в течение*. Он входит в группу наиболее древних предлогов, которые составляют непополняемую группу. В данном предложении можно наблюдать вариантное соответствие, которое применимо к лексическим и фразеологическим соответствиям.

2) наречия и наречные сочетания, которые в послеложном употреблении теряют самостоятельное лексическое значение и самостоятельную грамматическую функцию, чаще всего выражают множественность действий. По разряду являются определительными, количественными, указывающими на меру или степень проявления действия или признака, по образованию немотивированными, производными. Можно выделить однотипное соответствие. Приведем примеры употребления собственно послелога *аайы*:

Тиэргэнтэн кулуну үүрэн таһаардаҕын аайы мүччү көтөн тиэргэннэ киирэн сытынан кэбиһэр эбит (ИГ ХК 123) ‘Едва парень **выгонит его за ограду**, как тот стремглав кидается обратно и ложится на землю’ (ЧС 107).

В данном предложении собственно послелог *аайы* употреблен в значении «всякий раз, как...». Ему соответствует наречие *едва*.

3) местоимения, местоимения-прилагательные. Им характерно разнотипное соответствие, чаще такие местоимения бывают определительными, обозначающими один предмет, выделенный из совокупности однородных предметов. Они указывают на полный охват предмета или однородных предметов. Здесь также можно говорить об однотипном соответствии. Следует учесть, что некоторые части речи переходят в местоимения, что называется *прономинализация*. В свою очередь местоимения в силу специфических способностей крайне редко переходят в другие части речи, так как в этом случае необходимо возникновение номинативного значения.

Аналогичный пример с отыменным послелогом в форме дательного падежа *үрдүгэр* – **на, над, сверх** и его производным отыменным послелогом в форме орудного падежа *үрдүнэн* – **над, по всей, вся, несмотря на, помимо**, обозначающих нахождение предмета над чем-либо, сверху:

Россия үрдүнэн буолан эрэр революционнай дьалхаан уорааньыттан кини хайдах да тэйэ турар кыаба суоҕа (ИГ ХК 68) ‘Революционные волнения, всколыхнувшие **всю Россию**, не могли оставить его в стороне’ (ЧС 52).

4) Глагольные формы. Они употребляются преимущественно для выражения синтаксических отношений зависимого предложения к главному. Изредка его можно встретить лишь в сочетаниях с указательными местоимениями. Характерно множественное соответствие. Отглагольный послелог *көрсө* соответствует производному отыменному отсубстантивному предлогу *навстречу, к* (>көрүс- “встречаться”), в данном случае активно употребляется в качестве сложного глагола. Например:

Ким эрэ көрсө тахсаарай диэн бэргэхэтин энээрин илбиммитэ, атыгар от бырабан биэрбитэ буолан тэлгэхэбэ тэпсэннээмэхтээтэ (ИГ ХК 41) ‘Тойон немного выждал: а может, кто-нибудь **выйдет его встретить**’ (ЧС 25).

5) Имя прилагательное + имя существительное или просто имя существительное. Ярким примером этого соответствия может быть послелог «хоту», в тексте он может быть существительным и прилагательным. Собственно послелог *хоту* соответствует предлогам **по направлению к, согласно** (от тюрк. *коды / койы* «вниз»), используется в значении направления по чему-либо. В рассматриваемом предложении *хоту диэки* соответствует сочетание *с северной стороны*. Например:

Ус киһи үйэтэ ааһыта бу ытык тиит хоту диэки салаата булгуруйан түһүө, оччоҕо кэлгиллибит абааһы төлө барыа, кини аһаҕас эттээх уол оҕоҕо сөрүөстэн улуу ойуун оҥоруо (ИГ ХК 88) ‘По прошествии трех веков на этом священном дереве **с северной стороны**, куда не проникали солнечные лучи, обломился тонкий сук и упал’ (ЧС 72).

6) Вариативные сочетания, когда важнейшую роль играет смысл текста. Например: *Ойуун кинини тыбыс-тымныынан, үп-үрүнгүнэн уун-утары одуулаата, кулуба балачча утары көрөн олорбохтоото, төбөтө итийэ-итийэ ыараан барда, тулуйбакка кээр хайыста* (ИГ ХК 42) ‘А шаман впери́л в него холодный взгляд своих белых, без зрачков глаз. У тойона зазвенело в голове, наливающейся тяжестью. Не выдержав давящего взгляда шамана, он отвернулся’ (ЧС 26). В данном предложении нет конкретного соответствия, но прочитав его, читателю понятно, что объект сидел напротив.

При сравнении слов, которые мы включаем в категорию служебных слов, в якутском и русском языках, можно заметить две вещи. Во-первых, невозможно переводить их вне контекста. Наборы смысловых оттенков, которые они придают включающим их конструкциям, не всегда совпадают. Во-вторых, они могут выступать в роли наречий или других частей речи. В-третьих, имеются различия в допускаемых положениях предлогов. В русском языке предлог никогда не отрывается от своей именной части и не может стоять последним в предложении. Такая ситуация характерна для послелогов с пространственным значением якутского языка. Как и предлоги, послелогии обладают падежной валентностью, то есть сведениями о том, объекты в каких падежах он может присоединять в синтаксическом дереве. Это

грамматическое свойство отличает послелогои от частиц и наречий. Совокупность наличия падежной валентности и особой позиции в словосочетаниях позволяют выделить послелогои в отдельную часть речи.

Таким образом, послелогам с пространственным значением якутского языка можно найти соответствия в русском языке, которые не всегда могут быть их полными эквивалентами по категориальным признакам служебной лексики.

Литература

1. *Бетлингк О.Н.* О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
2. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражений пространственных отношений в современном русском языке. – М., 1982. – 264 с.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 495 с.
4. *Дмитриева Е.Н.* Сопоставительная грамматика русского и якутского языков. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2000. – 121 с.
5. *Осипова Л.И.* Морфология современного русского языка. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 192 с.
6. *Петров Н. Е.* Служебные имена и послелогои в якутском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1963. – 17 с.
7. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2006. – 603 с.
8. *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Фонетика и морфология. – Якутск, 1947. – 313 с.

Условные сокращения

- ИГ ХК – *Гоголев И.М.* Хара кыталык. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 909 с.
ЧС – *Гоголев И.М.* Черный стерх / Пер. с якут. Д. Чупрыни. – М.: Советская Россия, 1990. – 270 с.

САХА УОННА ААНГЫЛЫЙА ТЫЛЫГАР СЫҤЫАТ СОРОХ УРАТЫЛАРА

М.В. Аргунова

М-ЯЯ-15 ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

Научный руководитель – **Чиркочева Д.И.**

Аангылыя, нуучча, саха тылларыгар сыһыат өйдөбүлэ, сүннүүнэн, биир суолталаах. Морфологическай бэлиэтинэн сүрүннээн маннык: уларыыбат сана чааһа, түһүк, ахсаан, сирэй сыһыарыытын ылыммат, бэйэтэ туспа көстүгэ суох, төрүт эбэтэр үөскээбит олобуунан туттуллар. Этиигэ сиһилии оруолун толорор. Сэдэхтик быһаарыы буолуон сөп.

Аангылыя тылыгар хайааһыны быһаарар уларыыбат сана чааһын сыһыат дэнэр (The Adverb). Аангылыя сыһыата **-лу** сыһыарыы көмөтүнэн дабааһын ааттарган, аат туохтуурдартан, сорох аат тылларган, ахсаан ааттарган үөскүүр.

Сыһыаты саха уонна аангылыһа тылыгар тэннээн көрөн, сөп түбэхэр өрүттэрин бэлиэтиибит: өйдөбүллэрэ биир, төрүт олохтоох уонна үөскээбит сыһыаттар бааллар, суолталарынан быһаарар уонна сиһилиир сыһыаттарга араасаллар, биэс сөп түбэхэр араастаахтар (кэм, миэстэ, буолуу, кээмэй, төрүөт сыһыаттара), этиигэ сиһилии буолаллар.

Уратылаһар өрүттэрин көрөбүт: аангылыһа тылыгар икки атын, саха тылыгар суох араастар бааллар. Ол курдук, хайааһыны хатылыыр сыһыаттар (repetition): *often, seldom, rarely, always, usually, sometimes, again, never*; ыйытыы сыһыаттара: *why? how? how much? when? where?*

Мань таһынан, үөскээһиннэрэ уратылаах: саха тылыгар сыһыарыынан үөскүүр, оттон аангылыһа тылыгар уустук уонна састааптаах диэн көрүгнэрдээх. Уустук диэн тылга тылы эбии көмөтүнэн үөскүүр сыһыат: *some-times – соробор, mean-times – ол кэмгэ, any-way – хайдах баһарар, in-side – иһигэр, over-head – үөһэ* о.д.а. Састааптаах сыһыакка көмө тыл сүрүн тылы кытта холбоһон, биир өйдөбүлү бэлиэтиир: *at first – бастаан, at least – бүтэр тийэххэр, for ever – куруук* о.д.а.

Саха тылыгар сыһыат араастарыттан тэнниир халыып үөскүүр буоллаһына, аангылыһа тылыгар сыһыат сорох арааһа эрэ (буолуу уонна кэм сыһыаттара) тэнниир халыыбы үөскэтэллэр (The degrees of comparison). Холобур: *late (поздно) – хойут, later (позже) – хойутуу, latest (поздний) – олус хойут*.

Аангылыһа тылыгар үчүгэй – *well* диэн тыл сыһыат да, даһааһын аат да буолуон сөп. Өскөтүн, *well* тылы сибээстиир туохтуур кэнниттэн (to be, to feel) туттулар буоллаһына, даһааһын аат буолар. Холобур: *He is well* – Кини үчүгэй. Онтон арай, *well* диэн тыл туохтуур кэнниттэн турбут буоллаһына, сыһыат буолар. Холобур: *He works well* – Кини үчүгөйдик үлэһир.

Сыһыат араастарын суолталарын тэннээн көрдөххө, манньк:

Кэм сыһыата. Бу сыһыат хайааһын хаһан буоларын көрдөрөр. Саха тылыгар кэм сыһыата үс кэмнээх: ааспыт, билинни, кэлэр. Холобур: *Бэһэһээ бары дьииэ таһын хомуйдубут. Бүгүн олус бэһиэлэй күн. Сарсын самаан сайын саамай уһун күнэ. Күнүстэри-түүнэри самыыр түһэр да, түһэр. Ийэм сарсыарда эрдэ турарын ордорор.*

Онтон аангылыһа тылыгар кэм сыһыата эмиэ хайааһын кэмин быһаарар. Кэм сыһыата аангылыһа тылыгар этии иннигэр эбэтэр этии кэннигэр турар. Холобур: *Tomorrow I shall go to the cinema / Сарсын мин киинэһэ барабын; We shall go to the concert tomorrow / Сарсын биһиги кэнсиэргэ барабыт; Come to see us today / Биһиэхэ бүгүн кэлээрин; I haven't lately seen him / Мин кинини ыраатта көрсүбүтүм.*

Саха тылыгар сыһыат, сүннүнэн, сиһилии буолар. Оттон аангылыһа тылыгар кэм сыһыата туохтуур кэмин халыыбын кытта сөп түбэхэр.

Миэстэ сыһыата. Хайааһын хаһан буоларын, миэстэтин көрдөрөр. Бу сыһыат хайааһын чопчу миэстэтин, хаһан буоларын, хаһтан саһаланарын көрдөрөр. Холобур: *Манан отон быйыл олох үүммэтэх / The berries does not grow here; Аара баран иһэн, дьоммутугар сырымтыбыт / On the way we visited our grandparents; Оһолор кутаа тула кэпсэтэ олордубут / The children were sitting and talking around the fire.*

Төрүөт сыһыата. Хайааһын төрүөтүн бэлиэтиир. Холобур: *Соруйан дьииэһэ үлэбин толорботобум / I didn't do my homework on purpose; Кыһырбычча мээһэ мээһэ саһарыма / On abset don't talk so silly.*

Буолуу сыһыата. Хайааһын хайдах быһыылаахтык оһоһуларын бэлиэтиир. Холобур: *Биһиги оһолорбут саамай чаһылхайдык кытыннылар / Our children took*

part very actively; Эдьиийим уола дэлэччи аһыыр эбит / My sisters son is eating so much; Таһырдыа халлаан аа-дьуо харангарар. The day is daking slowly.

Кээмэй сыһыата. Хайааһын оноһулар кээмэин көрдөрөр. Бу сыһыат саха тылыгар бэлиэ бэлиэтин уонна хайааһын бэлиэтин көрдөрөр. Холобур: *Сайынны кэрэ кэмнэр адьас кылгастар / Summer nice days are much shorter; Убайым иккитэ күрэхтэһиигэ кыайан тулардаах / My brother took part in competitions and had won two times; Ийэбин олус күүскэ таптыбын / We love our mother very much.*

Бу саха тылын сыһыатын араастара аангылыа тылыгар эмиэ бааллар, ол эрээри аангылыа тылыгар эбии икки атын сыһыат арааһа кириэр. Ол курдук, ыйытар уонна хайааһыны хатылыыр, түргэтэтэр сыһыаттар бааллар. Ол маннык бэриллэр: *He often tells us stories about hunting / Кини наар биһиэхэ булт туһунан кэпсиир; We rarely get there in time / Биһиги онно соробор эрэ кэмигэр тийиээччибит; Do you always study so late? / Эһиги наар хойукка диэри үөрэнэбит да? Салгыы ыйытар сыһыаттар: When did it happen? / Хаһан ити буолбутай?; Where shall we meet? / Ханна биһигини көрсөбүт? Оттон бу аангылыа тылыгар ыйытар сыһыаттар саха тылыгар ыйытар солбуйар аат буоллаллар.*

Салгыы саха тылын ханыылыы сыһыаттара аангылыа тылыгар бэриллиилэрин көрүүбүн. Саха тылыгар ханыылыы сыһыаттарга маннык тыллар кириэрлэр: *аа-дьуо, олбу-солбу, хам-түм, хан-сабар, олоор-молоор, иннэл-таннал, кыбыах-ибиэх, чууп-чаап, кыкыр-чыкыр, лиһигир-лаһыгыр, түн-тан, сыыра-саара, сиирэ-халты, үөһэ-аллара, утуу-субуу, уһа-ханас.* Аангылыа тылыгар ханыылыы сыһыат көрүллүбэт. Арай *аа-дьуо* диэн сыһыат *бытааннык* – *slowly*, *хам-түм* – *rarely*, *хан-сабар* – *instantly*, *түн-тан* – *disorderly*, *сиирэ-халты* – *slightly*, *үөһэ-аллара* – *up and down*, *сыыра-саара* – *swiftly*, *уһа-ханас* – *right and left*, *утуу-субуу* – *contract* диэн өйдөнөллөр.

Саха тылын хоһулаһар сыһыаттарын аангылыа тылыгар биэри: *ньир-ньир, лис-лис, лоһугур-лоһугур, ханар-ханар, мэтэх-мэтэх, наар-наар, дөрүн-дөрүн, арым-арым, кыра-кыратык, ыраас-ырааһынан, сын-сылаастык, биир-биир.* Аангылыа тылыгар бу хоһулаһар сыһыаттар маннык бэриллэхтэрин сөп: *дөрүн-дөрүн* – *seldom*, *наар-наар* – *always*, *арым-арым* – *sometimes*, *кыра-кыратык* – *little-by-little*, *биир-биир* – *one by one*.

Саха тылын үөскээбит сыһыаттарын аангылыа тылыгар бэриллээтэ. Холобур, **-ы (-и, -у, -ү):** *утары* – *opposite*, *сытыары* – *horizontally*, *сүтэри* – *completely*, *тобулу* – *through*, *туруору* – *vertically*; **-чы (-чи, -чу, -чү):** *нэлэччи* – *broadly*, *курулаччы* – *stormily*, *арылыччы* – *openly*; **-дыы (-тыы):** *дьиибэргээбиттии* – *wonderfully*, *өлбүттүү* – *deadly*, *эрэммэтэхтии* – *diffidently*; **-тык (-дык, -лык, -нык):** *бытааннык* – *slowly*, *эйэлээхтик* – *peacefully*, *суһаллык* – *quickly*, *кылгастык* – *shortly*; **-лыы (-тыы, -дыы, -ныы):** *чэпчэкилии* – *easier*, *нууччалыы* – *russian*, *соһомохтуу* – *solitude*, *хомойбуттуу* – *unlucky*; **-та:** *иккитэ* – *twice*, *алталыта* – *six time*, *биирдэ* – *once*, *элбэхтэ* – *many times*, *балаччата* – *so much*; **-та(-рыта):** *быһыта* – *flatly*, *дьөлүтэ* – *through*, *хампырыта* – *in pieces*; **-ыары, -лык:** *киэхэлик* – *in the evening*, *кыһыары* – *in winter*, *эрдэлик* – *early*; **-чы(-ччы):** *булгуччу* – *absolutely*, *таһыччы* – *cleanly*; **-лыы:** *хотулуу* – *nothern*, *арбаалыы* – *easteren*.

Оттон аангылыа тылын сыһыата **-лу** эрэ сыһыарыы көмөтүнэн үөскүүр. Бу сыһыарыынан үксүн даһааһын ааттан үөскүүр. Холобур:

Bad куһаҕан
Usual өрүү буолар
Quick түргэн
Hour чаас
Day күн

badly куһаҕаннык
usually үксүн
quickly түргэнник
hourly чаас аайы
daily күн ахсын

Төһө да икки атын омук тыллара буолбутун иһин, сыһыат саха да, аангылыһа да тылларыгар сөп түбэхэрэ баһыйар эбит. Сыһыат икки тылга барытыгар бэйэмнэи суолталаах уларыыбат сана чааһа буолар, онон морполуогуйа өттүнэн атын тылы кытта тэннииргэ судургу. Саха тылын сыһыатын аангылыһа тылыгар биэри уустук, сыһыат суолтатын икки омук тылыгар билиини эрэйэр.

Икки тыл – көтөр кынатын. Саха тыла – ийэ тылбыт, аангылыһа тыла – үүнэр-сайдар тылбыт. Онон хас да тылы баһылаан, тэннээн үөрэтэн көрүн, оччоҕо билиигитигэр билии, толкуйгутугар толкуй эбиллиэҕэ.

Литература

1. Барсуқ Р.Ю. Основы обучения иностранного языка в условиях двуязычия. – М: Высшая школа, 1970.
2. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – М: Высшая школа, 1983.
3. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М: Наука, 1982.
4. Дмитриева Е.Н. Сопоставительная грамматика русского и якутского языков. Часть I: Фонетика и морфология. – Якутск, 2000.
5. Харитонов Л.Н. Неизменяемые слова в якутском языке. – Якутск, 1943.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ОПИСАНИИ БОГАТЫРЯ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ П.А. ОЙУНСКОГО «ДЬУЛУРУЙАР НЬУРГУН БООТУР» (в сравнении с алтайским эпосом «Маадай Кара»)

А.М. Захарова,

М-СИТСЯ-16 ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

Научный руководитель – Прокопьева А.К.

Сравнение – не только способ представления эмоции и оценки говорящего (автора), но и сигнал для их обнаружения читателем. Оно создает особый экспрессивный подтекст.

Материалом исследования послужили якутский героический эпос П.А. Слепцова–Ойунского «Ньургун Боотур Стремительный» и алтайский героический эпос «Маадай-Кара».

Сравнения особенно характерны для описания внешности персонажей. Каждая сравнительная конструкция имеет такие обязательные компоненты, как «субъект»

и «эталон» сравнения. Термин «эталон» применим для обозначения масштаба, величины, на которую ориентируется субъект, для любого семантико-стилистического вида сравнения. Морфологическими показателями якутских сравнений являются именные аффиксы *-тык, -ча, -тыны, -тай*, глагольные аффиксы *-рбаа, -мсий, -лаа, -тый* и служебные слова: *курдук* ‘как’, *саба* ‘равный, подобный чему-л.’, *тэнэ* ‘подобно’, *дылы* ‘наподобие’, *кэриэтэ* ‘словно’.

В якутском героическом эпосе эталонами сравнения, описывающими внешность богатыря выступают лексемы, относящиеся к разнообразным тематическим группам: бионимам *харса* ‘бык’, фитонимам *тиит* ‘лиственница’ и артефактам *батас* ‘пальма’, *унүү* ‘копье’, *күрдьэх* ‘лопатка’, *үүн* ‘уздечка’, *ох* ‘стрела’. Как видно, наибольшее количество лексем, участвующих в составе сравнительной конструкции, относится к артефактам. В сравнениях богатыря артефакты имеют большое значение: объясняют силу и мужественность.

В описании богатыря делается акцент на его внешний вид и на его силу. В этом случае объектом сравнения становятся голени, мышцы глаза, брови, ладони. Сначала описывается сила богатыря, потом внешний вид:

Баай тиитим бастын дүлүнүн Балтачы уран барыллаабыт курдук Барылы ньыгыл быччыннаах эбит...	Крепкие, мощные мышцы его, Словно корни лиственниц вековых.
Уолах тиитим уһун дүлүнүн Ууран-тутан усталаабыт курдук Ньодо дьоробор сотолоох эбит,	2) Голени прямые его, Как два толстых длинных бревна Из очищенных лиственниц молодых.
Эриллэбэс тиитим орто дүлүнүн Оломооттоон ылан олоппут курдук Эриллэ дапсыл харылаах эбит.	3) Локоть согнутый, как рычаг, Как средний могучий сук Изогнутой кедровой сосны [3].

В приведенном отрывке мышцы богатыря уподобляются корням лиственницы, голени – толстому бревну, локоть – рычагу и могучему суку. В этом случае объектом сравнения являются мышцы, голени и локоть, а эталоном выступают лиственница и бревно.

Кумуулаах оһуруктаах хоппо күрдьэх саба Куораан далай ытыстаах эбит,	Широкие ладони его Как две деревянных лопаты больших, Вытесанные из цельных колод.
Эридэһиннээх үүн тиэрбэһин курдук Энсиилээх эрилкэй турулук, Хатааһыннаах хара чабыл, Хатыы-түтүү харахтаах эбит,	Остры, зорки его глаза, Черные неподвижны зрачки. А вокруг зрачков сверкают белки, Как в уздечке серебряных два кольца Так они круглы и светлы.
Харса олорор курдук Хара субул хаастаах эбит	Черные длинные брови его У переносья сошлись, Будто сшиблись рогами Два черных быка [3].

Во втором отрывке ладони богатыря уподобляются лопатам, зрачки – кольцам в уздечке, брови – рогам двух черных быков. В описании якутского богатыря употреблены сравнительные конструкции только со служебными словами *курдук* ‘как’. Сказители пользуются сравнениями свободно.

Морфологическими показателями алтайских сравнений являются аффикс =*дый* (=дий, =тый, =тий), присоединяемый к имени, и аналитические показатели сравнительных отношений – служебные слова *кенту́*, *кеберлу́*, *бүдүштү́*, *чылап*, которые можно перевести «с лицом, обликом» [1, с. 44].

В эпосе «Маадай-Кара» есть два описания богатыря: первое – старого богатыря Маадай-Кара, второе – его сына, юного богатыря Когюдей-Мерген.

Так выглядит некогда сильный, сейчас уже немощный Маадай-Кара:

351 Комудап та бујүргезин,
Баатыр кижы бу бүдүжи:
Килин кара букабакту,
Кирбе[е] кара бусагалду,

355 Коо кырлан бу тумчукту,
Кош агаштый бу кирбиктү.
Көргөн көзи көк чолмондый,
Көөркийбойы су алтындый.
Жарым кайа бу лай жаакту,

360 Бүдүн кайабу бүдүштү,
Кызыл-баралбучырайлу
Баатырым болбый кайтты.
Бек тер бүткенбубелине
Бежен айгыр мал жүргедий,

365 Ак јаландый арказына
Алтай үүр кой тургадый,
Эки јарын ортозына
Јүс байталым тебелеедий,
Эки көстин ортозына

370 Төртөн ирик тебелеедий.
Кызарып агарканы да јок,
Кыйылып өлөр тыны да јок,
Өзöги онын болот бүткен,
Өöчи онын таш тар бүткен.

351 Хотя и сетовал он на себя,
Но имел богатырский вид:
Брови — как черный бархат,
Густая черная борода,
Нос, подобный прямому хребту горы,
Ресницы, похожие на северный лес,
Зоркие глаза, подобные синим звездам,
Сам он, дорогой, чистому золоту подобен.
Щеки его — с полскалы,

360 Голова его — с целую скалу,
Лицо его — как красный маральник —
Таков был мой богатырь.
На крепко сложенной его пояснице
Пятьдесят табунов могут пастись,
На широкой, как луг, спине
Шестьдесят отар могут стоять.
Между двумя его лопатками
Сто кобылиц могут укрыться,
Между двумя его глазами

370 Сорок баранов могут стоять.
Нет у него крови, которая вытекла бы, аляя,
Нет у него души, которая прервалась бы.
Внутренности его словно из стали,
Гортань его словно из камня [2].

Сравним описание сына Маадай-Кара, богатыря Когюдей-Мерген, у которого глаза «подобно синим звездам» сияли, язык его «как огненное пламя»:

<p>3870 <i>Ай јалтагы бу чырайы</i> <i>Алтын кептү јалтырт этти,</i> <i>Куң јалтагы бу чырайы</i> <i>Кумуш кептү мызылт этти.</i> <i>Јалан кептү јал дар төжи</i></p> <p>3875 <i>Јалтырашкан турбай кайтты.</i> <i>Айан кептү бу кабагы</i> <i>Мызылдаган турбай кайтты.</i> <i>Коокырланбутумчукту,</i> <i>Кош аркадыйбукирбиктү,</i></p>	<p>3870 <i>Светлолунное его лицо,</i> <i>Как золото, сверкало,</i> <i>Яркосолнечное его лицо,</i> <i>Как серебро, сияло.</i> <i>Широкая, как поле, грудь</i> <i>Сверкала — таким он стоял.</i> <i>Чистый, как луг, его лоб</i> <i>Блестел — таким он был.</i> <i>Нос его — как прямой хребет [горы],</i> <i>Ресницы — как северный лес,</i></p>
<p>3880 <i>Килин кара букабакту,</i> <i>Кирбее кара бусагалду,</i> <i>Солонгдыйбукачарлу,</i> <i>Толы айдыйбучырайлу.</i> <i>Көргөн көзи көк чолмондый</i></p> <p>3885 <i>Суркурап туртан јанду болтыр.</i> <i>Айткан тили от јалбыштый,</i> <i>Айдыпотурарјан дуболтыр.</i> <i>Атту-чуулубаатырболтыр,</i> <i>Алмын-чулмун күлүк болтыр.</i></p> <p>3890 <i>Бек тер бұткен бу белине</i> <i>Бежен айгыр мал јүргедий,</i> <i>Ак јаландый бу јардына</i> <i>Алтан уур кой јүргедий.</i></p>	<p>3880 <i>Брови — как черный бархат,</i> <i>Борода — как черное урочище,</i> <i>Щеки — как радуга,</i> <i>Лицо — как полная луна,</i> <i>Глаза, подобно синим звездам,</i> <i>Сияли — таков его взгляд.</i> <i>Язык, как огненное пламя, —</i> <i>Красноречивым он был.</i> <i>Славный он был богатырь,</i> <i>Необыкновенный он был кюлюк.</i></p> <p>3890 <i>На крепко сложенной пояснице</i> <i>Пятьдесят табунов могут пастись,</i> <i>На широких, как луг, лопатках</i> <i>Шестьдесят отар могут пастись [2].</i></p>

Как из этого видно, в описаниях богатырей нет большой разницы, сравнения даются устойчивыми формулами. Разница только в описании возраста.

Алтайское сравнение «*Көргөн көзи көк чолмондый*» ‘Зоркие глаза, подобные синим звездам’ переводится на якутский язык как «*көрбүт хараҕа күөх чолбон курдук*». Здесь показатель сравнения =*дый* алтайского языка присоединяется к слову *чолмон* (ср. як. ‘чолбон’, русск. ‘звезда Венера’). А сравнение «*Куң јалтагы бу чырайы Кумуш кептү мызылт этти*» ‘Яркосолнечное его лицо, Как серебро, сияло’ можно перевести на якутский как «*күннүү сырдык сэбэрэтэ үрүҥ көмүстүү (курдук) сыдьаайар*». Здесь послелог *кептү* алтайского языка походит на *курдук* в якутском.

Для выражения силы богатырской используются пространственные гиперболы «на крепко сложенной его пояснице пятьдесят табунов могут пастись», «на широкой, как луг, спине шестьдесят отар могут стоять», «между двумя его лопатками сто кобылиц могут укрыться», «между двумя его глазами сорок баранов могут стоять».

Сказитель эпоса использует в своих образных сравнениях явления родной природы. Так, в описаниях образа якутского богатыря часто употребляется субъект лиственница (*Крепкие, мощные мышцы его, / Словно корни лиственниц вековых. / Голени прямые его, / Как два толстых длинных бревна / Из очищенных лиственниц молодых*), а в образе алтайского богатыря частым субъектом сравнения выступают скалы и горы (*Нос, подобный прямому хребту горы, / Щеки его — с полскалы, / Голова его — с целую скалу*). В этих сравнениях видны традиционные представления

народа: для якутского народа эталоном сравнения выступает крепкая и устойчивая лиственница, а для алтайского – высокие и широкие горы.

Литература

1. *Байжанова Н.Р.* Структурные и семантические особенности сравнений в типических местах алтайского героического эпоса // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – №3. – С. 44-50.
2. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – 474 с.
3. *Ойуунускай П.А.* Дьулуруйар Ньургун Боотур. – Дьокуускай, 2003. – 544 с.

«ДЬУЛУРУЙАР НЬУРГУН БООТУР» ОЛОНХОҢО АНАЛ ААТ ҮӨСКЭЭҢИНЭ

Н.А. Матвеева,

МЯЯ-15, ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

Научный руководитель – Чиркочева Д.И.

Олонхоґо грамматика халыыба, тыл ситимэ, холбоһуга уус-уран ньыма быһыытынан туттуллар. П.А. Слепцов тыл үөрэґэр олонхо тылын грамматикатын чинчийэр лингвофольклористика салаатын сайыннарар соругу туруорар [4].

Кэлинни кэмнэ олонхоґо көстөр анал ааттары чинчийии интэриэһи тардан эрэр.

Олонхоґо персонажтар анал аатынан бэлиэтэнэллэр, ааттарыгар удьуордара, идэлэрэ, титуллара хосуһар, айыы, абааһы бухатыырдарын ааттарыгар эбии кинилэр аттарын аата эмиэ киирэр.

Анал аат олонхоґо туттуллуутун Н.И. Филиппова чинчийэр. Кини олонхо геройдарын ааттарын лингвофольклористика, этнолингвистика өтүттэн чинчийии наадатын, маны таһынан персонаж аатыгар мифология, итэґэл, философия өрүтэ көстөрүн болґомтоґо ылыахха наадатын ыйар. Салгыы олонхо персонажтарын ааттарын тииптэрин, халыыбын уонна суолталарын быһаарар соругу туруорар. Ол курдук Н.И. Филиппова олонхо персонажтарын ааттарын тутулун ырытар, халыып онорор: эпитет – аат – титулу көрдөрөр тыл. Холобур, «Дьулуруйар Ньургун Боотур» олонхоґо сүрүн герой *Дьулусханнаах дьулуо манан халлаан дьураатыгар тура төрүөбүт Дьулусхан субуйа сүүрүк Дьураа хара аттаах Дьулуруйар Ньургун Боотур* диэн этиллэр. Бары персонажтар ааттара бу олугунан туттуллар. Ааптар олонхо ааттарын лексическэй-семантической бөлөхтөргө арааран чинчийии табыгастаабын ыйар, ааттары бөлөхтүүр: халлаан эттиктэрэ, айылґа сүдү көстүүлэрэ, көтөрсүүрэр аата, өн, сүөһү, сылгы дьүһүнэ, таас, тимир, киһи чулуу быһыытын көрдөрөр тыллар, дьүһүннүүр тыллардаах аат, дорґоону үтүктэр тыллардаах ааттар [5].

П.А. Ойуунускай «Дьулуруйар Ньургун Боотур» [3] олонхотугар 151 персонаж баар. Бары уустук тутуллаах поэтической олугунан бэриллэр анал ааттаахтар. Олонхоґо бу персонажтар ааттара толору эбэтэр кыра уларыыылаах этиллэр. Персонажтар олонхо устатыгар биирдиитэ эрэ ахтыллыбаттар. Онон анал аат олонхоґо ураты улахан миэстэни, суолтаны ылар, бэйэтэ туспа балаһа буолар эбит.

Олонхо персонажтарын аатыттан эпитеттерин, титулу кэрэхэлиир тыллары туоратан, тус аатын хааллардахха, ааттар судургутуйаллар. Күннээби олоххо тутулар аат таһымыгар түһэллэр. Үөскээбит уратыларын ылан көрдөххө, үгэс буолбут аат сыһыарыытын көстүүтэ аһыйах. Оттон О.Н. Бетлингк үлэтигэр [1] баар өлүктүйбүт сыһыарыы үгүстүк көстөр. Холобур, *Көнөбө, Адьынга, Дьаралы, Уһутаакы, Буурай, Бохсоболлой* о.д.а.

Олонхоҕо анал аат сорҕотун быһыытынан биир сүһүөхтээх тыл лаппа көстөр: *Аар, Тон, Сун*. Ону таһынан икки сүһүөхтээх төрүт олохтоох тыллары бэлиэтиибит: *Ала, Буурай, Хара, Үрүн, Бахсы, Орой, Хотой, Ытык, Алтан, Дохсун, Маҕан, Тимир, Боотур, Кырбый*. Үс сүһүөхтээх төрүт олохтор эмиэ бааллар: *Чабырбай, Иэрэбэй, Дьөһөгөй, Куралай, Орулуос*.

Икки тыллаах аат сыстыы ныматынан ситимнээр. Маныха аат тыл аат тылы кытта ситимнэһиитэ ордук үгүстүк көстөр. Холобур, *Тимир Дыыбырдаан, Кытай Бахсылааны, Уот Уһутаакы, Уот Кындыалана, Уот Холуонньай. Уһутаакы, кындыалана, холуонньай* диэн тыллар быһаарыы суолталаахтар, *-аакы, -а, -ньай* сыһыарыынан үөскүүллэр. Холобур, *уһутаа+аакы, кындыалаа+ан+а, холуон+ньай*.

Икки тыллаах уратытык үөскээбит ааттар бааллар. Холобур, *Хотун Куохтуйа. Саха Куохтуйа хотун* буолуон сөп. *Хотун* диэн титулу көрдөрөр тыл анал аат састаабыгар киирсэр, улахантан суруллар, *куохтуйа* диэн тылы быһаарар суолталанар. Маннык ааттааһын атын да олонхолорго көстөр: *Тойон Дьаҕарыма, Тойон Ньургун*.

Даҕааһын аат аат тылы кытта ситимэ уратытык бэриллибит холобурдара үгүстэр: *Уһун Дьурантаайы, Ытык Хахайдаан* (Хахай+даан), *Ытык Иэрэбэй* (иэрэгэй – быаны-ситиини хатар тэрил), *Бөкчөгөр Бөбөлүкээн* (бөкчөй + бөр<бөкчөбөр, бөбө+лү+кээн<) *Хаадыат Моһол*. Бу саха тылыгар үгэс буолбут анал аат көстүүтэ.

Ыбый, Солуонньай, Долонунгса, Тиш Тилинньэх, Өндөлүкү Бөкөөнөй – биллибэт этимологиялаах ааттар. Бу тыллар тылдыкка суохтар эбэтэр Э.К. Пекарскай тылдытыгар остуоруйа геройун аата диэнтэн атын быһаарыы суох. Чинчийээччилэр эпическэй геройдар анал ааттара сахалар собурууну өбүгэлэрин ааттарын кытта ситимнээхтэр, түүр-монгуол төрүттээхтэр диэн этэллэр. Олонхоҕо, айыылар тустарынан үһүээннэргэ олобулар буолан, былыргыттан кэпсэнэр мифологическай геройдар ааттара элбэх. Күннэтэ туттуллубат ааттар буолан, манна былыр үйэбэ суолталарын сүтэрбит тыллар көстөллөр.

Олонхо персонажтарын аатын икки чааска арааран сүрүн чааһын морфологическай састаабын чинчидэххэ, анал ааттар ураты уонна үгэс буолбут халыыбынан үөскээһиннэрэ көстөр. Бу көстүү тыл этимологиятын, суолтатын өйдүүргэ саналы хайысханы арыяр.

Литература

1. *Бетлингк О.Н.* О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 645 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
3. *Ойуунускай П.А.* Дьулуруйар Ньургун Боотур. – Дьокуускай, 2003. – 543 с.
4. *Слепцов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск, 2008. – 542 с.
5. *Филиппова Н.И.* Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. – Якутск, 2016. – 104с.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРИЧИНЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ

Л.В. Портнягина

М-СИТСЯ-16 ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

Научный руководитель – Прокопьева А.К.

Целью настоящей работы является исследование структуры сложноподчиненного предложения (далее – СПП) причины якутского языка в функциональных стилях: научном, деловом, публицистическом, художественном и разговорном стилях.

Рассмотрим выражение СПП причины по стилям:

Научный стиль. Исследованию подвергался научно-учебный подстиль. Материалом послужил учебник средних классов «Зоология».

Результаты исследования показали, что научному стилю более свойственно использование аналитических и синтетико-аналитических типов СПП (по 46,2 %). Синтетический тип в данном стиле имеет нечастое употребление (7,6 %), что говорит о возможном стремлении научного стиля к дробности. Аналитический тип представлен моделями $T_{\nu}ap/ыыр/бат$ буолан, $T_{\nu}Baap/суох$ буолан, $T_{\nu}быт$ буолан, $T_{\nu}тын$ диэн, N диэн, N буолан, N лаах буолан, синтетико-аналитический – $T_{\nu}быт//оруд.п.$ сибээстээн, $T_{\nu}быт+//түмүгэр$, $T_{\nu}быт//исх.п.$ сиэттэрэн, $T_{\nu}ap//оруд.п.$ сибээстээн, $T_{\nu}ap//иһин$, N лаах//иһин.

Деловой стиль. В данном стиле чаще всего использованы синтетические и синтетико-аналитические типы. Синтетический тип представлен моделью $T_{\nu}ap//нан$, синтетико-аналитический тип – моделями $T_{\nu}ap//оруд.п.$ сибээстээн, $T_{\nu}ap//наадатыттан$, $T_{\nu}быт//түмүгэр$, $T_{\nu}быт//иһин$, $T_{\nu}быт//быһытынан$, где послелогои играют уточняющую, конкретизирующую роль. Например: (Улэ хаачыстыбата тупсарын наадатыттан) [дириэктэр санга соруктары туруорда]. В отношениях между главной и зависимой предикативной частей посредством послелога *наадатыттан* указывается не только причина, но и необходимость данного действия.

Употребление аналитического типа в деловом стиле не выявлено.

Публицистический стиль. Исследование показало, что данный стиль стремится к аналитизму, дробности – 50 % (срав. синтетический тип – 20 %, синтетико-аналитический – 30%).

Аналитический тип представлен союзами *буолан*, *диэн*. Например: [Тутуу (бу сирдэр чиэскилэрэ, ороскуоттара бэрт буолан), аанньа ытыллыбатах] (К 5.05.16). В синтетико-аналитическом типе используются послелогои *быһытынан*, *иһин*.

Художественный стиль. Всего найдено 87 СПП причины, в которых аналитический тип занимает 56,3 %, синтетико-аналитический – 25 %, синтетический – 18,7 %.

Аналитический тип больше всего употребляется у А.И. Софронова–Алампа и Д.К. Сивцева–Суорун Омоллоона. Представлен моделями $T_{\nu}ыах$ диэн, N лаах буолан, $T_{\nu}ма$ диэн, $T_{\nu}ap$ үһү диэн, $T_{\nu}тах/Р/табай$ диэн, $T_{\nu}аарай$ диэн, T_{ν} буолан, $T_{\nu}тах$ буолуо диэн.

Например, [*Охоноон, (бачча киэһэ туох кэллэбэй диэн), (этэ дьар гына түстэ)*] (СО К 95). Модели *T_vap үһү диэн, T_vтах/Р/табай диэн* использованы только в рассказах Суорун Омоллоона.

Синтетический и синтетико-аналитический тип наиболее часто использован у Н.Е. Мординова–Амма Аччыгыйа.

Разговорный стиль. Разговорный стиль предпочитает использование синтетико-аналитического типа (56%): *Суох//иһин буолаба буолуо, T_vбыт//ттан сиэттэрэн, T_vбыт//оруд.п. + сылтанан, T_vбыт//иһин, T_vбыт//осн.пад. + бэрдин иһин, T_vбыт//аанньа, T_vбыт// туһуттан, N//исх.п. + сылтаан, T_vтах//аайы, N//аанньа, T_vap//иһин, N//дат.п. + балыйтаран, T_vбат//дат.п. + тэптэрэн, T_vа илик//оруд.п. + туһанан, в которых послелогои сылтаан, сылтанан, аайы, аанньа, бэрдин иһин, туһуттан, балыйтаран, тэптэрэн придают конструкциям эмоционально-экспрессивную окраску. Речь оживает, посредством послелогов передается характер говорящего, его эмоциональное состояние. Например, послелог *балыйтаран* передает чувство вины говорящего: (*Сагам-ингэм элбэбэр балыйтаран*), [*албаһаатым быһыылаах*].*

В синтетическом типе также используются частицы *бэрдиттэн, курдугуттан*, которые также передают эмоциональность, порой и недосказанность говорящего. Например, (*Кини атааба бэрдиттэн*) [*таайа хомойдо*] или (*Кини өйдөөбөт курдугуттан*) [*киһитэ соһуйда*].

В аналитическом типе разговорного стиля также используется скрепа *буолан* с модальной частицей *эбитэ* и вопросительной частицей *дуу*, что передает неопределенно-причинное обоснование. Например, (*Ыстапаан тулаайах буолан эбитэ дуу*), [*Даайа кинини олус аһынар этэ*].

Таким образом, исследование СПП причины в функциональных стилях показало:

Нейтральными, то есть используемыми во всех функциональных стилях моделями являются модели *T_vан/бакка, T_vбыт//иһин*.

1. В зависимости от экстралингвистических факторов в функциональных стилях используются разные языковые средства:

а) в *научном стиле* отмечено употребление послелогов *сибээстээн, түмүгэр, сиэттэрэн, иһин*, придающие научному стилю четкость, точность и достоверность;

б) в *деловом стиле* используется синтетико-аналитический тип, выражен моделями с послелогоми *сибээстээн, түмүгэр, иһин, наадатыттан, быһыытынан*, которые придают деловой речи точность, обязательность выполнения;

в) *публицистический стиль* выделен использованием СПП аналитического типа. Наиболее употребляемой моделью является *T_vан/бакка*;

г) *художественный стиль* отмечен моделями, в которых лексика придаточной части, такая как *кыһайан, бэрдиттэн* или *моһуогуран* говорит о сложности реализации действия главной части. Эти формы выполняют функцию описания трудно-выполнимого действия, автор передает оттенки чувства читателю;

д) в *разговорном стиле* используются модели с послелогоми *сиэттэрэн, сылтаан, сылтанан, аайы, аанньа, туһуттан, балыйтаран, тэптэрэн, туһанан*. Послелогои *сылтанан, аайы, аанньа* передают негативное отношение. Модели с данными послелогоми передают чувственные краски и используются в разговорном и публицистическом стилях.

2. Синтетико-аналитический тип СПП представлен в деловом (83,3 %) и разговорном стилях (56 %), аналитический – в художественном (56,3 %) и публицистическом (50 %) стилях.

Сокращения

К – «КЫЫМ» (газета)

СО К – *Суорун Омоллоон*. Кэпсээннэр. – Дьокуускай: “Бичик”, 2012. – 171 с.

ОБРАЗНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА: В СОПОСТАВЛЕНИИ С МОНГОЛЬСКИМ ЯЗЫКОМ

Т.А. Сидорова,

М-СИТСЯ ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К.Аммосова

Научный руководитель – Ефремов Н.Н.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу отдельных образных глаголов движения якутского языка с аналогичными глаголами монгольского языка.

Многие образные слова якутского языка имеют монгольские параллели и характеризуются, в основном, сходными значениями [6, с. 376]. Однако, в настоящее время отсутствуют специальные работы, посвященные сопоставительному структурно-семантическому анализу якутских и монгольских образных глаголов, в частности, глаголов движения. Этим обстоятельством и определяется актуальность нашего исследования.

Интерес к изучению образных глаголов движения якутского языка обусловлен тем, что им свойственно эмоционально-экспрессивное описание предметов и явлений.

На характерную особенность образных слов якутского языка впервые обратил своё внимание С.В. Ястремский, который обозначил их термином “образные речения” [10, с. 62]. Основополагающее значение в изучении образных слов якутского языка имеют труды Л.Н. Харитоновой [11; 12]. В последнее время якутскими учёными опубликованы статьи, посвященные семантике образных слов. Это, например, статья В.Д. Монастырева и С.М. Прокопьевой [8], посвященная исследованию образного пласта глаголов визуального восприятия якутского языка в сопоставлении с аналогичными единицами монгольского языка. Несомненный интерес для нашей работы представляет монография С.Д. Егиновой [7]. Книга посвящена описанию образных имен прилагательных якутского языка. Осуществлена их лексико-семантическая классификация, системно исследован пласт лексики якутского языка, ранее не подвергавшийся отдельному описанию и анализу. Впервые на богатом фактическом материале проведен сравнительный анализ семантики якутских прилагательных с аналогичными прилагательными бурятского, киргизского языков через призму образной картины мира народа саха.

Как известно, в настоящее время сектор якутской лексикографии ИГИИПМНС СО РАН работает над созданием «Большого толкового словаря якутского языка» (в 15-ти томах) (далее – БТСЯЯ). В Словаре к корневым основам слов даются лексические параллели и из алтайских языков [9, с. 71].

В данной статье из материала этого словаря и «Большого Академического монгольско-русского словаря» (в 4-х томах) (далее – БАМРС) рассмотрены некоторые образные глаголы движения якутского языка в сопоставлении аналогичными монгольскими глаголами.

1. **Нэлэлдьий** ‘ходить, двигаться туда-сюда, мелькать (о человеке с распахнутой широкой грудью)’: *Сүөдэр Хомуоһан хоско араастаан нэлэлдьийэн хаама сылдьан биир сүрдээх тэбэнэттээх ырыаны ыллыыр* [3, с. 511]. Данным глаголом в форме деепричастия характеризуется внешний вид человека. К этому глаголу в качестве монгольской параллели в БТСЯЯ дан глагол **нэлэлзэх** ‘двигаться (о чём-л. широко), движение чего-л. широкого’. В БАМРС этот глагол представлен двумя значениями: 1) двигаться (о чём-л. обширном); 2) растягиваться, вытягиваться, стлаться (о бегущей лошади) [1, с. 442]. Как видно из этого, в монгольском языке значение глагола **нэлэлзэх** отличается от якутского.

2. **Сырбай** имеет следующие значения: ‘бегать, ходить, двигаться быстро, проворно; упруго извиваться, вертеться (обычно о стройных людях с гибким станом)’: *Сортол тобус обургу Сыһа-халты харбатан Сырбайан биэрэ сырытта; Оболор Дыгыйа кэнниттэн сырсан сырбайдылар* [4, с. 455]. Данный глагол характеризует быстрое, ритмичное движение (обычно о стройных людях с гибким станом). В «Большом толковом словаре якутского языка» приведены лексические соответствия из письменно-монгольского языка: **шарвах, ширвэх** ‘махать, хлестать (напр., хвостом)’ [4, с. 456]. В БАМРС **шарвах** имеет два значения: 1) махать, хлестать (напр., хвостом), вильнуть; **сүүлээ шарвах** махать хвостом; 2) перен. заносить (машину); **урвах шарвах** отказываться от своих слов [2, с. 343]. А глагол **ширвэх** в БАМРС представлен пятью значениями: 1) мотать, хлестать (напр., прутиком, хвостом); 2) мести; 3) плескаться, брызгать; сметать; смахивать, обмахиваться; стряхивать, встряхивать; **илд ширвэх** взмахивать мечом; **ширвэх дам илд бердыш** с длинным древком; 4) бросать недружелюбный взгляд на кого-л.; **ширвэн харах** глянуть; 5) бросать в сторону [2, с. 361]. Оба глагола **шарвах, ширвэх** многозначны, их лексические значения связаны семантикой движения.

3. Глагол **хаадьай** характеризуется двумя значениями: 1) накрениться, покоситься, завалиться набок: *Арай сыһаһа орон аттыгар үс атахтаах эргэ остуол хаадьайбыт; Эмиэ биир оннук хаадьайбыт титиик баар сайылыгар аҕалбыттара; Оһох уһа диэки хаадьайбыт*; 2) идти с трудом, хромая, ковылять. *Чанхаайан сис туттан, миигиттэн кэлэйбиттии киэр эргиллэн, дыэтин диэки нэһилэ алхтаан хаадьайа турда* [5, с. 73]. В монгольском языке вышеприведённому якутскому глаголу соответствует глагол **хазайх**: 1) **накреняться, наклоняться набок; кривиться, покоситься; зам хазайх** перен. отклоняться от прямого пути; **сэдьвээс хазайх** отклоняться от темы; **үд хазайж байна** солнце склоняется к горизонту (үгчил полдень наклоняется); **хус салхинд хазайжээ** береза наклонилась от ветра; 2) **извращать, искажать смысл; действовать нечестно; добиваться окольными путями; өчиг хазайх** искажать показания, давать ложные показания на суде [2, с. 16]. Нужно отметить, что в 1-ом значении монгольский глагол **хазайх** соответствует ос-

новному значению якутского глагола **хаадьай**. Во втором значении монгольский глагол **хазайх** соответствует якутскому глаголу в значении 'отклоняться, отпираться'. Однако это соответствие не зафиксировано в БТСЯЯ.

Таким образом, сопоставленные глаголы характеризуются разными субъектами: в якутском языке – это человек, артефакт, в монгольском – лошадь, автомобиль, натурфакт.

Литература

1. Большой Академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 2. Д–О / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 536 с.
2. Большой Академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 4. Х–Я / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2002. – 532 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: в 15 т. Т. 6 / Под ред. П.А. Слепцова. -Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: в 15 т. Т. 9 / Под ред. П.А. Слепцова. -Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: в 15 т. Т. 13 / Под ред. П.А. Слепцова. -Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во «Наука», 1982. – 495 с.
4. *Егинова С.Д.* Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). – Новосибирск: Наука, 2014. – 232 с.
5. *Монастырев В.Д., Прокопьева С.М.* Образные глаголы визуального восприятия в сравнении с монгольскими образными глаголами // *Science and Society*. – London, 2017. –Р. 118-126.
6. Толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т.1 / Под ред. П.А. Слепцова. -*Харитонов Л.Н.* Неизменяемые слова в якутском языке. – Якутск: Кн. изд-во, 1943. – 84 с.
7. *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.
8. *Харитонов Л.Н.* Формы глагольного вида в якутском языке. – М.; Л.: Наука, 1960. – 179 с.

САХА УОННА МОНГУОЛ ТЫЛЫГАР ЭБИИСКЭ

Н.В. Турантаева,

М-ЯЯ-15, ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

Научный руководитель – Чиркочева Д.И.

Саха, казах, киргиз, туркмен уо.д.а. отучча атын-атын сиэрдээх-туомнаах, историялаах омугу барытын бииргэ түмэ тардар, уруулуу сибээстиир көстүүнэн кинилэр тыллара, сангарар сангалара буолар. Бу тыллар грамматикаларын тутулуунан уонна тылларын састаабынан уруулуу түүр омуктар тылларыгар киирсэллэр.

Түүр тыллаах норуоттар былыр-былыргыттан киэн сириэнэн тарбанан олорбуттар: Орто Азияҕа, Илинни Европаҕа, Арҕаа уонна Соҕуруулуу-Арҕаа Сибииргэ. Ону таһынан бэрт былыр түүр норуоттара Монголия кумах куйаарыгар олорон ааспыттара биллэр.

Саха тылын уонна сахалар хантан кэлбиттэрин, туох төрүттээхтэрин быһаарарга элбэх араас сабаҕалааһыннар уонна ааҕар түөрүйэлэр этиллибиттэрэ. Бу этиилэри, бэлиэтээһиннэри наардаан икки бөлөххө араарыахха сөп:

1) саха норуотун төрүт түүр тыллаах омук, онтон кэлин атын тыллар сабыдыалларын ылыммытынан ааҕар түөрүйэлэр;

2) саха норуотун түүр төрүттээһинэн аахпат уонна саха тылын кэлин түүр тылын сабыдыалыгар түбэспит тылынан ааҕар түөрүйэлэр.

Тыл үөрэхтээхтэрин үгүс өтгүлэрэ бастакы түөрүйэни тутуһаллар. Бу бөлөх биир улахан бэрэстэбиитэлинэн акад. О.Н. Бетлингк буолар. Кини «О языке якутов» диэн 1851 с. Санкт-Петербург куоракка бэчээттэтэн таһаарбыт сүдү улахан үлэтинэн тюркология историятыгар букатыннаахтык киирэн, күн бүгүнгэ диэри сыаналанар уонна саха тылын баайын аан маннай научнайдык тэннээн үөрэтиини саҕалаабыт кининэн биллэр.

Ону тэнэ Бетлингк 4800-чэ тыллаах научнай сахалыы-ньиэмэстии тылдыты онорбута. Бу тылдытыгар саха тыла түүр уонна монгуол омуктар тылларыгар баар ханыыларын ыйбыта уонна түмүгэр саха тыла түүр омуктар тылларыгар уруулуу тыл эбит диэн быһаарбыта. Ол гынан баран саха тыла түүр тылларыттан бэрт былыр арахпытын, бэйэтин сайдытыгар олус элбэх уларыыылары көрсүбүтүн, монгуол тылын кытта сыһыаннаһа сылдыбыт сабыдыала улаханын аан маннай научнайдык олохтоон эппитэ.

Иккис бөлөх түөрүйэтин тутуһааччынан акад. В.В. Радлов буолар. Кини 1908 с. саха тылын төрүтүн быһаарар сыаллаах «Якутский язык в его отношении к тюркским языкам» диэн үлэни суруйбута. Бу үлэтигэр кини 1748 сахалыы тыл олобун төрдүн-ууһун ырыппыта. Ол тыллартан 572-тин түүр төрүттээх тылларынан аахпыта, 452 тылы монгуол төрүттээһинэн, 91 тылы түүр да монгуол да тылларыгар ханыылаахтарынан, оттон 724 тылы ханнык да тылга ханыыла суох, биллибэт төрүттээхтэринэн аахпыта. Онон кини ырыппыт тылларыттан 32,5 % түүр төрүттээх, 25,9 % – монгуол, 41,6 % – биллибэт төрүттээх эбит диэбитэ.

Саха тыла аан маннай ханнык эрэ биллибэт төрүттээх тыл бастаан монгуол тылыттан элбэх сабыдыалы инэринэн баран, кэлин түүр тыллаах омугу кытта алтыһан бэйэтин тылын түүр тыла гына кубулуспут диэн түмүктээбитэ.

Саха тылын үөрэтии уонна чинчийии аңардас Саха сиригэр эрэ барбыт буолбатах. Сэбиэскэй Сойууска, ону таһынан кыраныысса нөнүө тюркологтар саха тылын интэриэһиргээн үөрэтэллэр уонна чинчийэллэр. Ол курдук саха тылын үөрэтиигэ Польша биллиилээх монголиһа уонна тюрколога, наука доктора Станислав Калужинская өнөтө улахан. Кини 1961 с. Варшаваҕа «Монгольские элементы в якутском языке» диэн кинигэни бэчээттэтэн таһаарбыта. Калужинская бу кинигэтигэр саха тылын баайыгар, фонетикатыгар уонна морфологиятыгар монгуол тыла улахан сабыдыаллаабытын бэлиэтиир уонна ону ырытар. Ол курдук кини саха тылыгар 2000-тан тахса монгуолтан кирири тыл баарын булар. Бу сабыдыаллааһын уһун кэмнэ бииргэ олоруу эрэ түмүгэ буолуон сөптөөбүн уонна ол бииргэ олоруу XII–XV үйэлэргэ буолбут быһыылаах диэн сабаҕалыыр.

Саха тыла монгуол тылыгар ханыылыы лиэкстикэтин курдук киэн чинчийии баарамайын кыаратан, эбиискэни (частицаны) ылан көрүүбүн.

Эбиискэни чинчийии морфология атын категорияларыгар холоотоххо, элбэх көрүллэр өрүттээһинэн уонна быһаарарга кэккэ ыарахаттардаагынан тюркологияҕа

эрэ буолбакка, уопсай тыл үөрэбэр ситэ үөрэтиллэ илигинэн уонна түмүктүүр быһаарыы ылынылла илигинэн биллэр.

Саха тылыгар эбиискэ категориятын туһунан өссө О.Н. Бетлингк «О языке якутов» үлэтигэр көрбүтэ. Кини тюркологияҕа аан маннайгынан тылы тэнгэнэн көрөн, чинчийи тыл бары категорияларын уонна өрүттэрин үөрэтиини эрэйэр, ол иһигэр эбиискэни чинчийиини эмиэ диэн бэлиэтээбитэ.

Э.К. Пекарской бэйэтин үс туомнаах тылдытыгар бары кэриэтэ эбиискэбэ, дьөһүөлгэ, сана аллайыыга, ситимниир тылга быһаарыы биэрэн суруйбута. Кырдыыга даҕаны, кини тылдытыга күн бүгүнгэ диэри саха тылын грамматикатын чинчийиигэ биир сүнкэн улахан кылаат буолар.

Салгыы С.В. Ястремской «Грамматика якутского языка» диэн үлэтигэр чопчу эбиискэни буолбакка, уларыйбат категория тылларын ыйар. Холобур, *аххан, аҕай, бааччы, собус, эбэт, үһү, даҕаны, ниһи, дуо, дуу, даа*. Мантан бүтэһик түөрдүн эбиискэлэр диэн ыйар, оттон сорохторугар *appositum* диэн быһаарыыны биэрэр.

Сахалыы санарар тыл үөрэхтээхтэрэ суруйбут грамматиканы чинчийэр үлэлэригэр 1940 сс. диэри эбиискэни туспа грамматика категориятын быһыытынан көрүү суоҕа. Арай А.А. Иванов–Күндэ оскуола учебниктарыгар «илин-кэлин дьөһүөл тыллары» кытары аҕыйах эбиискэни ыйан сырдаппыта. Онтон Н.Н. Павлов ыйытар эбиискэни «ыйыты добуһуоллара» диэн ааттаан суруйбута.

Кэлин Н.С. Григорьев грамматикатыгар эрэ «эбиискэлэр уонна дьөһүөллэр» диэн араартаан, эбиискэни туспа сана чааһын курдук көрөн, эбиискэ көмө тыл буоларын ыйан, сөптөөх быһаарыыны биэрбитэ.

Оттон эбиискэни наардааһынга, үөскээбит төрдүн быһаарыыга аан маннай П.П. Барашков холоммута. Ону кэлин Л.Н. Харитонов систиэмэлээн, көмө сана чаастарын наардааһынын онорбут киһинэн биллэр.

Кэнники эбиискэ көмө сана чааһа буолуутун туһунан Е.И. Убрятова, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров үлэлэриттэн билсиэххэ сөп.

Ол курдук эбиискэ быһаарыытын, туттулуутун, үөскүүр ньыматын, араастарын туһунан сиһилии быһааран Н.Е. Петров «Частицы в якутском языке» диэн кинигэтигэр суруйар. Кини этэринэн, саха тылын эбиискэлэрин маннык бөлөхтөргө араарыахха сөп:

1) атын сана чаастарыттан тахсан эбиискэ эрэ быһыытынан туттуллар – кубулуйбат эбиискэлэр (собственно частицы): *да, уни, ахан, ньии, эбит, баҕайы, бөбө, илик, собуустук, эмэ, эрэ, даа, дуо, дуу, ээ, кэрэх, үһү, буолбаат, той, тайма, киэнэ, аҕай, аах* у.д.а.;

2) эбиискэ да, аат да суолтатыгар туттуллар – ааттыйбыт эбиискэлэр (отыменные частицы): *аймах, аата, доҕор, бэйэтэ, бэрт, суох, тустаах, баар, ааттаах, энин, дуома, киһи, мээрик, олус, сүр, сүрдээх, үлүгэр, хаан, хас, барахсан, котоку, обургу, быһыылаах* у.д.а.;

3) эбиискэ да, туохтуур да форматыгар туттуллар (отглагольные частицы): *буолуо, буоллаҕа, мунутаан, муннаан, туран, баран* у.д.а.

Биллэн турар атын наардааһын баар буолуон сөбүн автор утарбат, холобура, эбиискэ ис хоһоонунан, этиигэ миэстэтинэн – этии кэннинээҕи эбэтэр ортотунааҕы эбиискэлэр, эбэтэр ханнык сана чааһыгар, этии ханнык чилиэнигэр сыһыаннаахтарынан араартыахха сөп. Ону таһынан биир тылтан биитэр элбэх тылтан турар эбиискэ диэн эмиэ баар буолуон сөбүн утарбат.

Монгуол тылыгар эбиискэ суолтата эмиэ саха тылыгар курдук ханнык эмэ тылга эбэтэр этиигэ ордук хос өнгү, толбону эбэн биэрийгэ туттуллар көмө сана чааһа буолар.

Монгуол тылыгар эбиискэ ис хоһоонунан маннык бөлөхтөргө арахсар:

- 1) ыйытыы эбиискэтэ: уу (үү, юу, юү), бэ, вэ;
- 2) сөпсөһүү эбиискэтэ: даа (доо, дөө), шуу (шүү), л;
- 3) утарар эбиискэ: үл, (ү)гүй, эс;
- 4) туран биэрии эбиискэтэ: ч
- 5) бобуу эбиискэтэ: буу (бүү), битгий
- 6) сөпсөһүү эбиискэтэ: заа
- 7) саарбахтыыр эбиискэ: биз
- 8) утары туруорар эбиискэ: биш

Монгуол тылын грамматикатын сокуонунан эбиискэ этииттэн уонна этии чилиэннэриттэн тутулуга суох сангарааччы тугу этиэн баҕарбытын, субъект толкуйун тириэрдэргэ туттуллар көмө сана чааһа буолар.

Н.Е. Петров наардааһынынан саха уонна монгуол тылыгар баар эбиискэлэри тэннээн көрүүгэ холонноххо, маннык түмүккэ кэлэбит:

- сорох атын сана чаастарыттан тахсан эбиискэ эрэ быһыытынан туттуллар – кубулуйбат эбиискэ (собственно частицы):

Сахалыы	Монгуоллуу
Даа – баран абыраа даа	Даа – явна даа, явна (барыам ээ барыам)
Дуу – ыллын дуу?	Уу – авсан уу? (ыллын дуу?)
Дылы – тугу эрэ билэр киһиэхэ дылы	Шиг – юм мэддэг хүн шиг (тугу эрэ билэр киһиэхэ дылы)
Ини – оннук ини	Байх – тийм байх (оннук ини)
Курдук – оннук курдук	Шиг – тийм юм шиг (оннук курдук)
Кэриэтэ – күн кэриэтэ	Шиг – нар шиг (кун кэриэтэ)
Ээ – оннук ээ	Ээ – тийим ээ (оннук)

Н.Е. Петров наардааһынынан 50 кубулуйбат эбиискэттэн (собственно частицы) монгуоллуу тылбаастаныан сөптөөх 7 эбиискэ баар. Олортон үһэ монгуоллуу пуормата «шиг» диэн биир тылбааһынан бэриллэр, сахалыы – «дылы», «курдук», «кэриэтэ» диэн үс араас эбиискэ;

- эбиискэ да, аат да суолтатыгар туттуллар – ааттыйбыт эбиискэлэр (отыменные частицы):

Сахалыы	Монгуоллуу
Барахсан, котоку – оҕом барахсан	Хөөрхий – хөөхрий хүүхэд минь (оҕом барахсан)
Барыта – киһи барыта	Бүхэн – хүн бүхэн (киһи барыта)
Быһыылаах – оннук быһыылаах	Байх – тийм байх (оннук быһыылаах)
Бэрт, бэрт диш, сүр, сүрдээх – түргэнэ сүрдээх	Сайн, сайхан байна, суртэй юм байна, аймаар хурдан (түргэнэ сүрдээх)
Доҕор, доҕоор, оҕолоор – дьэ бэрт доҕоор	Найз минь, хүүхдүүдээ – тийим байна, найз минь (оннук доҕор)
Киһи, киһи баар ини – барбыт киһи	Юмсан – явах юмсан (барбыт киһи)

<i>Эрэйдээх, сордоох, мунгнаах – доборум эрэйдээх</i>	<i>Хөөрхий – хөөрхий найз минь (дoборум эрэйдээх)</i>
<i>Наада – барыахха наада</i>	<i>Хэрэгтэй – явах хэрэгтэй (барыахха наада)</i>

Н.Е. Петров наардааһынынан 35 ааттыйбыт эбиискэттэн (отыменные частицы) монгуоллуу тылбаастаныан сөптөөх 9 тыл баар. Ол эрэн ити тыллар бары монгуоллуу тылбаастара эбиискэ буолбакка, атын атын сана чааһынан бэриллибиттэр, холобура, «байх» – «буолар» диэн туохтуурунан бэриллэр, «найз минь» – «дoборум» диэн аат тыл;

- эбиискэ да, туохтуур да форматыгар туттуллар (отглагольные частицы):

Сахалыы	Монгуоллуу
<i>Бабарар – ханнык бабарар</i>	<i>Ч хамаагуй – Ямар ч хамаагуй (ханнык бабарар)</i>
<i>Буолбат дуо – кэллим буолбат дуо</i>	<i>байгаа биз – ирсэн байгаа биз (кэллим буолбат дуо)</i>

Н.Е. Петров наардааһынынан 28 эбиискэ да, туохтуур да пуорматыгар туттуллар эбиискэттэн монгуоллуу тылбаастаныан сөптөөх 2 эбиискэ ыйылынна.

Мантан сизттэрэн этгэххэ, саха тылын баайа, талыта-талбата анардас эбиискэни эрэ да тэннээн көрүүттэн көстөн кэлэр. Ол курдук монгуол тылыгар тэннээн көрдөххө, саха тылыгар эбиискэ арааһынан да, туттуллар ньыматынан да, ис хоһоонунан да, омоним быһыытынан араас барыйаана бэриллитинэн да, ахсаана элбэжинэн да баһыйара көстөр. Бу көстүү саха тыла уһун устуоруйалаах уларыыы, сайдыы суолун ааспытын, үгүс омок тылларын кытары алтыһан, ол омоктар тылларын сабыдыалын инэримитин туоһулуур.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1978.
2. Бараишков П.П. О монголо-бурятских и якутских языковых связях. – Улан-Удэ, 1958.
3. Калужинский Ст. Некоторые вопросы заимствований в якутском языке // Труды ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. – Якутск, 1961.
4. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. – Якутск, 1978.
5. Попов Г.В. Лексика монгольского происхождения в якутском языке. – Якутск, 1989.
6. Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М., 1980.
7. Убрятова Е.И. Якутский язык и его отношение к другим тюркским, а также к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам. – М., 1966.
8. Широбокова Н.Н. О якутско-монгольских контактах. – Новосибирск, 1980.

**НИКОЛАЙ ЯКУТСКАЙ «АРАН УОННА ТАПТАЛ»
РОМАНЫГАР ХАНЫЫЛАСПЫТ ТЫЛЛАРЫ ТУТТУУ**
(Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдытын VII туомун
ыстатыйаларынан)

Н. Федорова,

IIa класс СОШ № 31, г. Якутск

Научный руководитель – **Молукова Л.Ф.**

Саха тылыгар ханыыласпыт тыллар тыл баайын, тыл сайда, байа турар кэрингнээ-
бин, кэскиллээбин туоһулуур категория быһыытынан тыл үөрэбэр сыаналанар.

Саха тылын сана тылы үөскэтэр (словообразование) кыабын чинчийи улахан
суолталаах боппурус, кэскиллээх суол буоларын ф.н.д. Г.Г. Филиппов бэлиэтиир.
Ол гынан баран, төрөөбүт тылбытыгар ханыыласпыт тыллары анаан-минээн чин-
чийи суоҕун кэриэтэ. Ханыы тыл суолтатын туһунан бэлиэтээһиннэр О.Н. Бет-
лингк, Н.К. Антонов, Л.Н. Харитонов, Е.И. Убрятова, Н.Д. Дьячковскай, П.С. Афа-
насьев, П.А. Слепцов, Ф.Н. Дьячковскай, Н.В. Охлопкова үлэлэригэр бааллар. «Саха
тылын быһаарыылаах улахан тылдыта» (салгыы – СТБУТ) – саха тылын үөрэбин
өр сыллаах чинчийитин түмүгэ. Саха тылын бары арангата түмүллүбүт тылдыты-
гар тирэбирэн, ханыыласпыт тыллары чинчийэн көрүү тыл үөрэтиллиитин би-
линги туругунан **сонун** көстүү буолар.

Ханыыласпыт тылы уус-уран айымньыга туттууну научнай өттүнэн чинчийи,
маны тэнэ Николай Якутскай «Аран уонна таптал» романын тылын-өһүн тыл
түөрүйэтигэр олобуран ырытыы оноһулла илик. Ордук чуолаан, ханыыласпыт тыл-
лары уус-уран истиилгэ туттуу уратыларын анаан чинчийи суоҕун кэриэтэ. Биһи-
ги бэйэбит төһө кыайарбытынан СТБУТ көмөтүнэн «Аран уонна таптал» романга
ханыыласпыт тыл туттулуутун наардаан, суолтатын тылдыт ыстатыйаларынан
быһааран, ырытан көрөргө холоннубут.

«Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта» – Гуманитарнай чинчийи уон-
на хотугу аҕыйах ахсааннаах омуктар проблемаларын института таһаарар элбэх ту-
омнаах быһаарыылаах тылдыт.

Бастагы туома 2004 сыллаахха Новосибирскай куоракка «Наука» кинигэ кыһа-
тыгар тахсыбыта. Саха Өрөспүүбүлүкэтин наукатын академиятын Гуманитарнай
чинчийи института таһаарбыта. «А» буукубаттан саҕаланар 4000 кэрингэ биирдэм
уонна сомоҕо тыллар киирбиттэр, Петр Алексеевич Слепцов эрдээксийэтинэн
тахсыбыта. Бастагы туомнар көннөрү «Саха тылын быһаарыылаах тылдыта» диэн
аагтаах этилэр, 2007 сылтан, IV туомтан саҕалаан (К буукубаттан тахсар тыллар
аһаардара) тылдыт аатыгар *улахан* диэн эбии суруллар буолбута.

2009 сылтан ыла институт Арасыйа наукаларын академиятын Сибиридээби
салаатыгар киирбитэ, Хотугу аҕыйах ахсааннаах омуктар проблемаларын институ-
тун кытта холбоспута, онон VI туом ити академия аннынан тахсар буолбута.

Билинни туругунан тылдыт уон үс туома табыста. Биһиги VII туомунан үлэ-лээтибит. Бу туом ааптардара – филологической наука доктордара П.А. Слепцов, Е.И. Оконешников, Н.Е. Петров, кандидаттар Г.В. Попов, Е.В. Семенова.

Ханыыласпыт тыллар суолталарын П.С. Афанасьев маннык быһаарар: «Икки тус-туһунан тыл хоһулаһан биир өйдөбүлү бэлиэтииллэрин паараласпыт тыл дэнэр. Оннук хоһулаһыыга сана лексическэй биирим (лексема) үөскүүр. Холобур: «От» уонна «мас» диэн тыллар хоһулаһыларыттан «от-мас» диэн сана киэн суолталаах тыл үөскээбит. Суолтата ити икки тыл биирдиилэрин суолталарынааһар быдан киэн, «үүнээйи барыта» диэн өйдөбүллээх» [1, с. 24].

Ити курдук, ханыыласпыт тыллар тыл суолтатын кэнэтэллэр, тыл баайын ханаталлар эбит. Өссө П.С. Афанасьев бэлиэтииринэн, паара анара туспа суолтата суох буоллаһына, уларыһат. Холобур, кини «сана-ингэ» диэн анара өйдөмөт ханыыласпыт тылы «иккис анара туспа суолтата суох, ол гынан баран, бу тыл сананы эрэ бэлиэтээбэт, киһи (дьон) санатыгар атын тыас-уус холбоһон иһиллэрин бэлиэтиир» [1, с. 24] диэн быһаарар. Маны таһынан, ааптар быһаарарынан, ханыыласпыт тылларга иккиэн тус суолтата суох, туспа туттуллубат компоненнартан үөскээбит тыллар баар буолаллар: *аах-маах, убул-дьибил, түн-тан* [1, с. 24].

Л.Н. Харитонов тылы үөскэтэр ньыма быһыытынан ханыылаһы улахан суолталааһын бэлиэтээбитэ. Кини ханыыласпыт ааттар суолталарын уонна туттуллууларын грамматической көстүүтүн ырыһыта. «Современный якутский язык» диэн кинигэтигэр бытархай уонна быһаарыта суох ахсаан аат диэн араастарга ханыыласпыт тыллары эбии киллэрбитэ биллэр [8].

1948 сыллаахха Е.И. Убрятова ханыыласпыт тылларга аналлаах ыстатыйата тахсыбыта. Манна кини саха тылын араас сана чаастарыгар үөскүүр пааралар суолталарын, тутууларын үөскүүр ньымаларын сиһилии ырыһыта [7].

Н.Г. Золотарев–Якутскай «Аран уонна таптал» романыттан барыта **237** ханыыласпыт тылы буллубут, онтон **44-дэ аат тыл, хайааһын аата**: *дьон-норуот, от-мас, үнсүү-харсыы* у.д.а.; **20-тэ даһааһын аат**: *чэгиэн-чэбдик, бастаах-көстөөх*; **33-һэ сыһыат туохтуурдар**: *ситэн-хотон, уора-көстө* у.д.а.; **10-на аат туохтуурдар**, **42-тэ сыһыат**: *үөһэ-аллара, ээр-сэмээр*; **16-та солбуйар аат**: *ону-маны, онон-манан, онно-манна*; **5-һэ ахсаан аат**: *биирдиилээн-иккилээн, икки-үс, биэс-алта* у.д.а.

Ханыыласпыт тыл этиигэ киирэн үксүн араас эгэлгэ уларыһыыны көрдөрөр:

1. Этиигэ туттуллар тыл суолтатын кэнэтэр, киэн өйдөбүлү үөскэтэр.
2. Этии тутулун, ис хоһоонун байытар.

Ханыыласпыт тыл бүтүүн литературнай тылга, уус-уран литератураһа, кэпсэтии тылыгар да үгүстүк туттуллар. Айымньыга хайдах туттуллубутуттан суруйааччы тылы туттар маастарыстыбата көстөр.

СТБУТ VII туомугар суруйааччы романны туттубут 8 ханыыласпыт тылын быһаарыытын буллубут. Салгыы чопчу холобурдарга тирэбирэн, тылдыкка киирбит ханыыласпыт тыллары Н. Якутскай хайдах туттубутун ылан көрүүбүн:

1. Ол-бу ханыыласпыт тыл СТБУТ-гар бэриллибит ыстатыйаһа даһааһын: Эгин араас, буолар буолбат. Всякая всячина, то да се. *Туой ол-бу санаалар киирэннэр, ону-маны саныы сыһыта*. А. Софронов. *Уончалаах кыыс ол-бу өрбөх сыһынан оонньуу олорто*. Күндэ [6, с. 251].

Бу ханыыласпыт тылы Н. Якутскай айымньытыгар даҕааһын быһыытынан тут-тубутун көрөбүт: **Ол-бу Орто Бүлүү кулубатын уола ыйыттары суорумньулаах кэллэбинэ, тапталлааҕар күрүүрүгэр ылар наадалаах танастарын, ол-бу сээкэй-дэрин халаабыска угуталаан бэлэмнээбитэ** (НЯ, 137); *Кэтириинэ дьибэ ол-бу үлэтигэр барытыгар үлэлэспитэ* (НЯ, 137). Бу түбэлтэҕэ ыйар солбуйар ааттар ханыылаһан, этиигэ киирэн атын сана чааһын – даҕааһыны үөскэппиттэр.

Бэдьэкэ оҕонньор, киэһэ үлэтиттэн кэлэн, итии чэйи уонна тар хааһыны аһаан баран, иһэ тотон, санаата көнөн, ону-маны кэпсиирэ, бөлүһүөктүүрэ (НЯ, 14); *Бырааһынньыкка ону-маны атыылаһа Кыччык куоракка киирээри тэриммитэ* (НЯ, 87); *Уһуннук олоҕорбут, ону-маны көрбүт буоламмын син билишилээх курдук көстөрүм буолуо* (НЯ, 119); *Аран ыарыы туһунан ону-маны санааммын* (НЯ, 103); **Ону-маны тигэргэ үөрэниэн да баҕарбат этэ** (НЯ, 138). Бу түбэлтэҕэ **ол-бу** ханыыласпыт тыл аат тыл суолтатыгар туттуллубут.

Маны таһынан, **ол-бу** ханыыласпыт тыл СТБУТ-гар сомоҕо домох уонна тыл халбаннаабат холбоһугун (устойчивый словесный комплекс) иһигэр киирэ сылдьар: **Ол-бу буолума сөбүлээб.** Сөрүөннээмэ, киһини эрэйдээмэ. Не ломайся; **Ол-бу диэки көр.** Тула көрүн, эргиччи көр. Оглядываться. *Сэмэн ол-бу диэки көрө саатаа.* П. Ойуунускай [6, с. 251].

Н. Якутскайга: **Ол-бу буолан** мунһаанньы олорума (НЯ, 152); *Такааһай Ньюкулай куттаммыт курдук ол-бу диэки көрүтэлиир* (НЯ, 204); *Кыччык Миитэрэй ол-бу диэки көрүтэлээбитэ* (НЯ, 186); *Кэрэ Кэтириинэ дьибэтиттэн тахсан, ол-бу диэки көрүтэлээбитэ* (НЯ, 121).

Түмүктээн эттэххэ, Н. Якутскай бу ханыыласпыт тылы **даҕааһын, аат уонна сомоҕо домох, тыл халбаннаабат холбоһугун компонентин быһыытынан туттубут.**

2. Оннук-манньык диэн ханыыласпыт тыл СТБУТ-гар даҕааһын: 1. Ол-бу бытархай, суолтата суох. Всякий, и такой и сякой. *Ол мин киирдэхпинэ, оппун-маспын ким булуой, оболорбун туох көрүөй диэн оннук-манньык мэхэй аахта.* Күннүк Уурастырап. 2. Ол-бу, энин араас. Всякий разный. **Оннук-манньык** кэпсээн тарҕаммыт [6, с. 291]. Бу түбэлтэҕэ ыйар солбуйар ааттар ханыылаһан, этиигэ киирэн атын сана чааһын – даҕааһыны үөскэппиттэр.

Онон кинилэри киһи оннукка-манньыкка күтүрүөн табыллыбат (НЯ, 115). Бу түбэлтэҕэ **оннук-манньык** ханыыласпыт тыл аат тыл суолтатыгар туттуллубут.

3. От-мас ханыыласпыт тыл СТБУТ-гар аат, икки суолталаах: 1. Үүнээйи (от уонна мас үүнээйилэр барылара холбуу ылыллыбыта. Растительность, растительный мир; 2. Кыһын сүөһүгэ сизтэр от, уокка оттор мас. Сено и дрова [6, с. 361].

Романна **от-мас** диэн тыл биэстэ туттуллубут: *Айылбаҕа от-мас сиэмэттэн тыллан үүнэр диигин, киһи эмиэ ол курдук үүнэр диэн ааттыыгын* (НЯ, 50); **От-мас** сэбирдэҕэ *сарт кутуругун түүтүн курдук саһара хагдарыйан барбыта* (НЯ, 63); *Саха сирин отун-маһын сэбирдэҕэ мунутуу ситэр* (НЯ, 94); **От-мас** манхайа *кырыарар хаһыга түспүт* (НЯ, 183); *Өйдөөн-дьүүлээн көрүн эрэ, оҕо төрүүрү сиргэ түспүт сиэмэттэн от-мас курдук үөскүүр* (НЯ, 14). Бу түбэлтэҕэ **от-мас** ханыыласпыт тыл аат тыл суолтатыгар туттуллубут.

4. Өйдөө-дьүүлээ. СТБУТ-гар туохтуур: 1. Ким эмэ балаһыанньатыгар киирэн кинини өйдүү сатаа. Постараться понять кого-л., войти в чье-л. положение. 2. Тойонноо, толкуйдаа. Рассуждать, обдумывать [6, с. 392].

Н. Якутскай романыгар: **Өйдөөн-дьүүлээн көрүг** эрэ, оҕо төрүүрү сиргэ түспүт сизмэттэн от-мас курдук үөскүүр (НЯ, 14). Биһиги санаабытыгар, бу түбэлтэбэ Н. Якутскай **өйдөөн-дьүүлээн көр** диэн сомоҕо домох быһыытынан туттубут быһыылаах, онтон СТБУТ-гар оннук сомоҕо домох суох.

5. Өй-төй. СТБУТ-гар: **Өй-төй буолла, өйгүн-төйгүн бул (булун), өй-төй өйдүүр** диэн сомоҕо домох быһыытынан сылдыар [6, с. 400].

Айымньыга: *Тыкаам, өйбүн-төйбүн түмэммин тобула сатыым* (НЯ, 109). Биһиги санаабытыгар, бу түбэлтэбэ **өйбүн-төйбүн буламмын** диэн сомоҕо домоҕу Н. Якутскай уларытан туттубут.

5. Өй-санаа. СТБУТ-гар аат: Толкуй, санаа. Мысль, идея [6, с. 400].

Айымньыга: *Кини баар, чахчы үтүө сүрэхтээх, өйдөөх-санаалаах кини* (НЯ, 161). Бу ханыыласпыт тылы аат быһыытынан сөпкө туттубут.

6. Оҕолон-уруулан. СТБУТ-гар туохтуур: Элбэх оҕото төрөт, элбэх оҕолон. Быть, стать многодетным, заводить детей [6, с. 205].

Айымньыга: *Кини аймах уон аҕыс, сүүрбэ сааһыттан ыла ситэн-хотон ой-ох-эр ылсар, оболонор-урууланар* (НЯ, 15). Бу ханыыласпыт тылы туохтуур быһыытынан сөпкө туттубут.

7. Олох-дьаһах. СТБУТ-гар киирбэккэ хаалбыт, ханыыласпыт тыл саха тылыгар үчүгэйдик чинчийиллэн наардана илигэ мантан көстөр.

Айымньыга: *Дьону, олоҕу-дьаһаҕы бэрт үчүгэйдик билэрэ* (НЯ, 92). Манна айымньы ааптара уус-уран айымньытын байытара көстөр.

8. Өтөрү-батыры. СТБУТ-гар: **өтөрү-батыры көр, өтөрү-батыры кэпсэт, өтөрү-батыры санар (кэпсэт)** диэн сомоҕо домохтор компоненнарын быһыытынан киирбитэ көстөр [6, с. 490].

Айымньыга: *Кэрэ Кэтэриинэ аҕатын сирэйин хатыылаах хараҕынан өтөрү-батыры көрүтэлээтэ* (НЯ, 152); *Кыччык Миитэрэй Огдооччуйаны өтөрү-батыры көрүтэли-көрүтэли ыйыппыта* (НЯ, 186). Бу ханыыласпыт тылы Н. Якутскай сомоҕо домох быһыытынан сөпкө туттубут.

Биһиги маны таһынан литературнай тылга туттуллубат, **суруйааччы тус бэйэтэ туттар** ханыыласпыт тылларын буллубут:

1. **Чоргуйбуттара-нусхайбыттара.** *Түөлбэбэ тобуоруһан, үнкүүлээн, чоргуйбуттара-нусхайбыттара* (НЯ, 95). **Чоргуйбуттара-нусхайбыттара** – ханыыласпыт туохтуур, ыһаахха дьон ыллаабыттара, үнкүүлээбиттэрэ диэн суолталаах.

2. **Успууска-батааска биэрбэккэ.** Бу А.Г. Нелунов «Якутско-русский фразеологический словарь» диэн тылдытын иккис чааһыгар баар: **Үөс-батааска (үөс) биэримэ** диэн сомоҕо домох (фразеологизм) оннугар туттубут, икки суолталаах: 1) Заставлять делать что-л., не дав опомниться; 2) не давать спуску кому-л. [4, с. 291]. Айымньыга: *Успууска-батааска биэрбэккэ эргэ биэрэн кэбиһиэ этибит* (НЯ, 185).

3. **От-бурдук** диэн ханыыласпыт тыл иккитэ көстөр. *От-бурдук хомуура бүттэбинэ кулуба уола кэлэр үһү* (НЯ, 140); *От-бурдук хомуурун үлэтэ үмүрүйэр* (НЯ, 141). От үлэтэ уонна бурдук быһыыта бүттэбинэ диэн суолтаҕа туттуллубуттар. Сэттис туомна суох, ол аата литературнай тылга киирбэт эбит.

4. **Оонньуу-күлүү курдук аҕыйах тылынан кэпсэтэн барар** (НЯ, 196). Маннык ханыыласпыт тыл СТБУТ-гар эмиэ суох.

5. Ыһаахха аатырар үнкүү тылын этээччилэрин, **олонхоһуттары-ырыаһыттары** ыңыртыйар (НЯ, 94). Тылдыт матырыяалыттан көрдөххө, бу икки тус-туһу-

нан тыллар, саха тылыгар ханыыласпыт тылы үөскэппэттэр эбит, оччобуна кинилэр дэпийһинэн буолбакка, соппутуойунан арахсыахтаахтар.

6. *Киһи аймах уон аҕыс, сүүрбэ сааһыттан ыла ситэн-хотон ойох-эр ылсар, оҕолонон-урууланар* (НЯ, 15). СБТУТ-ын сэттис туомугар **ойох** диэн тыл баар: Эр киһи кэргэнэ (сокуонунан бииргэ олорор дьахтара). Жена, супруга [6, с. 238]. **Ойох-эр** диэн ханыыласпыт тыл суох. Биһиги санаабытыгар, бу саха тылыгар киэнник туттуллар **эр-ойох** диэн ханыыласпыт тылы Н. Якутскай уларытан туттубут.

Түмүк. Николай Якутскай «Аран уонна таптал» романыгар ханыыласпыт тыллары туттуутун Саха тылын улахан быһаарыылаах тылдытын сэттис туомун ыстатыйаларынан тэннээн ырытан көрөн баран, маннык түмүккэ кэллибит:

Николай Якутскай «Аран уонна таптал» романыгар Саха тылын улахан быһаарыылаах тылдытын сэттис туомугар киирбит 8 ханыыласпыт тылы туттубут. Ол иһигэр:

– **ол-бу** ханыыласпыт тыл сомоҕо домоххо компонент быһыытынан уонна тыл халбаннаабат холбоһугар (устойчивый словесный комплекс) киирэ сылдыарын көрдөрөр;

– **ол-бу, оннук-маннык** ханыыласпыт тыллар аат быһыытынан эмиэ туттуллуларын таба булан туттар;

– **өйбүн-төйбүн буламмын** диэн сомоҕо домоҕу Н. Якутскай **өйбүн-төйбүн түмэммин** диэн уларытан туттубут;

– Н. Якутскай **өйдөөн-дьүүллээн көр** диэн сомоҕо домох быһыытынан туттубут быһыылаах, онтон СБТУТ-гар оннук сомоҕо домох суох;

– **олох-дьаһах** ханыыласпыт тыл СБТУТ-гар киирбэккэ хаалбыт, ханыыласпыт тыл саха тылыгар үчүгэйдик чинчийиллэн наардана илигэ мантан көстөр.

2. Николай Якутскай айымньытыгар литературнай тылга киирбэт, **суруйааччы тус бэйэтэ туттар** ханыыласпыт тылларын буллубут. Олор истэригэр:

– Н. Якутскай айымньытыгар **үөс-батааска (үөс) биэрбэккэ** диэн сомоҕо домох оннугар **уснууска-батааска биэрбэккэ** диэн бэйэтэ айбыт;

– биһиги санаабытыгар, **оонньуу-күлүү курдук** диэн сомоҕо домох компонентин Н. Якутскай ханыыласпыт тылы туттубута сөптөөх;

– **олонхоһуттар-ырыаһыттар** – бу икки тус-туһунан тыллар, саха тылыгар ханыыласпыт тылы үөскэппэттэр эбит, оччобуна кинилэр дэпийһинэн буолбакка, соппутуойунан арахсыахтаахтар;

– биһиги санаабытыгар, бу саха тылыгар киэнник туттуллар **эр-ойох** диэн ханыыласпыт тылы Н. Якутскай **ойох-эр** диэн уларытан туттубут.

Бу үлэбит түмүгэр биһиги СБТУТ-а саха тылын баайын, араас дэгэтин, толбонун быһаарар сүдү суолталаах үлэ буоларын итэҕэйдик. Оскуолаҕа тылы үөрэтиигэ СБТУТ киэнник туһаныы эрэйиллэр эбит.

Литература

1. *Афанасьев П.С.* Современный якутский язык. Лексикология. – Якутск, 1996. – 192 с.
2. *Дьячковский Ф.Н.* Структурно-семантическая характеристика парных слов в якутском языке // Саха тыла: устуоруйата, сайдыыта, туттулуута. – Дьокуускай, 2008. – С. 113-115.
3. Краткий толковый словарь якутского языка /сост. П.С. Афанасьев. – Якутск: Бичик, 2008. – 680 с.

4. *Нелунов А.Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. Ч. II (Л-Э). – Новосибирск, 2002. – 419 с.
5. *Охлопкова Н.В.* Парные слова в поэтических произведениях П. А. Ойунского // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 74-1. – С. 379-383.
6. Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта = Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 7 (НЬ, О, Ө, П) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 672 с.
7. *Убрятова Е.И.* Парные слова в якутском языке // Язык и мышление: Сборник научных трудов. – М.; Л., 1948. – Вып. 11. – С. 297-328.
8. *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. – Якутск: Гос. Издат. ЯАССР, 1947. – 306 с.
9. Якутско-русский словарь / Под ред. П.А.Слепцова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1972. – 608с.

Научное издание

С.А. НОВГОРОДОВ
И ПРОБЛЕМЫ ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ РОССИИ

*Материалы Всероссийской научной конференции,
посвященной 125-летию со дня рождения
первого якутского ученого-лингвиста С.А. Новгородова.*

Публикуется в авторской редакции

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1
Тел: +7 (411) 236-14-49
Официальный портал: www.igi.ysn.ru

Уч.-изд.л. 20,3.
Подписано к печати 18.08.2017.